

ПОЛ АНДЕРСОН

СТРАННИК

ПОЛ

АНДЕРСОН

СТРАННИК

0

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

**АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ
ФАНТАСТИКА**

XX века

Пол АНДЕРСОН
Кеннет БАЛМЕР
Джеймс БЛИШ
Джеймс БАЛЛАРД
Джон БРАННЕР
Мэрион Зиммер БРЭДЛИ
Альфред ВАН ВОГТ
Стенли ВЕЙНБАУМ
Джин ВУЛФ
Джек ВЭНС
Гордон ДИКСОН
Абрахам МЕРРИТ
Ларри НАЙВЕН
Андрэ НОРТОН
Брайан ОЛДИСС
Эдгар ПАНГБОРН
Фредерик ПОЛ
Джерри ПУРНЕЛЛЬ
Джоанна РАСС
Фред САБЕРХАГЕН
Роберт СИЛЬВЕРБЕРГ
Джек УИЛЬЯМСОН
Филипп Хосе ФАРМЕР
Фрэнк ХЕРБЕРТ
Пирс ЭНТОНИ

Poul ANDERSON

The Peregrine
The Winter of the World

«Amber, Ltd»
«Sigma-press»
1995

Пол АНДЕРСОН

Собрание сочинений

Странник Зима Мира

«Амбер, Лтд». Ангарск
«Сигма-пресс». Москва
1995

ББК 84.7 США
А 65

Перевод с английского
М. Шамрая,
Д. и Я. Савельевых
Издания Пола Андерсона выходят под общей
редакцией Вл. Гакова

Печатается с разрешения автора и его литературного
агента.

Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом
без разрешения — запрещена. Всякое коммерческое использо-
вание данного издания возможно исключительно с
ведома издателя.

Андерсон Пол. Вып. 11

А 34 Странник. Странник: Роман. Зима Мира: Роман.
Пер. с англ.— Ангарск: Амбер, Лтд, М.: Сигма-пресс,
1995.— 448 с.

А 4703010100—14 без объявл.
И 22(03)-94

ISBN 5—88358—057—2

THE PEREGRINE (THE STAR WAYS)

© By Poul Anderson, 1978 (1956)

THE WINTER OF THE WORLD

© By Poul Anderson, 1976

© Издательство «Амбер, Лтд», составление, 1995

© Издательство «Сигма-пресс», оформление, 1995

СТРАННИК

Первоначально этот роман назывался «Звездные пути». Я изменил название, чтобы не так походил на «Звездные войны». Это в общем-то может показаться смешным, потому что книга была написана более двадцати лет назад. А может быть, новое название и в самом деле лучше.

Это был мой третий «полномасштабный роман» вслед за фэнтези «Сломанный меч» и книгой для детей «Возрастной порог». Однако он увидел свет лишь через три с лишним года после того, как был написан; издатель, который принял рукопись, подозрительно долго мариновал ее в столе (Джон Кемпбелл как-то назвал магию палкой о двух концах и заметил, что не стоит накладывать на других заклятия, которые могут повредить самому, так вот, он сказал об этом издателе: «Чтоб у него совесть появилась!»). В конце концов мой агент отозвал рукопись и пристроил ее в другое издательство. В другом издательстве рукопись была причесана, втиснута в положенное число страниц, редактор сменил имя героя, потому что (мне так кажется) оно слишком походило на русское, вырезал несколько слегка эротических эпизодов и дал каждой главе идиотское название. Мне никто и слова об этом не сказал, точно так же, как не дали возможности восстановить оригинал в массовом «пейпербэковом» издании. В те дни научные фантасты находились на самых нижних ступенях литературной лестницы, а вокруг них так и рыскали кровожадные псы.

С тех времен очень многое изменилось к лучшему, и я безмерно благодарен редактору Джиму Баену, который переиздает мои старые работы и дает мне возможность в них кое-что поправить. Правда, в данном случае исправить почти ничего не удалось, потому что моя оригинальная рукопись давным-давно утеряна; к счастью, это оказалось не так уж страшно, потому что книга все еще весьма читабельна. Эта книга — часть моей «истории будущего», на которую я с тех пор махнул рукой; впрочем, она хороша и сама по себе. Я надеюсь, что вам она понравится.

Пол Андерсон

Глава 1

В неведомых далях космоса есть планета, называемая Рандеву.

Немного найдется планет, что так же радуют взор человеческий. Утомленные корабли, прощаясь с космическим одиночеством, выплывают навстречу желтой звезде, сияющей на фоне огромных холодных созвездий. Корабли совсем близко, и уже видна планета, сапфировый щит с облачной каймой, с узорами дождя, ветра и горных туманов. Корабли огибают планету, лавируют меж лунами, выходя на орбиты, и недалек тот миг, когда на планету опустится с небес сначала одна, за ней — множество шлюпок.

А потом планета ненадолго оживет благодаря шуму и движению человеческой жизни.

Она похожа на Землю, Землю тех далеких эпох, когда ледники еще не двинулись на юг. Точно так же простираются вдаль до самого горизонта широкие зеленые равнины. Вдалеке виднеется полоска гор, в другую сторону — полоска моря. И огромное небо, вздымающееся над миром невообразимой синевой.

Но все кругом иное. Тут растет лес — но не сосновый, не дубовый, не ясеневые рощи и не пальмовые заросли, не баобабы и не секвойи — тут растут чужие деревья, и чужой ветер по-чужому шуршит в листве. Плоды этих деревьев сладкие и душистые, но с незнакомым привкусом. Здесь летают странные птицы, и у лесных зверей шесть ног, а шкура отливает зеленью. А когда темнеет, в небе зажигаются незнакомые созвездия и восходят четыре луны.

Нет, это не Земля. И понимание этого — как жажда, оно съедает тебя изнутри и заставляет двигаться дальше.

Впрочем, ты никогда и не видел Землю, а эта жажда давно уже стала частью тебя, настолько неотделимой, что ты не найдешь себе дома и здесь. Ведь ты — номад.

И только ты знаешь, как найти эту тихую планету. Для всех остальных Рандеву все еще лежит за границами извещенного.

Глава 2

На шлюпке уже никого не осталось. Экипаж веселой толпой ушел в долину* ставить лагерь, встречаться с остальными экипажами, веселиться, задиаться, обсуждать серьезные дела. Когда Странник Йоахим Генри вошел в шлюз, его шаги эхом отдавались в опустевших металлических стенах. Шлюпка стояла рядом со своими собратьями с других кораблей в самом конце долины Номадов, сорокаметровая стальная колонна, подчеркнуто функциональная и аскетичная. Километрах в двух от шлюпок, как грибы, выросли палатки временного лагеря. В другое время Йоахим ушел бы туда вместе с экипажем отдыхать и веселиться. Но он был капитан, и его ждал Совет Капитанов. Это собрание не стоит пропускать, подумал он. Слишком важную новость он должен сообщить.

Капитан вошел в гравитационный лифт, шагнул в верхний луч**, и поплыл на верхнюю палубу кубрика, где находилась его каюта. Прошел в угол каюты, отпер сундук. Надо бы побриться, подумал Йоахим и быстро натер щеки депилятором***.

Обычно он не обращал внимания на регалии. Как все номады, капитан носил любую одежду, какая ему нравилась, а то мог отправиться в путь и нагишом. При спуске на поверхность планеты ему не требовалось носить форму, но сегодня парадная форма все-таки полагалась.

— Жить не можем без церемоний,— проворчал он, покосившись на отражение в зеркале.

* Swarmed off to pitch their booths.

** Upward beam.

*** Или депилятор?

Из зеркала на него смотрел коренастый мужчина среднего роста, смуглый, седеющий, с раскосыми серыми глазами, а в уголках глаз — морщинки. Лицо грубое и обветренное, прорезанное глубокими складками, но еще не старое. Капитану было шестьдесят пять, почти средний возраст, но в нем все еще чувствовалась жизненная сила.

Кильт из красно-черно-зеленого тартана Странников жал в талии. Черт, неужели сел? Нет, подумал капитан, кажется, это я раздался. Ненамного, но Джере, расширяя кильт, не преминула бы подшутить.

Джере. Уже пятнадцать лет, как она отправилась в Дальний Путь. Дети давно уже выросли, обзавелись семьями. Да ладно... капитан продолжал одеваться.

Поверх тонкой рубашки легла искусно вышитая куртка с эмблемами Йоахима. На рукаве были нашиты его звание — капитан, и род службы — астронавигация. Сандалии с ремешками вокруг ног, пистолет на пояс и берет с помпоном на коротко стриженную голову. Как велит традиция, — а традиции положено соблюдать — он надел массивное золотое ожерелье с алмазными подвесками. Запахнул пурпурно-красный плащ и натянул перчатки.

Йоахим вышел из каюты; снова лифт, шлюз, и он еще раз спустился по откидному трапу. В долину вела полузаросшая тропинка, Йоахим зашагал вниз, вразвалочку, немного по-медвежьи. Небо над головой было неимоверно синим; солнце сияло над раскинувшейся зеленой равниной; ветер доносил издали хрустальный смех птицы-колокольчика*. Да, человек создан не для того, чтобы мотаться в стальных коробках от звезды к звезде, думал капитан. Ничего удивительного, что многие не могут жить жизнью номадов. Как звали эту девушку... девушку с Нертуса, девушку Шона?

— Салют, Хэл**, — раздалось у него за спиной.

Капитан обернулся.

— А-а, это ты, Лори. Давно не виделись.

Бродяга Мак-Тиг Лори в форме всех цветов радуги догнал его и зашагал рядом, стараясь попасть в ногу.

— Только вчера прилетели, — пояснил он, — наверное, мы последние. Мы принесли сообщения от «Путника» и «Пилигрима», в этом году они не прилетят. По-моему,

* Bellbird.

** Уменьшительное от Генри.

теперь все корабли учтены. Все равно Путешественник Торкильд назначил Совет на сегодня.

— Должно быть, да. Мы связались со «Скитальцем» у Канопуса, они тоже не прилетят. У них там что-то наклеивается, кажется, новая планета с возможностью для торговли, поэтому они хотят успеть первыми.

Мак-Тиг присвистнул.

— Далековато они забрались. А тебя как туда занесло?

— Просто так заглянул,— невинно ответил Йоахим.— Канопус — все еще свободная территория, и ни один корабль пока не претендует на нее.

— Но зачем уходить в Прыжок, если на твоей собственной территории полно возможностей для торговли?

— А твой экипаж думает так же?

— Н-ну, большинство. Конечно, и у нас есть такие, что вопят о «новых горизонтах»... но пока большинство с ними не согласно. Однако — хм-м...— Мак-Тиг прищурился.— Если ты принимаешься к Канопусу, Хэл, значит, там пахнет деньгами.

Гильдия Капитанов* стояла на краю обрыва. Ее построили более двухсот лет назад, когда номады открыли Рандеву и выбрали ее местом для ежегодных встреч. Пронеслось целых две сотни лет, две сотни лет дождей, ветра и жаркого солнца, а Гильдия все еще стояла. И может быть, будет стоять даже после того, как последний номад уйдет во тьму.

Человек — ничтожное и торопливое создание; его космические корабли залетают на многие световые годы вдаль, под небесами тысяч миров роятся его машины, и питает их лихорадочная энергия подгоняемого смертью человека... а древняя тьма все равно простирается дальше, чем люди в силах представить.

У дверей собирались другие капитаны, водоворот красок, шум голосов. На этой встрече их было не больше тридцати. Четыре корабля сообщили, что не смогут прибыть, и были еще пропавшие без вести. Все капитаны выглядели уже зрелыми, немолодыми людьми, а некоторые уже совсем состарились.

* Жалкое подобие Captain's Hall. Предложения принимаются.

Каждый корабль номадов был кланом, экзогамной группой, происходящей от общего предка. На каждом корабле было в среднем полторы тысячи человек всех возрастов. Женщины уходили на корабль мужа. Звание капитана было наследственным, нового капитана выбирали из мужчин капитанской семьи. Впрочем, семейства переходили с корабля на корабль. На «Путешественнике» первом, с которого и началась вся культура номадов, было всего шестнадцать семейств, и прием новых семейств ненамного увеличил эту цифру. Время от времени, когда на кораблях становилось чересчур много людей, молодежь собиралась вместе и строила новый корабль. Им помогали все номады. Так расширялся флот. Но председателем Совета Капитанов всегда оставался капитан «Путешественника», уже третьего корабля с этим именем, третьего за три сотни лет, прошедших с начала этого бесконечного странствия. И он всегда был Торкильд.

«Гуляка», «Джипси», «Вояжер», «Бедуин», «Оборванец», «Следопыт», «Исследователь», «Трубадур», «Тихоход», «Эмигрант»... Интересно, подумал Йоахим, глядя на входящих в Гильдию Капитанов, как назовут следующий корабль? Традиция допускала только слова, взятые из человеческих языков. Йоахим вошел в зал последним. Помещение было большим, просторным, колонны и панели стен старательно украшены затейливой резьбой, коврами и блестящими металлическими рельефами. Что бы ни говорили про номадов, отрицать, что они плохие мастера, не мог никто.

Йоахим уселся в свое кресло, закинул ногу на ногу и порывлся в поисках трубки. Пока он раскуривал ее, окутавшись голубоватым облачком, Путешественник Торкильд Хельмут объявил Совет открытым. Торкильд, высокий, седой мужчина с суровым лицом, выпрямился в своем резном кресле мореного дерева:

— Во имя космоса, встретимся...— начал он торжественно.

Йоахим не стал прислушиваться к церемонным формулам.

— Все корабли, кроме пяти, присутствуют или учтены,— завершил Торкильд,— и я объявляю наш Совет открытым, чтобы определить нашу политику, обсудить новые факты и приготовить наши предложения к голосованию. Есть ли у вас дела, требующие совета?

Дел, конечно, хватало, важных, не очень, но ни одного безотлагательного. «Цыган» просил признать за ним территорию в пятьдесят световых лет вокруг Тоссы — теперь другие корабли номадов не смогут ни торговать, ни строить, ни вообще действовать в этом районе без разрешения владельца. Просьба была подкреплена тем, что «Цыган» выполнил львиную долю изыскательских работ в этом районе. После небольшого обсуждения это было разрешено. «Искатель приключений» сообщил, что шан Барджаз-Кауи, что на Давениго, еще известной, как Этталума IV, обложил торговцев новым налогом. На планете, о которой уже знала Служба Координации, номады не могут свергнуть шана силой, однако существует возможность отстранить его от власти мирным путем и возвести на престол более сговорчивого принца. Есть ли среди кораблей заинтересованные? Да, «Бедуин» может заинтересоваться этим делом. Детали капитаны обсудят позднее.

У «Непоседы» были более серьезные неприятности с корди. Похоже, корабль торговал оружием с расой, еще не готовой к таким технологиям, и Служба Координации проинформировала об этом. Какое-то время всем номадам придется быть внимательнее.

«Легконогий» отправлялся к Спике за солярианскими товарами и хотел знать, не войдет ли кто-нибудь с ним в долю. Товары, доставляемые пряником оттуда, дорого стоили.

Совет шел своим чередом — предложения, обсуждения, споры, доклады и наконец окончательные решения. Йоахим зевнул, поскреб подбородок... Подошла и его очередь, и он поднял вверх палец.

— Капитан Странник Йоахим, — кивнул ему Торкильд. — Вы будете говорить от имени своего корабля?

— От своего, — ответил Йоахим, — но мой корабль поддержит меня в этом. Я хочу сделать сообщение.

— Мы слушаем.

Все, сидевшие за длинным столом Совета, посмотрели на Йоахима. Йоахим снова начал набивать трубку.

— Несколько лет назад я заинтересовался одним странным предметом. Я думал, собирал информацию, держал уши на макушке... Можно даже сказать, что я действовал, как корди, расследующий преступление. Да, совершено преступление, или идет война. Тихая, но продуманная война.

Он сделал рассчитанную паузу, раскуривая трубку.

— За последние десять лет мы потеряли пять кораблей. Ни один из них так и не успел сообщить, что случилось. Что это может означать? Один или два раза это могла быть чистая случайность, но все вы знаете, как осторожно мы движемся в неисследованных районах. Потерять пять кораблей — это слишком. Особенно когда все они пропали в одном и том же районе.

— Подождите-ка, капитан Странник, — перебил Торкильд. — Это не совсем так. Корабли пропадали в направлении Стрельца, а это огромное пространство. Их курсы находились во многих парсеках друг от друга.

— Ну-у... Может быть, и так. Но территория, на которой пропали наши корабли, все же меньше, чем территория Союза.

— Не хотите ли вы сказать... Нет, это смешно. Множество кораблей пересекало этот район без всякого вреда, и судя по их сообщениям, этот район совершенно нецивилизован. Те несколько планет, которые исследовали мы, оказались очень отсталыми. Ни на одной из них не было даже примитивной механической культуры.

— Да-да, — Йоахим кивнул. — Разве это не странно? В таком большом куске пространства должна быть как минимум одна раса, которая в своем развитии дошла хотя бы до паровых машин.

— Что ж, мы исследовали... эээ... — Торкильд задумчиво погладил бороду.

Вместо него заговорил Цыган Ортега Педро, отличавшийся фотографической памятью.

— Эти корабли исчезли в пространстве объемом... скажем, от двадцати до тридцати миллионов кубических световых лет. В этом объеме находится около четырех миллионов звезд, и практически каждая из них должна обладать планетами. Именно потому, что этот район отсталый, он считается таким малообещающим, и туда отправляется очень немного кораблей. Насколько я знаю, в этом районе номады останавливались менее, чем у тысячи звезд. Вы в самом деле считаете это достаточной выборкой, Йоахим?

— Нет, я просто считаю это небольшим... знаком, если так можно сказать. Еще раз повторяю, я отказываюсь верить, что пять кораблей за десять лет могут пропасть из-за

неизвестных болезней, нападения аборигенов, вихревых возмущений и тому подобного. Капитаны этих кораблей были не настолько глупы. Я говорил с номадами, которые побывали там, я говорил с другими — с изыскателями, с торговцами, с разведчиками, ищущими подходящие для колонизации планеты, с кем угодно. Или с чем угодно, потому что я связывался и с Другими, — он имел в виду космонавтов-негуманоидов, — которые пролетали через этот район или останавливались там. — Я даже уговорил отдел корди на Нертусе, и они позволили мне заглянуть в архивы Галактической Службы Изысканий. Космос слишком велик для нас. Даже тот маленький кусочек, который освоили люди, больше, чем можно себе представить — а ведь мы проводим в пространстве всю жизнь. Мы в тридцати тысячах световых лет от центра Галактики. А во всей Галактике несколько сот миллиардов звезд! Люди никогда не смогут конкретно мыслить в таких масштабах. Это просто невозможно. Вот почему множество информации разбросано кругом в виде изолированных фактов, и никто не связывает их между собой, и никто не видит, что они означают. Даже Служба Координации не делает этого — у них хватает забот с Союзом и без пограничных и неисследованных районов. Когда я начал свое расследование, то оказалось, что я первый, кто задумался над этими фактами.

— И что вы выяснили? — негромко спросил Торкильд.

— Не очень много, но и это уже о чем-то говорит. В этом районе пропадали также и корабли Других. А вот у Службы Координации и Галактических Изысканий никаких проблем не было. Если бы что-то случилось с одним из их кораблей, они бы отправили туда корабли-шпионы на такой скорости, что увидели бы свой собственный затылок*. Вы понимаете, что это значит? Кое-кто знает о нашей цивилизации довольно много — достаточно, чтобы сообразить, кого можно безнаказанно придавить. Далее. Там существует огромное число 3-планет, — как и ожидалось, но очень немного планет с разумной жизнью — что неожиданно. А эти планеты... Там по меньшей мере дюжина планет, точь-в-точь похожих на

* ...so fast they'd meet themselves coming back. Ерунда какая-то.

Рандеву, прекрасных зеленых миров, на которых не встретишь ни дорог, ни домов.

— Может быть, они такие же робкие, как и жители Рандеву? — предположил Бродяга Мак-Тиг. — Мы узнали, что здесь есть местные жители, только пятьдесят лет спустя после высадки. Подобный случай произошел и на Нертусе, если вы помните.

— У нертусиан необычная культура, — задумчиво заметил Цыган Ортега. — Нет, вероятнее всего, те миры, о которых вы говорите, в самом деле необитаемы.

— Вот именно, — кивнул Йоахим. — Но это еще не все. Там есть несколько З-планет с тем, что мы считаем нормальной культурой. Дома, посевы и так далее. Во всех случаях контакт проходил без всяких затруднений, и в общем аборигены, кажется, уже были знакомы с видом космических кораблей. Но когда я сверил сообщения, то выяснил — ни одну из этих планет до того не посещал ни один корабль нашей цивилизации.

— Постойте, — начал Торкильд, — уж не хотите ли вы сказать...

— Я еще не окончил, — не дал ему продолжить Йоахим. — К несчастью, в районе... в районе Икс было лишь несколько экспедиций, уделявших должное внимание науке, поэтому я не смог получить достаточно точных описаний местной флоры и фауны. Однако те, с кем я говорил, были удивлены сходством растений и деревьев на нескольких предположительно необитаемых планетах. Здесь я нашел полезную информацию в Галактической Службе Изысканий. Они обнаружили нечто большее, чем сходство — они обнаружили полную идентичность доброй дюжины растений на шести необитаемых мирах. Попробуйте-ка объяснить это!

— А как это объяснила Служба Изысканий? — спросил Легконогий Когама.

— Никак. У них слишком много дел. В робофайле была указана* высокая вероятность того, что это сходство — результат пересадки, может быть, случайной, сделанной тиунранской экспедицией.

— Тиунра? Что-то я не слышал...

* The robotfile has integrated... — вероятно, какой-то «гипертекстовый» способ обработки информации.

— В этом нет ничего странного. Это жители М-планеты на той стороне Веги. Странная культура — они овладели космическими путешествиями за добрых пятьсот лет до того, как человек покинул Сол, но никогда не задумывались о колонизации. Даже сейчас, кажется, они не имеют с Союзом почти никаких дел. Им это просто неинтересно. Так или иначе, я связался и с той планетой. Отправил сообщение с Нертуса года два назад. Я интересовался их изыскательскими сообщениями о районе X. Что они там обнаружили? И чем они там занимались? Ответ пришел шесть месяцев назад, когда мы снова остановились на Нертусе. Очень вежливое письмо, даже на человеческом бейсике. Да, их корабли проходили через район X около четырехсот лет назад. Они не заметили никаких странностей, о которых я говорил, и не занимались никакой пересадкой растений ни случайно, ни намеренно. И они потеряли там четыре корабля. Ну вот и все,— Йоахим откинулся в кресле, вытянув под столом ноги, и выпустил в воздух несколько дымных колечек.— Вот и все, друзья. Сами решайте, как нам поступить.

Наступила тишина. Ветер дул в открытые двери зала, шевелил гобеленами на стенах. Легонькая металлическая плакетка зазвенела, как крошечный гонг. Первым, словно прилагая большое усилие, заговорил Ортега.

— А как поступили тиунране? Они предприняли что-нибудь насчет этих пропавших кораблей?

— Нет, они просто оставили этот район.

— И они не сообщили об этом Службе Координации.

— Насколько я знаю, нет. С другой стороны, Координация даже не спрашивала у них.

Торкильд помрачнел.

— Это серьезная проблема...

— Это слишком слабо сказано,— проворчал Йоахим.

— Но ведь вы не представили никаких решающих доказательств.

— Может быть, и нет. Но этой проблемой следует заняться.

— Ну что же, хорошо. Давайте примем вашу догадку. Район X, возможно, весь Большой Крест, находится под властью скрытной и враждебной цивилизации, технологически равной нашей, а может быть, и превосходящей. Однако я до сих пор не могу представить, как можно

скрыть высокий уровень развития технологии. Взять, к примеру, нейтринное излучение крупного ядерного реактора. С помощью простого нейтринного детектора можно за много световых лет найти планету, на которой используют ядерную энергию. Хотя, может быть, у них есть какой-то защитный экран...— Торкильд побарабанил по столу худыми пальцами.— Итак, мы им не нравимся, и они устроили нам небольшую диверсию. О чем это говорит?

— Завоевание? Может быть, они собираются захватить Союз? — предположил Мак-Тиг.

— Может быть, они просто хотят, чтобы их оставили в покое, — покачал головой Следопыт Петров.

— И чего они смогут добиться войной? — возразил Ортега.

— Я не стану гадать об их мотивах, — ответил Йоахим. — Эти существа не люди, и нам лучше всего считать, что они враждебны нам.

— Ну хорошо, — не выдержал Торкильд. — Ты больше всех нас думал над этим. К какому выводу пришел ты?

— Посмотрите на карту, — мягко ответил Йоахим. — Союз, как культурное и наполовину политическое образование, расширяется в глубь Галактики, по направлению к ее центру, к Стрельцу. Империя Х лежит прямо на пути у Союза. Пусть у нее самые мирные намерения, тем не менее они могут считать, что пора принимать ответные меры. А где находимся мы? На границе Союза в районе Стрельца, и движемся дальше, в неисследованные области. Прямо между Союзом и Икс. Координационная Служба Союза недолюбливает номадов, а Икс уже показал, как они к нам относятся. Конечно, мы варвары — и мы оказались прямо между жерновами!

Еще одна пауза. Они могли смотреть в лицо смерти, но мысль об уничтожении всего их народа была ошеломляющей. Вся история номадов была непрерывным бегством от культурной ассимиляции.

Тридцать с небольшим кораблей, чуть больше пятидесяти тысяч человек — что они могли предпринять?

Йоахим ответил на этот немой вопль скупой, неторопливо.

— Я немного размышлял над этим, друзья. Первое условие любой операции — разведка. Ведь мы даже не знаем, действительно ли Икс — наши недруги. И вот что вам предлагается. Пока давайте не будем поднимать шума. Конечно, ни один наш корабль не будет входить в район Большого Креста, но в остальном жизнь должна идти своим чередом. Но мой «Странник» станет кораблем-разведчиком, и мы выследим это неизвестное.

— Что? — заморгал Торкильд.

— Да-да. Вначале я, конечно, скажу своему экипажу, что это обычное изыскательское предприятие. Корабль будет рыскать в этом районе, как обычно, а я буду направлять его туда, куда сочту необходимым. Если надо, мы сможем сражаться, а когда включится гипердрайв, нас будет невозможно ни выследить, ни обстрелять.

— Ну что ж, это... это... очень хорошо, — протянул Торкильд.

— Конечно, — усмехнулся Странник, — у нас должны быть развязаны руки. Мне понадобится оформленное по всем правилам решение Совета, разрешающее мне и моему экипажу нарушать, изменять или даже преступать любой закон номадов, Союза, чей угодно, если такое потребуется.

— Ээээ... я вижу, к чему он клонит, — заметил Мак-Тиг.

— И кроме того, — не обращая внимания, продолжал Йоахим, — «Странник» будет действовать в малоразвитом районе (или на враждебной территории) и у нас не будет никакой возможности получить честную прибыль. Поэтому я прошу... скажем, двадцать процентов от всех прибылей номадов, полученных между этим и следующим рандеву.

— Двадцать процентов! — задохнулся Ортега.

— И не меньше. Мы-то рискуем всем нашим кораблем, а?

Глава 3

Странник Торкильд Шон все еще не мог забыть той Сдевушки, что осталась на Нертусе. Она ушла в город, в Стелламонт, и не вернулась. Не дождавшись, он вскочил

на флайер и отправился к дому ее отца, в тысяче двухстах километрах. Тщетно — она просто не смогла вынести жизни номадов.

Два года — долгий срок, и воспоминания меркнут. Нертус остался далеко позади, а сейчас Торкильд Шон шел по лагерю номадов на планете Рандеву.

В долину спустилась тьма. Не тихие сумерки Нертуса, планеты, так похожей на Землю, а живая, сияющая ночь Рандеву. Пламя костров взлетало высоко в воздух. В лагере начиналось столпотворение: с торговлей было покончено, Совет Капитанов завершился, и экипажи приняли его решения — теперь рандеву достигло своей высшей точки, праздника Единения. Незамужних девушек к этой трехдневной сатурналии не допускали (номады очень строго следили за своими женщинами), но все остальные с радостью унесут к звездам яркую память об этих днях.

Кроме меня, подумал Шон.

Он прошел мимо костра, дрожащий свет озарил его фигуру. Высокий, стройный юноша, светлокожий, голубоглазый, с каштановыми волосами, изящное и подвижное лицо, движения резкие, размашистые.

Кто-то окликнул его, но Шон даже не обернулся. Не сегодня, только не сегодня. Лагерь остался позади. Юноша отыскал тропинку, круто поднимавшуюся вверх по склону и зашагал по ней, уходя в ночь Рандеву.

Нет, это не Земля и не Нертус. Планета, не похожая ни на одну другую. Он мог идти спокойно, не опасаясь ни нападения, ни ядовитого укуса, ни микробов, и все же... нигде еще Шон не чувствовал себя таким чужаком.

Взошли три луны. Одна, далекий круг, светящийся холодной серебряной монетой на черном бархате, вторая, сияющий янтарный полумесяц, третья, почти полная и так быстро скользящая меж звезд, что это было заметно глазу. Шон отбрасывал на высокую, шуршащую под ветром траву сразу три тени, а одна из теней еще и двигалась сама по себе. Луны светили так ярко, что тени были не черными, а темно-синими, на фоне посеребренной лунами земли.

Над головой светили звезды, созвездия, которых не увидишь на родине человечества. Млечный Путь так же тянулся через небо мостом света, знакомым холодным сиянием лучились Спика и Канопус, но остальные звезды были незнакомы.

Холмы впереди переливались лунным светом. По одну сторону тропы поднялся лес, высокие деревья, покрытые перышками-листьями. С ветвей свисали спелые душистые ягоды. По другую сторону тянулись кусты, мелкий подлесок. То тут, то там мелькали шестиногие звери Рандеву. Они не боялись его, словно знали, что он не собирается стрелять в них.

Над землей плясали огоньки. Светящиеся насекомые с прозрачными крыльями вились над мягко фосфоресцирующими цветами. Шон открылся навстречу ночи, и память о жене отступила, утонула в этом потоке, уступив место ровному огню волнения.

Она стояла там, где они и условились. Прислонившись к дереву, смотрела, как он торопится навстречу. Шаги Шона становились все быстрее, и наконец он бросился бежать.

Номады искали 3-планету, планету земного типа. Планету, расположенную вдали от регулярных космических трасс, место встреч, на которое вряд ли наткнутся другие. За пределы района, выбранного для лагеря, они почти не выглядывали; все равно для них было шоком, когда пятьдесят лет спустя выяснилось, что на Рандеву все-таки есть местные жители. Дело было не в законах Союза, просто аборигены могли доставить неприятности.

Однако местные обитатели оказались очень славным народом, удивительно похожим на людей, и с совершенно непохожей на человеческую культурой. Они первыми пошли на контакт, быстро научились диалекту номадов и оказались очень любознательными. Однако о себе рассказывали мало, да и номады особенно не интересовались ими, как только выяснилось, что этим существам нечем торговать.

Местные жители великодушно подарили номадам тот район, который они уже заняли, с единственным условием, чтобы аборигенам никто не причинял вреда. Это условие было охотно принято и объявлено законом. С тех пор на встречах номадов изредка появлялся кто-нибудь из местных, чтобы немного поглазеть и снова исчезнуть. И больше ничего — на протяжении добрых полутора столетий.

Слепые, подумал Шон. Мы слепые и всегда были слепыми. Было время, когда люди считали себя единствен-

ными разумными существами во вселенной — и с тех пор мы почти не изменились.

Эта мысль ускользнула, уступив место изумлению. Перед ним стояло настоящее чудо. Шон замер, стук сердца грохотом отдавался в ушах.

— Илалоа...

Она молча глядела на него. У Шона перехватило дыхание.

Если бы не ошеломляющая, нечеловеческая красота, ее можно было бы принять за человека. Лоринианцы и были тем, чем мог бы стать человек через миллион лет эволюции. Стройные, мраморно-белые фигуры, движения, полные текучей грации, мягкие шелковые волосы цвета вороненого серебра, ниспадающие на плечи. Впервые он увидел Илалоа, когда «Странник» только прилетел на Рандеву и он ушел в холмы, чтобы побродить одному.

— Я пришел, Илалоа,— повторил он, ощущая неуклюжесть собственных слов. Она молчала, Шон вздохнул и уселся наземь у ее ног.

Говорить с ней было необязательно. Это с людьми он был одиночкой, запертым во мраке собственной черепной коробки, тщетно пытаясь достучаться до своих сородичей, но так и не получая ни ответа, ни ощущения близости. Язык был для него и мостом, и стеной; Шон знал, что люди разговаривают друг с другом потому, что боятся молчания. А с Илалоа он узнал тишину, и это было понимание, и не было одиночества.

«Оставьте местных самок в покое!» На других планетах об этом законе кочевников не приходилось напоминать — кого могла привлечь жалкая карикатура на человека? Но здесь... Встретив это существо, эту женщину, больше чем женщину, он нарушил закон. Но ему в спину не вонзилось ни копьё, ни стрела. Потом до сих пор им было нечего стыдиться.

Илалоа села рядом с ним. Он посмотрел ей в лицо — мягкие, плавные, милые черты, воздушные арки бровей над огромными фиолетовыми глазами, маленький вздернутый носик, нежные губы.

— Когда ты уйдешь? — ее голос был низким, переливающимся.

— Через три дня. Не хочу говорить об этом.

— Нам придется говорить об этом,— печально возразила она.— А куда ты уходишь?

— Туда,— он махнул рукой на усыпанное звездами небо.— От звезды к звезде. Не знаю сам. Я слышал, что на этот раз мы отправимся к новым территориям.

— «Туда»? — переспросила она, показав на Большой Крест.

— А? Да. К Стрельцу. Откуда ты знаешь?

Она улыбнулась.

— Мы слышим разговоры, даже в лесу. Ты вернешься, Шон?

— Если останусь жив. Но не раньше, чем через два года. Считай, больше. Четыре, может быть, шесть лет. Не знаю.

Он попытался улыбнуться.

— Но к тому времени, Илалоа, ты уже будешь... не знаю, как у вас заведено. И у тебя будут свои дети...

— А у тебя нет детей, Шон?

Это было бы самым естественным во вселенной — рассказать ей о том, что случилось. И он рассказал. Она серьезно кивнула, прикрыв пальцами его руку.

— Как тебе должно быть одиноко.

В ее голосе не было и следа сентиментальности, это была почти констатация факта.

— Я привык,— ответил он. И добавил с неожиданной горечью: — Не хочу говорить о расставании. Это и так случится слишком скоро.

— Если ты не хочешь уходить, то оставайся.

Он тяжело покачал головой.

— Нет. Это невозможно. Я не могу остаться, даже на планете, где живут люди. Номады живут меж звезд уже три сотни лет. Те, кто не выносили такой жизни, уходили, с планет приходили новые, те, кто сумели приноровиться, оставались. Разве ты не понимаешь, мы уже не просто культура или образ жизни. Мы — новая раса, это у нас в крови.

— Знаю. Я просто хотела, чтобы это было ясно тебе.

— Я буду скучать,— начал Шон. Слова цеплялись друг за дружку.— Мне даже страшно представить, как я буду скучать по тебе, Илалоа.

— Ты знаешь меня всего несколько дней.

— Это кажется дольше... или меньше... не знаю. Ладно. Не обращай внимания. Я не имею права говорить о некоторых вещах...

— Может быть, имеешь,— возразила она.

Ночная тишина неожиданно взорвалась грохотом его сердца.

Глава 4

— **В**ы отправитесь к границе Звездного Союза, в район Стрельца,— объявила машина.— В качестве отправной точки рекомендована планета Звезда Карстена III, также называемая Нертус. Далее вы...

Директива не отличалась конкретностью и оставляла агенту почти полную свободу действий. Теоретически он мог и отказаться. На практике, впрочем, Тревильтен Мика никогда не стал бы оперативным агентом Службы Координации Звездного Союза, если бы позволил себе выбирать задания.

Агенты Координации ни в коем случае не были головорезами и смотрели в лицо смерти достаточно часто, чтобы понимать — в ней нет ничего славного. Корди знали, что делают очень важную работу, но не отличались особым альтруизмом. Пожалуй, можно было даже сказать, что они любят свою работу.

Аэрокар беззвучно скользил по гравилучу над восточной частью Северной Америки. Внизу раскинулась необъятная зеленая равнина. Реки, леса, степь тянулись во все стороны до самого горизонта. Кое-где в зелени разбросанными искорками блестели дома, кое-где — целые поселения. Города исчезли, зато вся Земля превратилась в один большой город. С помощью транспорта и связи достичь самой далекой точки планеты проще, чем заглянуть к соседям; когда вся планета стала единой социально-экономической системой, она превратилась в один большой город с населением в полмиллиарда человек.

В небе было полно воздушных машин, блестящих овальных тел, пронесившихся в синеве. Тревильтен предоставил автопилоту справляться с движением на четвертом эшелоне и откинулся в кресле, неторопливо закулив. И в воздухе, и на поверхности Земли в наши дни движение оживленное. На месте сидят очень немногие, да и как уси-

дети, если работаешь в Африке, живешь в Южной Америке (и собираешься переезжать), а эти выходные проводишь в Арктическом заповеднике вместе с приятелями из Австралии и Китая. Даже нарочито примитивные звездные колонисты стараются рассеяться по всей поверхности своих планет.

Для наступившего после изобретения гипердрайва исхода человечества в космос не было никаких экономических причин. Эмиграция была тихим бунтом людей, невостребованных цивилизацией. Они всего лишь хотели быть нужными, искали цель, которой можно было бы отдать всю свою жизнь — пусть это будет хотя бы желание самому прокормить себя и своих детей. Кибернетическое общество отняло у них даже это. Если ты не входил в верхние десять процентов, — ученый или талантливый художник, — то для тебя не было бы занятия, которое машины ни делали бы лучше.

Поэтому люди улетали. Это началось не вчера и закончится не завтра. Но равновесие все же сместилось, социальное и генетическое. На планете, основу населения которой составляли творческие люди, приходилось управлять теми неосоздаваемыми флюидами, которые с течением времени играют свою роль в формировании общества. Проводились научные исследования; мысли человека направляло образование и расцветало искусство. Но прежде всего было понимание этого огромного, бурного процесса.

Автопилот загудел, отвлекая Тревиальена. Он приближался к Скалистым Горам, скоро покажется дом Дианы.

Это был небольшой модуль, стоящий почти на самом Континентальном Разделе. Вокруг поднимались белые огромные горы, небо над головой было бледным от холода. Когда Тревиальен выбрался наружу, мороз, как ножом, пронзил его сквозь тонкую одежду. Он бегом бросился к двери, которая на ходу просканировала его и открылась. Оказавшись внутри, он еще раз поежился.

— Ну и местечки ты себе выбираешь, Диана! В прошлом году жила на Амазонке... А когда на Марс?

— Когда захочу мультиплексировать его, — ответила Диана. — Привет, Мика.

Ее поцелуй, однако, сказал больше, чем обыденные слова. Маленькая женщина, чем-то смахивающая на задумчивого подростка.

— Новый проект?

— Да. И идет неплохо. Вот, смотри.

Она коснулась клавиш мультитекстора, и лента закрутилась. Тревилен погрузился в поток стимул-цветовых узоров, звуков, запахов, вызывающих ощущение вкуса. Произведение было абстрактным, но он увидел перед собой горы, все горы мира...

— Здорово. словно стоишь на краю ледника, на десятикилометровой высоте.

— Ты слишком приземлен,— она погладила его волосы.— Это все-таки обобщенное впечатление. Я хотела добавить немного настоящего холода, но это слишком отвлекает. Пришлось остановиться на ледяной синеве и высоких нотах.

— И это говорит человек, ни разу не заглядывавший в кибернетическую теорию искусств?

— «Искусство есть форма коммуникации,— откликнулась она на песноречи.— Коммуникация есть передача информации. Информация есть упорядоченность в пространстве-времени, выделяемая среди множества всех возможных упорядоченностей по законам селекции и, таким образом, способная иметь некое значение. Значение есть индуцированное состояние реципиента, и в случае искусств — в основном эмоциональное...» Вот еще! Можешь сколько угодно забивать себе голову вашей математической логикой! А я просто знаю, что годится, а что нет, и этого достаточно.

Так и есть, подумал он. Браганца Диана могла не понимать синтетических мировоззрений современной философии, но это ей не мешало. Она просто творила.

— Нужно было предупредить меня, что ты приедешь, Мика. Я бы подготовилась.

— Я и сам не думал, что приеду. Меня вызывают. Я прилетел попрощаться.

Наступила долгая тишина. Когда Диана заговорила вновь, она глядела в сторону.

— Подождать это не может?

— Боюсь, что нет. Это срочно.

— Куда ты летишь?

— На границу, к Стрельцу. Оттуда — куда угодно.

— Черт,— сказала она сквозь зубы.— Черт, черт, черт.

— Но я вернусь.

— Когда-нибудь,— негромко ответила Диана,— когда-нибудь ты не вернешься.

Затем поднялась на ноги.

— Ладно, расслабься. Но сегодня-то ты останешься? Вот и славно. Давай выпьем.

Она принесла вино в бокалах из горного хрусталя. Мика чокнулся, прислушиваясь к тихому чистому звону, поднял бокал, посмотрел на свет. Внутри бокала вспыхнул рубиновый огонь.

— Славное вино,— одобрительно кивнул он.— А что новенького у тебя?

— Ничего. Разве у меня бывает что-то новенькое? Вот предложение от одного почитателя. Он даже настаивает на контракте.

— Если он то, что надо,— печально ответил Тревилен,— лови его на слове.

Диана смерила его взглядом. Напротив нее в кресле сидел высокий, худощавый мужчина, крепко сбитый, отлично сложенный благодаря современной системе образования. Смуглое лицо, крючковатый нос, глубокие морщинки между зеленых глаз, светящихся холодным светом, прямые черные волосы, багрянцем отливающие под солнцем. В нем было что-то безвременное, бесстрастное.

Что ж, Служба Координации выбирала себе зрелых агентов. Они были не суперменами, они были гораздо загадочнее.

— Нет,— покачала она головой.— Не стану ловить.

— Дело твоё,— он не стал развивать тему.

Их связь длилась уже несколько лет. Для него — Диана знала это — она была не больше чем просто приятной подругой. Он никогда не предлагал ей контракт, а она не напрашивалась.

— Какие у тебя директивы на этот раз?

— Не знаю. В самом деле не знаю. Это самое скверное.

— Ты хочешь сказать — машина не дала тебе указаний?

— Машина сама не знает.

— Это невозможно!

— Возможно. Такое уже случалось раньше и будет случаться все чаще, пока...— Тревилен поморщился.— Настоящая проблема в том, что нужно найти какой-то новый принцип. Какой угодно, может быть, даже философский.

— Не понимаю.

— Смотри,— начал он.— Основа цивилизации — коммуникации. Даже жизнь сама по себе зависит от связи и обратной связи — между организмом и окружающей средой, между частями самого организма. Теперь посмотри, что происходит в наши дни. Человек посетил приблизительно миллион звезд, и это число каждый день растет. У большинства этих звезд одна, а то и больше планет, населенных существами, не уступающими нам по интеллекту, но иногда настолько отличающихся в образе мыслей и поступков, что лишь долгое исследование позволит выявить их мотивы. А полное понимание останется невозможным. И представь, как на них повлияет неожиданная встреча с межзвездной цивилизацией! Мы ведь должны считаться не только с нашим будущим. Вспомни земную историю, Диана. Вспомни, что творилось на Земле в прошлом, когда здесь существовали суверенные государства, стремившиеся к взаимоисключающим целям.

— Мог бы и не напоминать азбучных истин,— обиженно покосилась она.

— Извини. Я просто пытаюсь увязать все вместе. Проблема фантастически сложна, и с каждым днем становится все сложнее. Средства перемещения давно обогнали средства связи, а ведь мы должны соединять все части нашей цивилизации воедино. Ты только вспомни, что происходило на Земле во Второе Средневековье. Теперь это может случиться в масштабах целой Галактики!

Она ответила не сразу, выбросив одну сигарету и сразу же прикурив другую.

— Ну конечно. Чтобы помешать этому, был создан Звездный Союз. Это и есть работа корди.

— В Галактике мы обнаружили самые различные типы и проявления разумной жизни,— не успокаивался Тревиллен.— И каждую из них можно оценить по универсальной шкале. Ты никогда не задумывалась, почему мы не нашли существ, интеллект которых заметно выше человеческого?

— Почему?... Погоди-ка, возраст большинства планет приблизительно одинаковый?

— Не совсем. Для органической жизни срок в миллион лет или десять миллионов играет большую роль. Нет, Диана, дело тут в естественных пределах. Нервная система, мозг в

особенности, может достичь только определенного предела сложности, а потом... потом она становится слишком большой, чтобы управлять собой.

— Я вижу, к чему ты клонишь. У вычислительных машин тоже есть такой предел возможностей.

— Вот-вот. И для систем, созданных из множества машин, тоже. Мы уже не можем координировать действия планет, входящих в границы нашей цивилизации, Диана. А ведь эти границы все время расширяются.

Она кивнула. Лицо стало серьезным, она, кажется, начала понимать.

— Ты прав... но какое отношение это имеет к твоему заданию?

— Интеграторы перегружены работой, они обрабатывают информацию с отставанием в годы. Явление может разрастись до огромных размеров, прежде чем на него обратят внимание. И мы, живые корди, тоже не лучше. Мы выполняем наши задания, но мы не в силах предусмотреть всего. Интегратор наконец-то связал между собой несколько сообщений о пропавших без вести кораблях, ботанические аномалии на, как предполагают, необитаемых планетах и кланы номадов. Вероятно, происходит что-то очень серьезное.

— Что это может быть?

— Не знаю. Машина считает, что номады кое-что замышляют. И я должен узнать что.

— Почему у всех корди такое предубеждение к бедным номадам?

— Они — самый разрушительный фактор нашей цивилизации,— мрачно ответил Тревилен.— Лезут повсюду, делают что хотят, даже не задумываясь о последствиях. На Земле номадов считают романтическими скитальцами. А для нас это сплошные неприятности. Я, правда, не думаю, что здесь дело в них. По-моему, здесь кое-что более серьезное,— он вытащил сигарету.— Но номады — удобная отправная точка.

Глава 5

— Нет!
Торкильд Шон выдержал отцовский взгляд.

— Ты не можешь запретить мне.

— Да ты рехнулся! — Торкильд Элоф потрянул головой, как разъяренный бык. Дернулась борода, седая грива старейшины рассыпалась по плечам. — Я твой отец.

Внутри у Шона что-то сжалось. Пальцы Илалоа сжали его запястье. Оглянувшись, он заметил испуг в больших фиолетовых глазах и подумал, как же далеко они с Элофом отстранились друг от друга за последние четыре года. Затем расправил плечи.

— Я свободный номад и волен поступать, как захочу.

— Посмотрим! — Элоф резко развернулся, повысил голос: — Хэл! Хэл! Подойди-ка сюда, а?

Йоахим Генри смотрел, как его люди выстроились на посадку в шлюпки. Колонна была длинной и неровной. Взъерошенные и веселые люди еще не успели остыть после Единения. Замужние женщины шествовали неторопливой, полной достоинства походкой; многие из них прижимали к груди детей.

Девушки помоложе и юноши с завистью оглядывались назад, в долину.

— Шон, — прошептала Илалоа.

Он крепче охватил ее талию, чувствуя, как она дрожит. Длинные серебристые волосы необузданным потоком стекали на плечи, прикрывая изящные, тонко очерченные линии лица, белейшую кожу и огромные глаза. Он чувствовал, как сильно она испугана.

Йоахим услышал вопль Элофа.

— Ну что там еще? — проворчал он, подхватив полу кильта и направляясь к спорщикам. — Привет, Элоф. Шон, — кивнул он. — Что это за... — тут капитан вовремя спохватился, — местная леди?

— Это Илалоа, — Шон говорил сдавленным голосом.

Йоахим смерил женскую фигуру одобрительным взглядом.

— Что случилось? У меня хватает дел, — он ткнул черенком трубки на очередь усаживающихся в шлюпки, — загнать их обратно на корабль. Давайте короче, а, ребята?

— «Короче»? — переспросил Элоф. — Шон хочет взять эту дикарку с собой. Он хочет жениться на ней!

— Что? — глаза Йоахима сузились, складки морщин углубились. — Ну, Шон, ты же знаешь закон.

— Мы не нарушаем местных законов, — выпалил Шон. — Илалоа вольна лететь со мной, если захочет.

— А твой отец? — негромко спросил у нее Йоахим. — Твое племя? Что скажут они?

— Я свободна, — ответила она.

Это был самый приятный голос, который приходилось слышать капитану.

— У нас нет... племен. Каждый из нас свободен.

— Ну... — Йоахим поскреб подбородок.

— Что тут происходит?

Это был женский голос, низкий и ровный; Йоахим с облегчением повернулся к подошедшей. Если они сами решат этот спор, ему не придется вмешиваться. Кроме того, ему нравилась Никки.

Она шла к ним широкой, размашистой, вызывающей походкой. Светловолосая, высокая и крепко сбитая; под гладкой, бронзовой кожей скользили достаточно крепкие мышцы. Остановившись рядом с деверем, она посмотрела на его озабоченное лицо.

— Что случилось, Шон?

Шон нерешительно улыбнулся.

— Это Илалоа, — начал он. — Мы хотим взойти на корабль... вместе.

Взгляд голубых глаз Никки скрестился с бесконечной фиолетовой глубиной глаз лоринианки. Затем она усмехнулась и хлопнула по белому плечу.

— Добро пожаловать, Илалоа. Шону был нужен кто-то вроде тебя.

Во всяком случае, этого бы хватило, чтобы пресечь грязные сплетни о Шоне и Никки, подумал Йоахим.

Никки было восемнадцать (обычный брачный возраст уномадов), когда ее отец и Элоф выдали ее замуж за младшего брата Шона, Эйнара. Этот союз был бурным, но вскоре Эйнар погиб под оползнем на Вискене.

Его вдова оказалась в неестественном положении: Странник и Торкильд по семейному положению, но без детей, которые привязали бы ее к этой семье. По обычаям Элоф должен был бы взять на себя права ее отца и найти ей другого мужа, но она воспротивилась этому с таким

пылом, что дело чуть не дошло до драки. С тех пор Никки жила по-мужски, зарабатывая себе на жизнь как ткач и гончар, и даже самостоятельно торговала на планетах, где они высаживались. Но самым возмутительным для общественного мнения оказалось то, что она отлично со всем справлялась.

После своего развода два года назад Шон поселился с Никки в одной каюте. Они жили в разных комнатах и уважали частную жизнь друг друга. По законам номадов им, как членам одного корабля, брак был запрещен, так что языки с тех пор болтали, не умолкая.

Элоф оттянул Йоахима в сторону.

— У парня размягчение мозгов, шкипер. Он зашел слишком далеко. Пора и закон применить.

— Ммм, погоди-ка,— Йоахим покосился на старого Торкильда.— С чего все началось?

— Ну, ты помнишь, как он ударял за этой девкой с Нертуса. Мне она не нравилась, но и давить на него я тоже не стал. Да и она оказалась совсем не такой уж и плохой женой — пока не бросила его. А с тех пор — ты знаешь, как он себя повел. Никто, кроме Никки, не смог с ним ужиться, и это скверно. У этих двоих никакого представления о приличиях. А на этом randevу парень вообще пропал неизвестно куда, не показывал и носа, пока я был занят тем, что договаривался со Следопытом Петровым о жене для него. И нá тебе — он вдруг является с этим!

— Ну что ж,— негромко ответил Йоахим.— Он уже был женат. Следовательно, по закону он — взрослый.

— Законы ты знаешь, Хэл. И биологию, наверное, тоже. Разные виды не могут скрещиваться. У них не будет детей — одни неприятности.

Да, мрачно подумал Йоахим, неприятности будут, уж это точно. И что мы вообще знаем об этой расе?

— В наших с Шоном каютах места хватит,— говорила тем временем Никки Илалоа.— Мы прекрасно поместимся.

— С туземцами нельзя вступать в брак и туземцев нельзя принимать в экипаж,— отрезал Элоф.

Шон побелел.

— Илалоа может нам пригодиться, шкипер. Я думаю, что ее племя — телепаты.

— Вот как? — Йоахим моргнул.

Ветром слова отнесло в сторону, и проходивший мимо мужчина замер. Затем медленно зашагал дальше.

— Это действительно так? — спросил капитан у лори-нианки.

— Не знаю, — ответила она. Великолепные волосы струились вокруг изящных линий лица, словно живые.

— Иногда мы знаем вещи даже про вас. Я не знаю, как это называется, но мы можем... чувствовать?

— На этом randevу не было никого из местных жителей, — взволнованно объяснил Шон, — но Илалоа знала, что «Странник» отправляется к Большому Кресту. Телепатия любого уровня может здорово нам помочь.

Или доставить кучу неприятностей, подумал Йоахим. Уставившись на Торкильдов, он бешено запыхтел трубкой. Илалоа заинтересовала его. Если то, что она говорила, было правдой, если ее племя не будет возражать против ее отъезда, — а в этом у него не было причин сомневаться, — то она может и в самом деле очень пригодиться. Нейрочувствительность в любой степени нельзя просто так отбрасывать.

— Давайте рассуждать здраво, — начал он. — Мы ведь не хотим раздоров в семье, Элоф.

— Конечно, капитан — судья, — холодно отозвался старик, — но ты уже достаточно нарушал законы раньше.

— Итак, Шон, — продолжал Йоахим, — конечно, ты не можешь жениться на ней. Законы на этот счет недвусмысленны. Однако никто не может запретить тебе, — тут он лукаво ухмыльнулся, — держать ручных зверьков.

Ему казалось, что Илалоа оскорбится, но та неожиданно рассмеялись звенящим, певучим голосом, обняв Шона.

— Спасибо вам, — усмехнулась она. — Спасибо.

— Не за что благодарить. Я всего лишь толкую законы.

— Отец, — неуверенно заговорил Шон, — отец, когда ты ее узнаешь...

— Не волнуйся обо мне, — Торкильд Элоф повернулся и зашагал прочь, держа голову неестественно высоко.

Йоахим с ноткой сожаления посмотрел вслед. Старику приходится нелегко. Его жена умерла, дочери вышли замуж и покинули семью, один сын погиб, а второй отгородился от отца стеной. Я-то знаю, как одиноко может быть человеку, подумал капитан.

— Кажется, с этим решено, — кивнул он. — За работу, Шон. Нам еще нужно загрузиться.

И он заторопился обратно к шлюпкам.

— Отлично, — улыбнулась Никки. — Добро пожаловать на борт, Илалоа.

Шон и Илалоа переглянулись.

— Ты полетишь со мной, — сказал юноша удивленно, словно еще не веря в это. — Ты полетишь со мной.

— Да, — ответила она.

А затем оглянулась в долину, словно прислушиваясь, как шумят под ветром деревья, как вдалеке гремит море. Она вздрогнула и на мгновение закрыла лицо руками. Потом повернулась к Шону. Ее голос доносился словно издалека.

— Пойдем.

Он на мгновение прижал ее к себе. Затем они зашагали к шлюпкам, держась за руки.

Глава 6

Экономика пограничных планет, и все, созданное руками человека на этих планетах, так же разительно отличается от земного, как и культура этих планет. Как и на всех вновь открывавшихся в истории человечества землях, здесь происходит возвращение к старым, более примитивным формам социальной организации. Однако же существующие здесь формы — вовсе не реконструкция прошлого.

От Сола до границ Союза в районе Стрельца два месяца пути даже на самом скоростном корабле с гипердрайвом. Но все потребности соляриан удовлетворялись дома; у них не было никакой необходимости торговать с колониями. Межзвездным колонистам приходилось самим заботиться о себе.

Они были рассеяны по многим планетам, эти колонисты. Они не были изолированы — у них были и телевязь, и гравитационные флайеры. Однако селились они порознь. Между соседними звездами любого сектора шла небольшая, но оживленная торговля, с помощью торговых судов тех номадов, которые не рвались в бездонные глубины пространства. До границ доходили и товары с Сола, с других высокоразвитых систем. Все это означало космо-

порты, склады, хранилища, мастерские, магазины — а значит, и местные автоматические робофабрики, административные центры, увеселительные заведения. Так возродился забытый феномен из истории Сола — город.

Одного города, как правило, хватало на планету, а то и на целую систему. Город на Звезде Карстена III, на Нертусе, назывался Стелламонт. Йоахим повел «Странник» туда, за запасами и снаряжением.

Перелет занял около трех недель.

«Странник» связался с робомонитором Нертуса, и получил координаты своей орбиты. Эта остановка была короткой, поэтому большинство экипажа осталось на борту. Йоахим с несколькими помощниками отправились «вниз» по торговым делам, а в шлюпку загрузились те, кому по жребию выпала увольнительная «на берег». Остальные, которым не так повезло, философски выругались, и разошлись выполнять свои обычные судовые обязанности. Среди всего прочего, в главном зале отдыха «Странника» шла игра в покер и в кости, которая продолжалась (с небольшими перерывами) уже около столетия, превратившись за это время почти в талисман.

Своим успешным капитанством Йоахим был обязан множеству трюков, и среди прочего — изящному искусству жульничества со жребиями. Получили увольнительную именно те, кто, на его взгляд, наиболее всего нуждался в этом. Среди них оказались и Шон с Илалоя. В последнее время лоринианская девушка чувствовала себя не очень хорошо, и Йоахим решил, что немного голубого неба над головой пойдет ей только на пользу.

Оказавшись на земле, Шон полной грудью вдохнул воздух Нертуса и улыбнулся стоявшей рядом Илалоя.

— Так-то лучше, милая?

— Да, — из-за шума космопорта ее голос был почти не слышен.

Шон покачал головой, уловив горечь.

— Ты привыкнешь. Нельзя же надеяться, что такая перемена происходит мгновенно.

— Нет-нет, все в порядке, — настаивала она.

Перед ним в памяти всплыло другое лицо, другой голос. Он сжал губы и большими шагами направился к выходу.

Они оставили бетонные джунгли космопорта позади и выбрались на широкую улицу. Улица кипела жизнью; люди и негуманоиды торопились по своим делам, грузовики на

земле и проносившиеся над головой аэрокары наполняли воздух равномерным, несмолкающим рокотом. Илалоа зажала уши руками. Она попыталась бодро улыбнуться, но потемневшие глаза выдали ее.

Даже в этой разномастной толпе они выделялись. Шон был одет в костюм номадов: кильт, сандалии, широкая рубашка и узкий жилет, плащ, развевающийся за спиной, и берет, сдвинутый набекрень. Илалоа, несмотря на свою открытую неприязнь к одежде, облачилась в свободное тонкое женское платье. Темно-синий и багровый цвета еще больше подчеркивали ее призрачную красоту. У обоих на боку висело ручное оружие — экипаж обычно носил его на всех планетах, кроме Рандеву.

— Шон, Шон, отпусти меня.

Они отошли в сторону, под арку. Она вцепилась ему в рукав, глаза расширились настолько, что стали похожи на черные дыры.

— Отпусти меня ненадолго, Шон. Совсем ненадолго, я просто хочу послушать глоса деревьев. И солнце, Шон, я хочу Солнца!

Он застыл, испуганный, неуверенный. Затем пришел простой ответ: Илалоа просто не переносит города. Ей нужна тишина.

— Да... конечно,— ответил он.— Конечно. Мы поедем...

— Нет, Шон, одна, я хочу одна. Я хочу... подумать! Я вернусь.

— Ну... ну, конечно, если ты так хочешь, конечно,— он все еще улыбался, но его губы онемели.— Пойдем.

Шон проводил ее до остановки общественных аэрокаров, вложил в приемник одного из каров несколько банкнот Союза из своей тощей пачечки и объяснил Илалоа, как им управлять. Чтобы попасть на лоно природы, ей не придется улетать далеко. Он встретит ее на остановке.

Она расцеловала его, радостно рассмеявшись, и скользнула в кар.

Жеребенок, подумал он, дикая кобылка. Даже не осмеливался думать, что будет, если Илалоа поступит подобно его первой жене.

А еще он подумал: «Напьюсь!».

Шон быстро зашагал прочь от остановки, пока не оказался в старой части города. Здесь за порядком следить

было некому; это был квартал аборигенов, живущих особняком не столько из-за дискриминации, сколько по своей воле. Местные были достаточно дружелюбны, но в тех районах, где жили люди, чувствовали себя неловко. Высокие существа, дружные, четверорукие, покрытые зеленой шерстью, следили ничего не выражавшими золотистыми глазами, как Шон шел под деревьями, отводя руками загромождавшие дорогу цветущие лианы. Машин нигде не было видно, разве что деревянные повозки, запряженные шестиногими нертусианскими «пони».

Бар «Комета» стоял на самой окраине квартала. Небольшое строение с низким потолком, фундамент, обросший травой. Шон вошел внутрь. Пара колонистов потягивала пиво в углу, больше не было никого. У стойки Шон нажал на несколько клавиш, заказав суррогатное виски, уселся за столик. Тишины ему не хотелось.

Дверь открылась, на мгновение впуслав внутрь луч закатного солнца, и вошел еще один посетитель. Шон тупо поднял глаза. Парень был с Сола, это было ясно по одежде: бриджи до колен, гольфы, свободная рубашка, легкие туфли и невесомый плащ с капюшоном, все в приглушенных серо-голубых тонах. Но прежде всего в глаза бросалась уверенная сила движений.

Незнакомец поймал взгляд Шона и, вынув из ниши автоматического бара стаканчик с выпивкой, подошел и уселся рядом с номадом.

— Привет,— кивнул он. Акцент солярианина спутать было невозможно.— Вас тут нечасто встретишь.

— Мы нечасто бываем,— проворчал Шон.

— А я здесь, в Стелламонте, уже две недели,— продолжал незнакомец.— Дело, вроде того. Но все уже закончено, так что это нужно отметить. Ты не подскажешь какое-нибудь приличное местечко и чтоб народу поменьше?

— Какое дело может быть у солярианина здесь? — поинтересовался Шон.

— Научное исследование,— отозвался землянин.— Так можно сказать.— Он цокнул языком и протянул пачку сигарет.

— Куришь?

— Ммм... спасибо,— Шон вытащил одну, прикурил и затянулся. На границе табак был дорогим; кажется,

только у выращенных на Земле сортов был нормальный вкус.

Интересно, подумал Шон, верно ли, что у соляриан такое раздутое чувство, пунктик насчет тайны личной жизни, как рассказывают?

— Как тебя звать? Не буду же я называть тебя сольменом?

— Если хочешь, то пожалуйста. А зовут меня Тревилен Мика. А тебя?

Солярианин вежливо приподнял черные брови.

— Перед тобой Странник Торкильд Шон. Если бы ты разбирался в наших мундирах, ты бы сразу понял, что я Странник Торкильд. Звание — энсин, должность — пилот-стрелок.

— Не знал, что номады так строго организованы.

— Это важно только в бою.— Шон осушил свой стакан, бросил его в ближайший приемник мусора и заказал еще, нажав на клавиши.

Тревилен только слегка пригубил.

— Допустим, столкнулись с враждебным местным населением или кораблем чужаков. Вот тогда звания действительно нужны.

— Понятно. А так, обычно, вы, значит, торговцы?

— Мы кто угодно, приятель. Мы не можем сами делать все, что нам нужно. Да это и не по-нашему. Поэтому мы летаем, здесь купим по дешевке, там поменяем на что-то другое, а еще где-нибудь продадим третье за кредитки Союза. Или нанимаемся работать на шахтах или еще где. Обычно мы договариваемся с аборигенами, и они делают за нас такую работу.

Тревилен улыбнулся.

— Моя очередь,— он заказал номаду еще один стакан.— Рассказывай-рассказывай. Меня всегда удивляло, почему ваши люди выбрали такую трудную жизнь. Без дома, без корней.

— Почему? Потому что мы номады. Этого достаточно.

— Хм,— Тревилен ухмыльнулся.— Это мне напоминает один случай в системе Сириус...

Последовал анекдот, и они принялись обмениваться байками. Тревилен пил умеренно, и все же язык у него мало-помалу начал заплетаться.

— Как насчет того, чтобы подзаправиться твердым топливом? — наконец предложил он.

— Ты на правильной траектории,— старательно выговаривая слова, ответил Шон.— Только давай найдем местечко повеселее.

— Как скажешь,— дружелюбно кивнул Тревильен.

Они поужинали в маленькой и шумной таверне, которая с заходом солнца стала наполняться людьми. Тревильен неуклюже пытался приударить за хозяйкой, пухлой женщиной, дело чуть не дошло до драки, и их вежливо, но настойчиво проводили до дверей.

— То, что надо,— смеялся Шон.— Ты славный парень!

— Электронные оболочки,— пробормотал Тревильен.— Мы как два электрончика: перескакиваем с оболочки на оболочку.

Они отправились вдоль по улице, останавливаясь в каждом из попадавшихся навстречу баров. В полуосвещенном, прокуренном подвале Тревильен наконец уронил голову на руки, идиотски хихикнул и расслабился. Шон тупо поморгал, уставившись на него и не соображая, что делать.

— С вас четыре шестьдесят,— раздалось где-то в вышине.

Шон поднял голову. Бородатый гигант с несговорчивой физиономией стоял возле него.

— ...если, конечно, не закажете что-нибудь еще.

— О нет,— Шон полез в кошель. Пусто.

— Четыре шестьдесят,— повторил гигант.

— Сейчас, у друга,— Шон потряс неподвижного солярианина за крепкое плечо.

Черноволосая голова безвольно перекатилась по сложенным рукам. Шон еще раз покосился на неясные очертания хозяина забегаловки, поразмыслил и пришел к очевидному ответу.

Он перегнулся через стол, пошарил в кармане брюк солярианина, нащупал бумажник из искусственной кожи. В глазах расплывалось. Шон раскрыл бумажник и присмотрелся как следует. Светящиеся буквы на карточке ослепили его.

ТРЕВИЛЬЕН МИКА

ОПЕРАТИВНЫЙ АГЕНТ А21392-ЗХ-843

ЗВЕЗДНЫЙ СОЮЗ 2 СЛУЖБА КООРДИНАЦИИ

А над буквами горела звезда в кольце, горела холодным огнем, и кажется, даже вращалась на темном фоне...

Это корди!

Медленно, еле заставляя себя делать нужные движения, Шон расплатился и сунул бумажник на место. Мысли путались, надо принять отрезвляющую таблетку. Это могло быть просто совпадением, но...

— Тревильтен! Тревильтен Мика! — затряс его Шон. — Я начальник округа. Твое задание на Нертусе? Проснись, Тревильтен! Твое задание на Нертусе?

— Номады, — пробормотал тот. — Пробраться на корабль номадов, шеф. Отцепись, я спать хочу.

Глава 7

От дыма и гомона забегаловки у него разболелась голова, и Тревильтену пришлось сопротивляться искушению хоть одним глазом посмотреть, что происходит вокруг. Хозяин был заблаговременно подкуплен и отыграл свою роль как следует.

Тревильтен чувствовал, что Шон не спускает с него глаз. Номад купил отрезвляющую таблетку и провел четверть часа в связной кабине, лихорадочно что-то кому-то объясняя. Теперь он сидел рядом, положив руку на кобуру, уставившись на Тревильтена.

Пока все шло без заминки, как лента в пулемете.

Чувствуя первые симптомы утомления, Тревильтен позволил себе расслабиться и отвлечься. Культура, думал он, культура не столько материальные предметы, сколько процесс. Цивилизация не столько материальные технологии, сколько образ мысли, умение понять... Тут его раздумья были прерваны.

— Ну, Шон, чего ради ты вытащил меня из койки? Предупреждаю, парень, если это из-за пустяка...

Это был сильный, звучный бас, неторопливый спокойный голос и тяжелые шаги. Мышцы Тревильтена напряглись, словно для прыжка.

— К-корди, Хэл. Это корди. М-мы немного в-выпили, а когда он отключился, я нашел в бумажнике... — Тревильтен услышал, как молодой номад встал и перегнулся через стол. — Вот, п-посмотри сам.

— Угу. С каких это пор корди таскают с собой свои карточки? Или накачиваются на задании?

А он не дурак, подумал Тревильтен. Действительно, его уловка была детской. Он выслушал, как Шон, запинаясь рассказывает все события вечера.

— Вот так, значит? Мне кажется, что тебя просто водили за нос. Осталось только узнать зачем.

Грубые руки приподняли Тревильтена за волосы, оторвав голову от стола.

— Конечно. Этот человек трезвее меня. Ладно, приятель, кончай притворяться.

Тревильтен открыл глаза. С удовольствием отметил обалделое лицо Шона, а затем посмотрел на другого. Крепкий мужчина средних лет, из-под плаща выглядывала волосатая грудь, сапоги и пояс с кобурой, а больше ничего — он, наверное, спросонья тут же отправился по вызову.

Тревильтен с наслаждением потянулся и оперся спиной о стену.

— Спасибо,— усмехнулся он.— Я уже устал ждать.

— Да, ты сольмен в самом деле,— ответил номад,— и меня ничуть не удивит, если ты действительно окажешься корди. Ты ничего не хочешь мне сказать?

На мгновение Тревильтен заколебался.

— Да нет. Мне жаль, что вас разбудили. Давайте-ка я закажу нам всем еще выпить и будем считать этой ничьей.

— Ты можешь поставить выпивку,— кивнул номад, опуская свое массивное тело на скамью.— А насчет ничьей... не знаю, не знаю.

Тревильтен махнул хозяину.

— Ничего серьезного не произошло,— продолжил он.— Я вовсе ничего против вас не имею, если это вас беспокоит. Это был просто... эксперимент.

— Это не объяснение.

— Если вы настаиваете, то я объясню все. Но вы все равно не будете знать наверное, правда это или ложь. Так зачем зря тратить время?

— Тоже верно,— кивнул номад. Его лицо неожиданно стало бесстрастным. Бородач подошел и принял у них заказ. Они сидели молча, ожидая.

Тишину нарушил голос Шона.

— Так что будем делать, Хэл? — он с трудом выталкивал слова из одеревеневших губ.— Что происходит?

— Посмотрим,— ответ был таким же бесстрастным, как и лицо.

— Я...— Шон сглотнул. Его лицо напряглось, уголок губ подергивался.— Мне очень жаль, Хэл...

— Ничего страшного, парень. Если бы это был не ты, это был бы кто-то еще. А у тебя, по крайней мере, хватило здравого смысла позвонить мне,— глаза номада холодно смотрели на Тревильена.

Когда он улыбнулся, в его улыбке было что-то кошачье.

— Чтобы вы не подумали, будто мы, номады, грубияны...— Меня зовут Странник Йоахим Генри, звание — капитан.

Тревильен вежливо наклонил голову.

— Здравствуйте,— вежливо ответил он.— Я хотел бы предупредить вас, капитан Йоахим, не делать поспешных решений.

Он тщательно выбирал слова, исходя из своих предположений о характере этого человека. Мелодраматический привкус фразы заставит его недооценить противника и рассердит — ненамного, конечно, но все это накапливается.

— Уверяю вас,— продолжал Тревильен,— вам совершенно нечего бояться.

Тут он усмехнулся.

— Вы, кажется, понимаете, что координаторы не размахивают направо и налево своими удостоверениями личности. Откуда вам знать, что я и в самом деле координатор? Я могу быть просто шутником.

— Что-то мне с трудом в это верится,— негромко ответил Йоахим.

Им принесли заказ. Они взялись за стаканы, и Йоахим осушил свой в три глотка. Он, видимо, принял решение, потому что его лицо застыло, как железная маска.

— Ну ладно,— заговорил он.— Ты летишь с нами. Будешь дергаться — получишь свое. Шон доставит тебя на «Странник», — капитан посмотрел на младшего номада.— Я договорюсь обо всем. Загрузка окончится завтра, и мы сможем улететь около восемнадцати часов. Если за этим человеком следят его друзья, вряд ли они хватятся нас раньше, чем мы покинем систему.

— Минуточку-минуточку,— начал Тревильен.

— Решено. Нам нужно выяснить о тебе побольше, а впереди долгое путешествие, вот мы этим и займемся. Если

все будет в порядке, тебе не причинят вреда и выпустят на свободу.

Тревильтен прищурился.

— Я ничего не говорю о похищении, — негромко заговорил он, — но откуда вы знаете, что я не хочу отправляться вместе с вами на корабль?

— Ничуть не удивлюсь, если ты именно к этому и стремишься. Если так, то надеюсь, тебе понравится. Ну ладно, друзья, допиваем и убираемся отсюда.

Тревильтен понуро шагал между двух номадов. Он уже не думал о многих днях подготовки, о розысках в архивах Координации и в полицейских архивах Стелламонта, старательно просчитанных уравнениях психологических вероятностей, изучении города, разучивании своей роли... Теперь все это осталось позади, а вот что ждет его дальше — об этом не было никаких предположений.

Когда они добрались до космопорта — добрых полчаса пешком в полной тишине, в полном молчании, — приборы в воротах ангара просканировали их, затем они отворились. Люди прошли по голому бетонному полю в тени нависающих над ними громадных кораблей и подошли к ангару. Дверь узнала их и пропустила внутрь. Здесь стояло два небольших флайера, и Шон открыл шлюз одного. Свет изнутри пролился в полумрак ангара. Теперь Тревильтен разглядел, что на носу флайеров установлены крупнокалиберные выдвигающиеся пулеметы, пулеметы поменьше и трубы ракетных установок в стабилизаторах.

Земля думает, что они наконец-то добились мира, мрачно подумал он, а в космосе вновь процветает вот это...

Он вошел внутрь и послушно уселся на откидном амортизированном кресле. Йоахим быстро привязал его несколькими витками провода.

— Я иду к себе досыпать, — зевнул он. — Проследишь, чтобы на корабле его взяли под стражу, Шон. Если хочешь, потом можешь вернуться.

Капитан вышел наружу, и шлюз с тихим вздохом закрылся за его спиной. Руки Шона забежали по панелям с уверенной легкостью настоящего пилота. Заурчали двигатели, на пульте мигнуло разрешение на взлет от роботдиспетчера. Посадочный стол выдвинулся из ангара под открытое небо, Шон усмехнулся и включил тягу.

Треви́льен расслабился, не сопротивляясь силе ускорения, и посмотрел вперед, на экраны переднего вида в носовые иллюминаторы. Через несколько минут они оставили атмосферу позади и оказались в космосе.

Треви́льен видел эту картину уже бесчисленное количество раз и все равно звезды ослепляли его с тем же холодным бессмертным величием: простирающаяся невообразимая тьма, и на ее фоне белое пламя в безграничной ночи.

— Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук его вещает твердь,— прошептал он.

— Это еще что? — удивленно оглянулся Шон.

— Старая земная книга,— ответил Треви́льен.— Очень старая.

Шон пожал плечами и снова застучал по клавишам компьютера. Флайер заурчал, разворачиваясь к расчетной позиции «Странника».

Треви́льен внимательно рассматривал вползающий в иллюминаторы корабль номадов. Большое цилиндрическое тело, двести сорок метров длины от тупого закругленного носа до гравитационных рефлекторов на корме. Сорок метров в диаметре. По окружности шли три кольца причалов для шлюпок, не только флайеров, но и для космических шлюпок, и на каждом установлена турель с оружием. Между шлюзами причалов чередовались орудия более тяжелых калибров и ракетные установки. Между кольцами видны были широкие грузовые шлюзы. Борта корабля отсвечивали тусклым металлическим блеском, и когда они подлетели поближе, Треви́льен увидел, что обшивка корабля покрыта заплатами, царапинами и кое-где прожжена.

Шон уверенно пришвартовался к одному из причалов, включил зажимы. Автоматические швартовы обвисли вокруг корпуса. Треви́льен почувствовал, как его прижимает к палубе обычная земная сила тяжести.

— Все в порядке,— Шон отвязал пленника.— Пошли.

Скучавший на посту номад вытянулся, выпрямился, увидев вновь прибывшего.

— Кто это, Шон?

— Нюхач,— отрывисто ответил Шон.— Хэл приказал доставить его на борт.

Охранник нажал на клавишу интеркома и вызвал подкрепление. Треви́льен оперся о металлическую стену, сложив руки на груди.

— Зря стараешься,— усмехнулся он.— Я не собираюсь отбиваться.

— Слушай,— охранник выпучил глаза.— Ты, часом, не сольмен?

— Да, конечно. А что случилось?

— О нет, ничего, просто никогда раньше не видел сольменов. Надеюсь, мне удастся порасспросить тебя кой о чем, прежде чем они тебя прикончат.

Появилось еще несколько номадов с оружием в руках. Они выглядели совершенно обыкновенно, если не считать татуировок и серег в ушах. После нескольких удивленных вопросов и восклицаний Тревильена повели к месту заточения.

Под (если говорить по отношению к силе тяжести, то над) обшивкой корабля располагался первый уровень пяти метров высотой. Поинтересовавшись, Тревильен узнал, что здесь находятся общественные предприятия, производство пищи, места для отдыха и ремонтные мастерские. Группа поднялась по пандусу сразу на следующий уровень, очередную концентрическую секцию трех метров в высоту. Здесь находились жилые помещения. Все остальное пространство корабля приходилось на двигатели, управление, резервуары для горючего, припасов и грузов. Поднявшись на жилой уровень, они повернули по коридору.

Тревильен с интересом оглядывался вокруг. Часто пересекающиеся друг с другом коридоры были около трех метров шириной, вдоль стен тянулся ряд дверей. Пол под ногами был покрыт мягким упругим материалом зеленого цвета, несомненно продукцией миров, еще неизвестных Союзу. Стены были украшены причудливой росписью или покрыты резными панелями из дерева и пластика. Большие створки дверей были тоже деревянными или из литого пластика, с чеканными украшениями. Иногда у дверей вдоль стен стояли узкие ящики с землей, в которых росли невиданные на Земле растения.

По пути вслед за группой увязалось немало любопытных номадов, и мужчин, и женщин с детьми, многие из них казались в высшей степени разумными. Рассеянный взгляд Тревильена неожиданно сфокусировался на женщине, вышедшей из дверей впереди.

Молодая, выше среднего роста, с плавными грациозными движениями. Очень светлые волосы пшеничными

волнами ниспадали на широкие плечи, а голубые глаза были открытыми и честными.

— Привет, а кто это у вас? — окликнула она. — С каких это пор мы принимаем в экипаж сольменов?

Охранники помрачнели, и Тревильтену пришлось напомнить себе, что в обществе номадов женщины имеют вполне определенные права, но должны держаться позади. Впрочем, один из парней помоложе улыбнулся ей.

— Спроси сама, Никки. Шон приволок его сюда, а зачем, не говорит. А он сам не отвечает.

— Ты кто, сольмен? — спросила женщина, пристраиваясь рядом.

Он заметил, что ее руки были вымазаны глиной, а в руке она держала гончарную лопаточку.

— Шон мой деверь, видишь ли, — добавила она.

Это архаичное слово напомнило ему, что у номадов весьма определенные сексуальные нравы, по крайней мере, в пределах корабля. Он усмехнулся и назвал себя.

— Вашему капитану взбрело в голову, что я координатор. Поэтому он меня привез сюда. Для расследования.

Она недоуменно поглядела на него.

— Что-то ты не очень огорчен этим.

— А что я могу поделаться? — Тревильтен пожал плечами.

— Ты чересчур спокоен. Кажется, ты и в самом деле корди.

Лица охранников посуровели, стволы оружия приподнялись.

— А если — да? — вызывающе спросил он.

— Не знаю. Решать будет Хэл. Если это тебя успокоит, то знай: мы не применяем пыток.

— Успокоит. Хотя я уже знал это. Из других источников.

Взгляд голубых глаз стал пристальным.

— По моему, ты хотел, чтобы тебя взяли в плен.

Она оказалась сообразительной, может быть, даже чересчур. Но она разговорчива, и может быть, он сможет извлечь кое-какую полезную информацию.

— Почему бы тебе не посмотреть на меня в корабельном карцере? — предложил он. — Там я буду совершенно безобидным.

— Пистолет тоже безобиден, пока не нажмешь на курок. Конечно, я загляну. Все равно, ты долго здесь не

задержишься. После того как Хэл проведет допрос, тебя доставят вниз на поверхность или...— она замолкла.

— Или убьют? — ласково переспросил Тревильтен.

Она не ответила, и это молчание само по себе уже было ответом.

Глава 8

«С транник» скользил прочь от Нертуса и его звезды, пока не оказался в достаточно слабом гравитационном поле, и тогда по всему кораблю завывала сирена, сигнал экипажу занять посты по корабельному расписанию. Странное, не поддающееся описанию ощущение как волна прокатилось через человеческие тела, когда включилось поле гипердрайва и погасло. После этого был слышен только мерный рокот энергоимпульсов. Псевдоскорость быстро выросла до максимума, на экранах заднего вида звезда Карстена съехала и затерялась среди со-звездий.

Весь экипаж — от астронавта до инженера — приступил к своим привычным обязанностям. На кораблях номадов автоматика и роботы встречались нечасто, и многое из того, что на кораблях соляриан делала автоматика, тут выполнялось вручную. Это можно было бы связать с упадком наук среди звездных скитальцев. Но была и настоящая, невыдуманная необходимость занять работой людей, основным мотивом всех действий которых была врожденная жажда действий, нежелание сидеть на месте, — людей, собранных в металлическом цилиндре, замкнутых в течение многих недель и месяцев.

Номадам было чем заняться и помимо корабельных обязанностей. День за днем шумели мастерские, в которых мастера-ремесленники делали товары на продажу или обмен, или для своих товарищей, или для людей из внешнего мира. Детей нужно было воспитывать — тоже немаловажная задача. Были на корабле и бытовые, и увеселительные предприятия, госпиталь и даже три таверны.

Когда корабль лег на верный курс, Тревильтена под охраной привели в каюту капитана. Йоахим отпустил

охранников и дружелюбно усмехнулся, указав на кресло напротив стола.

— Хотите курить? У меня полно запасных трубок.

— Вижу,— Тревильтен обвел взглядом комнату.

Она была обставлена с космической компактностью и холостяцкой беззаботностью. В одном углу стойка с астронавигационными приборами и справочниками, в другом — койка и шкаф, две двери: одна вела в крохотную кухню и душ, вторая — во вторую спальню. Полка с микрокнигами на нескольких языках, самые разнообразные названия, почти все — зачитанные. На стене висел семейный портрет, напротив — фамильный алтарь. На большой стойке разместились очень хорошая коллекция затейливых трубок.

— В основном работа номадов,— кивнул Йоахим.— Несколько я сделал сам. А вот это интересный экземпляр.

Он снял со стойки длинный чубук.

— Нарраконская трубка смерти. Враги раскуривают ее вместе перед поединком. Видите, у нее два мундштука?

— Предлагаете затянуться? — невинно спросил Тревильтен.

— Ну, это зависит...— Йоахим присел на краешек стола, покачивая ногой.— Вы ответите мне на некоторые вопросы?

— Конечно.

Йоахим шагнул к шкафу и вытащил оттуда небольшой прибор. Тревильтен напрягся: он не ожидал, что у номадов найдутся детекторы лжи.

— Я достал его на Спике несколько лет назад,— пояснил Йоахим.— Время от времени эта штука бывает ой как кстати. Вы не возражаете?

— Нет... Нет. Валяйте,— Тревильтен откинулся на спинку, принимая сознательный контроль над пульсом, биоритмами и выделением пота.

Йоахим прикреплял к нему датчики, определяющие деятельность мозга и частоту пульса. Детектор лжи Дамадва работал по принципу определения аномальных выбросов, связанных с тем напряжением, которое человек испытывает, когда говорит неправду; для каждого нового испытуемого его приходилось настраивать заново. Отвечая на безобидные вопросы, Тревильтен поддерживал

свою нервную систему на неестественно высоком уровне. Камуфляж.

— Ну ладно, парень, приступим к делу,— Йоахим зажег трубку и бросил на Тревильена серьезный взгляд из-под всклокоченных бровей.— Ты корди?

— Да. Я подцепил Шона и позволил провести себя на борт намеренно.

— Нажимал на нужные кнопки, а мы приплясывали перед тобой, как роботы,— усмехнулся Йоахим.— Для чего?

— Этот способ показался мне наилучшим, чтобы вступить с вами в контакт. Если мои выводы верны, Йоахим, то «Странник» действует на основании информации, жизненно важной для Звездного Союза. Я хочу отправиться в это путешествие вместе с вами.

— Ммм... А что именно ты знаешь?

Тревильен рассказал все, что собрали интеграторы на Земле.

— Я почти уверен, что в районе Большого Креста существует чужая цивилизация,— продолжал он,— что она знает о нас и что она либо относится к нам с большим подозрением, либо ведет активные враждебные действия. Почему — не имеем ни малейшего понятия. Но, вы понимаете, координаторы обязаны были принять немедленные меры. Я решил, что у меня будет больше всего шансов, если мы с вами объединим усилия. Но вы, номады, так подозрительно относитесь к цивилизации, что мне пришлось разыграть этот спектакль, чтобы попасть на борт.

— Угу... Пока все правильно. Но откуда ты знал, что тебя подберет именно тот корабль номадов, который будет расследовать это дело?

— Если честно, то я не знал. Но мне показалось логичным, что это будет именно «Странник». В конце концов, именно его капитан занимался поисками в архивах Стелла-монта.

— Понятно. И что дальше?

— Дальше я хочу отправиться с вами и узнать то, что узнаете вы. Конечно, над этой проблемой будут работать и другие координаторы, но мой подход мне показался самым быстрым. А время не терпит, Йоахим!

Номад потер подбородок.

— Ну хорошо, ты на борту. Я думаю, кое в чем ты нам поможешь, и конечно, обученный корди время от времени

может быть весьма полезен. А что, если мы нарушим какой-нибудь закон Союза? Такое может случиться.

— Если это будет не очень серьезно, я закрою на это глаза.

— А допустим, если мы вернемся и наше решение проблемы вам не понравится?

Тревильтен пожал плечами.

— Вернемся, тогда и поговорим об этом.

— Тоже верно. А что еще у тебя на уме?

До сих пор Тревильтен был достаточно правдив, сейчас же стрелка качнулась в сторону правды не очень далеко.

— Ничего особенного, только сделаю полный доклад для интеграторов.

Йоахим задал еще несколько вопросов, а потом отстегнул электроды, спрятал детектор и развалился в кресле, сцепив руки на затылке и вытянув ноги на столе.

— Достаточно честно. Ну что ж, считайте себя гостем моего корабля. Не объединить ли нам наши знания?

По мере разговора вырисовывалась все более определенная картина. Тревильтен знал о старых полетах тиунранцев, но не подозревал ни об их потерях, ни о потерях номадов.

— Я предполагаю, что чужие колонизируют планеты звезд типа Ж или, по крайней мере, каким-то образом их контролируют. Они без труда могут вести разведку среди планет нашей цивилизации. Сегодня в космосе так много рас, что чужак легко сумеет выдать себя за жителя одной из планет Союза. Но их предубеждение против нас должно иметь под собой культурную основу.

— Почему? — спросил Йоахим.

— Нелепо утверждать, что они хотят завоевать нас по экономическим причинам. И они должны знать, что у нас нет таких намерений касательно их. Стало быть, несмотря на все свои добрые намерения, мы представляем для них угрозу.

— Каким образом?

— Наша цивилизация может настолько отличаться от их, что контакт будет иметь разрушительные последствия. Представьте себе, например, что у них очень консервативное аристократически-религиозное общество. Встреча с нашей культурой может привести к таким социальным возмущениям, которых их правящий класс не

может допустить. Это всего лишь одна догадка, и наверняка неправильная.

— Понимаю,— Йоахим помолчал, попыхивая трубкой.— Ну что ж... у нас впереди долгое путешествие. Времени подумать будет предостаточно.

— А где первая остановка?

Йоахим искоса глянул на Тревильена.

— Эрулан.

— Никогда о нем не слышал.

— Ничего удивительного. Когда мы прибудем, вы останетесь на борту.

— Причина?

— Это незаконно,— коротко ответил Йоахим.— Давайте лучше подумаем о вас. С командой вы поладите, если только не будете чересчур навязчивым. И я бы посоветовал переодеться в корабельную одежду. Менее引人注目.

— Как это сделать? — Тревильен не стал настаивать на вопросе об Эрулане.

— Ну-ка...— Йоахим открыл ящик стола, вытащил оттуда бумажник и бросил его Тревильену.— Держи. Симпатичная толстенькая пачка денег. Я тут подобрал кое-какую одежду твоего размера. Пара комбинезонов, шорты, ботинки и тому подобное. Продам все оптом за двадцать кредиток.

— Двадцать кредиток! Они стоят от силы пять.

— Так и быть, я отдам по себестоимости, уступлю за ту цену, за которую брал сам. Пятнадцать.

— Если они обошлись вам в семь, я готов съесть их...

Они немного поторговались и наконец сошлись на двенадцати кредитках — всего лишь сто процентов прибыли. Потом Йоахим предложил координатору вторую спальню за слегка завышенную цену и полный пансион за дополнительную оплату. Пока довольный капитан пересчитывал деньги, Тревильен переоделся в шорты.

— Можете погулять вокруг, посмотреть корабль,— предложил капитан.— Никки живет в каюте номер 274.

— Вы что, знаете обо всем, что происходит?

— Почти,— Йоахим прищелкнул языком.— Никки — славная девушка, но не такая, как утверждают слухи, так что не советуя распускать руки.

Треви́льен неторопливо шагал по коридорам, сунув руки в карманы, крутя смуглой головой из стороны в сторону. Номады с любопытством оглядывались на него, но никто не решался заговорить, ограничиваясь приветственным кивком. Очевидно, если капитан не возражал против него, то и экипаж — тоже. Треви́льен шел по лабиринту расписных стен, резных дверей и деревянных панелей, пока не наткнулся на дверь, которую искал. Номер 274.

Косяк двери был резным, в форме дерева, обвитого лозой, а сама дверь распахнута настежь. Изнутри донесся голос Шона:

— Заходи, корди.

Треви́льен вошел. Коридор, четыре двери: две — в комнаты по обе стороны коридора и две чуть подальше — кухня и туалет, а также еще один выход из блока. Одна комната была отдана микрокнигам, музыкальному комплексу, лентам с записями, а стены украшены очень неплохой росписью; во второй разместилась тесная мастерская. Шон наводил глянец на свой скафандр, у его ног примостилась лоринианка, та самая, о которой говорила Никки. Она и в самом деле оказалась самым прелестным созданием, прелестнее которого он еще не видел. А сама Никки склонилась над глиняной вазой. Она подняла голову и улыбнулась:

— Ты была права, Ло.

— Она всегда права,— заметил Шон.— Она знает такие вещи.

— А что она знала в этот раз?— поинтересовался Треви́льен.

Шон, кажется, не сердился на него и вообще был в хорошем настроении, и Никки казалась такой же дружелюбной, как и прежде. Но Илалоа... трудно сказать.

— Что идешь именно ты,— объяснил Шон.— Она почувствовала тебя, верно, Ло?

И он взъерошил тонкие серебристые волосы.

— Телепатия? — Треви́льен произнес эти слова мгновенно напрягшись, хотя внешне старался выглядеть неприужденно.

Девушка заговорила, ее голос был певучим и таким низким, что он еле различал слова:

— Нет, я не могу... не по силам слышать слова души, которая прячется в темноте. Вы слишком одиноки, вы все прячетесь друг от друга и от знания. Я могу повимать

мысли маленьких... мысли зверьков. Но ваши человеческие — нет.

— Тогда как... Конечно.— Тревильтен кивнул.— Вы улавливаете излучение, а у каждого из нас характерный сигнал.

— Да, так,— мрачно кивнула она. Теперь взгляд лорианки стал озабоченным.— И ваши... другие... чем у меня, чем у номадов. Вы живете больше головой, чем телом, но это тело не отягощает вас тайной печалью, как людей из Стелламонта, которые не знают, что они такое. Вы знаете и примирились с этим, сильны этим... но я еще никогда не чувствовала такого одиночества, как ваше.

Она замолкла, словно испуганная собственными словами и теснее прижалась к Шону. Тревильтен не без удовольствия оглядел ее. Он заметил, как по светящейся, почти прозрачной коже пробегает дрожь, заметил испуг и горе в глазах, заметил, как она стискивает колено Шона.

Ну что ж, подумал он, это ее проблема. И Шона, наверное, тоже. На мой вкус, она чересчур красива.

Тревильтен присмотрелся к работе Никки. Ваза была в форме двух сражающихся драконов.

— Здорово,— усмехнулся он.— Что ты с ней будешь делать?

— Отолью в бронзе, потом продам или обменяю,— ответила она, не поднимая глаз.

Вот совершенно земная девушка, сама приземленность; она и Илалоа были на разных концах Галактики.

— Хорошо, что вы остаетесь на борту,— продолжала она.— Может быть, хорошо. Что вы собираетесь делать?

— Хочу осмотреться, привыкнуть. Знаете, я изучал искусство номадов и считаю его новым словом. Могу предположить, что ваша литература тоже непохожа на нашу.

— Литература?.. Разве что баллады.

— И этого уже достаточно. Вспомните, насколько американская народная музыка отличалась от европейской...— тут он поймал ее озадаченный взгляд.— Я с удовольствием послушаю, если представится такая возможность.

— Да я хоть сейчас могу представить,— пожал плечами Шон, откладывая скафандр в сторону. Он снял со стены

инструменты, пробежал пальцами по струнам. А затем запел балладу на вечную тему о безответной любви...

Я остаюсь, ты уходи,
Прощай, любимый мой.
Тебя ждут звездные пути,
Ждет мрак и ветра вой.

Бродяга ветер вдаль позвал,
Под ноги лег тропой,
И нас с тобою разметал
Осеннею листвою.

И нас с тобою разлучил,
От солнца прочь унес
Туда, где тысячи светил
Моих не слышат слез...

Шон поморщился:

— Не стоило мне выбирать эту.

— В другой раз,— ответила Никки. Она обернулась к Тревильтену чуть быстрее, чем полагалось бы.— Вот уж не думала, что вы интересуетесь подобными вещами.

— В моей работе важно все,— ответил Тревильтен.— А искусство — часто наиболее развитая символическая часть культуры, и следовательно, ключ к ее пониманию.

— Вы что, всегда думаете о своей работе?

— Нет, не всегда,— усмехнулся он.— Время от времени приходится есть, спать.

— Наверное, даже тогда ваши мозги не останавливаются,— фыркнула она.

Тревильтен промолчал. В определенном смысле это было правдой.

Илалоа поднялась одним текучим движением.

— Надеюсь, вы извините меня. Мне хочется погулять в парке.

— И я с тобой,— кивнул Шон.— Надоело здесь сидеть. А вы не хотите прогуляться? Мы могли бы сходить выпить пива.

— Пока нет,— покачала головой Никки.— Я хочу закончить вазу.

— Я составлю вам компанию, если можно,— поторопился сказать Тревильтен.

Шон облегченно — насколько то позволяла вежливость — вздохнул, и они с Илалоа ушли, держась за руки. Тревильтен опустил в кресло.

— Я не хочу показаться вам грубым, Никки. Если я буду выходить за рамки приличий, скажите мне прямо.

— Нет, вы не сделали ничего дурного. Просто эта баллада навела Шона с Илалоа на размышления, вот и все.— И Никки вкратце пересказала их историю.

— Понятно,— кивнул он.— Это может быть скверно. Уже не говоря об общественном мнении, они ведь не могут иметь детей, а в основанном на семье обществе, таком, как ваше, со временем это сыграет огромную роль.

— Я не хочу вмешиваться,— заметила девушка встревоженным голосом.— И потом, Шон всегда немного недолюбливал детей. И ему нужно что-то, чтобы не думать о той девке с Нертуса. Илалоа... не знаю. На борту ей не очень хорошо, но она постепенно привыкает. Славная девочка. Робкая, но славная.

— Это их дело,— пожал он плечами.

Никки пристально поглядела на него.

— Знаете, кажется, Илалоа не так уж и ошибалась насчет вас. Вы уж больно... черт, как же это слово? Как бог с Олимпа.

— Основной единицей цивилизации Сола является личность. Не семья, не клан, не государство, а личность. И наше психовоспитание развивает определенное отношение... эээ, ладно, это не важно. Все равно, я не типичный представитель.

Она отодвинула работу в сторону и провела рукой по встрепанным волосам.

— Вы, наверное, все это рассчитали, а? — ядовито спросила она.— Вы знаете, как все эти колесики у вас в голове вертятся и на какую кнопочку когда нажимать? Теперь мне понятно, как вы становитесь такими одиночками, одиночками, все вы, а корди — в особенности.

— Любой индивидуалист изолирован,— пожал он плечами.— Но в нашем обществе к одиночеству приходят не из-за стычек с другими или с самим собой. К одиночеству приходят естественно.

Она поежилась.

— Вы, наверное, и меня уже разложили по полочкам, не так ли?

— Вовсе нет. И даже если бы я мог, то не захотел бы.

— Давайте послушаем музыку.— И Никки шагнула к полке с пленками. Он пробежал взглядом по названиям. Тут было много старой земной музыки.

Никки вытащила одну.

— Вам нравится «Увертюра 1812 года»?

— Конечно.

Комнату наполнили первые аккорды: представилась безлюдная, необъятная зимняя степь. Никки снова принялась за работу, с силой разминая глину.

— Расскажите мне о Земле. На что она похожа?

— На работу по контракту,— усмехнулся он.

А про себя задумался, что же ответить. Может быть, ответить прямо, что Земля не столько населенная планета, сколько мечта?

— Мы не утопические мечтатели,— осторожно заметил он.— У нас есть свои проблемы, даже если они не похожи на ваши.

— А что вы делаете? — не унималась она. Отступив, бросила взгляд на грубые очертания головы дракона, выругалась и смяла глину в бесформенный комок.— Чего вы хотите от жизни?

— Жизни. И это не парадокс. Опыт, понимание, изменение и гармония — но и борьба, борьба за то, чтобы окружающая действительность была более упорядоченной.

Он продолжал рассказывать, пропуская абстрактные рассуждения, останавливаясь на маленьких деталях повседневной жизни, о людях, о делах, о землях, на которых живут люди. И вскоре Никки забыла про свою работу. Облокотившись на стол, она слушала, почти не перебивая.

Глава 9

На полной скорости до Эрулана было три недели ходу. Йоахим, которому нужно было дать экипажу понять, что это не простой торговый или исследовательский полет, времени зря не терял. По кораблю стали ходить искусно направляемые слухи, пока весь корабль не узнал, что «Странник» направляется в чужие и, может быть, враждеб-

ные владения. Приуменьшать опасность и раздувать возможность огромных прибылей вдобавок к той сумме, которую уже обещали другие номады,— это была излюбленная тема Йоахима.

Когда они приблизились к цели, стал известен и приказ капитана. В силу деликатного характера предстоящих переговоров и в связи с вероятностью вооруженного нападения хозяев команда не будет отпущена на поверхность.

Тревильтен представлял собой более сложную проблему. Йоахим переговорил с ним еще в самом начале полета.

— Правда вам не понравится,— сказал он тогда,— но лучше с самого начала смотреть фактам в глаза.

— Я уже кое-что слышал про Эрулан.

— Я начну с самого начала,— Йоахим старательно набил трубку.— Примерно семьдесят — семьдесят пять лет назад были построены два новых корабля, «Хаджи» и «Горец». Их экипажи состояли из честолюбивых молодых людей, которые считали жизнь номадов чересчур пресной. Однако они не могли и осесть на какой-нибудь колонизированной планете. А под рукой оказался этот варварский мир Эрулана. С современным оружием было нетрудно покорить эту воинственную нацию и помочь им покорить всех остальных. Теперь они — хозяева Эрулана.

— Завоевание,— в устах Тревильтена это слово прозвучало с горечью, почти как бранное.

— Ну-ну... Дела обстояли вовсе не так уж плохо. Они отнеслись к туземцам так же, как те относились друг к другу. Конечно, все остальные корабли тут же сообразили, что это может привести к неприятностям с Союзом, поэтому мы приняли закон, запрещающий такое захватничество. Правда, для Эрулана было уже поздно. Мы все еще торгуем с ними, но Эрулан — одно из немногих мест, где на вечную стоянку встали корабли номадов, а не наоборот. И с ними можно очень неплохо торговать, если не зевать.

Голос Тревильтена был бесстрастным:

— А чего вы хотите от них сейчас?

— Информации, парень. Они расположены чуть ли не в центре Большого Креста, и, судя по тем мелочам, которые я выяснил, очень может быть, что эрулане смогут иметь контакты с нашими X,— Йоахим окутался клубом дыма.— Выше нос, это не так ужасно, как кажется.

— Это именно то, что обязана предотвращать наша служба.

— Вот почему ты не полетишь с нами на поверхность и не коснешься ни одного астронавигационного инструмента, пока мы будем находиться в окрестностях планеты,— Йоахим жизнерадостно усмехнулся.

Корабль был уже совсем близко от цели, когда Йоахим послал за Шоном и Илалоа.

— Ты хороший пилот, Шон, поэтому я разрешаю тебе быть при высадке моим пилотом. И не вижу препятствий тому, чтобы Илалоа не могла спуститься вместе с тобой.

Шон затянулся сигаретой.

— А каковы реальные мотивы?

— Твой ранг не столь велик, чтобы на тебя обращали внимание. Кстати, можешь отправиться со своей леди прогуляться по городу. Посмотреть на достопримечательности. А если твоя телепатка, или чем там она владеет, услышит какие-нибудь мысли, скажем, о чужаках X на Эрулане или даже мысли самых чужаков — это будет достаточно интересно, не так ли?

— Вы могли бы не тратить столько слов,— кивнул Шон.— Хорошо, если Илалоа согласна...

— Это и мой корабль,— ответила она.

На двадцать третий день после отлета с Нертуса «Странник» вышел из гипердрайва и стал приближаться к солнцу Эрулана на гравитационных лучах.

Йоахим стоял на мостике, ожидая связиста, чтобы вызвать планету. Внутреннее поле тяжести делало внешнюю обшивку «низом», поэтому большие экраны располагались под ногами. Экран мельтешил от космических помех, этого бессловесного разговора речи звезд. На мостике наступила тишина, только оператор терпеливым голосом повторял:

— Корабль номадов «Странник» вызывает станцию Эрулан. Прием, Эрулан. Прием, Эрулан.

На экране засветилось рваное изображение.

В конце концов они разглядели жестколицего человека, пышно одетого в меха, с драгоценными украшениями вельможи. Его голова была выбрита, оставалась только дорожка волос посередине. Он говорил с заметным акцентом.

— Что вам нужно?

Йоахим вышел вперед и встал перед экраном.

— Капитан «Странника» говорит. Говорит капитан «Странника». Мы приближаемся к вашей планете, и я подумал, что с вами стоит связаться.

— Сейчас мы не торгуем.

— Мы не собираемся торговать. Мы просто хотели приветствовать вас, я и несколько моих офицеров. Мы можем занять орбиту и спустить шлюпку?

— Посетители не принимаются.

— У вас новый аркулан?

— Нет. Все еще Хаджи Петров. Но...

— Слушай, приятель,— прервал его Йоахим.— Я знаю, какой у тебя общительный король. С каких это пор он дал тебе право отказывать в приеме гостям?

— Я говорю от имени Его Величества. И говорите с подобающим уважением, «Странник»!

— Уж не с тобой ли? — Йоахим ехидно осклабился.— Я мирный человек, но не забывай: «Странник» не беззащитное суденышко. И если нам захочется взять вас на прицел, вы ничего с этим не поделаете. Если аркулан не желает видеть нас, то пусть скажет нам об этом сам. И напомни Его Величеству — я буду крайне разочарован, если он откажет. А теперь давай нам параметры орбиты и потопливайся!

Горделивое лицо покраснело от ярости.

— Вы хотите умереть?

— Прежде чем ты попытаешься что-то сделать, приятель,— ласково ответил Йоахим,— подумай хорошенько. Неожиданно его голос перешел в рев:

— До каких пор я буду разговаривать со всякой мелкой сошкой? Если нам отказывают в посадке, пусть аркулан сам скажет мне об этом! Живо!

И капитан выключил экран.

— Ого! — Сквозь бороду первого помощника Ференци сверкнула белозубая улыбка.— Рискуешь, Хэл. Если ты в самом деле рассердил его...

— Нет,— усмехнулся Йоахим.— Если бы он был большим соплом, он бы не дежурил у передатчика. Он привык к тому, что помыкает своими подчиненными, а хозяева помыкают им. Он не знает, куда поместить меня, и поэтому его естественной реакцией будет поджечь хвост. Он свяжется с вышестоящими.

— А с чего им отказывать? — Ференци скорчил недоуменную мину. — Эруланцы никогда раньше не относились к нам враждебно.

— Времена меняются, Карл. Они сливаются с завоеванной расой. Скоро они оборвут все внешние контакты, чтобы не будоражить свой маленький мирок. — Йоахим глубоко затянулся. — Однако я думаю, что за спиной аркулана что-то затевается.

— Нам лучше известить боевые посты.

— Да. Приготовить флайеры, выдвинуть детекторы, все, как положено. Все же не думаю, что дело дойдет до драки. Они постараются сделать вид, что все в порядке.

Теперь на экране появился действительно вельможа высокого ранга, Горец Торкильд Эдвард, которого Йоахим знал лично. С ним капитан номадов был заискивающе вежлив, доброжелателен, рассыпал намеки на богатые подарки, не скрывая, впрочем, тщательно отмеренной стальной нотки в голосе. Кончилось не очень искренними извинениями Эдварда Торкильда за поведение подчиненного и приглашением для всего экипажа спуститься на поверхность. Конечно, сделать так означало сдать на милость эруланцев, поэтому Йоахим сослался на спешку и принял приглашение от своего имени и нескольких офицеров.

«Странник» занял низкую орбиту, но вместо свободного движения завис прямо над Кавкасу. Это был невежливый, но совершенно недвусмысленный жест. Йоахим передал командование Ференци и выбрал сопровождение из астронавтов и инженеров помоложе. Они будут выглядеть славной, совершенно безобидной командой. Перебирая подарки, он присвистнул. Целое небольшое состояние из предметов декоративного искусства.

Шлюпка понесла празднично одетую группу вниз. Со своего места рядом с Шоном Йоахиму был прекрасно виден пасмурный диск планеты, опоясанный грозowymi облаками. Холодные суровые океаны омывали крутые скалистые горы, все северное полушарие было белым от снегов.

Город Кавкасу лежал приблизительно на двадцатом градусе широты, в зоне, где было возможно земледелие. Это был престол туземных воинственных королей, и с приходом новых хозяев город почти не изменился, разве что во дворцах появились кондиционеры, и была построена

военная база. На окраине города Йоахим заметил несколько новых зданий. Это небольшая космоверфь.

— Забавно,— пробормотал он.— Я был готов поклясться, что местные люди уже почти отказались от космических путешествий. Зачем им верфь?

Шлюпка приземлилась на площади перед центральным замком. Замок стоял на холме, насыпанном в самом центре Кавкасу. Каждый слой насыпи был укреплен стеной из отшлифованного веками камня. А у склонов холма город был словно придавлен, разбрызгавшись во все стороны высокими крышами, башнями с луковичными куполами. Вдали на горизонте вздымалась белоснежная кромка гор, белыми зубами вгрызавшаяся в темное багровое небо. Узкие улочки кишели пешими и наездниками, а кое-где через толпу протискивались механические средства.

Йоахим вышел из шлюпки, поежился, запахнул поплотнее плащ. Их ожидал почетный караул, выстроившийся неподвижно как статуи. Когда земляне подошли поближе, они опустили копья, салютуя.

Эруланцы были похожи на людей, крепко сложенные тела, кожа янтарно-желтого цвета, плоские, монголоидные лица. На руках у них — лишь по четыре пальца, уши большие, заостренные, все самцы совершенно лысые. Сильнее всего отличались от человеческих глаза: без ресниц, под сплошной черной линией бровей, раскосые, кошачьи, узкая багровая прорезь зрачков, немигающие. Стоявшие перед ними солдаты были одеты в длинные голубые туники, облегающие штаны, бронзовые кольчуги, шлемы с острыми наконечниками, кривые сабли висели на правом боку.

Горец Торкильд остановился в паре метров от землян и с трудом, словно превозмогая боль, склонил свою бритую голову.

— Приветствуем вас. Аркулан ожидает вас.

Порыв ветра разметал его слова по площади.

— Благодарю,— ответил Йоахим.— Пойдем, ребята.

Его команда зашагала вслед за ним, таща с собой ящики с подарками. Шон и Илалоа остались в шлюпке, отчасти чтобы охранять ее, отчасти потому, что Йоахим побаивался, что девушка может попасться на глаза Хаджи Петрову. Грохнули сапоги по камню — это следом за гостями двинулся почетный караул. Пышно разодетый музыкант затрубил в фанфары, когда они подошли к воротам замка.

«А я-то думал, что наши корабли чересчур цепляются за церемонии», — усмехнулся про себя Йоахим.

Это было неизбежно. Экс-номады захватили государство варваров; из безжалостной логики истории вытекало, что и они сами вскорости превратятся в варваров.

Каждый мужчина экс-номад был высокородным вельможей, а каждый эруланин (теоретически) рабом. Современное оружие разрешалось носить только вельможам, туземцы все еще оставались на уровне раннего железного века. Чтобы обеспечить роскошную жизнь хозяевам, огромная империя платила дань. Да, с первого взгляда казалось, что Хаджи и горцы неплохо устроились.

И все-таки, продолжал про себя Йоахим, все-таки они сами стали пленниками собственного детища. При дворе процветали интриги и коррупция. Наделенные властью не могли спать спокойно: им всегда приходилось опасаться предательства со стороны дьявольски самолюбивых подчиненных или убийства со стороны предусмотрительных вышестоящих. Забывались человеческая речь, мечты, одежда, и один за одним победители перенимали обычаи побежденных. Страннику припомнилась цитата: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»

Они долго шли под огромными сводами, прежде чем достигли аудиенц-зала. Зал был чудовищно огромен, невообразимой высоты потолок терялся в полумраке, высокие узкие окна бросали на толстые ковры багровые копы солнечного света. В глаза бил блеск золота и драгоценных камней, яркие крикливые цвета флагов и гобеленов, вдоль стен вытянулись шеренги стражи туземцев. Перед восседающими на тронах вельможами Кавкасу распростерлись ниц рабы. Перекрывая рокот барабанов, снова прозвучали фанфары.

Йоахим и его люди церемонно склонились перед аркуланом. Мужчина средних лет неподвижно застыл на троне, высоко держа увенчанную короной голову. Но приветствовал он их милостиво, куда приветливей, чем кое-кого из своих баронов, исподтишка бросавших на номадов неприязненные взгляды.

Ага. Здесь что-то замышляется, и король определенно не должен об этом знать. И из-за этого «что-то» они не любят гостей.

Для приглашенных были принесены кресла. Йоахим вручил подарки, и уселся, закурил и принялся обмениваться с аркуланом последними сплетнями. Вино лилось, компания становилась все более непринужденной, и не составило никакого труда добиться у короля разрешения для тех гостей, кто пожелает отправиться в город полюбоваться достопримечательностями.

— Но я постараюсь, чтобы вы и здесь не скучали,— добавил Хаджи Петров.— Последний корабль заглядывал к нам так давно. А почему вы не торгуете?

— У нас есть другие дела, Ваше Величество,— ответил Йоахим.

— Вот как? Ищите новые территории?

— Нет,— покачал головой Йоахим.— Вы, наверное, уже и сами знаете, что в Большом Кресте мир не настолько цивилизован, чтобы такой поиск имел смысл.

— Я бы на вашем месте не терял зря времени,— вмешался Торкильд.

— Ну, не знаю,— ответил Йоахим.— А зачем тогда вы строите новые корабли, если не для того, чтобы самим отправиться в космос, к звездам?

— Я строю корабли,— заговорил еще один вельможа, Хаджи Когама,— потому что у меня есть рабы и машины. У меня есть для этого и корабли, и рабы, и машины. Но они улетают только к Суре. Вы знаете эту планету?

— Н-нет. Планет слишком много, все не запомнишь.

— Это долгая и не очень интересная история,— продолжал Когама.— Отсталая система в сторону Канопуса. Их несколько раз посетила служба Галактических Изысканий, и они хотели бы иметь собственный космический флот. Мой агент несколько лет назад был на Родине Грома: кое-что там покупал. И случайно встретил одного из них — он как раз искал подрядчика для постройки кораблей. И я взялся за это дело. Я отправляю корабли на Суру, а они платят мне товарами. Естественно, они не знают, где живет их подрядчик, но их это не интересует.

— Понятно...

Черта с два! С каких это пор эруланский вельможа превращается в заводчика? Или снисходит до таких подробных объяснений?

— Так зачем же все-таки вы летите? — не унимался Торкильд.

Йоахим на ходу придумал ответ. Он назвал выдуманную планету. С ней можно было неплохо поторговать, но общественная структура ее очень сложна: изошренная рабовладельческая, сочетаемая с невероятной, почти религиозной тягой к различным церемониям. Может быть, в Кавкасу он сможет получить хоть какие-то советы, как вести себя с тамошними аборигенами.

— Далеко же вы летели просто за информацией, — покачал головой Петров.

— Вообще нет, Ваше Величество, — ответил Йоахим. — Мы нашли планету недалеко отсюда, вернее, спутник Ю-планеты, с богатыми рудными залежами. И раз уж мы все равно туда летели, то Эрулан оказался почти по пути.

— А что это за система? — поинтересовался Торкильд.

Йоахим поморщился, огорченно нахмурился.

— В самом деле, вы ведь не думали, что я отвечу на такой вопрос, а?

— И верно, — щелкнул языком Петров.

После заката был дан банкет. Когда было выпито достаточно спиртного, началось такое веселье, точно на празднике Единения. Йоахиму было жаль отказываться от него, но он предпочел за лучшее заранее проглотить отрезвляющую таблетку и только разыгрывал выпившего. Его экипаж не притворялся, но капитан не беспокоился за них — недоверие к чужакам было у каждого в крови. А сам капитан тем временем отпустил не один-два весьма дразнящих намека и взглянул в глаза Торкильду. Рыбка кле-вала.

Когда он наконец проложил неверный курс в спальню, оказалось, что аркулан гостеприимно предоставил ему служанку.

Девочка занимала в гареме не очень высокое положение, но она знала кое-какие слухи, и подарки вытянули их из нее. Это, конечно, не доказывало, что Торкильд и Когама замышляют недоброе против аркулана, но для его целей этого было вполне достаточно.

На следующий день он долго прогуливался по замку, задавал вопросы, совпадавшие с мнимой целью его прилета, и совсем не удивился, когда раб передал ему записочку с просьбой зайти к Торкильду. Йоахим последовал за рабом сквозь дюжину коридоров по лестнице в одну из

башен. Комната располагалась под самой крышей, окна были раскрыты навстречу холодному морозному воздуху и головокружительному виду внизу. Обстановка более чем строгая, комната больше походила на контору, чем на апартаменты вельможи. За столом сидел Торкильд, закутанный в меха, склонив свою бритую голову над какими-то бумагами.

— Садись, Странник,— отрывисто сказал он, не поднимая головы.

Йоахим пододвинул кресло, уселся, закинул ногу на ногу и вытащил трубку.

Наконец Торкильд оторвался от бумаг и поднял свое длинное худое лицо.

— Вы узнали то, за чем прилетели? — спросил барон.

— Ну, мне подсказали несколько полезных идей,— кивнул Йоахим.

— Давайте не будем ходить вокруг да около,— лицо Торкильда стало непроницаемым и неподвижным.— Эта комната защищена от шпионов. Мы можем говорить открыто. Что вы имели в виду вчера, когда сказали, что в Большом Кресте таятся очень интересные возможности? И когда сказали: «Жаль, что Хаджи Когама строит корабли для Суры, когда у него под носом лежит действительно лакомый кусочек?»

— Ну-у,— замылся Йоахим.— У меня не очень благородный ум. И в него иногда приходят низменные мысли. Например, если Хаджи Когама вовсе не продает свои корабли, а прячет их где-нибудь, пока не наберется достаточно сильный флот, чтобы потом взять власть в свои руки.

— Он не делает этого. Я знаю.

— Потому что вы собираетесь править Эруланом вдвоем?

— Мы не предаем друг друга,— голос Торкильда был ровным.

— Ну-у, я не говорил этого. Но ведь Его Величество может неправильно истолковать кое-какую определенную информацию. Например...— и Йоахим упомянул о подкупленном визире, о капитане дворцовой стражи, которому тоже кое-что посулили.

— Если ты будешь соваться в чужие дела, я могу и позабыть, что ты гость,— вспыхнул Торкильд.

— Если такое случится, то ты станешь первой жертвой. А если я не вернусь на борт, то «Странник» начнет бомбардировку.

Тут Йоахим примирительно улыбнулся.

— Давай не будем ссориться, Эд. Мы старые друзья, и я понимаю, что это не мое дело. Собственно, я даже хотел тебе кое-что подсказать...

— Что именно?

— Так, дворцовые сплетни. Может быть, они что-то значат, может быть, нет.

— Откуда же ты можешь узнать такие секреты, каких не знаю я?

— Я чужестранец. Женщины находят меня интересным — должно быть, на женской половине или где вы их держите чертовски скучно. Они знают, что завтра я исчезну, а сегодня я дарю красивые подарки. Почему бы им не поболтать со мной? И почему бы именно им не посплетничать?

Торкильд нервно теребил узкий гребень волос на стриженной голове. Йоахим как бы слышал его мысли. У вельможи нет никакой возможности пытками вырвать секреты у наложниц короля.

— И что же ты узнал? — не выдержал он наконец.

— Видишь ли...— Йоахим поглядел на потолок.— Я всегда думал, что ты мой друг, Эд. Вчера я подарил тебе несколько ценных вещей.

Они спорили о цене сведений Йоахима, пока тот не выторговал изрядную долю стоимости вчерашних подарков наложнице. А затем выложил свою приманку-выдумку, хотя и основанную на вполне вероятных догадках.

— У Когамы есть свои контакты в гареме и в королевской гвардии, о которых ты, может быть, не знаешь. Ходят разные слухи. Например, что ты и кое-кто еще строите корабли вместе с Когамой. Только эти корабли остаются здесь.

Лицо Торкильда застыло как маска. Добрый знак, подумал Йоахим. Все эти намеки и слухи, подброшенные вельможе, говорили об одном: Когама не остановится на задуманном. Когда их совместный план будет выполнен, он возьмется за своих союзников. И это вполне может оказаться правдой!

Когда Йоахим закончил, наступило молчание. Торкильд облокотился на стол, подпер голову ладонью. Нервно забарабанил по столу пальцами.

Йоахим сделал паузу, затем доверительно наклонился вперед.

— Я вот что думаю, Эд,— вкрадчиво заговорил он.— Я думаю, что здесь, в этом районе космоса, существует чужая цивилизация. Я думаю, что она скрывается от нас, один космос знает зачем. А вы, ты и твоя клика, строите для них космические корабли. Эти... незнакомцы платят хорошо, наверное, даже золотом, и тебе есть на что устроить заговор. Нынешний аркулан — хитрый малый, и низложить его будет нелегко. Но ты уверен, что с помощью этих денег тебе это удастся. Я прав?

— Если да... то как ты поступишь?

— Еще не знаю. Может быть, с ними будет полезно встретиться. Может быть, на этом можно будет заработать деньги. А если они враждебны нам, то корабли должны знать об этом,— Йоахим посмотрел в глаза собеседнику.— Я вот что у тебя еще хочу спросить, Эд. Если вокруг Эрулана возникнет могучая империя чужаков, что толку тебе будет в короне?

— Они не чужаки. И не местные,— ответил Торкильд сдавленным голосом.— Это люди.

Люди!

— Странные люди. Говорят на бейсике с чудным акцентом, не носят одежды, не... не знаю. У них повадки дикарей, но клянусь, это — люди.

— Чего они хотят?

— Корабли. Они связались с нами пять лет назад. Да, они платят металлом, и, насколько я понял, они прилетели откуда-то из Креста. Но это очень большой район, Йоахим. Может быть, с нашей стороны было глупо связываться с ними, но кто не рискует, тот не выигрывает.

— Да,— кивнул Йоахим.— Да, это верно.

Глава 10

Уже почти вечером первого дня эруланец принес на шлюпку записку от Йоахима. «Можете побродить по городу, но не уходите слишком далеко. Возможно, придется срочно улетать». Стоя у люка, Шон прищурился, чтобы разобрать строчки в сумрачном свете. Дул холодный ветер; на фоне неба чернел замок, темнели силуэты города, лежавшего у подножия замка.

Илалоа приподнялась на локте, когда он вошел в кубрик.

— Сегодня уже поздно,— покачал он головой.— Отправимся завтра утром. Ладно?

Та кивнула.

— Я знаю, тебе не нравится сидеть взаперти,— продолжал Шон.— Извини.

— Ничего. Я просто задумалась, Шон.

Он посмотрел на нее. Проследил взглядом изящные черты тела, задержался на лице.

— Тебе хочется обратно на Рандеву, так ведь?

Неожиданно она расхохоталась.словно хрустальный колокольчик.

— Бедный, глупый Шон. Ты все беспокоишься.

Шон потянул Илалоа к себе, та подалась ему навстречу, тесно прижалась. Его губы скользнули по душистым волосам, скользнули и слились с ее, отыскав приоткрытые в ожидании губы.

«Что ж, она права. Я и в самом деле слишком много беспокоюсь, а ведь от этого никакого толку».

Он с трудом заставил себя оторваться.

— Как насчет твердого топлива?

Она кивнула и проскользнула к гравитационному лифту.

— Падать вверх так смешно,— крикнула она из шахты.— У вас столько игрушек.

— Игрушек? — отозвался Шон. Но она уже плыла вверх, в камбуз на носу.

На следующее утро он надел традиционный костюм номадов, а сверху теплый плащ. Подождал, пока Илалоа выйдет из душа. На корабле она всегда подолгу плескалась в душе, словно смывая какую-то невидимую нечистоту.

— Надень что-нибудь потеплее, дорогая,— посоветовал он, вдруг ощутив себя почти настоящим супругом. Та поморщилась.

— Это обязательно?

— Если не хочешь замерзнуть, то да. Почему тебе не нравится одежда?

— Просто... будто прячешься от солнца, от дождя, от ветра. Окружаешь себя мертвой кожей, а это, как будто сидеть в темноте. Вы запираете себя от жизни, Шон.

Все-таки она оделась и прошмыгнула к шлюзу первой.

Утро было холодным и туманным, под ногами влажно блестели каменные плиты. Они вышли из ворот замка, пройдя под огромными башнями и стали спускаться вниз по холму, в город.

Город уже проснулся, и когда они спустились на улицы, шум стал еще громче: гул голосов, топот копыт, скрип колес и звон железа. Запах тоже стал сильнее. Шон принюхался и покосился на Илалоа. Та, кажется, не обращала на вонь внимания; напротив, она оглядывалась по сторонам с таким искренним удивлением, какого он не замечал в ней ни разу.

Улицы города были узкими и кривыми, скользкими от грязи, выписывая совершенно невероятные зигзаги между высокими домами с острыми крышами. Двери были тяжелыми, окованными медью и бронзой, узкие, как щели, окна, нависающие над улицей балконы закрывали небо. Вдоль стен выстроились шаткие деревянные прилавки, увешанные всевозможным товаром — посудой, одеждой, инструментами, оружием, коврами, едой, вином, и охрипшие от усердия торговцы равно расхваливали и примитивную простоту, и убогую роскошь. Иногда им навстречу попадался храм с башенкой-минаретом, гротеско украшенный измазанными кровью идолами.

Туземцы расступались перед Шоном и Илалоа, изо всех сил стараясь не прикоснуться к запретным фигурам людей и все-таки иногда наталкиваясь. Это зрелище казалось романтическим только издали. А вблизи... Шон почти физически ощущал кипящую вокруг ненависть.

Илалоа потянула его за рукав, и он пригнулся, чтобы услышать ее в этом грохоте.

— Ты знаешь этот город, Шон?

— Неважно,— признался он.— Я могу тебе кое-что здесь показать, если...— тут он заколебался,— если ты захочешь.

— Да, хочу!

Впереди взвыла труба, и эруланцы разбежались к стенам. Шон тоже оттянул Илалоа за собой, сообразив, в чем дело. Мимо пронеслось несколько всадников в доспехах и шлемах, разбрызгивая грязь из-под копыт. Старший размахивал во все стороны нагайкой. В центре скакал человек, одетый точно так же, как они.

Не успел смолкнуть топот, как раздался женский вопль. Прежде чем толпа снова заполнила улицу, Шон успел заметить, как туземка склонилась над маленьким мохнатым тельцем. Ее дитя, очевидно, оказалось недостаточно проворным.

Горло перехватило так, что было больно.

— Сюда, Илалоа,— прохрипел он.— Назад, сюда.

— Там была смерть,— негромко сказала Илалоа.

— Да,— ответил он.— Такова жизнь на Эрулане.

Они попали на другую, не менее оживленную улицу. По ней шла вереница рабов, скованных за шеи. Их босые ноги кровоточили. Двое солдат подгоняли рабов плетью, но те даже не поднимали глаз.

Шон еще раз посмотрел на Илалоа. Та глядела на проходивших мимо рабов, но, судя по лицу, ее сострадание было далеко не таким глубоким, как у него.

Улица выходила на рыночную площадь. На виселице раскачивалось три тела. Под ней расфранченный эруланин брэнчал на маленькой арфе. Звучала веселенькая мелодия.

Пальцы Илалоа сжали его руку.

— Ты печален, Шон.

— Это все проклятая, жестокая планета,— ответил он.— Все это так бессмысленно!

Илалоа пристально посмотрела на него, а когда заговорила вновь, ее голос был серьезным.

— Ты давным-давно отгородился от жизни. Ты забыл вкус дождя и летней ночи. В твоей груди пустота, Шон.

— Какое это имеет значение?

— Вокруг нас жизнь. Ты забыл, какой она может быть мрачной, грубой, жестокой. Вы хороните ваших мертвых в огне и забыли, что плоть должна сливаться с землей. Земля должна наливаться силой ваших тел и расцветать

там, где умираете вы. И тогда наступит вечный рассвет, и вы не вспомните ни про ночь, ни про грозу. А ты живешь во тьме, с привидениями и призраками. Это неправильно, Шон.

— Но это!..

— Да, здесь жизнь жестока и груба, но это жизнь. Ты боишься криков и мук рождения? Ты боишься думать о ночных хищниках, которые убивают жизнь, чтобы накормить своих детенышей? Тебе знакома жажда власти и жажда смерти?

— Уж не думаешь ли ты, что это правильно?

— Нет. Но это есть. О Шон, нельзя любить жизнь, пока ты сам не стал всей жизнью, не такой, какой она должна быть, но такой, как она есть, с грубостью и лаской, с радостями и печалью, не только в тебе, а... Нет, ты не понимаешь!

Немного помолчав, она негромко добавила:

— Да, настоящее можно сделать лучше. Нет смысла в бесконечных муках и страдании. И все равно здесь жизни больше... чем в городе Стелламонт.

— Ты хочешь сказать,— переспросил он,— что неверна причина? Что инстинкт...

Илалоа рассмеялась, хотя в смехе мелькнула и нотка сожаления.

— Ты добр, но твоя доброта такая далекая,— и тут же, чуть не навзрыд: — О Шон, если бы у нас могли быть дети...

Он прижал ее к себе и, не обращая внимания на кошачьи взгляды вокруг, поцеловал. Почему-то он чувствовал облегчение. Они пытались понять друг друга, и даже неудача была по-своему победой.

После обеда улицы опустели — наступила сиеста. Шон и Илалоа бродили по лабиринту кривых улочек и тупиков, пока не заблудились окончательно. В этом не было ничего страшного — достаточно было увидеть с какой-нибудь площади громаду замка и идти в том направлении.

Шон заглянул в переулочек, узкий туннель под покосившимися стенами домов.

— Может быть, попробуем сюда?

Ответа не было. Он и не ожидал ответа: Илалоа не отвечала по меньшей мере на половину его вопросов. Но когда Шон обернулся, он был потрясен.

Раньше он видел на ее лице любовь, радость, тревогу, скорбь, одиночество, отвращение, робость, безмолвный отказ. Но никогда прежде он не видел ее действительно испуганной.

— Ло... Что случилось? — прошептал он. Оружие, казалось, само прыгнуло ему в руку из кобуры.

Она потрясенно взглянула на него, прикрыв ладонью рот, словно чтобы заглушить крик.

— Амурихо! — выдохнула она. — Хуалалани амурихо!

Шон втащил ее в переулок и осторожно выглянул на улицу. Пусто.

— Мысль! Это мысль о... О нет, Шон!

Он не оборачивался. Его глаза обшарили всю улицу. Ни следа, ни движения.

— Икас, — закончил он за нее фразу.

— Это был не человек и не эруланец, — дрожащим голосом продолжала она. — Холодная и пустая звездная ночь. И холод, холод!

— Где?

— Здесь, рядом. Где-то за стеной.

— Мы убираемся отсюда!

— Вот! Вот, опять! — она вцепилась в Шона, прижавшись к нему. Она уткнулась лицом ему в грудь, и он чувствовал, как ее трясет.

— Т-ты можешь прочесть их мысли? — прошептал он.

— Тьма, — всхлипнула она. — Тьма и пустота, полная звезд, и звезды, как серп, вокруг сияющего облака.

Рукоять оружия скользила от пота.

— Они могут почувствовать нас?

— Не знаю, — хриплый шепот. — Оно думает о звездах, о других звездах, но все время там этот серп, режущий сияние. В нем презрение, власть и власть, как стальное...

Ее голос оборвался.

— Оно исчезло, — заговорила она вновь тихим детским голосом. — Я больше его не чувствую.

Шон сорвался с места, торопливо зашагал к замку, сжимая одной рукой оружие, другой — ее запястье.

— Йоахим был прав, — прорычал он сквозь зубы. — Теперь нам нужно поскорее убраться с этой планеты!

Глава 11

На борту корабля собралось не особенно интеллектуальное общество, и все-таки одним из способов убить долгое время перелетов было чтение. На борту «Странника», как и всех его братьев, сохранилась приличная библиотека. Это было большое двухэтажное помещение во внешнем кольце, почти посередине корабля, недалеко от парка. Во время перелета с Нертуса Тревильен провел там немало времени.

Направился он туда и сейчас. Внутри было тихо, почти пустынно, если не считать полудюжины посетителей что-то читавших за столом, дремлющего библиотекаря. Вдоль стен вытянулись полки с микрокнигами с цивилизованных планет: справочники и философские работы, поэзия и беллетристика, невероятная мешанина из всякой всячины. Были тут и большие тома, написанные обитателями сотен миров или самими номадами. Тревильен снял с полки краткую историю кораблей.

Книга начиналась с мемуаров Торкильда Эрлинга, первого капитана номадов. Голые факты были знакомы любому мало-мальски образованному гражданину Союза: как первый «Путешественник», корабль с эмигрантами, построенный на заре меж звездных путешествий, попал в «возмущенный вихрь», и сегодня мало понятный и неизученный феномен, а тогда и вовсе неизвестный — и был отброшен с курса почти на две тысячи световых лет в сторону. С гипердрайв-двигателями того времени потребовалось десять лет полета, чтобы очертания созвездий приобрели чуть-чуть знакомые очертания, и еще десять лет безнадежных поисков. Они нашли необитаемую 3-планету, назвали ее Гавань и построили там свою колонию. Большинство с радостью было готово забыть эти страшные поиски в глубинах вечности. Но не все. Эти несколько беспокойных опять взошли на борт «Путешественника» и пустились в путь.

Такова история. Теперь же, читая написанные Торкильдом строки, Тревильен стал понимать подъем тех первых лет. Но идеалы менялись. В более поздних записях Торкильда чувствовались нотки разочарования; его «новое общество» развивалось совершенно не так, как он себе

представлял. Вот опять, типично человеческая черта, непонимание логики своих собственных желаний.

Тревильтен быстро пролистнул страницы, до раздела о экономике номадов. В космическом корабле может быть создан замкнутый экологический цикл, корабли номадов могут сами обеспечивать себя пищей — гидропоника, синтез белковой пищи и витаминов с помощью дрожжевых бактерий. Корабль может самостоятельно ремонтироваться. На корабле могут автономно выполняться ремонтно-профилактические работы. Дрейфуя в космосе, корабль может жить бесконечно долго. Однако проще и выгоднее оказалось открывать и исследовать планеты в роли торговцев и предпринимателей.

Номады не ограничивались торговлей — иногда они добывали руду или занимались другой промышленной работой, случалось даже пиратство, хотя к нему относились с неодобрением. Часть захваченного или заработанного шла на собственные нужды, остальное — на продажу или обмен.

Такие предприятия всегда были частными, капитан вел лишь необходимые предварительные переговоры. Небольшого налога с предприятий хватало, чтобы поддерживать общественные учреждения.

Общество было демократическим, хотя право голоса имели только взрослые мужчины. Вопросы политики номадов обсуждались на Рандеву, и решения такого уровня был уполномочен принимать только Совет Капитанов, остальные — сами экипажи. Все вопросы выходящие за рамки повседневной рутины, оставляли на усмотрение капитана. Капитан обладал широкими полномочиями, а если он умело ими пользовался — то и еще большим влиянием. Тот факт, что Йоахим смог отправить «Странник» в разведывательный полет на основании собственного желания, говорил о многом. Если...

Тревильтен вздрогнул, словно очнувшись, поднял глаза и почувствовал, как застучало сердце. В библиотеку вошла Никки.

Она достала из-под мышки книгу и поставила ее на полку. Заметив Тревильтена, улыбнулась.

— Где ты был? Я не видела тебя уже несколько дней.

— Здесь, — он неопределенно махнул рукой. — Что нового?

Никки отрицательно мотнула головой.

— Делаю ковер. Ференци Мей-Линь, ну, жена Карла, хочет новый ковер, заплатит деньгами. Больше ничего нового,— она грустно нахмурилась.

— Я-то думал, что вся жизнь номадов основана на том, что все время случается что-то новое.

— Ну, мы прыгаем от планеты к планете, как сумасшедшие. И что?

— Жизнь не имеет явно выраженного смысла или значения,— с усмешкой парировал он,— она просто существует как физический феномен во вселенной. То же самое относится и к любому обществу. Ты злишься на себя только потому, что не можешь найти для себя цели.

Он встретился с ее дымчато-голубыми глазами.

— Начинается! Ты можешь думать о чем-нибудь вообще по-другому, чем... чем, как о частном случае общего правила?

Честно говоря, подумал Тревильтен, нет.

Вслух он примирительно заметил:

— У меня есть свои удовольствия. И я так же люблю пиво, как любой мужчина. Кстати, о пиве: ты не составишь мне компанию?

— Ты не ответил мне,— не унималась она.— Всегда одно и то же. Женщины не думают! Место женщины на кухне и с детьми. Меня уже воротит от этого!

— Я солярианин,— напомнил Тревильтен.— Кого-кого, а нас не обвинишь в мужском шовинизме.

— Солярианин...— на мгновение черты ее лица разгладились, она выговорила это слово мягко, ласково. И снова напустилась: — Подумаешь, Сол! Тоже мне, исподтишка хотите управлять вселенной по своим... своим... уравнениям? Теоретики!

— Любая культура основана на теории,— пожал плечами Тревильтен.— У нас она просто сформулирована ясно.

— Иногда я тебя терпеть не могу,— стиснула кулаки Никки.

— Я вовсе не собираюсь смотреть на тебя сверху вниз,— огрызнулся он.— Если бы я хотел запудрить тебе мозги сказочкой, ты бы и не догадалась. Но не суди о том, чего не понимаешь!

Она выдержала его взгляд и неожиданно рассмеялась.

— Хорошо, сдаюсь. Ты вроде приглашал меня выпить пива?

И я еще считаю себя хорошим психологом, растерянно подумал Тревильтен.

Взвывала сирена. Никки замерла, прислушиваясь к гудкам.

— Что это? — спросил Тревильтен.

— Сигнал, — коротко ответила она. — Готовность боевым постам. По местам, приготовиться к гипердрайву.

— Рядом с планетой?

— Может быть опасность, — Никки бросилась к библиотечному Глазу.

Такие телеэкраны устанавливались везде — в каждом жилищном помещении, в общественных местах. Их можно было подключить к любой из телекамер, установленных там, где могло происходить нечто представляющее общественный интерес. Никки быстро переключилась на камеру у шлюзов. Старички читатели заглядывали через плечо.

Прошла бесконечно долгая минута, пока на экране не появилось чистое изображение. Тревильтен узнал выход одного из причалов. Оттуда как раз появился мрачный Йоахим.

Голос капитана загредел из всех громкоговорителей.

— Внимание, Странники! Говорит капитан! Мы уходим отсюда на гравитации. Машинное отделение, вы слышите? Полный вперед на гравидвигателях на север от эклиптики. Готовность к гипердрайву, на всякий случай, — тут голос немного смягчился. — За нами пока не гонятся, но лучше не рисковать. Мы раздобыли информацию, которая может стоить многих жизней, и уходим в безопасный район.

Тревильтен почувствовал, как завибрировала палуба. В гравитационном поле ускорение действовало на все объекты равномерно, и он не ощущал никакого давления, но кажется, они удирали от планеты на добрых пятидесяти «же».

Голос капитана снова неприятно ударил по ушам.

— Тревильтен Мика, вам следует немедленно явиться на мостик. Мне может потребоваться ваша помощь.

— Что это может быть, — подняла глаза Никки.

— Сейчас узнаю,— ответил Тревильсен.

— Я с тобой.

Йоахим стоял возле астронавигационного компьютера, передав управление Ференци. Тут же был Шон, тонкие черты лица искажены напряжением. Но внимание Тревильсена приковала к себе Илалоа. Она скорчилась в кресле астронавигатора, уронив голову на пульт, ее согнутое тело буквально трясло от напряжения.

— Что случилось?

— Еще не знаю толком,— ответил Йоахим и глянул на Никки, стоявшую над Илалоа, положив ей руку на затылок.— А ты что тут делаешь?

— Вы против? — Никки топнула ногой.

— Да нет, не возражаю. Может быть, ты сможешь ее успокоить. Бедной девочке пришлось поволноваться.

Капитан коротко пересказал, что он выяснил на Эрулане: люди со странными повадками, тайно покупающие космические корабли, и мысль, подслушанная Илалоа, мысль, которой не может вынести мозг.

— Они вломились ко мне, Шон с Илалоа, когда я уже и сам собирался улетать. Это решило дело. Ло — славная девушка. Упала в обморок, только когда мы оказались в безопасности.

Тревильсен посмотрел на женщин. Теперь Илалоа всхлипывала, уткнувшись в грудь Никки.

— Мысль настоящего чужака? — недоверчиво переспросил землянин.— Но если она не может читать наших мыслей, как она смогла услышать эту?

— Формы сигналов различны,— хрипло ответил Шон.— Эта мысль оказалась больше похожей на ее мысли, чем на наши. Но содержание было... чужим.

— Ну, Мика, что ты об этом думаешь,— спросил Йоахим.

— Что ж, если это была не ошибка, и не... ммм,— Тревильсен потер подбородок.— В одном случае люди, в другом — чужаки. А они не могут действовать независимо, может быть, даже не зная друг о друге?

— Думаю, могут,— с сомнением ответил капитан,— но верится в это с трудом.

— Может быть, и так. Я думаю, что... — тут Тревильсен заметил, что Илалоа пришла в себя.

Ее все еще трясло, но слезы утихли. Интересно, заметил он, рыдания не портили ее лицо, как это бывает у людей.

— Полегче с ней,— негромко напомнила Никки.

— Постараюсь,— Тревильен подошел к Илалоа и уселся на край стола, свесив ноги.

Фиолетовые глаза безнадежно глядели на него.

— Илалоа, ты хочешь говорить об этом?

— Нет. Но я буду. Это необходимо.

— Вот умница! — Тревильен усмехнулся.

Насколько это наиграно, подумала Никки, глядя на его лицо, излучающее тепло и сочувствие.

— Расскажи мне, какой была та мысль в Кавкасу. Как ты ее чувствовала?

— Если вы не чувствовали мысли, то у меня нет слов для этого.

— Я чувствовал. Накатывается все сразу, так? Основная нить и всевозможные оттенки, обертоны, тени, шепот, отражения. И она никогда не застывает, все время меняется. Так, правильно?

— Насколько можно выразить словами, да,— кивнула она.

— Вот и хорошо, Илалоа. Теперь расскажи мне как можно точнее, какой была эта мысль, которую ты почувствовала?

Она уставилась перед собой, вцепившись в подлокотники кресла так, что пальцы побелели.

— Это было все сразу, — прошептала она.— Оно пришло, накатилось, как будто что-то вынырнуло из-под воды, пошевелилось и скрылось обратно.

Ее передернуло. Шон кинулся вперед, но капитан остановил его.

— Это была власть, презрение огромное,— снова заговорила она.— Лапа, стиснувшая вселенную, точно стальная. Что-то медленное, терпеливое, внимательное. И еще там было сияние на черном небе. Светящееся пятно и звезды вокруг. Звезды в форме серпа, срезающего это поле. Одна звезда была ярче других, высокая и холодная, и еще там была сияющая спираль, так далеко, что я чуть не закричала и...— она снова затрясла головой.— Не могу. Не могу больше,— закончила она срывающимся голосом.

— Понятно,— Тревильен наклонился вперед, упершись

локтями в колени, потирая руки.— Как ты думаешь, ты сможешь нарисовать эти звезды?

— Нарисовать? Зачем?..

— Я хотел бы загипнотизировать тебя, Илалоа,— продолжал он.— Это просто сон. Я хочу, чтобы ты вспомнила все. Ты даже не почувствуешь этого. И я смогу убрать твой страх.

Илалоа опустила глаза, губы задрожали.

— Да,— наконец ответила она.— Делайте. Я хочу помочь вам.

Гипноз не занял много времени. Илалоа быстро вошла в транс. Шона передернуло, когда она снова стала вспоминать мысль, но наступившая затем умиротворенность стоила того. Тревильен дал ей карандаш, и она быстро и уверенно нарисовала это звездное скопление, добавив несколько туманностей и часть Млечного Пути. Координатор забрал рисунок и вывел девушку из транса. Она сонно улыбнулась, поднялась и попала прямо в объятия Шона.

— Кажется, все должно быть в порядке,— кивнул Тревильен.— По-моему, мне удалось снять ассоциативный страх. Дело было не в личном отвращении, а в полной, совершенно незнакомой, чужой картине.

Он задумался, посмотрев в сторону.

— Так что же мы имеем? — поинтересовался Йоахим.

— Ну, вероятно, эти существа Х думают на различных частотах и различными формами сигнала. Илалоа уловила только ту часть, которая была ближе всего к формам ее расы. Это может кое-что о них подсказать, хотя я не очень уверен в этом. Гораздо более важен рисунок. Здесь изображен район космоса, который, вероятно, является домом этих Х.

— Да, это очевидный вывод,— Йоахим посмотрел на листок.— Это отличная подсказка. Ну-ка, посмотрим. Это сияние, несомненно, яркая газообразная туманность, эта спираль, вероятно, туманность Андромеды. Если мы находимся в районе Креста, то эта большая яркая звезда может быть только Канопусом, а вот и зубец Млечного Пути, который тоже виден отсюда,— он махнул рукой на иллюминатор над головой, на призрачный мост во тьме.

— Короче говоря,— подытожил Тревильен с ноткой торжества в голосе,— мы достаточно точно знаем, где живет наш враг.

— Вот-вот. Я думаю, что с помощью вот этой штуки мы узнаем еще точнее. Эй, Мануэль!

Молодой астронавигатор поднял голову. Йоахим свернул из рисунка бумажный самолетик и запустил в его сторону.

— Найди мне этот район, и как можно точнее. Используй все наши таблицы и компьютеры, но дай мне его координаты с точностью до сантиметра.

Глава 12

Время исчезло.

На корабле всегда горит свет, холодный свет ламп заполняет коридоры и залы, по которым кто-то торопится по делу, кто-то сидит и терпеливо ждет чего-то. Темнота наступает, только когда повернешь выключатель в своей каюте.

А снаружи — звездная ночь, вечная и безграничная.

Времени не было. Стрелки часов устало отмеряли бессмысленные часы и минуты, а люди, не глядя на них, спали и бодрствовали, ели, работали, бездельничали, ждали. Старики вспоминали о том, что было, молодые мечтали о том, что будет. Настоящее было вечностью.

В памяти Тревильена отпечаталось всего несколько событий. Некоторые беседы с номадами, прежде всего с Йоахимом, рассказы о странствиях в холодном великолепии Галактики. Вылазки с Никки по запутанному лабиринту корабельных коридоров. Случай с чернокожим парнем с печальными глазами.

Однажды этот юноша с печальными глазами, аббат Роберто, отыскал координатора и предупредил его: Илалоа — ведьма. Тревильен припомнил слова Шона о том, что Роберто случайно подслушал обрывок разговора о телепатии. За спиной Илалоа уже шушукались, в ее сторону неприязненно косились. Напряжение, нараставшее по мере того, как они все дальше углублялись в незнакомый район, могло вывести из равновесия и более стойкие умы.

Но по крайней мере, сейчас у «Странника» была определенная цель. Район пространства, в котором небо выглядело, как на рисунке Илалоа, находился всего в нескольких десятках световых лет. На полном ходу — шесть недель пути от Эрулана.

Прошел месяц. С таким же успехом это могли быть неделя или столетие. Но часы утверждали, что прошел месяц.

Они все вчетвером сидели в парке. Наконец-то, найдя подходящую компанию, Никки, скрестив ноги, сидела рядом с Тревильеном и держала его за руку. Шон с прижавшейся к нему Илалоа сидел напротив.

Парк считался самым большим отсеком корабля после грузовых трюмов и был самым впечатляющим после гипердвигателей. Он занимал почти девяносто градусов по окружности внешней палубы, а в длину — сто двадцать метров, начиная от носа. Но парк был необходим.

Во времена крупных городов человек был заперт, словно в клетке, в рукотворных пещерах из камня и стекла. Ничего удивительного, что это так часто приводило к безумию. А что же тогда говорить о людях, запертых в железных скорлупках в межзвездном пространстве? Они бы просто не выдержали этого, не будь у них какой-то разрядки, прохладной травы и мягкой земли под ногами, шороха листьев и журчания воды.

Парк был местом общественных собраний, когда капитан обращался к экипажу на широком зеленом лугу. Но сейчас здесь было почти пустынно, если не считать детей, игравших в мяч. Это был самый обыкновенный парк с деревьями, земными деревьями, с зарослями кустов, клумбами и фонтанами, с извилистыми дорожками и укромными местечками.

Тревильен и его компания сидели в одном таком уединенном местечке в укрытии из карликовых деревьев. Над ними простирали свои ветви дуб, а ивы и розовые кусты превратили полянку в крошечный грот.

Здесь находился иллюминатор. Он располагался вертикально, как окно, его металлические края оплел плющ. В этом окне из мягких листьев космос расцветал еще страшнее, пространство было еще более пугающим, с алмазными точками звезд, проваливающихся вдаль, к самому краю вселенной. Рядом с иллюминатором сидел Шон, Ила-

лоа пропустила его туда, стараясь не смотреть в сторону иллюминатора.

Они беседовали о цивилизациях. Никки заговорила Тревильена, без конца расспрашивая его о Земле, и он с охотой откликался. Ему хотелось, чтобы номады поняли, что происходит.

— В некотором роде, — говорил он, — мы находимся сейчас в том же положении, в котором пребывали земные люди, скажем, с шестнадцатого по девятнадцатое столетие. Это было время, когда человек мог достичь любой части планеты, но те путешествия были долгими и тяжелыми, а связь значительно отставала. Передача информации — идей, открытий — как в колониях, так и в Европе, была медленной. Координация — практически невозможной. Нет, они конечно, оказывали влияние друг на друга, но только частично. Даже невозможно представить, насколько отчужденными становились колонии. Северная Америка — это не Англия, и этнос совершенно изменялся. Если бы у них тогда было радио, то даже с такими примитивными кораблями история Земли могла быть совершенной иной. Ну а что мы имеем сегодня? Дюжину, а то и больше высокоцивилизованных рас, разбросанных в этой части Галактики, связь между ними ограничена космическими кораблями, которым требуются недели, чтобы долететь до звезды назначения, и ничего больше. Нет даже экономических связей, которые на Земле все-таки объединяем колонии с метрополией, с Европой. Возникает такая несогласованность целей, которая рано или поздно приведет к стычке. И в нескольких случаях уже привела. А это означает уничтожения.

— Ммм... Да. — Шон взъерошил и без того лохматую голову. Другой рукой он обнимал Илалоа, глаза девушки были очень печальны, и она сидела в напряжении, словно ожидая чего-то.

Никки кивнула в ее сторону головой.

— Ло права. Ты чересчур много думаешь. Мика, ты слишком одинок.

Она указала на иллюминатор.

— Посмотри туда, Мика. Вот наша вселенная. Мы — часть ее. Забудь ты на время о своей чертовой науке. Потрогай Галактику собственными руками!

— Галактика велика, — покачал он головой.

— Ты думаешь, номады не знают этого? — воскликнула она.— По-твоему, это не мы проводим здесь целую жизнь и не мы видим все новые и новые миры, а за ними — все новые звезды? Звездам наплевать, что мы существуем, и когда мы все умрем, звезды все равно будут светить так же, как они светили всегда, словно нас и не было. И все-таки мы — часть вселенной, Мика! Пускай мы — всего один атом, но и это уже немало!

Она осеклась, на щеках выступил румянец.

— Что-то я разговорила сегодня,— смущенно пробормотала она.— Это Ло виновата. Она так говорит... сама не замечаешь, как подхватываешь.

Мика молча усмехнулся.

— Я никогда бы не сказала такого,— шепотом возразила Илалоа.

— Вы — части разного. Мика чувствует себя частью порядка несуществующего, ненастоящего, вроде мыслей в его голове. А вы, живущие на корабле, думаете об огне, металле и об этой пустоте; для вас жизнь — просто букашка, копошащаяся в мертвой материи. Нет, нет! — она уткнулась в плечо Шона.

— А как думаешь ты? — спросил Тревильтен.— Что для тебя реальнее всего?

Илалоа снова подняла глаза.

— Жизнь. Жизнь во всем — в пространстве и времени, в силах... нет... она есть, и она...— Девушка беспомощно замолкла.— У вас нет таких слов. Вы пытаетесь понять жизнь, как будто вы смотрите на нее извне. Но так вы ничего не поймете. Ее не нужно понимать, ее нужно ощутить, и вы больше не замкнуты в стенах вашего тела, вы станете частью жизни... как реки, станете волной, которая всплеснула и погасла, а река все течет и течет...

Шон погладил ее по волосам.

— Ты говоришь о странных вещах, радость моя,— пробормотал он, касаясь губами гладкой бледной щеки.

— Бергсон,— кивнул Тревильтен.

— А? — вскинула брови Никки.

— Философ с Земли, древний философ. У него были идеи, очень похожие на то, о чем говорит Илалоа. Правда, сомневаюсь, что он следовал им — так, как об этом говорит Илалоа. Когда-нибудь я хотел бы поговорить о твоём народе, Илалоа,— добавил он задумчиво.— Я был так

занят кораблем, что совсем позабыл про тебя. Думаю, ты сможешь меня кое-чему научить.

— Я попробую,— ее голос звучал почти неслышно.

— Мика,— неуверенно спросила Никки.— Неужели мы, номады, настолько отличаемся от Союза?

Он кивнул.

— Сильнее, чем вы можете себе представить.

— Я хочу сказать... да, мы живем по-разному, но мы все-таки люди, что на Соле, что на краю Галактики. Неужели мы действительно так по-разному думаем?

— Да, мы все люди из плоти и крови... А к чему ты клонишь?

— Раньше ты говорил так... словно мы — какие-то огнедышащие чудовища. Я просто подумала, как ты и я... ваш и наш народ сможем ужиться вместе?

— В соперничестве нет смысла,— ответил он тусклым голосом.— Но пока существуют две культуры, две разные культуры, не будет никакого реального объединения. Мы стремимся к чересчур противоположным целям. Вспомни, что случалось с теми, кого вы принимали на борт. Или с номадами, которые хотели осесть в колониях.

— Я так и думала, что ты это скажешь,— Никки медленно отодвинула свою руку.

Тревильтен не пошевелился.

Шон задвигал затекшими ногами.

— Я хочу прогуляться по парку. Пойдем, Ло?

Они поднялись, когда импульс вибрации, неожиданный, тошнотворный, скручивающий, пронизал людские тела.

— Какого черта!.. — Никки вскочила на ноги.

— Генераторы гравиполя... — не успел договорить Шон.

Их потряс еще один импульс. В глазах помутилось, чудовищный вздох зашелестел в листе. Послышались чьи-то крики, кто-то выругался.

— Икс! — выдохнул Шон.— Они атакуют!

Тревильтен вскочил, придерживая Никки за плечи.

— Нет! Корабль в гипердрайве невозможно атаковать! Это...

И тут Илалоа завизжала.

Взглянув в ее сторону, Тревильтен увидел, как изображение на экране задрожало. Вспыхнула искра, и экран погас. Потянуло едким дымом.

Еще одна волна и еще, их бросило на пол. Заскрежетал металл. Тревильтен увидел, как ветка дуба отломилась и пронеслась через содрогающийся парк. Он снова, шатаясь, попытался встать на ноги. Никки повалилась на него, и он подхватил и прижал ее к себе.

Вспыхнула молния, бело-голубое адское пламя электрического разряда протянулось от стены к стене. Вслед за этим ударил гром, грохочущий, словно удар чудовищного гонга, раскаты эхом зазвенели в стенах. Почва под ногами заходила ходуном. Свет погас, и полную темноту разрывали только вспышки электрической дуги. Корабль трясло.

Сквозь общий грохот усиленный голос из громкоговорителя показался Тревильтену далеким криком:

— Мика! Тревильтен Мика, вы слышите меня? Это Йоахим! Немедленно на мостик! Нам нужна ваша помощь!

Темноту пронзила еще одна молния, и голос затих. Завыла аварийная сирена, безумно и в общем-то уже бесполезно. Кто-то налетел на Тревильтена, сбив его с ног.

— Вихрь! — раздался испуганный вопль. — Мы попали в возмущенный вихрь!

Глава 13

Возмущенный вихрь — большое дрейфующее силовое поле неопределенной природы и происхождения, проявляющееся как гравитационная турбулентность, сопровождающаяся гидромагнитными и электрическими побочными эффектами. Название связано с тем фактом, что дифференциальные уравнения, описывающие условия на границах ВВ, сходны с уравнениями вихря в гидродинамике, а также из-за распространенной аналогии со смерчем. С этими вихрями связывают большое число феноменов, включая возмущения в движении планет и других небесных тел. Флюктуирующее силовое воздействие сил, оказываемое ВВ на космические корабли, а также вносимые им возмущения полей гипердрайва приводят к страшным последствиям; так, корабли часто разрушаются или бывают отброшены далеко в сторону на значительное расстояние. Несомненно, вину за большинство без вести про-

павших кораблей следует возложить именно на ВВ. Наилучшая теория возмущенных вихрей выдвинута Рамачандрой. Согласно этой теории, локальные концентрации образующейся массы...

Энциклопедические определения! Случалось ли их представителю самому побывать в такой буре?

Молния прорезала темноту, гроыхал гром. В отсвете вспышки Шон заметил, как на него валится вырванное с корнем дерево, и еле успел откатиться в сторону. Ветры хлестнули по рубашке.

— Илалоа! — закричал он. — Илалоа!

Она прижалась к нему, и он прикрыл ее своим телом. Корпус корабля вибрировал, и эта вибрация пронизывала все: кожу, кости, мозг. При свете очередной вспышки он заметил Тревиллена, продирающегося через парк, волоча за собой Никки. Раздался женский вопль. А потом грохот металла заглушил все человеческие голоса.

Индуктивные токи... Он почувствовал, как нагревается под ним земля. Запахло горелой травой. Нельзя здесь оставаться! Земля снова дернулась, качнулась в сторону, а затем поднялась вверх, сокрушительно ударив его по ребрам. Это изменения гравитации.

— Поднимайся, Ло, поднимайся, — прохрипел он.

Они поползли вперед, цепляясь друг за друга. В темноте вокруг что-то грохотало, ревело, визжало и скрежетало хаотично. Из какого-то забытого уголка памяти пришло знание. Внутри полового заряженного проводника электрическое поле не возникает. Молнии били между деревьями, но все деревья уже повалило. Пожар, ведь может вспыхнуть пожар!

Корпус снова качнуло, и Шон покатился наземь. Обломанные ветки разодрали кожу. Он, пошатываясь, поднялся на ноги, хватаясь за Илалоа — та каким-то образом удержалась на ногах. Они перелезли через упавшее дерево.

Снова появился слабый свет — в воздухе заплескали голубоватые шаровые молнии. Среди тьмы мелькнуло белое, словно высеченное из камня лицо Илалоа. В нем не было страха, а проступало что-то другое, непонятное Шону.

Мимо крошечным солнцем пронеслась шаровая молния. Он почувствовал, как поднимаются дыбом волосы, свечение на несколько секунд ослепило его.

Кто-то натолкнулся на Шона. Мальчишка с перекошенным от страха лицом.

— Сестренку не видели? Где Джейни? — за бесконечным металлическим ревом слов было почти не слышно.

— Идем с нами, — Илалоа протянула руку, но мальчишка вывернулся и исчез. Шон успел заметить боль в ее глазах, потом снова сомкнулась тьма.

Сила тяжести чудовищно изменилась. Шон повалился на колени, сползая по горячей стали, затем его грубо притиснуло к стене. Илалоа все еще была рядом, вцепившись в него.

Над головой повисла еще одна шаровая молния. Шон заметил, как к ним пробирается человек с обезумевшим от ужаса лицом, из разинутого рта капала слюна.

— Аббат! Аббат Роберто! — заорал Шон, пытаясь перекрыть раздирающий грохот металла.

Тот все приближался. Илалоа взвигнула, увидев у него в руке нож. Аббат взмахнул им.

— Ведьма! Проклятая убийца, ведьма, это твоих рук дело! — прошипел аббат и замахнулся.

Илалоа перехватила руку с ножом, но аббат ударил ее свободной рукой, сбив наземь.

В глазах у Шона потемнело. Он перешагнул через скорчившуюся на земле Илалоа и ударил аббата коленом в живот. Тот накинудся на него, хватая ртом воздух. Шон перехватил опускающуюся руку и вырвал нож, а когда аббат ткнул его пальцами в глаза, заколол того.

Шаровая молния взорвалась огненным дождем, ярко осветив сотрясающиеся стены. Шон упал на колени рядом с Илалоа, прижимая ее к себе...

Могучая рука швырнула Тревильтена через весь отсек, он скользнул по вибрирующей стене и ударился головой о ствол дерева. Когда он пришел в себя, Никки отчаянно прижимала его голову к груди. Собрав все силы, заставил боль отступить.

— Пошли, — слова были погребены под железным грохотом. — Пошли отсюда!

Никки помогла ему встать, и они медленно побрели вперед, сквозь скрежещущий, звенящий полумрак. Краткие вспышки молний выхватывали из темноты поваленные стволы, сломанные ветви, скрюченные тела. Раненых почти не было.

А они неплохо справляются с этим, подумал Тревильтен, без раздумий, не паникуя, поспешили на посты по аварийному расписанию.

Показался выход из парка. Никки споткнулась, он подхватил ее, прижал к себе. Какое-то мгновение в беснующемся полумраке они смотрели друг на друга. Затем взорвавшаяся шаровая молния залила все вокруг адским сиянием, и в этой вспышке он увидел ее лицо, выписанное на фоне тьмы, устремленные на него глаза, приоткрытые губы, развевающиеся на ветру волосы.

Грохнуло так, словно наступил конец света. И он поцеловал ее.

Поцелуй был долгим. Наконец они оторвались друг от друга, еще не вполне понимая, что происходит, и бросились на мостик в рубку.

Над астронавигационным пультом висел фонарь,— круг света и спокойствия, островок среди огромного моря тьмы. Свет от пультов падал на покрытое ссадинами лицо Йоахима. Увидев Тревильтена, он проревел, перекрывая доносившийся грохот:

— Вот и ты! Во имя космоса, что мы можем сделать?

На мгновение Тревильтену пришла в голову горькая мысль: на Соле уже около ста лет известна основа процессов, протекающих в вихре. Но эти скитальцы, для которых такое знание могло быть жизненно важным, так ничего и не знают.

— Пропусти меня к приборам! — проорал Тревильтен.

Снаружи была полная темнота — обзорные экраны вылетели, но приборы все еще работали. Стрелки дергались, как сумасшедшие. Гравитационный потенциал, электрический потенциал, градиенты, магнетизм, вращения, частоты, амплитуды — он охватил все это одним быстрым взглядом, и натренированное подсознание сработало.

— Мы все еще на краю, — крикнул он. — Но нам нужно вырваться отсюда. Идет вибрация на резонансных частотах корабля, нас может разнести на атомы!

Ему вторил визг металла.

— Если мы попадем в одну фазу с основной пульсацией пространства... Связь с машинным отделением еще есть?

Йоахим кивнул.

— Отлично. Импульс на гипердрайв, синусоида, сейчас, вот параметры, — Тревильтен нацарапал на странице боржурнала несколько строк цифр.

Йоахим выдернул листок и застучал по клавишам аварийного телетайпа.

Корабль взвыл! Палуба вырвалась из-под ног Тревиллена, он повис в бесконечном падении во тьму. Затем гигантская рука швырнула его о стену. Он вывернулся в воздухе, повинуюсь заученному рефлексу, и приземлился на ноги. Удар за ударом сотрясал корабль. Палуба изгибалась. Он услышал, как хрустят переборки...

— Никки! — заорал он, протянув руки в темноту. Корпус корабля звенел, как огромный колокол. — Никки!

Ревущий гром прокатился по кораблю. Палуба стонала, словно по ней неслась целая армия всадников. Воинственный боевой клич заглушил все кругом.

И стих.

Резавший уши визг металла, становился все тише, тише... Уж не смерть ли это, подумал он, прислушиваясь к затихающему стону. Казалось он повис вне времени, вне пространства. Вокруг была непроглядная ночь. Он вгляделся во мрак, даже не зная, а может ли он еще видеть, и вдруг услышал вокруг себя крики людей.

— Никки! — всхлипнул он.

— Мы вырвались, — откуда-то издалека донесся тихий, звучный голос Йоахима. — Мы ушли от шторма.

Гипердрайв выключился, должно быть, Йоахим приказал. Они висели в обычном пространстве, чистом пространстве. Сгоревшие экраны действовали, как обыкновенные иллюминаторы, и Тревиллен увидел звезды.

И рядом с туманным поясом Млечного Пути, реки из звезд, текущей в бесконечность, он увидел Никки. В памяти всплыли слова, словно кто-то нарушил это торжественное молчание: «Давал ли ты когда-нибудь в жизни своей приказание утру и указывал ли заре место ее?».

Йоахим взглянул на звезды.

— Где мы?

— Созвездия не изменились! Нет, постойте, немного изменились, — Ференци смотрел в другой иллюминатор, его фигура черной тенью маячила на фоне Млечного Пути. — Вот этого зубца раньше не было.

Йоахим указал на яркий свет Канопуса.

— Мы все еще в знакомом районе. Но вихри могут отбрасывать корабль на... на любое расстояние.

— Мы недалеко от какой-то звезды. Посмотри-ка сюда.

Йоахим подошел к Мануэлю Петрову, стоявшему, расставив ноги, над иллюминатором на палубе. Да, звезда совсем рядом, красная звезда, на расстоянии, может быть, нескольких световых часов. От ее блеска болели глаза.

Капитан заморгал, отворачиваясь от яркого света в полумрак рубки. В иллюминаторе над головой блестели звезды. Он взглянул туда и замер.

— Гром и молния! — выдохнул он. — Ко мне, ребята! Мы прибыли.

Все, кто был в рубке, кинулись к иллюминатору. Светящаяся паутина лежала внутри серпа из дюжины ярких звезд.

— Туманность! — воскликнул Йоахим. — Шторм выбросил нас туда, куда мы летели! На скрытом в тени лице Ференци блеснула улыбка. Йоахим перевел взгляд с ледяного облака на экипаж:

— Ладно, ребята. За дело!

Тревильтен и Никки стояли у одного из экранов. Они смотрели друг на друга, просто смотрели, крепко взявшись за руки. Йоахим усмехнулся. Жизнь продолжается. Что бы ни случилось, жизнь продолжается.

— Эй, на палубе! — окликнул он. — Нежности оставьте на потом.

— Оставим, — радостно всхлипнув, ответила Никки.

Тревильтен медленно подошел к капитану. Никки пригладила встрепанные волосы слегка дрожащими руками.

Йоахим уже склонился над интеркомом. Часть коммуникационных систем корабля вышла из строя, но он смог связаться с большинством постов. Те отвечали не сразу, еще не веря в спасение.

— Ну что ж, — Йоахим обернулся к офицерам. — Нас потрепало, но корабль, кажется, на ходу. Ты остаешься за старшего, Карл. Наведите здесь порядок и разберитесь, что к чему. Выясните, где мы находимся, и как можно точнее. И присмотритесь к этой красной звезде. А я пройду по кораблю. Не хочешь присоединиться, Мика?

— Конечно. Здесь я мало чем смогу помочь.

— Ты уже сделал больше чем достаточно. Если бы не ты, парень, нас разорвало бы пополам.

— Ну...— кровоточащие губы Тревильена сложились в улыбку.— Координаторы иногда бывают очень кстати.

Йоахим бросил взгляд на Никки:

— И ручные зверьки из них тоже неплохие, а?

Никки промолчала. Она как раз вытирала кровь с лица Тревильена.

Они спустились вниз по трапу. Трап был изогнут восьмеркой, нижний конец оторвался от палубы. В лучах фонариков открылась картина разрушений. Парк превратился в груды расщепленных выкорчеванных деревьев, разбитых фонтанов, обугленной и обгоревшей травы. В неподвижном воздухе висела толстая завеса дыма.

— Вентиляторы накрылись,— прокомментировал Йоахим.— Это придется чинить в первую очередь.

Они прошли через весь парк. К стволу карликового дуба привалилось тело мужчины с широко раскрытыми невидящими глазами, с неестественно вывернутой шеей. Поодаль лежала женщина со сломанной ногой, кто-то уже оказывал ей помощь. Здесь было тихо: ни звуков, ни движений.

— Ваши люди неплохо справляются,— сказал Тревильен.— Ого, кажется, кто-то плачет.

Он шагнул вперед, отодвигая ветви, продираясь сквозь живую изгородь кустов. На земле скорчилась Илалоа, ее тело содрогалось от рыданий. Шон сидел рядом. Перед ними лежал мертвец с ножом в груди.

Йоахим нагнулся над трупом.

— Аббат Роберто...

— Он хотел убить Илалоа,— глухим голосом ответил Шон.

— Да-да, припоминаю... У него были какие-то странные идеи. И корабельный суд тоже может так подумать. Ладно...— Йоахим выдернул нож.— Роберто, должно быть, оступился и напоролся на что-то острое.

Он вытер нож и вложил его в ножны на поясе трупа.

— Спасибо,— кивнул Шон.

— Не стоит, парень. У нас и без этого хватает хлопот.

Они обошли весь корабль, заглядывая повсюду и составляя общую картину повреждений. Жертв было на удивление немного — несколько смертей, десятка два тяжелораненых, остальные отделались легкими царапинами. Более хрупкому оборудованию был нанесен огромный ущерб, но никаких невосполнимых потерь; основные

конструкции тоже уцелели. После капитанского обхода по всему кораблю уже работали аварийные команды.

— Мы сможем двигаться уже через несколько часов,— подвел он итоги,— но восстанавливать боеспособность придется дольше. Надо подыскать местечко, где мы смогли бы укрыться, пока не закончим ремонт.

— Это обязательно должна быть планета? — спросил Тревильен.

— Желательно. По крайней мере, нам необходим запас массы для конвертера. Наш запас кончается, а вы знаете, как его пожирает корабль в гипердрайве. И для оружия может потребоваться сырье. Несколько тонн чего угодно, может быть, парочка астероидов. Потом наша пищевая фабрика тоже повреждена. Мы можем продержаться и на консервах, но свежие овощи с 3-планеты поддержат дух экипажа, пока мы снова не запустим наши синтезаторы. И приборы нуждаются в калибровке. Готов поклясться, что шторм расстроил их все к чертям. А для этого потребуются наблюдения внутри планетной системы. Кроме того...

— Не стоит продолжать. Я понял. Никки и я поможем вам.

— Конечно, парень. Бывай.— И Йоахим заспешил в рубку. Освещение уже успели восстановить. Коренастая фигура капитана казалась странно одинокой.

Никки повернулась и снова посмотрела на Тревильена.

— Не может быть,— негромко сказала она.

— Чего не может быть?

— Что я снова так счастлива.

Он улыбнулся и не спеша поцеловал ее. На какое-то мгновение вспомнил о Диане, там, на Земле, надеясь, что она недолго останется в одиночестве...

Корабль угодил в вихрь... но почему? Нет, такое случилось и раньше, но не прячутся ли Х за завесой вихря? Нет, не может быть. Вихри перемещаются с высокой скоростью; совершенно невозможно, чтобы родная звезда Х двигалась с той же скоростью, что и вихрь.

А может быть, тот «мыслитель» в Кавкасу намеренно подбросил Илалоа эту зацепку? Может быть, кратчайший путь к обнаруженному сектору неминуемо привел бы «Странника» к беде?

Сейчас он не стал ломать над этим голову, понадеявшись на свое подсознание, и принялся за работу. Авария потрясла номадов, но они быстро пришли в себя.

Наконец им выпало несколько часов отдыха. Тревильтен проводил Никки до ее каюты, но не стал входить следом. Вместо этого он отправился к себе и грохнулся на койку.

Его разбудил вой сирены и топот людей, спешащих по тревоге.

«Ууууу-ууууу-ууууууу-ууууууу! Тревога! Всем стоять по боевому расписанию! Приближается неопознанный корабль!

Глава 14

Стоя в рубке, куда его срочно вызвал Йоахим, Тревильтен смотрел на огромную звездную дугу и единственную планету. Солнцем этой планеты была красная звезда; исправленные экраны отфильтровывали ее блеск, и видны были даже пятна в фотосфере. Как и у большинства других звезд-гигантов, у этой звезды была большая планетная система.

Это планета типа Ю, колосс, еще более массивный, чем Юпитер, атмосфера которого представляла адскую смесь из водорода, метана, аммиака и других, менее известных компонентов. Из космоса это было великолепное зрелище — приплюснутый шар, светящийся мягким янтарным светом, опоясанный зелеными, синими и темно-коричневыми полосами. Было видно одно красное пятно, похожее на каплю крови. Он разглядел три спутника, расположенные достаточно близко, чтобы создать заметные приливы.

— Не понимаю! — Йоахим уставился на приборы, говорившие о приближении корабля. На этом расстоянии уже улавливались нейтрино, испускаемые его двигателями, «волны» гравитационных флуктуаций, рождаемые двигателем, и даже едва заметное притяжение массы чужака. Потрепанные приборы «Странника» могли давать не совсем точные показания, но сомневаться в том, что они говорили, не приходилось.

— Не понимаю! — повторил Йоахим. — Мы же знаем, что здесь никто не обладает атомной энергией.

— Икс,— покачал головой Треви́льен.— Допустим, что в каждой системе их империи находится патрулирующий корабль. Или, по крайней мере, в большинстве систем, которые они считают своими. Установив на орбите вокруг звезды детекторы, они автоматически узнают о нашем прибытии. После чего их корабль тут же двигается наперехват с максимальным ускорением.

— Да-да, понятно,— Йоахим раскурил глиняную трубку и крепко затянулся.— А мы сейчас не готовы к бою, нам лучше убраться.

— Мы прилетели сюда, чтобы изучить обитателей Большого Креста.

— Ага. В гиперпространство мы всегда успеем уйти. Ладно, подождем.

«Странник» перешел на свободный полет, медленно опускаясь к Ю-планете. В рубке наступила тишина. Единственным звуком было приглушенное урчание двигателей — разогретых, готовых к запуску. По всему кораблю у орудий и ракетных установок замерли люди. В нескольких метрах от корабля в космосе парили вооруженные шлюпки. Шон, наверное, пилотирует одну из них, подумал Треви́льен.

Связист поднял голову от пульта.

— Я проверил весь диапазон. Ни следа сигнала. Может быть, нам вызвать их?

— Нет,— ответил Йоахим.— Они и так знают, что мы здесь.

Он беспокойно прошелся по мостику и сердито посмотрел на Треви́льена.

— Ваш Союз создан ради мира. А что, если нам придется сражаться с ними?

Зеленые глаза координатора были уверенными и спокойными.

— Если нас атакуют без причины, мы будем защищаться, спасая свою жизнь. Но мы должны выяснить, почему нас атаквали. В рамках мышления чужаков их причины могут быть вполне убедительны.

— А на моей могиле напишут: «Здесь покоится законопослушный гражданин»?

Тишину разорвал шепот Мануэля Петрова:

— Я вижу их!

Они бросились к его экрану, вглядываясь в темноту. Между звездами быстро двигалась крошечная точка, све-

тившаяся отраженным красным светом. Она росла прямо у них на глазах. Йоахим включил полное увеличение, и перед ними появился корабль чужаков.

Он — продолговатой формы, необходимой для каждого корабля с гипердрайвом, поскольку генераторы поля нужно было устанавливать на носу и на корме. Но это был не человеческий корабль. Корпус не округлый, а многогранный, корма расширена, а на носу, как наконечник копья, выдавалось вперед длинное жало. Корпус был сделан из какого-то медного сплава, отливавшего красным под яркими лучами солнца. И сразу стало заметно, каким потрепанным, залатанным и старым был этот корабль.

Тревильтен со свистом втянул воздух сквозь зубы. Йоахим пристально посмотрел на него:

— Ты знаешь этот корабль?

— Тиунране.

— Вот как!

— Я видел изображения их кораблей.

— Те самые чужаки, которые потеряли здесь, в районе Креста, четыреста лет назад несколько кораблей...

— Значит, Икс — это тиунране? — негромко спросил Ференци.

— Это нелогично, — неуверенно ответил Тревильтен. — Тиунране были исследователями и учеными. Они ни физически, ни культурно не подходили на роль завоевателей. Когда технология развивается до межзвездных двигателей, империя становится не нужна.

— Но Икс создал империю, — нахмурился Йоахим.

Корабль приближался все ближе, уравнивая скорость. Капитан уменьшил увеличение.

— Может быть, создал! — дернул головой координатор. — Мы еще не знаем этого.

Теперь незнакомый корабль находился всего в сотне километров от «Странника». Он был виден даже невооруженным глазом, как движущаяся искорка на фоне неба. В увеличенном виде на экранах он выглядел как гигантское веретено. Толстые пальцы Йоахима нажали несколько клавиш на панели связи, давая указания экипажу.

Дернулась стрелка, загудел сигнал тревоги. Компьютер молниеносно отдал приказ робот-пилоту. Йоахим взглянул на приборы и обернулся к Тревильтену.

— Они запустили самонаводящуюся ракету. Ни предупреждения, ничего — просто запустили ядерную боего-

ловку. Ты все еще хочешь играть в миротворца, корди?

Тревильтен не ответил. Он смотрел на чужой корабль, пытаясь представить, что за экипаж им управляет. Они могли быть кем угодно, узнать невозможно. И лишь немногие могут увидеть сквозь уродство, враждебность, непривычный облик своих братьев по жизни. Чужак, враг, убей!

Беззвучная вспышка. Компьютеры «Странника» уничтожили приближающуюся ракету собственной. Вслед за первой ракетой к ним понеслась вторая, эту перехватил гравитационный луч, перехватил и пустил обратно, в сторону нападавшего. Теперь «Странник» сам открыл огонь, сам обрушился на врага, но молнии ракет взрывались, не долетая до цели.

На экранах бешено дернулись звезды — это «Странник» маневрировал, увернувшись от направленной в него очереди снарядов. Экипаж не чувствовал перегрузок — внутренние гравитационные генераторы автоматически компенсировали их. Члены экипажа только наблюдали за циферблатами, заряжали орудия и пусковые установки и следили за электронным мозгом, который-то и сражался за них. Кровь и плоть человеческого мозга были слишком медлительны для этой битвы.

Странная битва, подумал Тревильтен. Беззвучно мелькающие на фоне звезд тени, вспышки разрывов. Шахматная партия между машинами, а люди исполняют роль зрителей. Единственным слышимым звуком было нерегулярное гудение гравидвигателей и слабый шелест вентиляторов.

Он услышал еще один звук. Хриплый стон переборок корпуса. Уже получившая свое во время шторма, неосмотренная и неотремонтированная конструкция начинала сдавать от напряжения, от бесконечной серии бросков, уходов и ныряний в сторону.

Ференци оторвался от индикаторов. Его бородатое вытянутое лицо помрачнело.

— Мы отстаем. Наши детекторы и компьютеры действуют не так точно и быстро, как надо. Рано или поздно одна из этих ракет попадет в нас.

— Я думаю! — Йоахим бросился к связной панели и схватил микрофон. — Всем шлюпкам возвратиться! Всем шлюпкам назад домой!

Наступил опасный момент. Маленьким космическим кораблям необходимо было пришвартоваться чтобы

оказаться в поле действия гипердрайва. Когда они приблизятся, «Страннику» придется маневрировать не так резко, чтобы не разнести их собственным корпусом. И в эти мгновения противник мог...

Йоахим присмотрелся к индикаторам детекторов.

— Они выдыхаются. Плотность огня упала. В чем дело?

Треви́льен посмотрел на чужой корабль.

— Может быть,— негромко ответил он,— может быть, они не хотят уничтожать нас.

— Как? — у Йоахима появилось на лице почти комическое выражение.— Но зачем...

— Они не атакуют нас так, что мы не можем справиться с ними. Они ослабили натиск сейчас, в тот момент, когда любой решительный командир действовал бы всеми силами. Может быть, нас просто отгоняют?

Его слова прервало жужжание сигнала.

— Все на борту,— кивнул Йоахим, отдав приказ в машинное отделение.— Прощай, дружище.

Так близко от звезды и планеты поле гипердрайва нарастало ужасающе медленно. Треви́льен вцепился в стол, сражаясь с подступившей тошнотой. Через несколько минут красная звезда оказалась далеко за кормой. Вокруг снова холодным светом сияли далекие созвездия.

Йоахим вытер пот с лица.

— Что-то мне не хочется снова лезть в такую переделку.

— Мы провели астрономические измерения этого района,— голос Ференци казался сухим.— В десяти световых годах отсюда звезда, как Сол.

— Если чужаки окажутся и там...— начал Петров.

Йоахим пожал плечами.

— Мы должны где-то укрыться. Ладно, Карл, дай мне курс на эту звезду.

— Чужие, если это Икс, должны знать, что мы предпочитаем карликовые звезды типа С,— возразил Треви́льен.— Тебе не приходит в голову, Хэл, что нас загоняют?

Йоахим странно посмотрел на него.

— Это, конечно, мысль,— не торопясь, ответил он.— Но у нас нет особого выбора, а?

Треви́льен ушел с мостика и вернулся к себе в комнату. Помывшись и сменив одежду, он отправился на поиски Никки. Та ждала его у дверей своей каюты. На мгновение

они замерли, глядя друг на друга, затем она шагнула навстречу, и он прижал ее к себе...

Прошло немало времени, прежде чем Никки со вздохом открыла глаза.

— Лучше забраться на один из причалов,— прошептала она.— Единственное место, где можно побыть одним. В парке полно аварийных команд. Я только что сменилась.

Тревилен покосился на каюту, но она помахала рукой.

— Там Шон с Илалоа. Он был снаружи, ну, в шлюпке, стрелял ракетами. И у него не было ни компьютера, ни возможности уклониться от чужих ракет. Я думала, что Ло умрет на месте.

Они направились по коридору. Никки судорожно стискивала его руки.

— Я думала, с нами покончено,— сказала она с неожиданной грубостью.— Я знала, что мы не выдержим настоящей атаки, ты был на мостике, а мне туда нельзя...

— Все уже закончилось. Никто не пострадал.

— Если бы тебя убили,— вдруг заявила она,— я бы украла корабль и охотилась бы за твоим убийцей, пока не настигла бы его.

— Возможно, лучше было бы исправить те условия, которые привели к моей смерти?

— Уж слишком ты правильный,— с горечью ответила она.

Древняя, древняя война, напомнил он себе. Нескончаемая война разума, пытающегося овладеть самим собой. Никки никогда не смогла бы жить на Земле. Словно прочитав его мысли, она медленно сказала:

— Если мы когда-нибудь выберемся из этого, нам придется что-то решать.

— Да.

— А ты никак не можешь остаться на борту? — с надеждой спросила она.— Мы бы тебя приняли.

— Не знаю. Я, наверное, не так воспитан. Для меня жизнь — это нечто большее, чем перелеты от звезды к звезде или торговля. А от себя не убежишь.

— Но ты ведь со своей работой тоже не сидишь на месте. Я могла бы быть рядом с тобой. Разве тебе никогда не нужен... как это, помощник?

— Когда он мне нужен, это бывает, как правило, еще один координатор, и чаще всего — не человек. Мы... посмотрим, Никки.

Они спустились по трапу через нижний уровень к одному из причалов.

Там, между шлюпками и флайерами, было тесно, но, по крайней мере, они были одни.

Никки яростно набросилась на него:

— Ты умнее меня, тебе лучше знать, чем все это кончится. Только я тебя никуда не отпущу. Никогда.

— А если ты уйдешь с корабля, ты будешь скучать по нему, по людям?

Она помолчала.

— Да. Иногда они бывают глупыми, ограниченными, злыми, но это мой народ. Все-таки я уйду и не буду об этом жалеть.

— Не будешь,— согласился он.— Ты не из тех, кто отказывается от принятых решений. Ладно. Поживем — увидим.

Затем «Странник» вновь несясь сквозь пространство. Экипаж старался изо всех сил, чинили, ремонтировали, чтобы быть готовыми к тому, что может ждать их в конце пути. Йоахим безжалостно подгонял людей, не столько из-за работы, сколько для того, чтобы отвлечь от мыслей об опасности.

К концу третьего дня они вышли из гипердрайва и начали торможение. Приборы с тихим жужжанием вгляделись в пространство и выдали схему системы. Было обнаружено восемь планет. Одна из них находилась на расстоянии чуть больше астрономической единицы, и корабль направился к ней, на ходу уравнивая скорости. Телескопы, спектрометры и гравиметры напряженно смотрели вперед.

Не было ни малейших признаков атомной энергии, не было и других кораблей. Когда «Странник» вышел на орбиту, экипаж собрался у экранов, чтобы взглянуть на планету.

По многим параметрам она была похожа на Землю. Тихая, красивая планета, словно символ мира среди яростного сияния звезд.

Йоахим вывел корабль на орбиту высотой в несколько тысяч километров, управляя гравитационными двигателями, чтобы оставаться над одной точкой.

— Выглядит приятно,— заметил он.— Мы спустим шлюпку с разведчиками. Думаю, Илалоя должна спуститься с ними. Эта ее телепатия или что там еще, может

что-нибудь уловить. Значит, и Шону придется лететь. И тебе, Мика, тоже — ты обучен искать чужих.

— Я не возражаю,— пожал плечами координатор.— Только если вы не хотите отпускать со мной Никки, вам придется связать ее.

— Это не поможет. Разве что мы еще и заткнем ей рот. Ладно, забирай ее с собой.

Глава 15

Посадка на такую планету оказалась сложной, и Тревилльен с интересом наблюдал за процедурой. Правила номадов почти точно соответствовали правилам Службы Изысканий, но, конечно, оборудование было не таким сложным, и добавились кое-какие чисто ритуальные детали.

Первыми пошли два флайера, спикировавших вниз с головокружительной скоростью. Для посадки был выбран остров, около тысячи километров в длину и трехсот в ширину, покрытый холмами и лесом, с широкими речными долинами. Флайеры добрых полчаса крейсировали над вершинами деревьев, внимательно глядя по сторонам. Никаких признаков обитания, металла, строений, сельскохозяйственных культур. Взятые пробы показали надежный толстый слой почвы, водяной горизонт, гранитную платформу. Крупных животных не замечено. Садиться было безопасно.

Следом неторопливо опустилась шлюпка с двадцатью людьми, флайеры приземлились по бокам. Стрелки замерли у орудий, хотя это и казалось бессмысленным жестом. Ландшафт за иллюминаторами выглядел абсолютно мирным.

— Во имя космоса, убежища,— произнес ритуальную формулу капитан шлюпки Ивао Когама.— Все в порядке, ребята, вперед.

Десять одетых в скафандры людей защелкнули стекла шлемов и шагнули в шлюз. Внутренняя дверь захлопнулась, и визг на высокой ноте сообщил, что включился ультразвуковой и радиационный стерилизатор, очищавшие шлюзовую камеру, пока открывался внешний люк.

Солнечный луч расплавленным серебром коснулся волос Илалоа.

— Там светло и свободно,— не выдержала она.— Зачем вы прячетесь здесь, за мертвой сталью?

— Там красиво,— возразила Никки,— но наверняка не скажешь. Там могут быть микробы, грибки. Сотни смертельных болезней. А эти листья могут быть ядовитыми, даже если к ним прикоснешься. Мы не боимся больших злобных чудовищ, Ло. С ними достаточно просто справиться. А вот с болезнью, которая проникнет внутрь тебя...

— Но здесь нет опасности,— настаивала лоринианка. В ее голосе все еще звучало нетерпение.— Это мирная планета.

— Сейчас проверим,— бесцеремонно прервал ее Когама.— Что говорят анализы, Фтил?

Леви взглянул на индикатор своего молекулярного анализатора, который сделал забор внешнего воздуха.

— Никаких следов ядовитых газов, кроме обычной доли процента озона. Немного бактерий и спор. Через минуту все будет готово.

Анализатор заужжал себе под нос, сканируя органическую структуру микроскопических образцов жизни. Клетки такого-то и такого-то строения могут развиваться только в определенных тканях организма и выделяют вполне определенные и предсказуемые продукты жизнедеятельности. Полученные экземпляры классифицировались один за одним, пока наконец не был получен окончательный результат: никаких переносимых воздухом организмов, которые могли бы повредить человеку.

К этому времени команда в скафандрах уже вернулась с образцами почвы, растений, воды и даже с парой насекомых. Все это было простерилизовано. Процедура слишком коротка, чтобы повлиять на внутренности образцов. Команда Леви с отточенным годами мастерством взялась за работу.

Анализы показали наличие жизни земного типа — вплоть до большинства энзимов, гормонов и витаминов. Не было ничего, что могло бы привести к заболеванию человека. Потерпевшие катастрофу люди могли бы жить здесь вечно.

Когама прищелкнул языком и потер руки.

— Вроде все в порядке. Кажется, можно выйти наружу и расслабиться.

— Вы, конечно, понимаете, что в выборку попали далеко не все формы жизни этой планеты? — настороженно спросил Тревильтен.

— Да, конечно, здесь могут встретиться опасности, например, ядовитые растения. Но нет ничего угрожающего, в этом я уверен.

— И что вы предпримете дальше?

— Отправляю исследовательские команды на разведку окрестностей, пусть пошарят вокруг. Скажем... — Когама выглянул в западный иллюминатор. — Скажем, до заката еще пять часов. Этого вполне достаточно, чтобы получить представление о местности. Вы тоже хотите выйти, Мика?

— Конечно.

— Кому-то придется остаться на всякий случай у шлюпки. Мне что-то лень обивать ноги, так что, наверное, это буду я.

Он нарочито зевнул и принялся отдавать указания.

Шестнадцать человек были разделены на четыре команды, каждой было дано направление, по которому она должна была двигаться. Все группы должны возвратиться до заката, каждая своей дорогой. Им раздали карты местности, сделанные с воздуха, все пробелы в картах нужно было как можно точнее заполнить и, конечно, принести на корабль для изучения все необычные образцы.

Тревильтен объединился с Шоном, Никки и Илалоа. Трое людей оделись в комбинезоны, ботинки, натянули резиновые перчатки. На запястья были надеты переносные браслеты с передатчиками; оружие, фляга и медицинский пакет — на поясе. Илалоа напрочь отказалась натягивать на себя такую сбрую.

— Пусть делает, как хочет, — кивнул Когама. — Нам будет проще узнать, что можно трогать, а что — нет.

— Здесь нет опасности, — настаивала Илалоа. Она выпрыгнула из люка на траву и замерла, дрожа от восторга. Медленно подняла руки и прикрыла глаза от солнца.

Никки с завистью посмотрела на стройную белую фигуру. Хотела бы я быть такой глупой... или иметь такие нервы, подумала она, огляделась и медленно втянула воздух.

— Тут здорово. Почти так же, как на Рандеву. Никогда не думала, что может быть две такие планеты.

Тревильтен не мог с ней не согласиться. Планета действительно была домом для людей.

Шагая по лесу, Тревильтен прислушивался к его звукам.

Почти земные звуки, хор тысяч крошечных голосков. Недоставало ему только стрекотания кузнечиков и пения жаворонка. И шелест листвы. Даже шелест листвы был другим.

Илалоа вприпрыжку бежала впереди, громко хохоча от радости, словно дикий зверек, выпущенный на свободу. Лесная нимфа, подумал Тревильтен. Не хватает только бога Пана, играющего на флейте.

Они поднялись по склону холма, направляясь по гиро-компасу, настроенному на шлюпку.

— Совсем, как в парке,— нарушила молчание Никки.

Тревильтен остановился от неожиданности. Что-то в этом ландшафте беспокоило его. После слов Никки внутри что-то похолодело.

— А кто здесь садовник? — медленно спросил он.

— Что? — Никки с удивлением взглянула на него. — Н-никто. Я просто так сказала.

— В реальной жизни идет вечная борьба за место под солнцем. А эта земля выглядит ухоженной, как сад!

— Что за глупости, Мика? Никто здесь не живет. Даже эти Икс не станут превращать в парк целую планету, на которой никто не живет.

Тревильтен посмотрел вперед. Илалоа подбежала к дереву, ветви которого сгибались под тяжестью темных плодов. Прежде чем Шон успел остановить ее, она сорвала один и, со смехом вонзив в зубы, откусила большой кусок.

— Как неосторожно,— пробормотал Тревильтен. Никки почувствовала, как напряглись его мышцы.

Шон все еще отчитывал Илалоа, когда они подошли поближе. Та протянула плод ему.

— Очень вкусно,— сказала она. — Солнечный плод.

— Но...

— Попробуй, радость моя,— ее голос стал мягче. — Разве я дала бы тебе то, что вредно?

— Нет. Нет, не дала бы. Ну ладно,— Шон взял плод и тоже попробовал. Его тонкое лицо медленно расплылось в блаженной улыбкой. — Восхитительно! — кивнул он товарищам. — Попробуйте и вы!

— Нет, спасибо,— покачал головой Тревильтен. — Лучше не трогать непроверенные образцы. Даже если они не валят с ног сразу, у них может оказаться замедленный эффект.

Группа вышла на открытую поляну. Здесь Тревильтен

подстрелил маленькое четвероногое животное. Зеленый цвет его кожи говорил о том, что в ней живут одноклеточные водоросли.

— Эй! — завопил Шон. — Эй, взгляните сюда!

Тревильтен бросился вслед за ним, к дереву на краю поляны. Стройное дерево, похожее на тополь, покачивалось под ветром. Вот только у листьев были прожилки потолка и... Они светятся в темноте, догадался Тревильтен. Это был один из видов, о котором говорилось в сообщении Службы Изысканий, один из видов, непостижимым образом распространившийся на полудюжине планет. Все части головоломки сложились в одно целое.

— Это дерево-факел! — воскликнул Шон. — Дерево-факел, такое же, как на Рандеву!

— Икс, — прошептала Никки. — Они побывали и на нашей планете.

Ее рука скользнула к оружию.

Наручное радио затрещало тревожной скороговоркой, разбив молчание вдребезги:

— Внимание, всем группам! Внимание! Говорит Когама! Приближаются местные обитатели планеты!

Тревильтен поднял взгляд на Илалоа. Он не увидел на ее лице торжества победы. Скорее неожиданную скорбь.

— Да, — кивнула она.

— Это гуманоиды, по всем признакам гуманоиды, — продолжал Когама. — Белая кожа, бело-голубые волосы, самцы без бород, все обнаженные и безоружные, медленно приближаются со стороны леса... Нет! — это был почти вопль. — Не может быть! Внимание, всем группам! Это...

Он неожиданно захрипел, словно задыхаясь, и умолк. Наступило молчание.

Рука Тревильтена лежала на рукояти оружия, но он не спешил его вынимать.

— Что с ним сделали, Илалоа? — негромко спросил он. Очень негромко.

— Сонный газ, выпущенный по ветру, — ее голос был тихим, безжизненным. — Никому не причинили вреда. Все просто спят.

— Илалоа, — Шон шагнул вперед, вытягивая оружие из кобуры. — Илалоа...

Перед ними стояли обитатели планеты, местные

жители. Они шли за нами следом, а мы и не слышали, подумал Тревильтен. Он смерил их взглядом с ног до головы, безупречные фигуры полудюжины мужчин, белых, словно ожившие мраморные статуи. Их серебристые волосы развевались по ветру, падая на широкие плечи, обрамляя резные лица, словно высеченные резцом скульптора лица богов Древней Эллады. Один из них держал в руках вещь, напоминающую большое серое яйцо, над которой кружилось несколько насекомых с металлическим блеском.

— Назад! — дрожащей рукой Шон направил оружие на незнакомцев. Его голос стал похож на стон раненого зверя. — Назад, или я стреляю!

Их губы медленно растянулись в усмешке. Тот, что держал яйцо, заговорил на человеческом бейсике, с акцентом, но уверенно, плавно, словно напевая:

— Я могу приказать обитателям этого гнезда зажалить вас насмерть. Если я уроню гнездо, они тоже зажалят вас насмерть. Положите ваше оружие на землю и слушайте.

Никки вызывающе вскинула голову.

— Сначала мы изрешетим вас.

— Вы не понимаете, — Илалоа встала перед людьми. — Это вы несете с собой страх смерти и стремление к смерти. А у них нет ни того, ни другого. Сложите ваше оружие.

Тревильтен вздохнул. Сейчас он чувствовал только огромную усталость.

— Делайте, как она говорит, — вздохнул он. — Если нас убьют, это делу не поможет. Кладите оружие, Шон, Никки. — И бросил свое в траву.

Незнакомец с яйцом смерти кивнул.

— Это хорошо.

Глава 16

Странно, но взгляд Тревильтена остановился именно на Илалоа. Достоинство соскользнуло с нее, как брошенный наземь плащ, она шагнула к Шону, протянув руки навстречу.

Номад сдавленно всхлипнул. Он шагнул к Никки, и та

прижала его к себе словно мать. Илалоа замерла, глядя на них... затем метнулась в лес и исчезла.

Интуиция у нее еще работает, подумал Тревильтен. Сейчас ей здесь не место.

Он вновь повернулся к высокому незнакомцу, с которым только что говорил. Тот аккуратно пристраивал серое гнездо в развилку дерева. Освободив руки, он снова улыбнулся. От улыбки его лицо осветилось теплом.

— Добро пожаловать.

Тревильтен сложил руки на груди, без всякого выражения глядя на чужака.

— Забавно. Вы взяли нас в плен...

— И все-таки это правда,— ласково перебил чужак.— Вы гости здесь. Это не эвфемизм. Мы в самом деле рады вас видеть.

— Может быть, вы будете столь же рады видеть, как мы улетим? — сухо спросил Тревильтен.

— Не сразу, нет. Прежде всего мы бы хотели дать вам какое-то понятие о нас.

Тут красавчик вежливо наклонил голову.

— Могу ли я представиться? Эта планета зовется Лоалуани, а мы сами — алори. Это слово не вполне соответствует вашему понятию «люди», но для простоты можете считать так. Я назначаюсь... меня зовут Эспереро.

Тревильтен представил свою группу, добавив:

— Мы с корабля номадов «Странник».

— Да. Это мы уже знаем.

— Но Илалоа говорила, что вы не... Так вы телепаты?

— Не в том смысле, как вы думаете. Но мы ожидали «Странник».

— И каковы же ваши намерения?

— Мирные. Мы... те из нас, кто знает искусство, поведут шлюпку назад к кораблю. Экипаж ничего не заподозрит — по радио их не предупредили, и корабль слишком высоко, чтобы следить за поверхностью в телескоп. А пришвартовавшись, мы выпустим усыпляющий газ, который быстро распространится через вентиляцию. Всех номадов на шлюпках перевезут сюда, никому не будет причинен вред. Вы пойдете с нами? Мы отведем вас в ту часть острова, где вам будет удобнее всего. Ваших товарищей тоже привезут туда.

— Да... да, конечно.

Никки криво улыбнулась Тревильтену. Она шла чуть

позади, обнимая Шона за плечи. Тот двигался как слепой, ничего вокруг не видя. Тревильтен шагал рядом с Эспереро, остальные алори шли по бокам. Плыли по бокам — иначе нельзя было назвать плавное, грациозное, беззвучное скольжение над землей, покрытой мозаикой из солнечного света и тени.

— Вы можете спрашивать, о чем захотите, — заметил Эспереро. — Вы здесь, чтобы учиться.

— Как вы устроили так, чтобы мы прилетели? Откуда вы знали?

— Мы колонизировали планету Лориния, или Рандеву, как называете ее вы, еще за пятьдесят лет до прихода номадов. Мы долго наблюдали за ними, изучали. Их язык был уже знаком некоторым из нас, и мы могли следить за ними, даже когда никого из алори не было рядом.

Тревильтен вопросительно поднял брови, и чужак поясnil:

— Лес говорил нашему народу. Четыре года назад капитан Йоахим упомянул в разговоре о своих подозрениях, касающихся этого района пространства. Было естественно предполагать, что рано или поздно он начнет исследование, и мы решили внедрить на борт корабля агента. Для этого была избрана и обучена Илалоа. Когда «Странник» снова вернулся в этом году, ей было нетрудно найти того, кто проведет ее на борт. Она использовала нашу эмпатическую способность. Я еще не знаю, что она сделала, чтобы направить ваш курс...

— Я могу сказать вам, — и Тревильтен пересказал то, что случилось на Кавкасу. — Теперь понятно, что никакого «мыслителя» за стеной не было. Она превосходная актриса.

— Да. Илалоа дала вам описание такого района, кратчайший путь к которому от планеты вел вас прямо в вихрь.

— Угу. И наверное, ей установили постгипнотический блок, благодаря которому она вела себя, как полагается, даже под гипнозом?

— А вы пробовали даже гипноз? Конечно. Такие блоки защищали ее.

— Только не от шторма, — мрачно возразил Тревильтен. — Он чуть не уничтожил нас.

— Если бы это случилось, — ответил Эспереро, — мы бы по крайней мере избавились от потенциального врага.

В его голосе было что-то нечеловеческое. Не циничное

безразличие, нет, что-то еще... покорность судьбе? Предназначение? Смирение?

— И все же вы остались живы,— продолжал алориа-нец.— Мы хотели направить вас к одной из колоний и захватить, как мы и сделали. Ваш курс с равной вероятностью мог лежать к любой из шести колоний в этом районе, и каждая была готова к вашему прибытию. Так получилось, что вы... выбрали именно нас, если можно так сказать.

Тут он хитро улыбнулся. Тревильтен не смог удержаться от кривобоковой усмешки.

— Мне полагалось бы догадаться,— с наигранной бодростью ответил он.— Если бы мне в голову пришло проверить Илалоа, я бы понял, в чем дело.

— Вы ведь не номад, правильно?

— Нет. Номადы не проверили факты, не подумали о логике событий, а я был слишком занят другим. Если бы я только знал, что лориниан считали просто дикарями... Илалоа говорила почти безупречно. Необычный запас слов, даже для человека. Она знала устаревшие слова вроде «серб», которое она могла найти только в книгах — а на корабле она вообще не читала. И когда мы спорили о наших мировоззрениях, она делала достаточно серьезные замечания. Я полагал, что она принадлежит к достаточно высокой культуре, имеющей какое-то отношение к номадам.

— Вот это было очень точно,— кивнул Эспереро.

— Да, но для номадов лоринианцы оставались примитивным народом. Они... не стоит об этом.

Тревильтен вздохнул. Каждый раз, когда реальность, кажется, сложилась в стройную систему, спотыкаешься о новую грань. Здравомыслящий человек никогда не должен слишком полагаться на свои выводы.

— Вам не причинят вреда,— еще раз успокоил его Эспереро.

За спиной оставались холмы, лес, тени под ногами, медленно опускающееся солнце. Кругом была жизнь, жизнь взбиралась по деревьям, ползла по земле, гордо взмывала в небо. Тревильтен слышал пение птиц, радостный напев над цветущей землей. Алори тоже прислушивались, наклонив головы. Один из них что-то просвистел в ответ, сначала тоном выше, потом ниже. Птица ответила на свой манер. Казалось, они разговаривают друг с другом.

Они прошли мимо большого млекопитающего, стройной антилопы с голубым мехом, настороженно склонившей

голову, увенчанную одним спиральным рогом. Она проводила их спокойным взглядом. Может, алори вообще не охотятся?

За спиной Тревильена послышался голос Никки.

— Мика... мы, номады, должны были сообразить, что лоринианцы не коренные жители Рандеву. У всех остальных позвоночных было по шесть конечностей.

Тревильен снова повернулся к Эспереро:

— А откуда вы приходите?

— Алори. Это планета, недалеко отсюда... по астрономическим меркам. Но она совсем непохожа на вашу Землю. Потому и наша цивилизация развивалась на другой основе, настолько отличной от вашей, что...— Эспереро задумался.

— Что одна должна уничтожить другую,— закончил за него мысль Тревильен.

— Да, именно так. Но это не означает физического уничтожения носителей культуры.

— Ну нет! В мои мозги вы не залезете! — отрезала Никки.

Эспереро улыбнулся.

— Никто и ни к чему не будет вас принуждать. Мы хотим от вас одного — посмотреть и решить самим.

— А чем вы так отличаетесь? — спросил Тревильен.

— Это долго объяснять. Скажем... ваша цивилизация лежит на технологической основе, а наша — на биологической. Или так: выхотите подчинить себе окружающее, а мы хотим быть всего лишь его неотъемлемой частью.

— Ладно, оставим пока различия. Если вы не признаете технологии — механической, во всяком случае, то как вам удалось выйти за пределы вашей родной планеты?

— Давным-давно на нашу планету приземлился корабль. Исследовательский корабль с Тиунра, со странными маленькими мохнатыми существами внутри...

— Да, я имею о них понятие.

— Алори — единственная культура. Мы развиваемся, как единое целое, а вы — нет. Еще один знак того, насколько велика разница между нами. К тому времени наш народ уже поднялся на вершины гор, вздымающиеся над облачным покровом Алори. Мы увидели звезды и многое о них узнали своими собственными способами. Наш народ захватил Тиунран в плен и решил, что они должны защитить себя.

— Уж не напали ли на вас тиунране? — не выдержал Шон.

— Нет. Но... подождите, вы должны ближе увидеть нашу жизнь, тогда вы поймете... Алори взяли их корабль и отправились к звездам. Многие не смогли перенести непривычного и лишились разума, их пришлось отправить домой на лечение. А остальные продолжили полет. Они встретили другие корабли тиунран и захватили три из них. Больше сюда не прилетал ни один тиунранский корабль, но стало ясно, что в космос выходят все новые расы, и одна из них неминуемо наткнется на нас. Сам факт, что они создали космический корабль, уже будет говорить о том, из какого они слеплены теста. Поэтому мы начали колонизировать обитаемые планеты этого района. Таких планет, как Алори, оказалось немного — наша планета необычного типа — но мы оценили и прелесть таких миров, как этот. Мы стали распространять между звездами нашу жизнь, жизнь известную нам, чтобы вселенная уже не была такой холодной.

Эспереро остановился и взглянул на небо. Солнце опустилось уже совсем низко; сутки на этой планете составляли около двадцати часов.

— Скоро мы остановимся на ночлег, — продолжил он. — Мы могли бы идти и ночью, но вам, наверное, хочется отдохнуть.

— Продолжайте ваш рассказ, — напомнил Тревильен.

— Ах да. Как хотите, — тень скользнула по мраморному лицу. — В ходе наших исследований мы обнаружили, что мы уникальны. Вы понимаете, что от этого мы еще больше стали беспокоиться за наше будущее. Мы стали колонизировать все ненаселенные миры, где могли бы жить, привозили туда алорианские формы жизни и изменяли экологию планет, если это было необходимо. На нескольких других планетах нам пришлось... — он замаялся.

— Ну-ну, — в голосе Тревильена зазвучала безжалостная нота.

— Мы уничтожили местных жителей. Это было сделано аккуратно, они даже не поняли, что происходит. Нам нужны были эти миры, а аборигенов не удалось заставить сотрудничать.

— И вы называете человека опасным?

— Я никогда не называл человека немилосердным, — покачал головой Эспереро. — Возможно, позднее вы поймете.

Усилием воли Тревильтен собрал свои чувства в кулак. История человека тоже обогрета кровью. С уважением относиться к разумной жизни его научили огнем и мечом.

— Ничего,— кивнул он,— продолжайте.

— К настоящему времени мы колонизировали около пятидесяти планет. Это немного, но наши владения занимают значительный объем пространства, так как планеты находятся далеко друг от друга. Сами мы не можем строить машины — этим мы разрушили бы все, что стремимся сохранить. Мы следили за тем, как растет Звездный Союз. Я не стану вдаваться в детали, скажу только, что среди множества рас нетрудно было выдать себя за представителя еще одной союзной расы. Я сам провел много лет на ваших территориях, изучая вас со всех сторон. Мы видели, что вы постепенно расширяетесь, и знали, что рано или поздно вы узнаете о нашем существовании. Мы готовимся к этому дню. Мы пополняем наш флот, захватывая корабли, выходящие на орбиты наших планет. На Эрулане мы просто покупаем корабли.

— Человек с Эрулана сказал нам, что корабли за золото покупают люди. Он был твердо уверен, что это именно люди.

— Возможно. К нам присоединяются представители других рас. А среди них экипажи или потомки экипажей захваченных нами кораблей.

— И вы хотите, чтобы мы...— с ужасом прошептала Никки.

— Вас не станут принуждать,— мягко ответил Эсперо.

Они поднялись на вершину холма. Солнце садилось.

— Остановимся здесь.

Спутники Эсперо молча принялись за дело. Несколько исчезли в лесу, вскоре вернулись, неся с собой фрукты, ягоды, орехи и какие-то незнакомые плоды. Другие принесли большие мягкие листья и тыквы. Когда тыквы разломали, они оказались пустотелыми.

Тревильтен с интересом взял одну из тыкв. Она великолепно подходила для посуды — глубокая канавка позволяла легко разломить ее на две половины, шип на доньшке можно было воткнуть в землю, чтобы чаша не опрокинулась. Сбоку была даже ручка.

— Они растут так естественным путем?

Эспереро утвердительно кивнул.

— Да. Мы научили их расти так.

— А как насчет палатки?

— Она нам не понадобится. Мы живем в стволах деревьев, но можем спать и под открытым небом. А вы действительно предпочитаете жить в духоте, с запахом пота?

— Н-нет. Навернос, нет. Если не будет дождя...

— Дождь чистый. Потом вы поймете.

Небо потемнело, став бархатисто-синим. Алори сели в кружок. Один из них произнес несколько слов, остальные ответили хором. Как во всем, что они делали, в этом чувствовался какой-то ритуал. Даже передача еды из рук в руки была частью церемонии.

Тревильен сел рядом с Никки. Ему протянули, как чашку, половинку ореха, наполненную ореховым молоком. Он улыбнулся и чокнулся с Никки.

— Твое здоровье, дорогая.

— Можете есть без страха,— сказал Эспереро.— На этой планете нет страха. Здесь нет свирепых зверей, нет ядовитых плодов, нет смертельных микробов. Здесь покончено с борьбой за выживание.

Тревильен попробовал предложенную пищу. Она оказалась великолепной, необычной, с тонким вкусом. Его зубы с наслаждением впились в приятную мякоть, кровь потекла по жилам с новой силой. Никки присоединилась к нему с не меньшим рвением.

Прислонившись к дереву, Шон смотрел на залитую луной долину. Внутри он ощущал пустоту, все окружающее казалось нереальным.

Рядом возникла Илалоа. Он заметил ее белую фигуру, освещенную лунным светом; она скользила все ближе и ближе, пока не остановилась рядом. Он даже не обернулся, не поднял глаз. Во тьме долины, как огненные копья, светились факел-деревья.

— Шон...

— Уходи.

— Шон, я хочу поговорить с тобой.

— Нет. Иди прочь, я сказал.

— Я сделала то, что должна была сделать, Шон. Это мой народ. Я просто хочу сказать, что я люблю тебя, Шон.

— Я с удовольствием сломал бы тебе шею.

— Если ты хочешь, то пожалуйста.

— Нет. Ты не стоишь даже этого.

Она тряхнула головой.

— Я не могу понять. Наверное, ни один алори прежде не чувствовал того, что чувствую сейчас я. Мы любим друг друга, ты и я.

Шон хотел возразить, но слова казались ему бессильным лепетом.

— Я буду ждать тебя, Шон. Я всегда буду ждать тебя.

Глава 17

Номадов высадили в долине на северо-западном берегу острова, в открывающейся к морю долине, с остальных сторон окруженной холмами. Когда отряд Тревиллена добрался туда, первоначальная растерянность уже прошла. Полторы тысячи людей с напряжением ожидали, что будет с ними дальше.

Йоахим встретил вновь прибывших на краю долины.

— Я ждал вас. Один из местных сказал мне, что вы придете этой тропой.

— Откуда они узнали? — спросила Никки. Люди Эсперо оставили их в нескольких километрах отсюда, показав дорогу.

— Не знаю, — пожал плечами Йоахим. — Телепатия?

— Нет, — покачал головой Тревиллен. — Хотя это может показаться невероятным, но по-моему, роль коммуникационной сети здесь выполняет лес.

— Живое радио, да? Ладно, черт с ним. Вначале у нас тут возникли кое-какие хлопоты, но эти ребята умеют постоять за себя, — Йоахим с уважением прищелкнул языком. — Их дзюдо начинается там, где кончается наше. Хотя никакого вреда они не причинили, но экипаж успокоили.

— Вас уже поселили в домах?

— Да. Те из местных, кто знает бейсик, сказали, что для нас освободили целую рощу домов-деревьев. Они сообщили, что хотят быть нашими друзьями, несмотря на то, что держат нас в плену. Чтобы мы не сбежали и не привели сюда все человечество. После этого они старались не

показываться. Тактичный народ, — капитан, прищурившись, посмотрел на Шона. — На твоём месте, парень, я бы тоже не высовывал носа. Хотя бы несколько дней.

— Я понимаю.

— Со временем они поймут, что ты ни в чём не виноват, и остынут, но до тех пор — я тебя предупредил. Я знаю пару деревьев поодаль от деревни, вы можете остановиться там.

Потом капитан повернулся к координатору.

— Что нам делать сейчас? Есть какие-нибудь идеи?

— Жить здесь. Узнать об окружающем побольше, прежде чем что-то предпринимать.

— Угу. Но каково! Украсть мой корабль у меня из-под носа! Пересадить меня сюда, как какой-нибудь овощ! Тут поневоле пить бросишь.

Тревильтен изучал дома алори с более чем обычным любопытством. Они напоминали ему естественные полые деревья, в которых обитали аборигены Нертуса, но были несравненно совершеннее. Каждый ствол внутри представлял собой круглую комнату около семи метров в диаметре, светлую и высокую; дерево было твёрдым, с красивой структурой. В стенах были окна, которые закрывались прозрачными листьями, составлявшими часть дерева, такой же лист-штора, только потолще, заменял дверь. Пол был покрыт похожей на мох зеленью, пружинящей под ногами и приятно греющей живым теплом.

Из стен выступали две полочки, служившие столами. Больше никакой мебели не было, зато пол заменял и великолепную кровать. Лоза, обвившаяся вокруг ствола, заползала и в окна буйными гроздьями цветов; между ними свисали шары, светившиеся в темноте прохладным жёлтым светом. Их можно было «выключить», накрыв листьями. Из одной стены выступала полая ветвь, из которой, если сжать, текла чистая вода, а на полу под ней была такая же «выращенный» сток. Рядом с деревом рос кустарник, восковые на ощупь плоды которого оказались отличным заменителем мыла; об остальных выделениях человеческого тела мог позаботиться окружавший их бескрайний лес.

Тревильтен поселился в дереве, стоящем особняком, вместе с Шоном и Никки. Обладая не слишком изысканным вкусом, он не страдал от отсутствия привычных мелочей.

Как оказалось, деревня была очень большим поселе-

нием, из более чем пятисот деревьев — для Странников этого было более чем достаточно, особенно когда можно было ночевать и на открытом воздухе. К росе люди привыкали очень быстро, зато потом даже просторные внутренности деревьев казались тесными и душными.

С корабля забрали и домашних животных. Странно было смотреть, как терьер с лаем скачет за насекомым, переливающимся всеми цветами радуги, или дремлет в тени полуметрового цветка. Вскоре после высадки землян несколько алори явились с учтивым предложением перевезти со «Странника», который теперь кружил на низкой орбите, личные вещи экипажа. Йоахим собрал у своих людей список необходимого, в основном инструменты. Алори, кажется, удивились, но привезли все указанное. Первым пунктом в списке стоял капитанский запас виски, табака и несколько трубок.

Понемногу номады стали расслабляться. Было очевидно, что захватившие их существа не желают им вреда и с охотой дают возможность жить, как им нравится.

Тревилен часто встречался с некоторыми алори. Он любил прогуливаться в лесу с Никки или один. И каждый раз, когда у него возникало желание поговорить с одним из... местных жителей, они вскоре появлялись. Чаще других приходил Эспереро.

— Что вы собираетесь с нами делать? — напрямик спросил однажды координатор.

Эспереро улыбнулся.

— Я уже говорил, мы не будем принуждать вас... непосредственно. Но вы — беспокойный народ. Скоро многих из вас вновь потянет в космос.

— Поэтому...

— Поэтому мы не хотели бы, чтобы вы падали духом. Прежде всего, продолжайте заниматься ремеслами. Для творческого ума в лесу открывается множество возможностей, и если возникнет необходимость, то наши люди помогут вам советом. Это ускорит преодоление барьера неприязни между нами.

— Многое, что придет нам в голову, вам не понравится, — усмехнулась Никки.

— Я знаю. Например, мужчины начнут думать об охоте. Они будут делать луки и другое оружие. Но когда они решат применить его, окажется, что животные кругом исчезли. Такая же обескураживающая неудача ждет их,

если они попробуют заняться другой нежелательной деятельностью.

— А если они повернут оружие против вас? — спросил Тревильтен.

— Они пожалеют о том. Культура номадов, как и любая другая, — продукт среды, окружения и его потребностей. А здесь окружающая среда номадов, то есть космос, исчезнет. Планета поглотит их.

— Номады никогда не станут жить, как алори. Это поколение, следующее и их дети — они не смогут слиться с нами. Постепенно один за одним, как только они будут готовы к этому, они снова отправятся в космос — но уже для нас, — Эспереро уверенно покачал головой. — Как это было с другими нашими гостями.

Долговременный план, подумал Тревильтен.

Тревильтен знал, что это план с расчетом на будущее. Знал он и то, что алори — терпеливый народ. Интересно, что было сдерживающим фактором для их культуры? Такой фактор есть у каждой культуры. Современное солидарное общество прививает личности набор понятий и принципов, мораль и мировоззрение. В рамках терминологии его культура — культура вины. У номадов, выше всего ставивших личную честь и достоинство, культура стыда. А у алори?

Он все яснее понимал, что культура алори — это симбиоз планетного масштаба. Их основным побуждением было желание слиться, стать неотъемлемой частью чего-то большего. Видоизмененная культура страха.

Пророчество Эспереро оказалось верным. Потерявшие корабль номады все чаще стали возвращаться к ремеслам. Снова зазвенели наковальни, застучали ткацкие станки, закрутились гончарные круги.

Когда Тревильтен снова встретил его, алорианин спросил, не хочет ли Тревильтен прийти на праздник.

— Конечно. А когда?

Эспереро пожал плечами.

— Когда все соберутся. Ну что, пойдём?

Вот так просто, значит. Тревильтен извинился, сказав, что хочет пригласить еще Шона и Никки. Шон сразу и наотрез отказался, а вот Никки охотно согласилась.

Они отправились на юг, люди и несколько алори, неторопливо пересекая холмы и долины. Почти весь первый

день шел дождь, но на него никто не обращал внимания. К концу второго дня они достигли места праздника.

Это была маленькая котловина между холмов. Вокруг луга в центре росли странные, не виданные Тревиленом прежде деревья. Здесь собралось уже около сотни алори. Они негромко перекликались, церемонно приветствуя друг друга. Все это было частью одного гармоничного ритуала. Тревилен встретили доброжелательно, и он с удовольствием воспользовался возможностью поупражняться в языке алори. Никки, не обладавшая такими лингвистическими способностями, тихонько сидела в сторонке. Она странно улыбалась. Вообще в последний месяц она странно притихла.

Сегодня обе луны будут полными. Синие сумерки сгущались. Мужчина и женщина присоединились к усевшимся в круг алори. Наступила тишина.

В воздухе родилась одинокая нота. Тревилен вздрогнул, оглядываясь в поисках музыканта. Нота взвилась выше, зазвучав торжественно и полнозвучно, и к пению присоединились другие голоса, сплетая странную мелодию, на незнакомый лад, непривычно ласкающую слух. Он догадался сначала с удивлением, что это поет сам лес, и это наполнило его душу спокойствием.

Ночь сомкнулась над планетой. Под сводом прозрачной тьмы невесомым мостом изогнулся Млечный Путь. Медленно всходили луны, превращая долину вокруг в серебряную сказку, и первые капли росы отражали их свет, как распыленные по лугу звезды.

Музыка стала громче. Это был голос леса, шум ветра между ветвями, хрустальный звон воды, птичья песня, звериный рев, и все это текло в могучем, уверенном ритме, похожем на биение сердца. Теперь появились и танцоры, словно на крыльях выпорхнувшие из тени в иллюзорный лунный свет. Они скользили, уходя и возвращаясь, вперед и назад, и между белыми фигурами танцоров пылающими метеорами проносились птицы со светящимся оперением, а музыка — музыка пела о весне.

А потом наступило лето, пора роста и новых сил, летние грозы и солнечные лучи, пронизывающие тучи, и сияющие над бесконечным океаном. Из воды поднимается суша, белая пена прибоя на прибрежных скалах, деревья, тянущиеся к небу, корни, уходящие в глубь планеты. Рев зверя, потрясающего могучими рогами. Танец стал жарким, яростным.

Но вот поля позолотил урожай, а танец стал медленным, полным плавного достоинства, с которым несут корзину, до краев наполненную зерном. Лето уходило, расцветы становились туманными, а ночи — холодными. Высоко над головой пролетел на юг птичий клин, и их крик, одинокая песня странника, растаял вдали.

Чем эта музыка была для алори, подумал Тревилен. Для него это была Земля, время цветения и пора медленного угасания. Но я всего лишь человек, добавил он про себя и крепче обнял Никки.

Зима. Танцоры рассыпались в стороны, как листья по ветру; от пустоты, освещенной лунным светом, повеяло холодком, а музыка стала резкой, как завывание ветра. Мороз сковал планету, стальной свет солнца и режущий блеск звезд, шорох снежинок и медленная поступь ледников, идущих на юг. В небе причудливо задрожало северное сияние. Одна танцовщица вышла вперед и застыла на месте, словно растерявшись. Затем топнула ножкой раз, два, принялась плясать заключительный танец. Это Ила-лоа, заметил Тревилен.

Сначала она танцевала медленно, словно продираясь сквозь туман и метель. Музыка снова стала громче, резкая, дикая; девушка двигалась все быстрее, убегала, пряталась, трепетали сломанные крылья, был голод и разрушения, холод, смерть и забвение. Он смотрел как зачарованный, с такой яростью и безнадежностью она танцевала. И музыка теперь была грохотом ледников, сминающих горы, топчущих широкие равнины и гордые леса. Зима обезумела, снег и ветер, ночь и шторм, раскалывающиеся айсберги на севере и опустошающие смерчи на юге, мир, стонущий под собственной тяжестью.

Наконец шторм утих. Танцовщица медленно ушла прочь, медленно, как последний вздох, покидающий грудь. После нее остался только безжизненный грохот моря и льдов, печальное завывание ветра и остывающие уголья солнца. Все было кончено.

И в этом было свершение. Жизнь возникла, боролась и умерла. Была реальность и других доказательств не требовалось.

Когда вновь наступила тишина, ни один из алори не пошевелился. Они долго сидели, не двигаясь с места, не произнося ни слова. Затем один за одним стали подниматься и уходить в ночь. Праздник закончился.

Никки побледнела. Тревильтен с удивлением заметил, что уже светает. Неужели прошла всего одна ночь?

Когда они вернулись в лагерь номадов, Йоахим обвенчал их. После этого устроили пир и веселье, но Тревильтен с Никки не стали задерживаться надолго.

Глава 18

Они вдвоем ушли из поселения и двинулись вдоль острова. Они не торопились. Когда они находили особенно приятное местечко — песчаную бухточку, укромную долину или одинокую горную вершину, то оставались подольше, пока смутное чувство беспокойства не гнало их дальше.

Тревильтен хотел знать о цивилизации алори больше. Но чтобы знать ее, нужно было принять ее.

Они часто встречали алори в лесу или натыкались на их деревни. Везде их встречали с радостью и охотно отвечали на их вопросы. Лучше узнав язык, Тревильтен даже начал думать на нем, потому что в языке его цивилизации не было слов, с помощью которых можно было полностью выразить новые понятия. Насколько вообще культуру алори можно было сравнить с любой человеческой культурой, она была сдержанной, уравновешенной, упорядоченной. Агрессивная личность не нашла бы себе здесь применения — и все-таки каждая личность здесь могла развиваться полностью и вполне самостоятельно выбирала свой собственный путь в рамках общего порядка.

Даже по собственным меркам это было далеко не совершенное общество. Утопия — всего лишь противоречивая мечта. А здесь, как и во всей вселенной, были свои печали, но эти печали — часть жизни.

Не была цивилизация Большого Креста и царством бездумного смирения. По-своему это была культура, ничуть не менее научная, чем культура Сола. Просто теоретические основы были совершенно чуждыми. Ум алорианина не делил проблему на частные факторы, а рассматривал ее как единое целое. Если поставленный вопрос не полон, человек скажет, что не учел всех необходимых данных; алорианин же скажет, что структура вопроса не кажется

(не выглядит? не чувствуется? в бейсике не было нужного слова) правильной.

С другой стороны, когда дело доходило до простейших машин, алори были полными неумехами. Самый разумный из них не понял бы принципа работы обыкновенного радиопередатчика, а уж космические корабли они водили исключительно по мокрому пальцу. Они имели лишь слабое представление об атоме и совсем не знали о его ядре. Общая теория поля была им непонятной до отвращения.

Тревильтен все яснее и яснее понимал, что этот народ питает непримиримую враждебность не просто к его цивилизации — к цивилизации вообще.

— Если они считают, что не выдержат состязания с нами, то по их же собственной философии выходит, что их образ жизни неверен и должен уступить. Но ведь они смогут выдержать, если до этого дойдет. Они обладают знаниями, за которые мы готовы отдать все. Это даже не будет состязанием в привычном смысле слова — такого не бывает, когда каждая планетная система может легко прокормить себя.

— Не знаю, — пожала плечами Никки. — А что, это так важно?

Он пристально посмотрел на нее сверху вниз.

— Да, — ответил он наконец. — Это важно.

Они стояли на вершине скалистого мыса, на южном берегу. Перед ним лежало море; свежий, сырой ветер взлохмачивал пшеничные волосы Никки.

— Они напоминают мне фанатиков, воинствующих религиозных фанатиков древней Земли.

— Один образ жизни уступает место другому. За это стоит убивать?

— Дело не только в этом. Война разлагает не хуже, чем власть. Когда я говорил тебе, что для создания межзвездных империй нет причин, я не сказал об одной такой причине. Я просто не думал, что она может возникнуть. Империи создаются для защиты. Если война идет за идеологию, то, чтобы сражаться, обороняющиеся планеты должны быть объединены в прочный союз.

— А они... то есть Союз — непременно будут защищаться? Не проще было бы сдаться?

— Вопрос не стоит, будут ли они защищаться или нет. Они будут защищаться. Общество — самоподдерживаю-

щаяся структура, особенно когда она находится под давлением извне,— Тревилен положил руку на плечо жены.— Что-то это не похоже на тебя, дорогая. Раньше ты была настоящим огнедышащим драконом.

— Тогда я не была счастлива. Но здесь... здесь так покойно и хорошо, Мика. Это...— ее голос затих.

— И тебя уже не тянет лететь в космос?

— Нет, почему. Когда-нибудь... Но почему не для алори?

— Потому что по большому счету, Никки, мы все-таки люди. А человек всегда был бойцом. Мы можем перенять у них много хорошего, но на наших собственных условиях.

— У тебя на все готов ответ, а?

Тревилен усмехнулся. Несмотря ни на что, Никки осталась бойкой девочкой.

Позднее он открыто говорил об этом с алори, укладывая их вежливые, но уклончивые ответы в общую картину, вырисовывавшуюся в голове. Они смотрели на вселенную как на органичное целое, любое разделение было безумием.

Механическая цивилизация Союза была им отвратительна.

Несмотря на это, они оставили бы Союз в покое; но Союз расширился, и они лежали у него на пути. И для человека их знание было бесценно — их не оставили бы в покое.

Контакт окажется для них смертельным. Встреча изменит обе культуры, но алори не вынесут перемены.

— Я могу их понять,— говорила Никки.— Представь, Мика, что они поймали меня, сунули в эту машину изменения личности и сделали так, что я тебя больше не люблю. И я буду знать: когда они закончат, то все будет в порядке. Ты уже не будешь для меня ничего значить. И все равно, пока меня будут тащить к ней, я буду визжать во все горло и пинать их в самые запрещенные места.

Он поцеловал ее в ответ.

Предположение о том, что Союз проявит понимание и согласится изолировать Большой Крест, наткнулось на вежливый скептицизм. Обоснованный, признал Тревилен. Такая изоляция была бы лишь временной мерой. Рано или поздно под тем или иным предлогом, контакт бы состоялся. Но к этому времени Союз стал бы слишком сильным противником. Алори намеревались действовать сейчас, они уже действовали.

И перспектива их полной победы была бы действительно приемлемой. Страшно было другое — что их попытка провалится. Вот тогда две цивилизации действительно будут отброшены назад во тьму.

Тревильтен признался себе, что думает с предубеждением — в пользу собственного общества. Его раса создала нечто уникальное, и он не хотел, чтобы эти труды пошли прахом.

Он вовсе не ненавидел алори, более того, он все больше и больше любил их. Если их раса исчезнет, во вселенной станет меньше света. Их принцип всеобъемлющего целого был тем, что невозможно было сформулировать в логике Союза. С его помощью можно было бы создать компьютеры, которые не просто будут складывать вместе изолированные данные, а рассматривать локальную систему — общество с его потребностями, физическое окружение, известные законы природы — как единое целое. И наука алори, с ее знаниями о нервной системе, укажет пути к их созданию.

Для этого разговора им с Никки пришлось вплавь добираться до небольшого рифа. Никогда нельзя быть уверенным, что твои слова не подслушивает лес.

— Мы должны бежать, — начал он. — Мы должны предупредить Союз о том, что здесь заваривается, и извещать, что здесь их ждет ответ на главные нерешенные вопросы.

— И что случится потом? — ее голос был тихим, слова еле слышны за слабым шумом ветра.

— Алори смирятся со случившимся. Они смирятся и постараются извлечь из этого максимум. Мы ведь вовсе не собираемся брать их в рабство.

— У нас нет такого права.

— А что они собирались сделать с нами?

— Да, я понимаю... Но разве минус на минус всегда дает плюс?

— Не всегда. И вопрос не в математике. Мы хотим освободиться — и мы сделаем это, — он с вызовом посмотрел на Никки. — Разве ты не хочешь снова подняться к звездам? Не по заданию, не по приказу, а просто потому, что это твоя жизнь, и ты делаешь то, что хочешь?

Никки опустила глаза. Над головой пролетела птица.

Это была местная птица, еще не вошедшая во всеобщий симбиоз, она искала добычу.

— Мир такой, какой он есть,— добавил он.— И нам придется жить в таком мире. А не в выдуманном нами.

Никки медленно кивнула в ответ.

Глава 19

Там, где долина выходила к морю, был широкий пляж, полоса песка, опускающаяся от высоких, заросших травой дюн к полосе прибоя. Собранная Йоахимом группа уселась полукругом, лицом к капитану. Йоахим поднялся, нервно крутя в пальцах холодную трубку. Обвел взглядом загорелые лица.

Тут собралось двадцать пять номадов, кроме капитана и Тревиллена. Координатор сидел рядом со шкипером, обняв за талию Никки. Та прижалась к нему с печальным видом. Остальные сидели в напряженном ожидании. Шон тоже был здесь, погруженный в мрачные раздумья, которых он предавался с первого дня на Лоалуани.

Йоахим откашлялся.

— Ну что... Думаю, что мы можем говорить свободно. Я тут прошупывал экипаж, и у меня сложилось впечатление, что у всех вас на уме одно и то же. Да еще Мика вернулся и подлил масла в огонь, поэтому я и пригласил вас на этот пикник,— он сделал паузу, пристально глядя на них. И после паузы продолжил: — Я хочу выбраться отсюда. Кто составит мне компанию?

Люди зашевелились, заговорили. Кто-то стиснул кулаки, кто-то выругался.

— Тут живется не так уж плохо,— продолжал Йоахим,— но есть и свои недостатки. Для каждого из вас — свои.

— Да понятно,— пожал плечами Душан Петров.— Я хочу летать. Эта планета скучная!

— Угу,— согласился Ортега.— Парк какой-то. Я каждое утро проверяю, не растет ли у меня под мышками мох.

— А помните Хральфар? — мечтательно спросил Мануэль Петров.— Снег... Воздух прямо текущий от

холода. Хотелось бежать и бежать, а если крикнешь, то голос разносился на километры, такая там была тишина.

— Сейчас бы в город,— кивнул Леви.— Бар, огни, музыка, девочки, может быть, славная потасовка. Если бы снова оказаться в «Полумесяце» у Гран-Канала...

— ...а не в этой пресной луже,— добавил Мак-Тиг.— В летающих городах Эсгиля 4, где шла война птиц и кентавров. Чтобы было что-то новенькое!

— Когда нас обратят в эту жизнь алори, нам снова позволят лететь, но уже для них,— сказал Йоахим.

— Ага. Только мы не обратимся, и ты знаешь это,— возразил Когама.— Вы когда-нибудь слышали о номадах, путешествующих для кого-то? Мы летаем, куда захотим.

— Верно-верно,— закивал Йоахим.— Я понимаю ваши чувства.

Торкильд Элоф печально сжал губы.

— Кончится тем, что мы станем жениться внутри корабля. Я уже видел, как наши юноши гуляют с нашими девушками, потому что больше не с кем. Это уж совсем никуда не годится.

— Они хотят сделать из нас алори? — воскликнул Ференци.— Как с другими? Как с «Баламутом», «Цыганами», «Солдатом Удачи»? Этих кораблей больше нет! И их экипажи — уже не номады!

Йоахим мрачно кивнул.

— Да. Они захватили мой корабль и мой экипаж. И они заплатят за это!

— Подождите-ка,— попытался вставить Тревиллен.— Я объяснял...

— Ладно-ладно. Пусть корди возьмется с алори. Я просто хочу вырваться на волю,— Йоахим вертел в толстых пальцах трубку.— Мои бутылки опустели и табак кончился. А эти алори не пьют и не курят.

— Разговоры — это хорошо,— нетерпеливо перебил Элоф.— Но мы здесь, внизу, а «Странник» — там,верху. Что нам делать?

— Много чего,— Йоахим сел, скрестив ноги.— Я собрал вас здесь, чтобы быть уверенным, что все вы со мной. Он сунул в рот пустую трубку.

— Слушайте, я тут спрашивал алори, и должен признать, они оказались очень вежливыми и терпеливыми. Они знают, что мне здесь не нравится, и они знают, что

пешком я в космос не уйду — поэтому они отвечали мне. И так, сейчас «Странник» — единственный космический корабль на парсеки вокруг. Шлюпки с корабля посажены на небольшой остров, километрах в двадцати на северо-запад. Они не нужны алори, их просто оставили там. Там есть какая-то охрана, наподобие этих деревьев или животных, в общем, они не позволяют людям высадиться без разрешения алори.

— Погоди-ка! — воскликнул Душан Петров. — Уж не хочешь ли ты сказать, что мы схватим алорианина и заставим его...

— Не пойдет, — ответил Ференци. — Местные просто не боятся умереть. И потом, вряд ли мы схватим одного из них тайком, чтобы эти проклятые деревья не услышали и не поставили весь остров на уши.

— Успокойтесь, — помахал рукой Йоахим. — Мой план вовсе не такой прямолинейный.

Он повернулся к Шону и продолжал, чуть потише:

— Здесь была Илалоа.

Юноша покраснел и яростно сплюнул.

— Ну-ну. Не будь так жесток к несчастной девушке. Она всего лишь выполняла свой долг. Я видел ее здесь всего пару раз и должен сказать, что еще не знал никого, кто бы так горевал. Мы с ней немножко потолковали, и она излила мне свои печали. Она любит тебя, Шон.

— Вот как?

— Нет-нет, это факт. Она принадлежит к алори, но она любит тебя и знает, что ты так же несчастен, как и она. Кажется, мы ее немного испортили. Должно быть, ей в жилы попало несколько капель крови номадов. Бедное дитя.

— Ну и что мне прикажешь делать? — фыркнул Шон.

— Иди к ней. Найди такое место, где вас никто не смог бы подслушать, и попроси ее помочь нам бежать.

Шон недоверчиво потряс головой.

— Она не согласится.

— Ну, на нет и суда нет. Ее единственная альтернатива — подвергнуться психологическому лечению, которое выкинет тебя у нее из головы. Но она не хочет делать этого.

— Я ее понимаю, — прошептала Никки.

— Н-но она догадается, что я б-буду врать! — возразил Шон.

— Будешь врать? Ты скажешь ей, что все еще думаешь о ней и что сможешь забрать ее с собой, если она нам поможет. И я думаю, что это будет правдой.

— Ты так считаешь? — неуверенно спросил Шон после долгого молчания.

Йоахим кивнул. И добавил:

— И подумай вот еще о чем. Если мы сможем вырваться, то все это дело закончится очень хорошо. Провал превратится в очень выгодное предприятие. И тогда, я уверен, экипаж станет гораздо дружелюбнее относиться к Ло.

— Ну... я...

— Вперед, парень.

Шон поднялся. Его еле заметно трясло. Он повернулся и на непослушных ногах поплелся прочь. Никто не оглянулся ему вслед.

Наступила тишина, только шум прибоя, ветер и крики птиц в вышине.

— В побег уйдем только мы? — спросил наконец Ференци.

— Да. С большой группой будет больше риска. Мы сможем довести корабль до Нертуса. Конечно, придется попотеть и подтянуть пояса, но мы сделаем это.

— Я просто подумал об остальных. Они останутся здесь как заложники.

— Я спрашивал об этом у Ло, и то, что она сказала, успокоило меня. Алори не делают ничего без причины, просто так. И они не станут вымещать на моем экипаже зло за уже проигранную игру.

Йоахим поднялся потягиваясь.

— Еще вопросы есть? Если нет, то заседание откладывается до полного выяснения обстоятельств. Избегайте встреч с местными, это касается всех. Они почувствуют ваше возбуждение. А сейчас не сыграть ли нам в волейбол, чтобы немного успокоиться?

Тревильтен с Никки, обнявшись, стали в сторонке, наблюдая за игрой.

— О чем ты думаешь, Мика?

Он улыбнулся.

— О тебе. И о твоём народе.

— А о чем именно?

— Ты знаешь, что Служба Координации не любит номадов. Они оказывают на без того нестабильную цивили-

лизацию дополнительное разрушающее воздействие. Но мне начинает казаться, что любой здоровой культуре нужны такие дьяволы.

— Неужели мы, звездные бродяги, такие нехорошие?

— Вовсе нет. Вы ведь не нападаете на всех и каждого. Я думаю, что вы принесли тем планетам на которых бывали, больше добра, чем зла.

Его губы коснулись ее волос, он вдохнул их слабый аромат.

— Мне нужно будет вернуться для отчета,— продолжал он,— да и ты тоже захочешь посетить Сол. А потом... потом, Никки, я еще не знаю, но, наверное, я сам стану номадом.

— Мика! О, любимый мой! — она отчаянно прижалась к нему, словно боясь, что он исчезнет.

— Странник Тревиллен,— пробормотал он негромко.

Это был его ответ. Финальный вердикт вынесут интеграторы, но он нашел свой путь. Простой номад? Нет, с его способностями он быстро приобретет авторитет и сможет оказывать влияние на решения кораблей. Других координаторов тоже могут усыновить.

С ними жизнь номадов станет направленной, получит то сдерживающее начало, которого им так не хватает. И при этом они не потеряют духа номадов.

Шон шел по берегу, пока не остался совсем один, наедине с морем и лесом. Он поднялся на гребень дюны и остановился, глядя на огромное безлюдное пространство. Прикрыл глаза ладонью и смотрел туда, где полоска прибрежной травы сливалась с лесом.

Она робко вышла из леса. В нескольких сотнях метров от него она нерешительно остановилась, словно опасаясь выстрела. Он молча взидал на нее, опустив руки. Она сошлась с места и побежала.

Шон обнимал ее, бормоча что-то невнятное, гладил раздуваемые ветром волосы, тонкую кожу с голубоватыми прожилками. Когда она выплакалась, он поцеловал ее с ошеломившей его самой нежностью.

— Я люблю тебя, Илалоа,— прошептал он.

Та подняла невидящие, обезумевшие глаза.

— Ты не можешь остаться? Ты должен уйти?

— Мы должны уйти.

— Это мой народ,— она оглянулась на лес.
— Мы не причиним им зла. У меня тоже есть народ.
Это тоже твой народ, Илалоа.
— Я могу излечиться. Меня могут от тебя вылечить.
Он разжал руки.
— Пожалуйста,— горько бросил он.
— Нет,— она хватала воздух ртом, словно зады-
хаясь.— Нет, это тоже будет против жизни. Я не могу.
— Неужели ваша жизнь настолько лучше нашей, что
нашу нужно уничтожить?
— Нет,— она заломила руки.— Нет, ты прав, Шон.
Мир — вселенная, пустая и темная. Мы должны беречь
любую кроху тепла.
Она выпрямилась и посмотрела ему прямо в глаза,
голос стал звонче.
— Я помогу вам, если смогу.

Глава 20

Две ночи спустя подул сильный ветер с юго-востока. Шторм завывал над островом, но для Тревиляена свист ветра был призывным криком. Он посмотрел на Никки; в мягком желтом свете она казалась такой близкой и дорогой.

Она улыбнулась, и его вдруг пронзила отчетливая, леденящая мысль: а ведь во время побега она может погибнуть. Но она и слушать не захочет, если он предложит ей остаться.

Дерево было таким уютным островком тепла и света в пронизываемой ветром тьме. Он чувствовал, как дрожит покрытый мхом пол под порывами ветра. Дверная завеса отдернулась в сторону и громко захлопала на ветру. Никки испуганно вздрогнула. В дверях стоял Йоахим, уже собранный, и ветер дергал его за полы плаща. Глаза горели невиданной прежде бесшабашной отвагой.

— Все готово, ребята. Выходите на берег, сейчас я подниму остальных,— он ободряюще кивнул и снова растворился в темноте.

Никки медленно поднялась. По телу пробежала дрожь, в голубых глазах мелькнул страх. Она улыбнулась, про-

ведя рукой по гладким стенам их дома. Затем тряхнула головой так, что взвились светлые пряди.

— Ну что ж, идем, Мика.

Он встал, подошел к полке, не которой сиротливо пылились их пожитки. Повернулся к Никки и поцеловал ее.

— Это на дорожку.

Снаружи был настоящий потоп. Ветер рвался в ветвях деревьев, и те отвечали скрипучими стонами.

Держась за руки, спотыкаясь, они побежали к берегу. Здесь ветер просто бил наотмашь. Иногда в разрывах облаков проглядывала бледная луна.

Почти вся группа уже собралась. Луна бросала холодные блики на лезвия ножей и острия охотничьих копий, выкованных за долгие дни заточения.

Место сбора было назначено в небольшом заливишке рядом с устьем реки. Тут лежала лодка, которую привела из леса Илалоа. Тревильтен изумленно протянул руку, коснувшись корпуса.

Лодка была длинной и узкой, с косым парусом и кливером, с рулем и небольшой каютой, темно-зеленого цвета. Это было живое дерево, вытягивавшее питательные вещества из морской воды и рассыпанной по дну земли.

Он увидел и Илалоа, сидевшую у румпеля. Она так цеплялась за сидевшего рядом Шона, словно уже тонула.

— Кажется, все собрались? — из-за ветра голоса Йоахима было почти не слышно. — Ну что, вперед! У меня нет уверенности, что алори не знают об этой проделке.

Лодку нужно было провести сквозь прибой. Тревильтен выскочил на речную косу, вместе с чертыхающимися номадами. Он еле видел в темноте своих товарищей. На ощупь борт лодки был холодным и скользким.

Он почувствовал, как киль заскрипел в самом русле. Теперь — навались! Через отмель — в море! Здесь прибой ощущался все сильнее, хотя ветер с берега ослаблял его. Тревильтен заметил, как вода предательски бьет по ногам.

— Проталкивайте! — громко рявкнул Йоахим. — Проталкивайте ее!

Тревильтен изо всех сил налег на борт. Дно ушло из-под ног, он вцепился в планшир, и тут словно гигантская рука подхватила его. Волна ударила его, взорвавшись брызгами. Теперь они были в настоящем прибое!

1

Лодка закачалась. Тревильену показалось, что пальцы вот-вот оторвутся. Его бросило в сторону, он хватал ртом воздух, горло пылало от соленой воды. Он замолотил ногами, пытаясь нащупать дно, отталкивая лодку вперед.

Чья-то рука схватила его за волосы, и мгновенная резкая боль привела его в себя. Он рванулся к качающемуся борту, ухватился за планшир и втянул себя в лодку. Затем повернулся и протянул руку следующему.

Снова выглянула луна, и при ее свете Тревильен осмотрелся. Сзади, под ветром, огромной черной тенью на фоне окаймленных луной облаков лежала суша. За воем ветра и грохотом волн голосов товарищей было почти не слышно. Йоахим выпрямился, широко расставив ноги, и пересчитал команду.

— Одного не хватает, — он взгляделся в черную пенящуюся воду за бортом. — Алан Мак-Тиг. Он был славным парнем.

Капитан посмотрел на сидящую у румпеля Илалоа и взмахнул рукой. Та кивнула в ответ и что-то сказала Шону. Он и двое других подняли парус.

Лодка подскочила! Мачта, качавшаяся из стороны в сторону, наклонилась так, что Тревильену показалось — сейчас они перевернутся. Под носом снежной пеной вскипала волна, оставляя сзади святающийся след, и лодка пошла.

Тревильен перевел дух, с удивлением качая мокрой головой.

— Прорвались, — выдохнул он и повторил, словно еще не веря в это: — Прорвались.

Никки без слов обняла его. Перебираясь через товарищей, они проползли на нос. Брызги жалили кожу, но они не замечали этого.

Облака редели, и полумесяц размером с полную земную Луну светил ослепительно ярко. Но Тревильен и Никки взирали не на луну. Они смотрели на северо-запад. Там стояли корабельные шлюпки, там была дорога домой.

Йоахим пробрался на нос, заметил сидящую там парочку и усмехнулся. Потом снова пошел на корму, еще раз пересчитывая людей. Пока без потерь, если не считать бедного Алана. Что я скажу его отцу, подумал Йоахим.

На корме Шон и Илалоа вдвоем сидели у руля. Было совершенно непонятно, как девушка умудрялась держать курс без компаса, и тем не менее она держала верный курс.

Берег сзади уже исчез из виду, теперь их окружала только гремящая темень. Румпель дергался, рвался из рук, как дикий зверь. Шон с Илалоа держали его с обеих сторон, их руки сплелись вместе на рукояти. Лицо Шона было напряженным, и все же капитан нечасто видел такое выражение внутреннего счастья.

Он подошел поближе, держась за планшир одной рукой, и наклонился, чтобы был слышен его голос.

— Как идем?

Ветер улюлюкал, забивал слова.

— Отлично,— проорал Шон.— Мы скоро достигнем острова. Если бы был день, мы бы его уже увидели.

Йоахим оперся на фальшборт и посмотрел вдоль лодки. Удивительно, как это она еще не начерпала воды? Нет, вода попадала на дно, но тут же впитывалась и выжималась наружу; тонкие струйки брызгали из бортов лодки обратно в океан. Лодка сама вычерпывала из себя воду.

Он оглядел горизонт. Небо над головой было покрыто мерцающими, как свечи, звездами и полосками облаков, вокруг — ревущий, вздымающийся океан, и повсюду ветер. И словно на расстоянии световых лет — силуэт другой лодки.

Пальцы капитана с такой силой сжали плечо Илалоа, что она вскрикнула от боли. Он показал на лодку, и Шон с Илалоа медленно оглянулись в ту сторону.

Илалоа застыла на месте. Капитан однажды видел человека, убитого пулей в сердце. Когда в него попали, он замер точно так же, еще не догадываясь, что уже мертв.

Йоахим наклонился и закричал ей в ухо:

— Кто выйдет в море в такую ночь?

Та отрицательно затрясла головой.

— Понятно,— процедил он сквозь зубы.— Держитесь крепче, ребята, мы так просто не дадимся.

Когда лодка поднялась на гребень волны, он заметил остров. Расстояние определить было трудно, но эта каменная громада не могла быть далеко. Поглядев под ветер, он увидел другое судно. Оно быстро приближалось с кормы по левому борту. Это уже была не парусная лодочка; в погоню за ними выслали большое судно с высокими бортами, без мачт, и его тянуло какое-то морское животное. Видно было только огромную спину, мелькающую в волнах, пену, вздымаемую хвостом, и чудовищный зазубренный гарпун на носу.

Можешь ли ты на удочку поймать левиафана?.. Заключит ли он договор с тобой?

Илалоа что-то крикнула Шону, он кивнул и замахал Йоахиму. До капитана долетели только обрывки слов: «...возьми руль... рифы...» Он шагнул к румпелю и ухватился за вырывающуюся рукоять. Шон бросился к парусу. Остров был уже совсем рядом, за белой стеной прибоя. Им придется обогнуть остров, идти галсами — но в такую погоду?

Парус захлопал, и лодка повернула, ложась на другой галс. Повернула неуклюже — Илалоа была хорошим рулевым, но помощник у нее оказался неопытным. Они потеряли почти всю свою скорость. Корабль алори подошел совсем близко, он был теперь не больше, чем в нескольких сотнях метров. Йоахим разглядел высокие фигуры, стоящие на носу. Ему показалось, что один из них — Эспереро.

Остров поднимался перед ними горой. Йоахим увидел, как пена прибоя белыми фонтанами взлетает вверх под прибрежными скалами, и сердце его упало. Корабль алори шел теперь вровень с ними, их разделяло всего пятьдесят метров. Йоахим покосился на хвост морской твари, взбивающей волны.

Нет... хвала небесам, еще нет! Лодка рванулась вперед. Прибой был прямо по курсу, он почувствовал, как лодка кренится. Волна нанесла удар в нос, захлестнула всю лодку, и киль заскрежетал по рифу. Илалоа показывала за борт, отчаянно жестикулируя. Прыгайте! Прыгайте! На мгновение он замер. Живой парус с треском разорвался, снасти лопались, как гнилые бечевки. Капитан перевалился через борт.

Дно оказалось всего в метре. Должно быть, отмель. И морское чудище сюда не заплывет, подумал он с внезапным облегчением.

Тревильен и Никки соскочили вместе. Волны сбивали с ног, рассыпались брызгами над головой. Одна из женщин упала с борта и сразу ушла под воду. Тревильен поймал ее за руки, помогая встать на ноги, а Никки потащила ее к берегу.

На берегу, у тропинки, поднимающейся вверх по скале, стояли Илалоа с Шоном. Она размахивала руками, приказывая вернуться тем, кто уже полез наверх. Экипаж в ожидании сбился в кучку.

Тревильен посмотрел за линию прибоя, в море. Судно алори шло вдоль рифа, к проходу в камнях. Они уже здесь,

а ведь до корабельных шлюпок было лишь рукой подать...

Он подавил свои чувства. По крайней мере, Илалоа еще не сдалась. На берег вышел Йоахим, отряхивая воду и тяжело дыша — это значило, что из лодки выбрались все.

Тревильтен заметил, что номады уже поднимаются вверх, и пристроился к темной людской цепочке. Никки тащилась следом, уцепившись ему за пояс. Илалоа проведет их вверх, мимо стражей острова. Но алори...

Он глянул вниз, но в этой темноте ничего нельзя было разглядеть. Алори погонятся вслед за ними, но при таком ветре их газы и, наверное, насекомые тоже будут бесполезными. Там, в начале тропы — рукопашная, и Йоахим с теми, кто остался внизу, будут бешено драться, прикрывая ушедших вперед. Тревильтен выругался, ему хотелось спуститься вниз и помочь, но тропа была слишком узкой и скользкой.

Наконец они поднялись на остров. Кругом росли кусты и сгибающиеся под ветром деревья, еле заметные в темноте. Тревильтен заметил обвившиеся вокруг стволов побеги, покрытые шипами, и ему показалось, что в темноте сверкнули чьи-то глаза. Он так и не понял, кому они принадлежали, но что бы это ни было, Илалоа приказала ему сидеть смирно.

Бегом, оскальзываясь на мокрых камнях, проваливаясь в незамеченные промоины, номады преодолели эту лесную засеку. Это был короткий, выматывающий рывок — но вот деревья расступились, и он увидел шлюпки.

Они стояли рядом, готовые к старту, острые носы, направленные в бесконечность, и холодный серый свет луны отражался от корпусов. Шон уже стоял у одной из них, нащупывая выключатель на посадочной стойке. Сквозь вой ветра Тревильтен услышал, как взвыл запущенный сервопривод. Шлюз открылся, и наружу медленно, ужасно медленно пополз трап.

Обернувшись у трапа, Тревильтен заметил, как на опушку выскочили последние номады. Арьегард замыкал Йоахим. Они неслись к трапу так, словно за ними черти гонятся. Один за одним, торопясь, но соблюдая хоть некое подобие порядка, они поднялись на борт шлюпки. Тревильтен втолкнул внутрь Шона, Илалоа и Никки, а сам пока остался снаружи.

Поляну наполнили бегущие со всех ног алори. Йоахим

жестом приказал Тревильтену подняться и попятился следом. Эспереро — теперь он узнал его симпатичное лицо — полез следом, его товарищи столпились сзади.

Капитан остановился в проеме люка, подняв ногу в тяжелом ботинке. Ему пришлось орать, чтобы чужак его услышал, однако в голосе было бесконечное спокойствие.

— Еще шаг, дружище, и ты проглотить все свои зубы.

Эспереро замер. Когда он заговорил, в его голосе зазвучали странные ноты: сожаление, печаль?

— Почему вы бежите? Мы бы не причинили вам зла. Мы бы стали вашими друзьями.

— В этом вся проблема, — ответил Йоахим.

Эспереро медленно покачал головой. Кривая улыбка исказила его лицо.

— Вам не откажешь в красивых жестах, люди. Могу я пожать вашу руку?

— Как? — Йоахим сложил руки на груди. Это могла быть и ловушка, но чего бы они добились, взяв в плен его одного. — Да, конечно, — и он нагнулся.

Рука Эспереро была маленькой и нежной, однако она с силой стиснула его ладонь.

— Прощай, друг мой, — сказал алорианин.

Он выпустил руку Йоахима и спустился вниз. Номад посмотрел ему вслед, пожал плечами и вошел внутрь. Тревильтен нажал кнопку, и трап втянулся, а люк с тихим воем мотора захлопнулся. Шум ветра сразу стих, и тишина обрушилась на них. Тревильтен запер механизм; теперь люк можно было открыть только изнутри.

Илалоа тоже стояла в шлюзе, мокрая и продрогшая. Ее глаза снова были расширены от страха.

— Быстрее, — сказала она. — Взлетайте быстрее. Там стоят другие шлюпки, и они тоже могут летать. И на них есть орудия!

Йоахим бросился к ближайшему экрану, но увидел только темноту и летящие облака. Он нажал на клавишу интеркома.

— Экипаж по боевому расписанию! Взлетаем!

Экипаж был неполным, но все были подготовлены. Люди бросились по местам, грохоча ботинками по металлической палубе. В стабилизаторах и над конусами гравидвигателей были установлены орудия и ракеты, и одно тяжелое орудие на носу. Йоахим остался у шлюза, нахо-

дившегося в центре; Треви́льен бросился к гравифи́лту вверх, в носовой отсек. Илалоа не последовала за ним, хотя Шон был пилотом и уже сидел наверху. Вместо этого она осталась с капитаном, забившись в угол, словно желая стать невидимой.

Пролетая в шахте лифта вверх, Треви́льен заметил в одной из кают Никки и окликнул ее. Та помахала рукой в ответ. Она была занята, помогала одной из женщин, пострадавших во время высадки. Выскочив в носовом отсеке, Треви́льен увидел в пилотском кресле Шона, пальцы юноши плясали на пульте. Встрепанная голова номада повернулась в его сторону:

— Мика, дружище! Ты можешь управляться с нашими игрушками?

— Конечно, могу. Ты только заberi нас отсюда поскорее, Шон!

Треви́льен прыгнул в кресло стрелка. Большой Джо заряжался и стрелял автоматически, но для управления орудием требовалось двое стрелков. Вторым был Душан Петров, его мокрая, огненно-рыжая борода елозила по мигающему огоньками пульту. В кресле второго пилота был Когама, а сзади сидел Ференци.

— Сейчас взлетим, сейчас...— пробормотал Шон.

Странно, подумал Треви́льен, насколько счастье может заставить человека забыть о смертельной опасности.

Шлюпка вздрогнула. Шон оторвал ее так плавно, что в первое мгновение Треви́льен даже не понял, что они поднимаются. Вверх, к небу, к звездам — эти слова песней зазвучали у него в груди.

У них не было данных об орбите «Странника», но его нетрудно будет найти и пришвартоваться. А потом...

— Они стреляют, Шон,— окликнул Когама.

Шон покосился на детекторы. Корабль качнуло от близкого разрыва.

— Вижу. И еще... Ой-ой! Пилот вызывает капитана. Они посылают вслед за нами еще одну шлюпку. Нейтринное излучение.

— Сейчас, я заведу свой экран,— ответил Йоахим.— Ага, вижу. Плохи дела, братцы!

Шон настроил боковой экран, теперь он показывал вид снизу. Земля превратилась в огромный черный круг, уменьшавшийся по мере подъема. В лунном свете блеснула быстрая поднимающаяся следом искорка.

— А мы не можем оторваться? — спросил Ференци.

— Нет. Они двигаются слишком быстро. Нам лучше развернуться, чтобы мы могли применить главный калибр. По интеркому донесся голос Йоахима.

— Говорит капитан. Говорит капитан. Кажется, придется драться. Пристегнитесь.

На шлюпке не было внутреннего гравиполя, за исключением лифта. Тревильен застегнул ремни и посмотрел на панель управления. Его руки опустились на отполированные рукояти управления Большим Джо. Я надеялся, что обойдется без этого, подумал он.

Его голова мотнулась, когда Шон развернул шлюпку. Они устремились назад, к поверхности планеты, стремясь использовать преимущество в высоте. Другая шлюпка круто поднималась навстречу. Тревильен увидел вспышки перехватываемых снарядов. Осколки одного ударили по корпусу рядом с носовым отсеком, и сталь зазвенела, как огромный гонг.

— Он паршивый пилот, — заметил Шон. — Это будет просто.

— Нам обязательно сбивать его? — к удивлению Тревильена, этот вопрос задал Ференци. — Мы не можем просто уйти от него?

— Чтобы он расстрелял нас сзади? Если этот придурок не знает, что такое бой, ему надо показать, — тут в голосе Шона пропала жесткость, и он прикусил губу. — Но как я не хочу делать этого!

Эспереро мой друг, печально подумал Тревильен.

На мгновение ему вспомнился вечный философский вопрос. До каких пор мы будем принимать этот мир таким, какой он есть? До каких пор мы будем стоять с пустыми руками и глядеть, как совершается несправедливость?

Шлюпка номадов спикировала, обрушившись на врага, как ястреб. Алорианский пилот попытался уклониться, неуклюже шарахнувшись в сторону. Шон пронесся в нескольких метрах от чужака и дал залп из всех орудий. Огонь молнией прорезал небо, и алорианская шлюпка упала вниз дождем расплавленного металла.

Это был недостойно! Они не должны были так умирать!

Шлюпка снова повернула вверх. Тревильен заметил, что они пересекли границу ночи. На востоке поднималось солнце, и первые лучи осветили лесной мир, блестящий от росы.

— Мы ушли! — Шон расхохотался, закинув голову. — Мы ушли, мы снова свободны!

Тревильтен услышал по интеркому сдавленный крик, дикий вопль капитана, оборвавшийся на полуслове. После этого стал слышен только громкий свист ветра.

— Какого черта... — Шон потянулся к микрофону. — Эй, шкипер, в чем дело?

Только свист ветра. Из шахты лифта потянуло холодком.

— Я спущусь, — кивнул Тревильтен. Его голос как бы звучал откуда-то извне. — Я спущусь, посмотрю, что случилось.

Он отбросил в сторону упряжь ремней безопасности, пробежал по палубе, спустился на две ступеньки в лифт и провалился в нижний луч, словно опавший лист в октябре. Из громкоговорителей донесся голос капитана.

— Все в порядке. Небольшие неполадки. Говорит капитан. Все оставайтесь на своих местах.

Тревильтен выскочил у входа в шлюз. За открытым внешним люком было бесконечно голубое небо. Ветер трепал одежды на сгорбленной фигуре Йоахима. Потрепанное, некрасивое лицо дергалось. Йоахим плакал. Он плакал неумело, тяжело, горько...

— Что я скажу ему, Мика? Как я скажу мальчику?

— Она прыгнула?

— Я был занят у экрана. Я смотрел. Я смотрел, как взорвалась лодка, и задержался у экрана на минутку. Я услышал, как заработал люк. Он уже приоткрылся, и там стояла Илалоа. Я хотел подхватить ее, но люк открылся еще... как раз настолько, чтобы она ушла.

Йоахим затряс головой.

— Но как я расскажу это Шону?

Тревильтен не ответил. Он подумал об Илалоа, летящей навстречу своему лесу. Интересно, о чем она могла думать в эти минуты? Он нажал на кнопку, и люк закрылся.

Мика Тревильтен расправил плечи и положил руку на плечо Йоахима.

— Ничего, — сказал он. — Шон крепче, чем тебе кажется. Просто пока... не будем ему ничего говорить.

Небо вокруг потемнело, и звезды стали ярче.

ЗИМА МИРА

Глава 1

Как-то в конце зимы трое мужчин скакали в Аулхонт*, где находился зимний сад Доньи из Хервара. Это четырехдневное путешествие к реке Сталльон**, на северо-запад от аванпоста Фальд оказалось довольно серьезным испытанием для путника из Арваннета.

В прошлом месяце солнце вошло в созвездие Лося и теперь поднималось повыше, чем в зимние месяцы. Тем не менее земля все еще оставалась покрытой старым снегом, поскрипывавшим под копытами — повсюду одна белизна, освещенная ровным вечерним светом, а пронизывающий ветер напоминал о тундре и ледяных торосах, оставленных ими за горизонтом.

Впрочем, местность, по которой они скакали, больше напоминала тайгу: пересеченная, большей частью открытая, и повсюду вокруг — синие длинные тени, бросаемые рошицами приземистых сосен, березок, на которых сверкали лишь превратившиеся в ледышки веточки, качающиеся ивы. Фиолетовый цвет неба на востоке, где уже появились первые звезды, плавно переходил через бледность зенита и прозрачную зелень на западе к кровавому диску у самого горизонта. Над головой в гнездах каркали вороны. Еще выше, сверкая крыльями, парил ястреб. Справа и слева от всадников вспархивали куропатки. Из густого черничника вылетел фазан во всем своем великолепии. На склоне южного гребня слева от всадников несколько сотен перемешавшихся между собой диких животных: степные олени, кони, карликовые бизоны и еще какие-то парноко-

* Owlhaunt — с англ.: Совиное Логовище. (Примеч. перев.)

** Stallion — с англ.: Жеребец. (Примеч. перев.)

пытные с круто изогнутыми рогами, неизвестные путникам, ковыряли копытами мох, пытаясь добраться до остатков травы. Время от времени раздавался лай дикой собаки, и в ответ — вой койота. Эта богатая земля принадлежала жителям Гервара.

Двое из мужчин были из местных, родом из Рогавики — широкоплечие, высокорослые, длинноногие (шпоры низко вонзались в лохматые бока их маленьких пони), у них была светлая кожа, удлинённые головы, широкое лицо и короткий нос, раскосые глаза. Вышло так, что они одеты были тоже одинаково: рубахи и брюки из оленьей кожи, отделанные бахромой и украшенные высушенными иглами дикобраза, мягкие полусапожки, меховые плащи с капюшонами. У каждого было два ножа: один, с массивным лезвием, использовался для разрезания, а второй, с узким, — для метания; копьё, топорик, лук, колчан и лассо. Все это крепилось к седлам. У Жано волосы — рыжие и заплетённые на затылке в косичку, а каштановые волосы Кириана опускались до самых плеч. Ни у кого из них (им было всего семнадцать и восемнадцать лет) ещё по-настоящему не росла борода, поэтому они были чисто выбритыми. Жано — старший сын Доньи, Кириан — её последний муж.

Третьим был Касиру, бывший вор, мошенник и головорез, теперь же первый заместитель главы Братства Рэттлбоун, ввиду чего ставший главарем всех воров, мошенников и головорезов. У него было некрасивое лицо желтого цвета, черные глаза, обычные в Арваннете. В свои пятьдесят лет он был невысокого роста, сухопар, с резкими чертами лица. Волосы были аккуратно подстрижены над ушами, и он стал отпускать бороду и усы после того, как их тронула седина. Несколько выдававшихся вперед зубов стучали от холода. Его легкая туника, штаны и туфли были бы уместны на юге, но не здесь. Он кутался в накидку, которую ему дали на время, и грязно ругался. Ножны рапиры торчали из-под накидки, словно обледеневший на морозе хвост.

Жано и Кириан должны были проводить его в Аулхонт как можно быстрее: курьер сообщил Донье, что он уже отправился в Фальд на лошади — поэтому они не могли охотиться во время всего пути, довольствуясь сушеным мясом, медом и сухофруктам, запасенными в мешках, которые тащил один пони. Второй вез палатку (нельзя же

ожидать, что горожанин сможет провести ночь на холодной земле). На третьем были вещи Касиру. Четвертый пони, ничем не нагруженный, подменял остальных и был про запас на случай непредвиденного происшествия. Конечно, при других обстоятельствах они не взяли бы запасную лошадь, но горожанин не может путешествовать с такой же скоростью, как уроженец Рогавики.

Трижды в этот день они видели дымок, струившийся из дымоходов каких-то домов, и Касиру спрашивал, не туда ли они держат путь, но его проводники отвечали коротким «нет». Трудно поддерживать беседу, когда едва знаешь чей-то язык, а твой собеседник совсем не знает твоего. В основном они пытались изъясняться на рахидианском, на котором Касиру говорил бегло, а они изучили его достаточно, чтобы торговать или сражаться. Они смогли объяснить Касиру, что в этих местах живут члены Братства Доньи — это был лучший эквивалент слова *gorozdy*, который они смогли подобрать для самого большого неформального объединения нескольких семей в Герваре. Касиру и раньше думал, что этот союз подчиняется ей, хотя каким именно способом она правит здесь, он не до конца понимал.

Наконец всадники достигли вершины какого-то гребня. Жано показал рукой вперед:

— Там! — Улыбнувшись, он вонзил шпоры в бока своего мустанга и ринулся галопом вниз. Кириан рысцой направился вслед за ним, увлекая за собой пони гостя и лошадей с поклажей.

Касиру внимательно вглядывался вперед. Долина уже погрузилась в сумерки. Холм, по которому они спускались, изгибался и поднимался справа, пока не превращался в огромную отвесную грубую стену на севере. Несомненно, там под толщей земли покоился древний город...

Да, действительно, ему показалось, что он различает среди деревьев и кустов следы раскопок. На западе и юге земля была более ровной, только река Сталльон рассекала долину, и густая растительность из вечнозеленых растений по ее берегам служила преградой дующим ветрам.

С холма Касиру смотрел на мили и мили снега — серебристо-серого, окрашенного в розовое лучами заходящего солнца за замерзшей рекой. Он перевел свой взгляд еще

ниже. И увидел там место, которое было целью их путешествия и в котором он надеялся найти убежище от проклятого завывающего ветра.

Снаружи здания почти полностью были скрыты молодой березовой порослью. Сами здания образовывали широкий прямоугольник, вымощенный булыжником. Касиру показалось, что он различает амбар, копильню, мастерскую, конюшню, псарни, хлев для трех видов животных, которых приручили местные жители. Строения были сложены из неотесанных бревен, крыши обложены дерном, но на вид все казалось сделанным добротнo. Внутри располагались жилые дома, длинные и широкие, хотя и не такие высокие: бoльшая часть их располагалась под землей, и были видны окна лишь верхнего этажа. Из двух дымоходов валил дым. На южной стороне сквозь стекло виднелись очертания огромного черного коллектора солнечной энергии, изготовленного в Арваннете. А посреди двора торчал остов ветряной мельницы, сделанной в Рахиде.

Собаки, похожие на своих хозяев: такие же высокие, сухопарые и светлой масти,— с лаем бросились им навстречу, то ли приветствуя, то ли нападая. Воздух белым паром вырывался из их пастей с клыками и инеем оседал на мордах. Жано успокоил собак. Потом открылась дверь — слуховое окно, выдвигавшееся из дома. Прибывших приветствовал какой-то мужчина, черный на фоне желтого света.

Он провел их по лестнице в гардеробную, а потом — в главную комнату. Деревянные полы, устеленные шкурами животных или какими-то нездешними тканями, создавали уют. Здесь имелись внутренние перегородки, которые можно было раздвигать,— украшенные причудливой резьбой и грубо раскрашенные. В самой большой комнате, сверкая на побеленных глиняных стенах среди специально стилизованных фресок, изображавших животных, растения и силы природы, висело оружие. На полках стояли сотни книг. Приятное тепло шло от рахидианской печки, выложенной плиткой, которая была изящно расписана. Масляные лампы в двенадцати торшерах, привезенные с юга, давали свет. Среди гроздей фруктов и зелени, висевших под потолком, располагались и цветочные саше, наполнявшие воздух приятным ароматом. Когда путники вошли, одна девушка отложила в сторону музыкальный инструмент с кривой спинкой, на котором она только что акком-

панировала своей песне. Последние ноты этой грустной мелодии, казалось, все звучали.

Люди сидели, скрестив ноги, на выступах, тянувшихся по всему полу, или же на подушках рядом с низким столом. Здесь было шестеро детей Доньи, начиная с Жано и кончая трехлетней Вальдеванией, жена Жано, присутствующая потому, что ее единственный муж был в отъезде, двое мужей Доньи, считая и Кириана (двое других были в экспедиции), три незамужние женщины — одна пожилая, вторая средних лет, третья — молодая, и, наконец, сама Донья. Их внешность не оставляла сомнений: они уроженцы Рогавики. В остальном же они имели мало общего между собой (не принимая, конечно же, во внимание, их одежду или прически), да к тому же в этом теплом помещении на них был минимум одежды, а кое-кто вообще полностью обнажен.

Донья спрыгнула с настила, на котором лежала, вытянувшись на медвежьей шкуре, и схватила обе руки Касиру. Как было принято в ее роду, она быстро и страстно обняла Кириана.

— Добро пожаловать, друг!

Ее хриплый голос слегка запинаясь, когда она произносила это приветствие на языке южных племен.

— Еуаш, погоди! — рассмеялась она. — Прошу прощения, давно не практиковалась. — Сложив руки на груди и низко наклонившись, она приветствовала его, как это было принято в городе: — О гость, пусть Божья Благодать воссияет над нами!

Улыбка тронула уголки рта Касиру.

— Едва ли это случится, когда дело касается меня, — заметил он. — Ты что, все позабыла за эти три года?

На мгновение Донья помрачнела, потом принялась подбирать фразу за фразой:

— Я помню... да, ты — мошенник... но все же тебе можно доверять, когда у тебя есть причины быть честным... И почему вы решились на это... отправиться сюда и трястись по кочкам... вместо того, чтобы с удобствами путешествовать на пакетботе... если только вы не нуждаетесь в нас... как и мы, наверное, в вас?

Донья пытливым взором всматривалась в южанина, да и он испытующе изучал ее, но взгляд его, пока она кружилась по комнате, был взглядом вора.

Донья не слишком сильно изменилась с тех пор, как приезжала Арваннет, где они и познакомились. В свои тридцать пять лет она осталась стройной и сильной (судя по ее рукопожатию), движения ее были плавными. Касиру отлично видел это. Сегодня на ней был матерчатый кильт, ожерелье из ракушек и зубов. На ее более полном, чем у большинства женщин Рогавики, теле была наложена краска, где преобладали красные и синие цвета, и под каждым изгибом чувствовался мускул. Ее груди были тяжелы от молока — женщины народов севера часто кормили грудью даже через несколько лет после родов не только своих младенцев, но и уже подросших детей или детей своих друзей, а иногда даже взрослых, если им вдруг захотелось свежего молока для восстановления сил. Внешность ее поражала: серо-зеленые раскосые глаза с пылающим взглядом, широкий рот, квадратный подбородок. Волнистые желто-каштановые волосы ниспадали на плечи, собранные лентой с бусами. Сейчас, когда кончалась сумеречная зима, казалось, что ее кожа светится белым цветом. Несколько веснушек рассыпалось на ее толстом коротком носу, словно крапинки летнего золота.

— Ну, присаживайтесь, будьте как дома, — пригласила она.

Затем сказала несколько слов младшим детям, вступившим в переходный возраст и детям постарше, после чего те ушли. По всей видимости, она попросила их снять с пони багаж и приготовить обед. Но несмотря на полученные им за время этого путешествия знания языка, — а Братья Ножа в многоязычном Арваннете быстро изучали языки, иначе бы они просто пропали, — ему не удалось уловить, что же именно она сказала. То же самое происходило и впоследствии, когда члены семьи обменивались между собой замечаниями. В лучшем случае ему удавалось улавливать отдельные слова. Он слышал о том, что каждый род придерживается и развивает собственные традиции, отсюда и множество диалектов. Но действительность обескуражила его.

Помнится, когда они встретились в городе на юге, он принял ее за дикарку: милую компаньонку (несмотря на то, что она отказалась отдаться ему, хотя женщины ее рода имели репутацию похотливых созданий), но все равно наивную дочь примитивных охотников. Арваннет, древняя столица всего известного мира, представлял из себя лаби-

ринт, в котором скрывались тайны и всякого рода тонкости. А этот безлюдный север просто не имел права на это!

Привыкший к стульям, Касиру кое-как примостился на самом краю выступа, опустив ноги на пол. Донья улыбнулась и положила сзади него подушки, чтобы он мог откинуться на них. Потом расположилась справа от него. А слева место занял Йвен, ее первый муж, ставший ее господином два года назад. У него были бледно-голубые глаза, коротко стриженные волосы и рыжая бородка, тронутая сединой. Туника из привозного льна не скрывала большой шрам на его бедре, оставшийся после охоты на быка.

Члены семьи, свободные от домашних дел, расположились на ковре. В их открытых взглядах читался интерес, но они держались отчужденно и замкнуто, как и описывали все посетители из цивилизованных мест... Нет, здесь не было Жано и его девушки-жены — они вышли, обняв друг друга... Шестилетняя дочурка Дони Лукева принесла на подносе стеклянные бокалы горячего меда. Касиру с благодарностью взял в руку один и ощутил тепло, вдохнул густой летний аромат, и боль от ушибов и ссадин поутихла.

— Может, отдохнешь ночь, и уже потом мы поговорим о целях твоего приезда? — спросил Йвен на удивительно неплохом рахидианском.

«Наверное, он каждый год раз или два ездит по торговым делам в долину Хадрахад,— подумал Касиру,— а может, он изучил язык ради военных целей?» Он вспомнил, как Донья рассказывала, как члены ее рода объединились по призыву о помощи, когда десять лет назад на их земли вторглись захватчики из Империи.

— Мы скоро пообедаем, и сразу же после этого ты можешь отправляться спать.

— Да, наверное, лучше всего оставим все дела до завтра,— согласился Касиру. Потом одним глотком опрокинул в себя содержимое бокала.— Ну, а вы какживаете? Какие новости?

— У нас ничего нового,— ответила Донья. В ее сбивчивой речи проскальзывали иногда и рахидианские словечки, и она часто останавливалась, чтобы перевести сказанное для остальных.— Все идет своим чередом. Вот Вальденавия, ты ее не знаешь, раньше ты в моей семье ее не видел. Так же, как и Кириана. Мы с ним поженились во время последнего зимнего противостояния. Прошло два года, как

мой третий муж утонул во время рыбалки: ялик перевернулся и ударил его по голове.

— Мои соболезнования,— пробормотал Касиру.

— Нам его не хватает,— сказал Йвен.

— Да.— Донья вздохнула, потом протянула руку, чтобы провести ею по волосам Кириана, и улыбнулась Йвену.— Люди теряют, люди находят... в конце концов, мы возвращаем земле то, что она нам одолжила когда-то. А как твоя жизнь?

Горожанин пожал плечами.

— Как обычно, удача то благоприятствовала мне, то обходила стороной. До последней осени, когда был завоеван Арваннет.

Донья ждала, опершись на локоть. Пальцы стиснули бока, а по телу пробежал мороз. Из темноты донеслось уханье совы.

— Из того, что я знаю о твоём роде, Касиру, я бы не сказал, чтобы ты страдал от каких-нибудь случившихся по-настоящему перемен,— протянул Йвен.— Сколько хозяев имел Арваннет за столько тысячелетий? И ведь каждый считал, что город принадлежит только ему, а со временем о них и воспоминаний не оставалось, а Арваннет все еще существует.

Касиру захихикал.

— И наши Норы никто никогда не трогал, да? Такие, как я, выживают всегда, подобно крысам. И все же... когда приходят хорьки, плохие времена наступают и для крыс. Боюсь, что именно это и происходит сейчас.

Касиру резко подался вперед.

— Прошу вас, прислушайтесь ко мне! Какие новости вы слышали в Херваре, ведь до него не доходят корабли по реке Джугулар? Что войска Империи из Рахида двинулись на восток вдоль берегов пролива Дольфин, захватили Арваннет и оккупировали его. Подумайте: что это означает для вас? Ведь южанам по-прежнему нужен металл. Поэтому торговля будет продолжаться. Ваш народ будет свободно кочевать по своим землям. Но говорю тебе, Донья, северяне изменились, они не такие, какими были раньше. Империя распалась триста лет назад. Восстановить ее пытаются бароммианцы, воины с южных гор. Вот их-то мощь и амбиции и угрожают всем нам, тебе, мне и остальным. Сам я поначалу не воспринимал это завоевание

как нечто серьезное. Наоборот, наши доходы только увеличиваются во времена кризисов. Но в этом случае дело обстоит по-другому. Хорьки и в самом деле залезли в наши норы. Отчаявшись, я заказал место на первое же почтовое судно, отправлявшееся в этом году, назвавшись фальшивым именем. В гостинице Агамеха я нашел курьера из Рогавики и заплатил ему, чтобы он доставил тебе, моя госпожа, письмо, в котором я сообщал о своем приезде. Жано и Кириан гостеприимно встретили меня в Фальде. И вот я здесь.

Касиру остановился, чтобы передохнуть и глотнуть меда, и мед тут же зашумел в его утомленной голове, словно внезапно пробудились пчелы, и сейчас не зима, а лето, и они жужжат над лугами.

— Значит... ты полагаешь... бароммианские лорды из Рахида собираются теперь напасть на нас? — спросил Йвен.

— Уверен, — ответил Касиру.

Донья отбросила назад свои желтые локоны.

— В наших древнейших сказаниях нигде не упоминается о таких временах, когда южане не хотели бы завоевать нашу страну, желая увеличить свои пастбища и пахать на наших землях, — сказала она. — Но всякий раз, когда они пытались это сделать, их планы проваливались. За время моей жизни мы уже сражались с ними на Пыльных равнинах, пока не скинули их обратно за реку Хадрахад — и тогда тоже во главе их были бароммианские вожди. Если они ничему не научились, что ж, пусть ведут свои войска через долину Джугулар. Глупцов будет ждать отличный прием.

— Говорю тебе, вождь, который захватил Арваннет, не похож на прежних, — обратился Касиру к Донье. — Я понимаю, вы не можете действовать, полагаясь только на одни мои слова. Но сами присмотритесь и подумайте хорошенько, попробуйте все почувствовать.

Глаза Доньи вспыхнули. Она последние годы провела спокойно, по сравнению с теми испытаниями, которые выпали ей до этого.

— Возможно, — тихо произнесла она. — Мы еще обговорим это позже.

Они обсуждали это весь следующий месяц. Связные приводили глав Семей со всей страны, иногда даже из родов, чьи территории располагались за Херваром. Они

внимательно выслушивали, с пылом совещались, соглашались, что в этом деле интересы их и Братства совпадают.

Тем временем Касиру наслаждался щедрым гостеприимством северян. Несколько незамужних женщин искали уединения с ним, влекомые любопытством, которое вскоре угасало. Тем не менее с какой бы вежливостью ни относились к нему местные жители, он видел перед собой одни лишь маски. И никакой надежды на мобилизацию жителей Рогавики. Для них просто не существовало проблемы, ради которой он сюда приехал, и его попытки объяснить ее ни к чему не приводили.

Когда лед растаял на Джугуларе и первый корабль из Арваннет прибыл в Фальд, Касиру отправился на нем домой. Донья пообещала подумать над его словами. Однако прошел год, прежде чем она действительно серьезно задумалась над ними.

Глава 2

Джоссерек Деррейн молнией выскочил из своей тюрьмы-каюты со сверкающей финкой второго помощника капитана Риджела Гейрлоха, окровавленный труп которого он оставил лежать на полу.

Моряки, занимавшиеся уборкой палубы «Сконнамора», увидев несущегося прямо на них гиганта, закричали. Трое из них попытались остановить его. Деррейн подпрыгнул и ударил правой ногой одного в живот. Моряк опрокинулся на спину и остался так лежать, глотая воздух широко раскрытым ртом. Клинком Джоссерек отразил удар второго атакующего и, протянув руку к поручням, ухватился за нагель, вывернул его из гнезда и ударил им по голове третьего матроса. Последнее усилие — и он покинул корабль.

Своим прыжком он поднял столб воды. Когда Джоссерек открыл глаза, его окружал желто-зеленый сумрак. Он смог различить лишь мерцающую поверхность воды и смутные очертания днища грузового судна. Заткнув клинок за пояс, Джоссерек бешено заработал руками и ногами

и стал опускаться еще ниже в холодные глубины, чтобы проплыть под килем судна, однако оцарапал при этом спину об острые раковины. Теперь за ним потянулся кровавый след, но все же ему удалось оказаться между левым бортом и пристанью...

Когда его легкие уже готовы были взорваться, а в ушах оглушительно зазвенело, он устремился вверх, к поверхности воды. Наконец Деррейн смог глотнуть воздух, наполненный привычными запахами, солью, дымом, смолой и рыбой. Он слышал беготню на палубе, гневные крики людей и вопли потревоженных чаек. Деррейн прятался в дальнем конце дока, где стоял «Сконнамор», укрываясь в его тени. Грохот забиваемых свай и лязг якорных цепей также не способствовали поискам беглеца. «Итак, похоже, мы на правильном пути», — подумал Деррейн.

Потом он некоторое время отдыхал, держась за носовой фал. Шум наверху прекратился. Никто из матросов не рискнул преследовать сбежавшего мятежника в воде — слишком это было опасно. Офицеры, наверное, сожалеют о том, что упустили его: если бы они доставили его на суд в Ичинг, то его показательная казнь послужила бы хорошим уроком всем, кто захотел бы последовать примеру Джессерека. Однако пусть теперь его поисками занимаются местные патрули, а если и им не удастся схватить его, то это ненамного меняло дело, все равно у Джоссерек, изгнанника-чужеземца, не было места, где он мог бы спрятаться, если только не попытается воспользоваться услугами преступного мира, да и то это маловероятно, скорее всего, его труп с перерезанной глоткой обнаружат в каком-нибудь темном переулке или на берегу после прилива. А если корабль еще не отправился в плавание, то это послужит еще более наглядным уроком, чем его приговор.

Но все же, наверное, бароммианцы сделают все от себя зависящее, чтобы схватить его. Как только коменданту сообщат о его побеге, он сразу же вышлет наряд на поиски. Возможно, он не свяжется с местной полицией, а попытается обойтись своими солдатами. Властям никогда не нравится мысль, что где-то поблизости гуляет на свободе готовый на все человек. И к тому же это явится примером доброжелательности: одним только богам известно, какими напряженными стали сейчас отношения между жителями Киллимарейча и Рахида.

«Поэтому, парень, тебе лучше отправиться в Арваннет, и побыстрее». Приподнявшись на канате, Джоссерек огляделся и стал думать, что же ему теперь делать.

Его заперли в свободной каюте, а затем привязали к скобе, и в таком положении он должен был оставаться до тех пор, пока корабль не вошел бы в пролив Дельфинов. Сквозь иллюминаторы он кое-что смог разглядеть, когда корабль пришел в Ньюкип* и пришвартовался. Да и сейчас ему было видно немногим больше.

«Сконнамор» закрывал почти все поле зрения. Это было огромное четырехмачтовое судно с мощным двигателем, вращавшим винт, способное на многомесячное плавание. Однако в этот раз корабль совершил более длительное, чем обычно, путешествие. Как правило, торговцы между Киллимарейчем и Рахидом просто пересекали Материнский океан и входили в один из портов на западном побережье Империи. Но вот уже полтора года, как Арваннет не принадлежал Империи. Не рискуя пересечь пролив Проклятия, капитан Бахин направил свой корабль на юг Оренштейна, потом на запад через Кошачий океан, обходя Эфлис, и, наконец, на северо-запад через Грозный океан к конечной цели. Торговец привез шкуры, шерсть и слонину, всегда пользующиеся здесь спросом, особенно во времена войны (по каким-то причинам варвары, захватившие северный Андалин, не хотели пользоваться преимуществами торговли; как рассказывали путешественники, земля тряслась под копытами орд дикарей). Как бы то ни было, путешествие «Сконнамора» не было чем-то таким уж необычным для мореплавателей.

Джоссерек осмотрел нос и корму, все, что было справа, слева и позади. Повсюду вдоль реки Джугулар тянулись верфи и склады. На многих кипела работа — там стояли другие суда. Но только «Сконнамор» был предназначен для плавания в океанских водах. Остальные — просто каботажные шхуны, люгеры, рыбацкие лодки, которые никогда не выходили из залива, а также неуклюжие пароходы, выпускавшие в небо дым. На берегу Ньюкип встречал непрощенных гостей защитными стенами, башнями, парапетами с бойницами. Лучи только что взошедшего солнца отражались от замшелых каменных стен и высоких

* Newkeep — с англ.: Новая крепость. (Примеч. перев.)

окон, подсвечивая красно-золотистым цветом имперское знамя, развевавшееся на самом верху.

К сожалению, Джоссерек мало что увидел. Приходилось надеяться на свою память, морские карты, книги и рассказы моряков. Несмотря на свое название, Ньюкипу было более трех тысяч лет. Раньше сам Арваннет был морским портом. Но океан отступил, дельта заилилась, и по реке стало невозможно плавать. В настоящее время древний из древних лежал в ста милях от берега.

В настоящее время? Целая цивилизация просуществовала и умерла, и теперь из ее останков возрождается новая, а это настоящее все еще длится.

Джоссерек встряхнул мокрой головой. Сейчас не время думать об этом.

Его преследователи решат, что он станет прятаться в Ньюкипе. Но таких укромных мест в этом городе-порту, совсем небольшом и к тому же обнесенном стеной, было мало. В Арваннете больше дыр и нор, чем в корпусе корабля, источенном червями, да и среди его населения в полмиллиона людей затеряться было куда как легче. Не говоря уже о... но это подождет. Сначала нужно туда еще проникнуть незамеченным. А уж тогда он подумает и над тем, как жить дальше.

Воздух и вода заволновались, привлекая его внимание. Да, это его шанс, может быть, лучший за всю беспокойную тридцатидвухлетнюю жизнь. Буксир тащил за собой три баржи. Колеса у него располагались по бокам корпуса. Судя по дыму, поднимавшемуся из высокой трубы, машина работала на дровах. А значит, буксир был построен в этих краях. На равнинах было мало лесов, и рахидианцы использовали для своих немногочисленных машин жидкое топливо. Тогда как завоеватели-бароммианцы до сих пор приберегали их для мореходных и военных целей. Теперь Империя копировала двигатели, работающие на спирту и метане, для мореплавания. На баржах доставлялись бочки с рыбой, ящики с товарами, которые, скорее всего, обменяли у заморских купцов. Здесь они разгружались для дальнейшей доставки в столицу.

Джоссерек поплыл наперерез каравану, используя кроль, из-за чего большую часть находился под водой. Вряд ли его заметят среди плавающего вокруг мусора. Оказавшись рядом с буксиром, он нырнул, дал ему проплыть мимо и вынырнул на поверхность у последней баржи

с противоположной буксиру стороны. Борт всего на два фута возвышался над водой. Джоссерек протянул вперед руку, ухватился за веревки ограждения и дал себя протащить немного. Вода бурлила вокруг него. Теперь, когда прошло все первоначальное возбуждение после побега, Джоссерек почувствовал озноб. В дрожь бросала и мысль об акулах.

Он рискнул подтянуться так, чтобы оглядеть палубу. Пара копейщиков примостилась у хибары на первой барже — охрана от грабителей. Они не смотрели по сторонам, а кроме них никого на баржах не было. Джоссерек быстро перевалился через борт.

Три корзины образовывали стенку, за которой можно было спрятаться, — вполне подходящее укрытие. Да еще туда он мог подтащить фламандскую бечевку, сидеть на которой было приятнее, чем на голых досках. Он вдруг заметил, что по привычке, приобретенной во время своих странствий, щелкнул пальцами — жест игрока, благодарившего фей после удачно выброшенных костей. Суеверие? Может быть, да, а может, нет. У Джоссерека не было веры, как таковой. Культ его народа, поклоняющегося богам, вечно сражающимся (но не в битве добра против зла, а в простом противоборстве, вроде противопоставления лета и зимы) он еще принимал, однако даже с раннего детства он не приносил никаких жертв богам.

Джоссерек стянул с себя одежду и расстелил ее по палубе сушиться. Если не считать того, что он был босоног, то вся остальная одежда с головой выдавала в нем уроженца восточного Оренштейна — мужская свободного покроя блуза и яркой раскраски широкие брюки. На щиколотке висел обрывок веревки, которой его связывали, и теперь, сидя среди корзин, он разрезал ее, потом из подвернувшегося под руку куска материи сделал набедренную повязку — глупо было бы шокировать людей своим нагим видом. После этого, по-прежнему оставаясь настороже, он позволил себе прилечь отдохнуть.

Он был крупным мужчиной даже среди своих соплеменников — шести с четвертью футов ростом, широкоплечий. Резкие черты лица, серые глаза, несколько горбатый нос. Обычно он был чисто выбрит, но за время заключения у него отросла борода, отчасти скрывающая сейчас шрам на левой щеке. Черные волосы доходили до мочек ушей, в которые были вставлены небольшие медные колечки. На

мускулистом правом предплечье была вытатуирована змея, обвивающая якорь, а на левом — дельфин. Там, где одежда прикрывала тело, кожа была смуглой; в остальных же местах намного темнее: как и большинство жителей Киллимаррейча, среди его предков были и уроженцы западного Оренштейна.

«Да, братец Джоссерек, — подумал он, — сегодня ты встретишься со многими кораблями, экипаж которых будет выслеживать тебя, и вряд ли тебе удастся притвориться невысоким стройным арваннетианцем с шафрановой кожей или приземистым рыжеволосым, почти безусым бароммианцем, верно ведь? Но можно вполне сойти за рахидианца, к ним не очень сильно присматриваются, ведь они составляют большую часть имперской армии, так что не покажется странным то, что, например, один солдат имперской армии отправлен с поручением и теперь, ослабившись после купания, лежит полуголым на палубе? Правильно?»

Он с ленивым видом развалился, словно владел всем этим караваном. Заметив чей-нибудь случайный взгляд, он весело махал в ответ рукой.

Движение на реке не было столь же интенсивным, как в главном порту на побережье, но все-таки он ожидал, что оно будет еще менее оживленным. Похоже, завоевание не нанесло особого ущерба торговле. Скорее даже, что бароммианские власти стимулировали кипучую деятельность в этом застойном древнем городе-государстве.

Вскоре Джоссерек увидел вереницу барж, груженных ржавыми листами железа и рельсами. Наверное, этот металл северяне обменивали на товары и такие особые деликатесы, как пряности юга. Но эта партия вряд ли направлялась в Рахид, чьи торговцы закупали товары у Купеческой Гильдии в Арваннете и переправляли их домой сушей. В любом случае привычный образ жизни местных жителей оставался неизменным: в душе они были сухопутными людьми, неохотно доверявшими провоз ценных грузов морским путем.

Бароммианцы, жизнь которых проходила в туманной гористой местности к югу от Рахида и основным видом транспорта которых были лошади, не имели вообще никакого интереса к морю... пока они не захватили и не объединили Империю. И теперь... гм-м! Джоссерек поскреб

по высохшей бороде, которая вдруг болезненно зачесалась. Они только приветствовали распространение имперской торговой деятельности за пределы Залива до островов моря Ураганов и с лесными народами на побережье Туо-кара. И это уже вызывало беспокойство, потому что купцы из Киллимарейча и союзных королевств Материнского оксана проявляли огромный интерес к этим районам.

«Что ж, мы уже знаем это,— подумал он.— Этот груз железа — вовсе не открытие, а всего лишь подтверждение». Тем не менее на Джоссерека он произвел впечатление. Нигде больше не добывают столько металла и такого отличного качества. Какие же еще сказочные залежи разрабатывают эти варвары?

Еще одно судно тащило гребные лодки, бревенчатые плоты и патрульную галеру. Охранники хоть и бросали на него долгие пытливые взгляды, но вопросов не задавал. Когда украшенная золотистыми арабесками четырехвесельная яхта, проплывавшая рядом, с борта которой до него доносились музыка и благоухающие ароматы (по всей видимости, яхта принадлежала одной богатой леди-аристократке), его одарили более внимательным взглядом. Дважды из зарослей камышей и тростника из впадавшего в реку ручья показывалось каноэ, управляемое коротконогим дикарем из болот Унвара, одежда которого была сплетена из травы. По сторонам тянулись равнины, изрезанные каналами с ухоженными огромными плантациями, принадлежавшими городским помещикам. В эту весеннюю пору вся местность была зеленой, кроме садов, где белели и пламенели буйным цветом орхидеи. Пахло цветами. И лишь когда время от времени он проплывал мимо поселений крестьян и птицеферм за шаткими заборами, вонь от этих строений перебивала этот запах.

На закате буксир остановился на ночь. Охранники занялись швартовкой и разведением костров на берегу. Джоссерек был уже готов к этому. Он прыгнул в воду и поплыл на берег, укрепив одежду на голове. Кто-то крикнул в быстро наступающих сумерках:

— Эй, кто это там?

Однако второй голос ответил:

— Мне кажется, аллигатор, они в этом году чуть раньше обычного начинают свою миграцию.

Скрываемый зарослями кустарника Джоссерек выбрался на берег. Невдалеке он обнаружил дорогу и пошел

по ней, шлепая босыми ногами по булыжному покрытию, уже немного стертому бесчисленными legionами пеших странников. Вскоре беглец обсох и надел одежду. Большие весенние звезды бросали на него мягкий свет, но щупальца мерзкого тумана, дотягивавшиеся до Джоссерека от раскинувшихся по обе стороны дороги распаханых земель, вызывали дрожь.

Его желудок заурчал от пустоты, однако он старался не обращать на это внимания. Но теперь он начал задумываться над тем, как же ему, беглецу, без единого медяка в кармане, прожить следующие несколько дней. Хотя, конечно, самое главное сейчас — добраться побыстрее до города.

Когда ему было пятнадцать лет, Джоссерека приговорили к исправительным работам за нападение на морского офицера, вздумавшего смеяться над его лохмотьями. Эти работы он отбывал на ферме в центральном Оренштейне. Через два года он бежал, пробрался голодным до побережья, где устроился матросом на пароход, хозяин которого испытывал недостаток в команде. Позднее он занимался и многими другими вещами. Но он не забыл, как обращаться с лошадьми.

Та, что он выбрал, была слишком хороша для своего стойла. Конюшня находилась у самого края деревни, к которой он вышел. Горячий конь негромко фыркнул, когда он выводил его из конюшни, прогарцевал, пока он надевал на него уздечку, найденную тут же в темноте, и отвез его обратно в город, подгоняемый ударами голых пяток. Никаких сомнений: хозяин плантации оставил коня попасться здесь, на свежей траве, после конца долгого зимнего дня. Джоссерек пожалел, что сначала ему пришлось убить шумного пса и оттащить подальше его трупик, обождать некоторое время: юноша-слуга решил, что это была ложная тревога, прежде чем отправиться спать. Может быть, эта дворняга была любимицей местной детворы?

К утру он достиг Арваннета.

Среди нагромождения стен, ровных или наклонных крыш вздымались высоченные шпилеобразные башни, другие же башни, казалось, прижимались к земле — причудливая смесь, образовавшаяся за бесчисленные столетия; впереди смутно вырисовывались в темноте ночи улочки, едва освещаемые призрачным светом далеких звезд. Большая

часть погрузившегося в темноту города была тихой; лишь в нескольких местах мерцали фонари или же раздавался шепоток. Столетия минули с тех пор, как Арваннет лежал на берегу бухты Джугулара, и все же остатки ее, больше похожие на ров с водой, называли по-прежнему Лагуной. Но от воды несло вонью и маслом. Теперь река бежала в пяти милях от города. Этот край был изрезан каналами. От Большого Восточного шоссе в город вела единственная мощеная дорога. Джоссерек видел свет фонарей на пропускном пункте, охраняемом усиленным нарядом. Он решил, что лучше спешиться. Паромщики на рассвете покинут трактир, стоявший на конечной остановке на дороге в Ньюкип, в котором они ночевали. Они совсем не подходящая компания для такого бедняка, как он. Вот почему Джоссерек не рискнул продолжать плыть с ними. В прежние славные деньки колдуны заселили эти воды странными ненасытными созданиями... Но еще больше он опасался болезней, которые мог подхватить в этих грязных водах.

Возле плота плавал ялик, крепившийся к нему цепью. Джоссерек легко сломал деревянный замок — металл был слишком дорог на черном рынке. Вёсел не было, но он заметил одну доску, оторвал ее от полусгнившей пристани и использовал ее вместо весла.

Он взял влево — впереди располагался пирс, где стояли суда с драгоценностями, а на берегу — склады, которые наверняка лучше охранялись. Плыть с помощью доски было утомительно и медленно. Но вскоре, когда неверный рассвет окрасил в мертвенно-бледный цвет воды, он забыл о неудобствах тела, понимая, что теперь он слишком хорошо заметен на поверхности воды.

Он миновал Новый канал, который разделял лесной заповедник и земли предместий, более изолированные друг от друга. Здесь были тщательно ухоженные сады. На Королевском канале уже началось движение. Потом он миновал Западный канал с его мостом, высокой аркой соединявший берега; параллельно ему тянулась дорога. А далее — Вестрич, бурьян, кустарник, болото, карликовые дубы и сосны, бегущие по направлению к невидимому Унвару. Каналы, выходившие на противоположный берег, вели из Лагуны в город. У каждого устья возвышались стены с башенками и опускающимися решетками — Морские Врата, Большой Бастион, Маленький Бастион.

Пушки, катапульты, шлемы, наконечники копий блестели в лучах рассвета. Во влажном притихшем воздухе едва колыхались имперские знамена.

Когда солнце взошло, он решил, что заплыл уже достаточно далеко. Судя по всему, эта часть города и есть те самые Норы, где проживает всякий сброд и куда честные люди по доброй воле никогда не отправятся, если только не за какой-нибудь помощью. Он будет в большей безопасности на северной стороне — в районе Пустых Домов, про который шла молва, что он почти всегда пуст... но найдет ли он там себе что-нибудь съедобное? Джоссерек подплыл к небольшому пирсу. Каменному, не такому разрушившемуся, как паром, хотя железные кнехты, планки и кольца давным-давно исчезли, а здание за ним пустовало. Джоссерек постоял несколько секунд в своей лодке, размышляя, не следует ли ему привязать здесь ялик — возможно, потом он сможет продать его и выручить за него деньги. Нет, вероятнее всего, ялик исчезнет в ту же минуту, как он покинет его. Пусть уж поплывет дальше по каналу. Будем надеяться, что законный владелец отыщет его.

Он спрыгнул на берег.

— Стой на месте! — раздался голос. — Опустить цепь. Не двигай руками и не доставай нож.

Очень осторожно он подчинился, а потом повернулся и увидел трех мужчин, к которым он попал в плен.

Глава 3

Зимние снегопады в этом городе уступили место дождю или туману, который опустился пеленой на извивающиеся улочки, превращая стены в тени, а людей — в призраки. Почти с самого первого дня, когда его армия, перебравшись через реку на плотках и забравшись на мошеную дорогу, подняла свои победоносные знамена над этой твердыней древности, Сидир начал мечтать о других завоеванных местах. Он уже меньше вспоминал блеск лакированных безделушек и парадных церемоний имперского двора в Наисе — хотя там осталась Недайин, его молодая жена из древнего благородного рахидианского рода, одарившая его

худеньким малышом. Все чаще он думал о Черном Занга-зенге, который окружали белоснежные шапки вулканов, где Анг, жена его молодости, проживала со своим крепким потомством из шести человек. Но еще больше он вспоминал о местности, которая окружала этот город, сам Хаамандур, где паслись лошади, бароммианские селения, где под ослепительно сверкающими звездами веселились у костров местные жители, ковбои и пастушки, одинаково вооруженные и ничего не боящиеся, скачки на ветру под музыку своры гончих, длящиеся, пока где-нибудь у воды они не находили дикого вепря или оленя, и тогда брали копья и... В Арваннете Сидир часто с кривой усмешкой вспоминал поговорку его горных сородичей «Рысь захватила клетку».

С утра было ясно, но к полудню небо заволокли облака, принесенные ветром, дующим с болот Унвара и пахнущим ими. Небо сейчас низко нависло над землей, мрачная серая стена надвигалась все ближе и ближе, уже сверкали молнии и гроыхал гром. Несмотря на широкие окна, в Лунном зале по углам сгустилась темнота, а лиловые стены, расписанные серебром, тускло мерцали. И не столько свежий воздух, сколько влажную летнюю духоту несла с собой буря.

Сидир наклонился вперед. Его пальцы крепко сжали водяные мокасиновые змеи, вырезанные на подлокотниках кресла.

— Я правильно понимаю вас, Ваша мудрость? — спросил он. Став наместником Императора, он за несколько месяцев научился бегло разговаривать на арваннетианском языке, но все же еще не избавился от грубого бароммианского акцента. — Совет что, неодобрительно отнестся к имперскому замыслу?

«Я надеюсь, что выбрал нужный тон, — подумал он. — Не слишком резкий — я могу запросто снести всю эту теократию, срубив пару-другую голов, но Империя нуждается в этом сотрудничестве. В то же самое время я должен постоянно напоминать им, кто здесь хозяин. Хотя, возможно, мне следует говорить помягче? Эти люди так чужды нам!»

Эрсер эн-Хаван бросил на него взгляд, понять который он так и не смог: угрюмость ли была в нем, хитрость или же испуг, а может, что-то еще? Это был мудрец средних лет, его раздвоенная борода не покрылась еще сединами,

но морщины уже глубоко изрезали его желтоватое лицо по сторонам аккуратного носа и рта, на руках они образовывали частую сеточку. Пальцы с розовыми ногтями он сложил домиком. Он с головы с до пят, точнее, до кончиков туфель с загнутыми носами, был закутан в подобающую его положению серую мантию с откинутым назад капюшоном. На цепочке висел дымчатый хрустальный шарик, на котором была выгравирована карта мира, такая древняя, что даже простым глазом можно было заметить доледниковые очертания материков. Это был Святейший Советник по мирским делам.

Сидир считал его главой города-государства по гражданским делам, и это делало Эрсера единственным человеком из епархии, который занимался какими-то конкретными делами. Если же говорить о Святейшем Советнике по божественным делам... Религиозная жизнь в Арваннете уже давно свелась к интригам между конфессиями. Основное же население увязло в суевериях, ереси, неверии или же поклонялось странным богам. Что же касается Святейшего Советника по военным делам, то завоевание этого государства Империей сняло с него ответственность за военные дела, и теперь у него остался лишь его благородный титул.

Хотя Великий Мудрец и председательствовал на этом Совете, он оставался лишь номинальным главой. Его предшественник возглавил сопротивление силам императора, но мирно почил в почетном заключении вскоре после захвата этого города. Сидир никогда не спрашивал о подробностях того, как это случилось. Вряд ли это интересовало и Юруссана Сот-Зора. Достаточно было одного намека подчиненным Сидиру рахидианцам, которые имели опыт в подобного рода вещах, и они сдались. Городские аббаты выбрали нового главу государства — безвредного мямлю, которого тактично предложили завоеватели.

Поэтому Эрсер эн-Хаван что-то значил для прежних правителей Арваннета. Вне всякого сомнения, он созывал тайные собрания своих коллег, где обсуждались меры по объединению сил против иноземных захватчиков. И уже полтора года он приносит огромную пользу местной аристократии. Его обходительность, умение дать здравый совет, его надменность были слишком тонкие, чтобы принять их за высокомерие, склоняли завоевателей к новым и новым уступкам.

Тем более его сегодняшняя речь казалась удивительной.

— Главнокомандующий знает, что мы никогда не усомнимся в мудрости указа, исходящего от Славного Престола.— Его речь напоминала извивающуюся на шелковом ковре змею.— И все же — извините, что я прошу разъяснений — предложена ли эта кампания непосредственно самим Императором или же... это решение... принято более низшей по рангу и способной принимать ошибочные решения администрацией... скажем, на провинциальном уровне?

Сидир громко рассмеялся.

— Ты спрашиваешь, Эрсер, не мой ли это приказ? А если нет, то насколько высоко сидят те, против кого ты собираешься выступить, отказываясь выполнять его?

— Нет-нет! Господи, Который превыше всех и вся, покажи Свое благоволение, что говорю я истинную правду. Главнокомандующий и,— едва заметное колебание, крохотное подергивание прикрытых веками глаз в сторону Юрусана,— Имперский Голос представляют здесь Славный Престол. Их объединенная воля не встретит ни малейшего противодействия. Но они показали себя настолько разумными, что готовы прислушаться к словам, которые сейчас услышит совет, совет, который, смею ли я напомнить, наследуют те, чьи предки также имели... опыт в делах Империи.

Юрусан сидел неподвижно, не проявляя живого интереса. Наверное, как учил Философ, он размышлял о Девяти Правильных Принципах, основываясь на которых он способен был снести и более грубое оскорбление, чем то, что нанес Эрсер. Дав своему соправителю несколько секунд подумать, Сидир ответил сам:

— Что ж, Ваша мудрость, я сообщу вам сведения, которые вы вправе знать. На очереди теперь северяне. Или, могу я так сказать, они всегда рассматривались как основная цель. Не хочу сказать ничего плохого, но Арванет всегда торчал, словно бельмо, на глазу Императора, хотя со стратегической точки зрения он является не целью, а всего лишь перевалочным пунктом на пути к цели.— Сидир протянул вперед руку.— Там впереди полконтинента!

— Мы знаем.— В этом ответе Эрсер снова напомнил им, сколько столетий уже в хроники записывают сведения

о народах, которые стремились к завоеванию мира.— Даже Рахид хотел присоединить эти равнины к себе. В последнее время бароммианцы подошли к самим их границам, мечтая о новых пастбищах. Божественную волю теперь исполняют потомки Скейрада, и это завоевание рассматривается не просто, как выполнение принятого решения, а как веление рока. Да. Однако можно ли мне по своему невежеству спросить, почему имперские силы не могут просто взять и двинуться на север из долины Хадрахад?

— Потому что такие попытки уже неоднократно предпринимались даже правящей династией несколько десятков лет назад, и никогда они не завершались успешно... вы, как ученый, должны это знать.— Сидир, подавил свое раздражение.— Если двинуть сейчас войска в Джугулар, то можно разделить силы варваров пополам, отрезать их от поставщиков металла, и это прервет торговлю с другими странами, позволит нам построить мощные базы на плодородных землях, и тогда мы начнем понемногу вытеснять их. А позже, когда силы их будут подорваны, Рахид нанесет прямой удар.

Эрсер выжидающе молчал. Пальцы Сидира забарабанили по ручкам кресла, потом он не выдержал и взорвался:

— Послушай! Давай я объясню тебе все с самого начала. Иногда бывает так, что труднее понять простые вещи, чем тайное учение. Естественно, что из всех трех слоев населения вашей страны больше всего озлоблены на нас светские помещики. Мы насильно превратили их во владельцев плантаций, и уже через несколько поколений до их родословных никому не будет дела, поскольку мы приберем к рукам налоги с сельского населения. Когда мы откроем северные земли для поселений, у ваших древних благородных семей появятся конкуренты в торговле продуктами и хлопком. Неудивительно, что они жалуются, замышляют заговоры и всячески хитрят.

Но почему вы в свои храмах присоединяетесь к ним? Вам следовало бы больше прислушиваться к мнению Гильдий. Вам ведь известно, что все больше и больше ваших торговцев с радостью принимают Империю. Разрываются путы законов и обычаев, которые ограничивали их. Это расширяет и делает более безопасной их торговлю. А вместе с деньгами к ним приходит и власть. Они ни в коей мере не собираются препятствовать этому процес-

су — ведь все это делается за счет класса, который в прежние времена только смеялся над ними.

За ними — будущее, за вами, быть может, тоже. Совет и законы, согласно которым он избирается, церкви, которые оберегают эти законы — все Мудрецы могут сыграть важную роль в делах Империи. И в реальной практике, а не теоретически, как это было прежде... — Сидир не мог не удержаться, чтобы не закончить бароммианской поговоркой: — Когда вы были главными призраками на кладбище. — Потом он добавил еще: — И поэтому, идя в ногу со временем, вы должны меняться. Чтобы жить и процветать вместе с Гильдиями, а не погибнуть вместе с епископами.

— Не всегда самое лучшее — меняться в соответствии со временем, Главнокомандующий, — медленно произнес Эрсер. — Некоторые народы, со слишком большой готовностью пошедшие на это, канули в лету. Арваннет перенес все. — В его голосе появились деловые нотки. — Да, мы слышали многих членов Гильдий. Некоторые действительно опасаются неприятностей. Например, их торговля металлом с Рогавики существует с незапамятных времен. Развились различные формы. Разрушить нынешние договоренности и соглашения — значит лишить многих средств к существованию и заморозить торговлю.

— На некоторое время, — резко заметил Сидир. — Вы же знаете, сколько сил мы уделяем созданию механизмов поддержки, например субсидирования, для преодоления трудностей переходного периода. И вскоре торговля возобновится, и тогда торговые караваны будут идти дальше, чем на это отваживались отдельные группы варваров. Большинство торговцев согласятся на это, если выслушают мои объяснения.

Взгляд Эрсера немного изменился. Неужели он слегка испугался? Голос его упал почти до шепота, едва слышного за шумом ветра, проникающего сквозь стены.

— Вы что, действительно предлагаете... перекроить весь путь... до неизведанного Рунга?

— Возможно. Я еще не решил, какой именно из предлагаемых двух выбрать план, все зависит от той информации, которую я получу. — Сидир откинулся на спинку кресла. — Если все пойдет гладко, тогда да. Рунг будет полностью принадлежать Императору. А уж когда и каким

образом это произойдет — это решать его слугам. Мой основной план — проведение кампании через долину реки Джугулар — получил высокое одобрение. Мне предоставлены широкие полномочия. Я бы даже сказал, небывалая свобода. Поэтому, Ваша мудрость, вы можете представить мне все ваши аргументы.

Эрсер помедлил, прежде чем ответил:

— Главнокомандующий — здравомыслящий человек, готовый выслушать самого смиренного из своих слуг. — Его не слишком удачная попытка задеть Юруссана не ускользнула от внимания Сидира, однако рахидианец остался невозмутимым. — Позвольте мне только указать вот на что. Его план смел, достоин храбрости его предков, благодаря чему Империя была снова объединена и мир воцарился в ее пределах. И все же... не слишком ли он смел? Мы, Мудрецы, в принципе не имеем ничего против. Тем не менее, являясь преданными слугами Славного Престола, мы считаем своим долгом и правом давать советы там, где можем. И мы говорим вам, что в этом году не следует начинать военную кампанию. Северные территории ждали очень долго, могут подождать еще немного. Древний Арваннет с его сложными проблемами — вот, на что сейчас следует обратить повышенное внимание. Одни солдаты не смогут удержать его; здесь требуется и высочайшее искусство управления государством. При всем моем глубочайшем уважении к Главнокомандующему, я должен напомнить ему, что многие и многие властители за прошедшие тысячелетия искренно считали, что им удалось покорить Арваннет.

— Ты просто боишься того, что я уведу на север большую часть войск... верно? Что будет тогда? Мятежи? Но разве есть безумцы, которые пойдут на это, зная, что я вернусь и покончу с ними?

— И духовенство к тому же предаст проклятию всех, кто попытается поднять мятеж. Но... у побережья в прибрежных водах стоят корабли жителей Приморья.

— Торговцы авантюристы всегда мutilи воду на островах, порою даже стычки перерастали в сражения — да, такое случалось, я знаю. Однако я знаю и то, что они не смогут взять приступом ни одно укрепленное место, а союзников на берегу у них нет. Кроме того, командование Киллимарейча состоит вовсе не из глупцов. В крайнем случае Ичинг попытается сдержать Морской Народ, чтобы те

не спровоцировали войну с Империей. Пока еще они не чувствуют себя готовыми к ней.

— Если ваша армия, однако, так жаждет неприятностей... Главнокомандующий, Рунг не просто так называют Неизведанным. Мы здесь, в Арваннете (а ведь его влияние когда-то распространялось и на нас), мы сами располагаем скудными сведениями о нем, да и то эти сведения в большинстве своем основаны на мифах и домыслах.

— Но вы никогда толком не пытались осмыслить то, что уже знаете. И, простите меня за прямоту, ваши ученые не заинтересованы в этих знаниях. Но меня-то это интересует. Все идет как надо.— Сидир глубоко вздохнул.— Я же сказал вам, что мы не хотим в этом году завоевывать весь Рунг, я не так уж тороплюсь, как вы, похоже, решили. Я не буду ради тщеславия рисковать своими людьми, своими отважными Всадниками.

Эрсер более внимательно посмотрел на него.

— Но ведь вы собираетесь рисковать собой,— прошептал он.— Могу ли я убедить вас, приведя самые убедительные аргументы, не делать ничего подобного? Отправляйте туда свою армию, если вы должны сделать это. Но сами оставайтесь здесь. Продолжайте править вместе с нами.

Взглянув на собеседника, Сидир воскликнул:

— Что? Вы хотите, чтобы я остался. Я, чей конь оставлял кровавые следы на ступенях Королевского Храма?

— Вы правите сурово, но справедливо. Да мы в большом долгу перед вами за то, что вы очистили город от преступников.

— Я правлю не один,— резко произнес Сидир. Ему показалось, что лучше положить конец попыткам Эрсера задеть Юруссана.— Я занимаюсь чисто военными делами. Что ж, Арваннет и его окрестности усмирены. Теперь я отправлюсь выполнять свой долг в другом месте. А гражданскими делами ведаст мой коллега-Наместник, выразитель воли Императора.

— Это так.— Исследования тысячелетнего развития различных слоев общества приучили Эрсера к мысли, что даже искреннее желание оказать услугу может стать предметом насмешки.— И все же двое таких незаурядных людей не имели бы одинаковых званий, если бы их задачи не переплетались. Позвольте мне перечислить то, чем должен будет заниматься Главнокомандующий лично.

Впервые с того момента, как он официально приветствовал Советника, Юруссан принял участие в разговоре. Под мягкостью скрывалась резкость:

— Ваша мудрость, полагаю, сейчас вы углубитесь в детали. Я боюсь, что у нас сегодня нет времени для этого. Нас еще ждет встреча с другими людьми. И в любом случае такие сообщения лучше всего представить в написанном виде, где перечислялись бы факты и цифры, которые можно проанализировать и изучить. Если вы это сделаете, Ваша мудрость, то, когда позволят обстоятельства, мы примем вас здесь для дальнейшего обсуждения.

Ненависть блеснула во взгляде Эрсера. Он опустил веки, коснулся рукой лба и сказал:

— Я понимаю, что Главнокомандующий и его коллега заняты. Я подготовлю доклад, как того требует Наместник, так быстро, как только секретарь сможет записать его под мою диктовку. Возможно, моя следующая встреча произойдет только с Главнокомандующим. Нет причин беспокоить августейшего Наместника, которого, по правде сказать, я и не рассчитывал найти здесь. Видит Бог, я говорю правду.

Последовала церемония прощания. Наконец инкрустированная перламутром дверь захлопнулась, и властители Арваннета остались одни в Лунном Зале.

Сидир больше не мог сидеть. Он выпрямился и принялся ходить взад-вперед перед мраморным камином, потом пересек зал и встал у окна, заложив большие пальцы за пояс. Этот зал располагался на пятом этаже Голинского дворца, и окно это было большим. Поэтому он увидел широкую панораму завоеванного дворца.

Сидир бросил короткий взгляд налево, на сады Элзии, окружавшие озеро Нарму, к которому сходились все каналы Арваннета. Справа он начал выискивать знакомые арки моста Патриция (который был для придворных лишь сооружением со втоптанной за пять тысяч лет пылью), повисшего над Новым и Королевским каналами и, казалось, над всей рутинной и обыденной суетой метрополиса — мост соединял это здание с Гранд Ареной. Впереди он видел площадь, окруженную мраморными фасадами еще сохранивших свою величественность зданий, хотя время не пощадило колонны, разрушив резные карнизы. А также, в этом влажном климате, с течением времени, стекло, через которое он смотрел на город, стало

радужно-фиолетовым, поэтому виденная им картина мира приобрела странные оттенки.

И все-таки этот город был полон обычной городской суеты. Несколько главных улиц выходило на площадь. Дальше, за окружающими площадь общественными зданиями, виднелись плоские крыши строений магазинов и жилых домов, в основном построенные из коричневого кирпича. Перед ними теснились палатки, где люди в потрепанной одежде торговали всякой всячиной. Между ними сновали люди, визжали поросята, пролетали воробьи, время от времени пробегала тощая собака или проезжала тяжело груженная повозка.

Не было видно ни одного солдата, кроме одного случайного местного полицейского, чей полосатый кильт под зеленой туникой указывал на характер его профессии. Сидир тщательно следил за тем, чтобы его армия как можно меньше выделялась среди местного населения. Мужчины носили туники подлиннее — до самых колен. Большинство из них с окончанием зимы скинули штаны, ботинки и зимние плащи с капюшонами и ходили в сандалиях и вязаных шапках. Одежда длинноволосых женщин была точно такой же, но покороче. Материю предпочитали здесь более яркую, украшенную блестящими драгоценными камнями. Исключение составляли старики, кутавшиеся в серые одежды, и монахи и монахини четырех орденов Мудрости: Красного, Белого, Серого и Черного.

Эти арваннетианцы были невысокого роста, но изящного телосложения, темноволосыми, темноглазыми, с кожей янтарного цвета, тонкими чертами лица. Обычно движения их были быстрыми и грациозными, жесты — приятными. Мертвый груз тысячелетий их цивилизации не лег тяжким бременем на неорганизованные, большей частью безграмотные низы. Сидир слышал шум, доносившийся с рынка, шарканье ног, стук лошадиных копыт, разговоры, смех, мелодию бамбуковой дудочки, под которую какая-нибудь танцовщица показывала свое искусство, скрип тележных колес. Он мог представить себе запахи курува, дыма, навоза, жаренных на вертеле бычьих ушей, человеческого пота и духов, смешанных с вонью каналов и болот. Но все это перекрывалось раскатами грома и завываниями ветра, и люди казались еще более маленькими и незначительными в вспышках сверкающих молний. Землю уже

успели окропить несколько капель дождя, предвещающих бурю.

Он знал, что Юруссан присоединится к нему, и повернулся.

— Ну,— произнес он,— что вы думаете о нашем посетителе?

И тут же понял, что хотя задал этот вопрос на рахидианском языке, в нем сквозила бароммианская грубость.

«Этот дьявол принимает меня за дурака! — подумал он.— Я не хочу оскорбить его еще больше сегодня. Мы с ним и так имеем достаточно проблем, которые нам вместе нужно разрешить».

— Более, чем когда-либо, мне кажется, мы совершаем ошибку, пытаясь прийти к соглашению с этими так называемыми Мудрецами,— невыразительным голосом ответил Юруссан. Как бы ровно не звучал его голос, его с виду сдержанная фраза равносильна была опасному удару рапиры.

— И что же вы собираетесь предложить? — с вызовом поинтересовался Сидир.

— Это риторический вопрос, Главнокомандующий. Вы знаете это. Распустить Совет, уволить чиновников, управлять Арваннетом напрямую. Отстранить глав церквей. Следить за низшими чиновниками и наказывать за малейшее неповиновение, причем сразу же и беспощадно. Подготовить указ о постепенной конфискации имущества церквей. Оно ведь огромно и прекрасно пополнит казну Императора.

— Ха, я так и чувствовал, что вы вынашиваете подобные идеи. Нам понадобится целое море администраторов, которые приедут не просто управлять этой страной, а найдут здесь совершенный бедлам. Не говоря еще о десяти — двадцати полках, призванных сдерживать недовольство. Это задержит завоевательный поход на север на несколько лет.

Эрсер во многом был прав. С завоеванием придется подождать. Это может подождать.

— Нет, не может! — Сидир пытался говорить мягко.— Юруссан, ты не похож на последователей толанской философии. Находясь в стороне от практической политики, ты должен был быть в первых рядах защитников освященного веками общественного уклада.

— Который больше не свят,— последовал гневный ответ.— Общество мертво. Остались лишь одни высохшие мощи. Ему следует устроить приличные похороны и поскорее забыть.

— А-а-а! — выдохнул Сидир.— Теперь я понимаю ваши побуждения.

Они стояли друг напротив друга.

Юруссан Сот-Зора был выше полководца, хотя возраст уже начал сутулить его, на голове волосы его поредели, руки и ноги ссохлись, густо пронизанная сединой борода закрывала грудь, бледная кожа стала похожа на пергамент, покрытый коричневыми пятнами. Но возраст не мог стереть черты истинного рахидианца, и за очками с золотистой оправой его глаза были столь же яркими, как и ляпис-лазурь. На нем была плоская черная шапочка выпускника философской школы с серебряной эмблемой Завета. Зеленая мантия с пуговицами из слоновой кости, красная лента и красные туфли, сумка для документов. Его трость с набалдашником в виде головы змеи больше подчеркивала почтенный возраст, чем служила опорой для немощного тела.

Сидир, сын Райеля из клана Чалифа, был выше ростом и шире в груди среднего бароммианца. Его бабу-рахидианку взяли в наложницы, когда орды Скейрада впервые вторглись в эти края. Лишь недавно всадники из Хаамандура перестали думать об Империи, как добыче, и начали считать ее своим наследием. Сидир был мужчиной с развитой мускулатурой, но в свои сорок пять лет он не потерял юношеской упругости мышц. Ноги у него были прямые, не кривые — лишь несколько детских лет он провел на родных высокогорных землях, прежде чем его отправили учиться в более цивилизованные места. Его безбородое лицо имело бронзовый загар, глаза узкие и темные, черные, как угли, волосы, уже тронутые сединой, он стриг на рахидианский манер. На правом бедре он носил эмблему своих имперских полномочий — кинжал в хрустальных ножнах — лезвию работы дамасских мастеров времен второй из трех Великих Династий было не меньше двадцати столетий. На его шее висело золотое Ожерелье Зрелости (что мог он себе позволить), которое мог носить только взрослый бароммианец. Он был одет в облегающие брюки и рубашку из грубой голубой ткани, туфли из тисненой

кожи и короткую куртку для верховой езды — привычную одежду кочевников.

— Вот что я вам скажу, Юруссан, — произнес он. «Лучше всего мне говорить сейчас без обиняков, чтобы не допустить возникновения возможной ссоры». — Из исторических хроник вы знаете, каким образом Арваннет впервые принес цивилизацию Рахиду. Но это было давным-давно. Арваннет стал прахом, когда Айянская Империя достигла своего расцвета в Хадрахаде. Ваша раса поняла, что она — цвет многовекового развития. Тогда вы пришли сюда и обнаружили город, достигший величия до наступления на юг ледников, но помнящий свое бывшее величие, и он презрительно отнесся к вашей нации, как скопищу мужланов, которые, к счастью, вскоре должны впасть в дикость, как и многие до них. Вам приходится терпеть это отношение день за днем, месяц за месяцем. Строения, которые окружали вас, книги, в которых вы познавали мудрость — все показывало вам, что это не пустое бахвальство. Да... Эрсер и остальные быстро поняли, в чем ваша слабость и как можно дразнить вас.

— О чем это вы, Главнокомандующий? — вспыхнул Юруссан.

— Да я сам вырос в такой обстановке, когда на меня смотрели, как на обезьяну из диких лесов. Я привык к этому. Но никто не будет сетовать на судьбу за страдания, что перенес ты в прошлом, если в будущем ты вознесешься на самый верх. Думаю, я не плохо ладил с жителями Арваннета, то же самое можно сказать и об их отношениях с северянами, которые не притворялись особо культурными. Но северяне и выскочки-бароммианцы собираются воевать. И что касается арваннетианцев и рахидианцев...

Он стремительно протянул вперед руку и крепко сжал трость старика. Потом очень осторожно потряс его.

— Юруссан, — начал он, — я уважаю вас... может быть, даже больше после того, как вы наконец показали, что у вас все-таки горячая кровь. Мне нужна ваша помощь, ваши академические знания и умение управлять. Но вы передадите все это мне так, как я этого хочу — либо же я найду кого-нибудь другого. На самом деле мы находимся вовсе не в равном положении, прошу не забывать об этом: Император носит рахидианские одежды, цитирует рахидианских классиков и с усердием молится рахидианским

богам, но он остается внуком Скейрада и скорее прислушивается к вождю клана из Хаамандура, нежели к принцу из Наиса.

Маска спокойствия опустилась на лицо ученого.

— Главнокомандующий, — сказал он тихим голосом, — в четвертом завете Тола говорится: «Если семя зла брошено, то не поливайте его и не согревайте, а оставьте его небу и уйдите». Давайте и мы пойдем каждый своим путем и будем заниматься своими делами, по вечерам будем встречаться и смотреть, насколько честно каждый из нас служит Славному Престолу и насколько подвержен человеческим слабостям. И, пожалуй, можно начать это с завтрашнего вечера.

— Хорошо, Наместник, — согласился Сидир, немного остыв. Они обменялись поклонами, после чего Юруссан, шаркая ногами, удалился.

Сидир некоторое время провел у окна. Дождь перешел в ливень. Все сверкало и звенело. «Неужели я стыжусь? — вдруг подумал он. — Временами такие, как я, окружают себя зеркалами, которые не могут затуманить никакие мои грубые слова. Например, Недайин».

Его младшая жена была хрупкой и застенчивой женщиной. Ее приданое и принадлежность к знатному рахидианскому роду еще больше упрочили его положение, но не были необходимыми. И все же в ее присутствии он часто чувствовал себя, словно перед трибуналом, он научился манерам, хотя воспитан был иначе. С Анг в Хаамандуре ему было легче, более радостно, он не притворялся, испытывал настоящую страсть... Хотя нет, не совсем так. Мир Анг был миром высокогорья, сплетен, песен и саг пастухов; в Зангазенге, хотя это и был всего лишь небольшой городишко, она страстно мечтала о своих палатках. Поэтому во время своих нечастых встреч он быстро от нее уставал... Наложницы, шлюхи, случайные связи — все они были просто телами для утех.

Он вздрогнул от мысли: «Какого черта я думаю об этом? Откуда этот страх перед Империей?»

Его рахидианская часть ответила ему бароммианскими словами: «Что ж, это цивилизация. В Арваннете есть древние вещи, но теперь это просто высохшие мумии. Одного возраста недостаточно. Необходима и жизнь. Именно это и есть Империя». — Но сразу же ему возразил другой голос: — «Рахид умирал, раздираемый войнами, пока не

пришли мы, бароммианцы, со своими сильно действующими лекарствами, и не спасли его. Сегодня... сегодня Рахид обязан нам жизнью. Тогда почему мы так стесняемся этого? Почему берутся эти сны наяву, будто мы понемногу превращаемся в рахидианцев? Мой отец был мудрым человеком, по его велению я половину юности провел учеником в философской школе, а вторую половину — в Хаамандуре. Хотя с тех пор я никогда не чувствовал себя цельным».

Вспыхивали молнии, грохотал гром, дождь бил в стекло, и от буйства стихии по спине бежали мурашки.

«Ну, а жители побережья? Ведь они тоже цивилизованные люди. И машины получше наших. Но они поражены каким-то безумием. Киллимарейч занимает половину Оренштейна, другую половину — дюжина маленьких королевств, да еще не меньше сотни независимых островков и архипелагов. Один лишь всемогущий бог знает, сколько там различных рас и народностей перемешано, и, наверное, только благодаря торговле они и держатся вместе. Как же одиноко чувствуют себя эти люди!»

Сидир поднял голову и бросил взгляд на улицу с жалостью к самому себе, на миг охватившей его. «Нет, они на самом деле не цивилизованные. Просто толпа. Их инженерные уловки просто смехотворны. Мы захватим их, когда решимся на это. А вот он, мой народ. Мой народ. Население Империи составляют усердно работающие крестьяне, торговцы и ремесленники, которые знают свое место, потомственные аристократы, воспитанные в прекрасных традициях. Заветы и общественные законы, которые организуют жизнь людей и дают каждому ощущение принадлежности... ко всему этому, чувство спокойствия под надежной охраной дисциплинированных воинов... моя Империя достигла столь высокого уровня цивилизации, что и не снилось тем флибустьерам».

Он был погружен в свои мысли еще минуты две. Потом отложил обдумывание на некоторое время, когда услышал тихий стук в дверь.

— Входите! — крикнул он.

Мальчик-дворецкий спросил, может ли войти член Гильдии Понсарио эн-Острал, пришедший в назначенный ему час.

— Да-да,— проворчал Сидир.— Но сначала я хочу, чтобы здесь зажгли свет.

Рабы, ждавшие этого распоряжения, внесли свечи и газовые лампы, и зеркала светильников наполнили зал мягким светом.

Сидир не сдвинулся с места, пока они не ушли. Дверь отворилась перед новым посетителем, потом закрылась снова. Он не понимал, почему этот торговец так настойчиво добивался этой аудиенции. Наверное, причина была достаточно веской. На людях Понсарิโอ вел себя как изнеженный сибарит. Спина Сидира напряглась, а желудок сжался в предчувствии какой-то беды. Но это было почти приятным ощущением — он устал от недомолвок, недопонимания, конфликтов, интриг, формальностей, задержек. У него с Понсарิโอ были простые отношения: они оба недружелюбно относились друг к другу, как орел и свинья, и, представься удобный случай, с радостью спустили бы друг с друга шкуру. Но пока они для окружающих казались едва ли не друзьями.

Гость отвесил ему три поклона, как полагается по этикету принцу, а именно к этому титулу — давно забытому в Арваннете — по указу Юруссана приравнивалось его звание вице-короля.

Сидир ответил, так же придерживаясь этикета:

— Главнокомандующий Светлейшего Величества принимает вас.

Все это смахивало на торжественный фарс — но в случае отсутствия подобных формальностей, а иногда и из-за них, умирали люди и гибли целые народы.

— Вольно! — добавил Сидир. — Может, вы хотите чаю? Кофе, шоколад?

— Благодарю вас, сэр. Я предпочел бы немного подогретого вина, но поскольку вы не пьете в рабочие часы, я, с вашего позволения, воспользуюсь вот этим. — Понсарิโอ достал портсигар розового дерева. — Не хотите сигару? — Он демонстрировал уважение к духу товарищества, употребляя второе, самое почтительное из пяти местоимений второго лица, имеющих в его языке (в рахидианском таких было три). — Только что привезены из Мандано.

Сидир покачал отрицательно головой.

— Я не понимаю в них толку. — Он курил трубку, да и то не часто, полагая, что солдату не подобают редкие и дорогие удовольствия. Он сел и жестом указал Понсарิโอ, что тот может сделать то же самое.

Член Гильдии грузно опустился в кресло. Он был до смешного толстым. Короткие ноги и плоское лицо выдавали в нем потомка жителей болот. Он был среднего возраста, но с лысиной на макушке. Он красил волосы и бороду. На ногтях были нарисованы золотистые звездочки. Из-под роскошных мехов виднелась вышитая туника. На пальцах сверкали перстни. Он обрезал сигару, чиркнул пружинной зажигалкой с кремешком, зажег от нее палочку с серной головкой и прикурил, выпустив облачко ароматного голубого дыма.

— Ну? — требовательно спросил Сидир.

— Я знаю, сэр, что вы занятой человек, — начал Понсарио. — И по правде говоря, я колебался, стоит ли мне идти прямо к вам или же обратиться к кому-нибудь рангом пониже... или же вообще ни к кому. На первый взгляд дело кажется обычным, так, ничего особенного, мелкий инцидент. И все же... — Он бросил обгоревшую палочку в фарфоровую пепельницу, которую держал дракон из красного дерева. — Жители побережья с каждым годом отправляют все больше кораблей через весь Материнский океан на северо-восток к Туокару и островам моря Ураганов. Почему?

— Полагаю, за прибылью, от которой не отказался бы и ты, — сухо ответил Сидир.

— В самом деле, сэр? Разве обычные торговцы рискуют тащиться вокруг Эффиса или войти в проливы Проклятий? Кроме того, два сильных экваториальных течения в Грозном океане, направленных в противоположную сторону, могут затащить корабли в район айсбергов. Почему капитаны отваживаются пересекать эти океаны и моря, не говоря о том, сколько на это требуется времени? У Морского Народа неподалеку от их территории есть другие земли, больше заслуживающие внимания — все побережье вдоль Материнского и Кошачьего океанов, весь западный берег Андалина и Туокара, который не покрыт ледником. Что они получают в результате таких дальних плаваний?

— Ну, нет никаких сомнений, что кое-какие из этих экспедиций тайно субсидируются, — ответил Сидир. — Я не думаю, что Морскому Народу в общем, Киллимарейчу в частности, понравится то, что Рахид захватит весь Андалин, после чего, возможно, наступит очередь Туокара. Мы не просто потесним их, мы и сами станем большой силой в

Материнском океане.— Он нетерпеливо взмахнул рукой.— Мы и раньше уже завоевывали эти земли, Понсарио. Почему же ты с этим пришел ко мне сегодня?

— Да, сэр, действительно, к старости я стал многоречив.— Торговец вздохнул.— Так вот, не так давно «Сконнамор», грузовое судно из Ичинга, пришвартовалось в Ньюкипе, и мой агент вел переговоры, касающиеся части груза. На борту корабля был один мятежник. Но вчера он бежал из своей запертой каюты. Караульная служба была поднята на ноги. Кстати, ваш бароммианский комендант проделал огромную работу по реорганизации этой службы. Он направил двух верховых на север, просто на случай, если беглец выберет этот путь. Понимаете, этот парень, как сказали, очень опасен, и лейтенант Мимораи хотел застраховаться от всяких случайностей. И он оказался прав. Было получено сообщение от лорда Долигу, что у него была украдена лошадь, а позже ее нашли около Лагуны. Кроме того, с паромы у трактира исчез ялик, и никто в Ньюкипе не обнаружил никаких следов бегльца, хотя это не должно было оказаться сложным делом. Похоже, что он направился прямо в Арваннет, верно?

— Гм-м! Ну и что?

— Сэр, я не ожидал от него ничего подобного. Лейтенант Мимораи тоже не видит в этом ничего особенного. Но мой агент думает иначе. Желая помочь капитану «Сконнамора», он использовал свои связи и проследил за сообщениями караульной службы. Когда он сегодня утром узнал, куда, по всей видимости, направился беглец, он получил разрешение воспользоваться телеграфом. Это просто чудесное нововведение, которое вы ввели, сэр, просто чудесное. Как только связист принес мне его сообщение, я попросил аудиенции у вас.

— Ближе к делу. Почему?

— Пожалуйста, не забывают, сэр, что мои опасения могут оказаться неоправданными. Среди торговцев Киллимарейча много таких, кто не придерживается установленных правил. Их коммерческая деятельность расширяется настолько быстро, что, как вы понимаете, им приходится нанимать всякий сброд: бандитов из своих же городов, туземцев из далеких островов, которые по большей части изолированы друг от друга и слишком примитивны — начиная от Эоа и до самого Алмерика. Эти чужестранцы

заражаются киллимарейченским индивидуализмом. Но по этой причине они не забывают о своем иноземном происхождении, напротив, они стремятся подчеркнуть это, понимаете? Во время долгих, трудных, опасных плаваний возникают трения между ними, нервы не выдерживают, вспыхивают потасовки, а офицеров, которые поддерживают дисциплину и наказывают матросов, начинают ненавидеть... и всегда их гложет мысль избавиться от этой кабалы, захватить корабль, покинуть тропические воды и отправиться самим на поиски богатств.

Сидир покорно слушал его. Понсарио, похоже, увлекла эта лекция. Возможно, от его слов будет какая-то польза. Он был бароммианцем и мало имел дела с Морским Народом. Некоторые факты о них могли бы пригодиться ему.

Член Гильдии выдохнул кольцо дыма.

— Этот сбежавший мятежник, сэр, по имени Джоссерек Деррейн, не укладывается в подобную схему. Мой агент много говорил о нем с капитаном и считает, что в этом вопросе ему можно доверять. Джоссерек был неплохим матросом. Но неожиданно он спровоцировал драку. Когда для восстановления порядка вмешался второй помощник капитана, Джоссерек набросился на него, пока его не скрутили несколько человек. Нападение на корабельного офицера считается в Каллимарейче тяжким преступлением. Однако второй помощник капитана несколько раз посещал его в камере, пытаясь завоевать его доверие и узнать, чем же были вызваны эти его ненормальные поступки. В Ньюкипе Джоссерек воспользовался благоприятным случаем, сбил офицера с ног и сбежал.

Разве не удивляет вас, сэр, абсолютно достоверный факт, что этот безумец, который якобы никогда не бывал в этих краях, отправился к далекому Арваннету, а не к более близко расположенному Ньюкипу, что ему и удалось осуществить? С другой стороны, разве не странно, что здравомыслящий человек сначала уходит в плавание, а затем ищет убежища у бандитов в Норах? — Понсарио, прищурив глаза, смотрел на собеседника сквозь завесу дыма. — Если только он не задумал все это с самого начала.

— Гм-м! — пробурчал Сидир. — А что говорит второй помощник капитана?

— Он утверждает, что после удара, вырубившего его, у него появились провалы в памяти. Я знаю, что нет воз-

возможности доказать обратное, кроме как снять его с корабля и заключить в камеру пыток, что могло бы привести к нежелательным последствиям.

— В любом случае пытки займут слишком много времени, а полученные сведения были бы слишком ненадежными,— заметил Сидир.— Кроме того... по-вашему, этот... э-э... Джоссерек — агент Совета Старейшин? Чепуха! За чем он может шпионить? И как он мог передавать сообщения?

— Что касается второго вопроса, сэр, то разве вы не слышали о беспроводном телеграфе? Последнее изобретение Киллимарейча. Нам, членам Гильдии, лишь известно о его существовании. Но, конечно, у разведчиков, которые шныряют в водах пролива Дельфинов, должен быть беспроводный телеграф, так же как и пушки с катапультами. Такой аппарат можно было бы провести в Арваннет контрабандой.

— Да, я слышал о нем... Но тогда зачем? Что во имя Девяти Демонов иностранному шпиону делать в Норах, что он рассчитывает получить там? Разве что нож в спину.

Понсарио погладил свою бородку.

— Сэр, этот инцидент подтолкнул меня к решению, которое я уже давно вынашивал: предупредить вас о том, что северяне, возможно, больше осведомлены о ваших планах, чем вы думаете.

— Но какое это имеет значение... О, ничего, не обращайтесь внимания. Продолжайте.

Сигара дымилась, становясь все короче и короче.

— Согласен, оснований для подозрений не так уж много, в основном они носят только предположительный характер. Новый порядок, который принесла с собой Империя, уничтожил тайное сотрудничество между членами Гильдий и Братствами преступников. Но я все же могу подкупить или обмануть кого-нибудь из бандитов в Норах. У меня есть основания полагать, что примерно год назад глава их шайки посещал Рогавики... но добился ли он там какого-либо результата, я точно не знаю. А поскольку жители побережья несколько раз в год посещают Ньюкип, то он мог войти в контакт также и с ними. Многие из торговцев-киллимарейчан являются офицерами флота в запасе. По всем морям плавают корабли, которые способны передать сообщение в Ичинг, и Совет Старейшин

может послать одного человека для установления связи, хотя вряд ли эта миссия принесет какую-нибудь пользу, но ведь и риск столь же невелик — по мнению всех, кроме самого агента. И все же этот контакт может что-то дать... в любом случае, Морской Народ и северяне — естественные союзники в борьбе против Империи.

— Но к чему вся эта болтовня относительно... Ах да! — Сидир кивнул. — Любой киллимарейчанин, высадившийся в Арваннете, должен находиться под нашим наблюдением, и если он исчезает, то возникают подозрения. Но один сбежавший из-под стражи вряд ли опасен для нас.

— Весь этот обман должен был пройти незамеченным, — заметил Понсарио. — Но вышло так, что я, едва ли не единственный, кто, услышав об этом деле, заинтересовался им. Этот корабль с таким же успехом мог бы доставить пряности из Иннислы, кокосовые орехи из Толомо или облицовочный строительный материал из Коралловых островов у восточного Оренстейна... — он, похоже, с удовольствием перечислял список груза торгового судна и с неохотой остановился, заметив нахмурившийся лоб Сидира... — или что-нибудь еще, поставляемое какой-нибудь другой Гильдии, а не моей, на вполне законных основаниях. Мои уважаемые конкуренты слишком озабочены своими делами в эти смутные времена, чтобы думать о чем-нибудь еще, например, о восстановлении порядка... Что ж, возможно, все это просто плод моей фантазии. Но поскольку я так или иначе поделился с вами своими подозрениями, качающимися северян, и поскольку это, возможно, является еще одним подтверждением того, что... — Он наконец умолк.

«Подлизываешься ко мне», — подумал Сидир, но в этой мысли не было презрения. Он презирал торговца за то, что он торговец, не более, чем собаку за то, что она собака.

— Возможно, — протянул он. — Теперь скажи мне, известно ли тебе, каких результатов я добился, когда ездил в Норы? Да никаких! Это стадо мерзавцев за столом палача! Мне не удалось закрыть даже Воровской рынок, он лишь поменял свое место. Где же в этом муравейнике можно отыскать твоего беглеца?

— Могу поделиться с вами хорошей догадкой, Главнокомандующий, — сказал Понсарио. — В кварталах... — Название утонуло в раскатах грома.

Щелкнула наружная задвижка, потом открылась дверь. — Оставаться на месте, — приказал человек из Нор. Он и его товарищ, двое из тех, кто захватили Джоссерека на рассвете, были худощавыми, лица их покрывали шрамы и оспины; но двигались они как кошки. Кроме ножей, у первого был пистолет, который, скорее всего, был отобран у имперского офицера либо, что более вероятно, у его трупа. Огнестрельное оружие было слишком дорогим и редко давалось солдатам, но это не касалось преступников. По всей видимости, главарь доверял этому человеку. И очевидно, эта банда имела довольно высокий статус.

Медленно и осторожно Джоссерек повернулся от окна, сквозь решетку которого смотрел на заливаемые дождем сумерки. Окно не было застеклено, и через него в крохотную комнатунку, в которой он провел весь этот день, проникали холод, влажность и вонь с улицы. Огни ламп из коридора бросали тени на глиняный пол и оштукатуренные стены.

— Почему вы так нервничаете? — спросил он на беглом арваннетианском. — Если бы я даже захотел, то какие неприятности я мог бы доставить вам?

— Вот это мы и хотим узнать, — сказал главарь. — Пошли. Впереди меня.

Джоссерек подчинился. Его пугало то, что его надежды не оправдались, и, наверное, его уже начали искать. Но он не чувствовал страха. Захватившие его люди обращались с ним вполне сносно. Они, разумеется, обезоружили его и заперли в этой комнате. Но они объясняли это отсутствием Касиру, который должен был решить, что делать с ним. Впрочем, они принесли ему хлеб, сыр, воду, ведро, оставив его наедине с его мыслями. И как это часто случалось прежде, перед ним стали вставать картины прошлого. А такому парню, как он, было что вспомнить из своей жизни.

Коридор вывел их в какую-то комнату, совсем не соответствующую внешней убогой обстановке или грязным соседним домам. Плюшевый ковер ласкал ноги, фиолетово-красные обои сверкали в свете ламп, мебель была резная, инкрустированная слоновой костью и перламутром, в курительнице тлело сандаловое дерево. Сидевший в ком-

нате человек был одет со вкусом — в шелковую тунику темного цвета, хотя украшений на нем было немного. Правда, одежда не подходила к его внешности — заметно было, что человеку этому пришлось часто голодать в начале жизненного пути; он был карликового роста, с крысиным лицом, с редкими седыми волосами и такой же бородкой, но глаза оставались живыми и яркими.

Охранники уселись на стулья по углам.

— Примите мои приветствия,— вкрадчивым голосом произнес человек, сидевший посреди комнаты.— Меня зовут Касиру, я заместитель главы Братства Рэттлбоун. А вы?..

— Джоссерек Деррейн из Киллимарейча.

— Ах, да. Присаживайтесь, пожалуйста.

Джоссерек последовал этому приглашению. Коротышка достал из коробки сигарету и зажег ее от лучины. Но не предложил закурить Джоссереку. Лишь внимательно оглядел его.

Пленник пошевелился и, скрещивая то руки, то ноги, произнес:

— Прошу прощения за свой вид. И запах. (Ему давно пора было помыться, побриться, сменить одежду.) Сначала мне было некогда, а потом меня поместили в сухой док.

Касиру кивнул.

— В самом деле. Расскажешь мне свою историю?

— Я уже рассказал ее вашим людям, хотя... Да, сэр. Я плавал матросом на «Сконнаморе», который приплыл сюда из Ичинга, минуя Крепостной мыс, то есть южную оконечность Эфлиса. Во время плавания я ввязался в драку с одним матросом из-за местной женщины и избил его. Впоследствии он со своими двумя двоюродными братьями, темнокожими ублюдками с Ики, устроили мне веселенькую жизнь. В море Ураганов страсти накалились. Я уже был готов на все. Прикончить их вообще либо проучить так, чтобы у них пропало всякое желание цепляться ко мне. Ригдель Гейрлох, второй помощник капитана, попытался остановить меня. Они стали утверждать, будто я набросился на него. Чепуха! Он накинул мне на шею веревку и начал душить, а эти ублюдки-икианцы прыгали вокруг и пытались вспороть мне брюхо. Мне пришлось вырваться, но при этом Гейрлох немного пострадал. Тогда они все скопом набросились на меня.

— Как же тебе удалось сбежать?

— Ну, Гейрлох был не такой уж и плохой парень. Он знал, что я ударил его не просто так, ради развлечения, но, конечно, это меня не оправдывало. Возможно, мне грозили пять, а то и десять лет исправительных работ в лагерях. Он приходил и допрашивал меня. Меня посадили в карцер. Вчера он подошел совсем близко ко мне. Я заметил, что он утратил бдительность и ударил его, потом взял его нож, разрезал свои путы. Пять лет долбить скалу или чистить рыбу для какого-нибудь проклятого вшивого спекулянта, которому по контракту суд передаст меня... нет, это не для меня.— Джоссерек описал свое путешествие.— Ваши парни увидели, как я причалил здесь, и доставили меня сюда.

Касиру выпустил струйку дыма и снова кивнул.

«Держу пари, он уже успел проверить мой рассказ»,— подумал Джоссерек.

— Они должны были просто отобрать у тебя твои пожитки и отпустить тебя,— сказал Касиру,— однако ты сказал им, что хочешь найти работу в Норах.

— А что еще я мог бы сделать, сэр?

Касиру погладил свои усы. Потом задумчиво сказал:

— Стать Братом Кинжала не так легко, как бандитом в какой-нибудь банде. Помимо всего прочего, нам надо хранить свои традиции, а это не под силу простому грубияну. Арваннет был построен людьми до наступления ледника. Арваннет существовал еще в те дни, когда люди могли летать, когда, как говорится в мифах, они достигали луны в те далекие дни (а мифы, возможно, и не лгут) — быть может, десять тысяч лет назад? — хотя, возможно, он имел другое название. Здесь все освящено временем, не сосчитать, сколько веков всем обычаям. Да — и в Норах тоже. Например, наше Братство было основано тогда, когда Рахидом правил Айянский император. Братство пережило ту цивилизацию, переживет и нынешнюю, и те, что придут ей на смену. Мы неохотно позволяем чужакам узнавать наши тайны. Откуда нам знать, что ты не какой-нибудь шпион конкурирующего Братства или Имперского Наместника, который жаждет уничтожить нас?

Джоссерек выдавил улыбку.

— Сэр, я не так уж незаметен среди ваших людей. Вы еще узнаете обо мне, если я останусь здесь, в этой округе.

А что касается служения Рахиду, разве не прибыл я сюда на корабле из Киллимарейча?

— Тогда откуда тебе известен наш язык?

— Ну, до этого я плавал по морю Ураганов. Несколько лет назад мне пришлось... э-э... по личным мотивам покинуть свой корабль у побережья Мандано. Вероятно, вы знаете, что там у Драмстерской Гильдии есть агент, который имеет дело с местными спирто-водочными заводами. Он дал мне работу на грузовой платформе. Я проработал на ней больше года и дослужился до транспортного наблюдателя, для чего и пришлось выучить арваннетианский. Мне всегда хорошо давались языки. Когда плаваешь между островами Материнского океана, то надо знать языки. После того, как я покинул Мандано, я встретился с одной женщиной из вашего народа. У нее возникли проблемы, и она с одним морским капитаном из Ичинга пересекла море, но потом он бросил ее, и мы некоторое время пожили вместе, тогда я и выучился ее языку... Но все это не столь уж важно.— «Особенно потому, что каждое слово здесь — вранье. Почти каждое. У меня действительно имеются способности к языкам. Однако рассказ вышел вполне правдоподобным. Хотя, возможно, другой мог бы придумать кое-что и получше. Думаю, Малвен Роа и я потрудились на совесть над этой историей».

— М-да... И что ты сможешь делать, живя у нас?

— Практически все. Я был моряком, но довольно долго жил и на берегу. Я был охотником, рыбаком, рудокопом, работал на полях, сплавливал лес, плотничал, был каменщиком, пастухом, дрессировщиком животных, наемным солдатом...— Джоссерек остановился. «Будет правдоподобнее, если я не закончу этот список».

Касиру внимательно посмотрел на него, и в этой внезапно наступившей тишине ясно был слышен стук дождя за окном.

— Посмотрим,— наконец произнес главарь.— А пока чувствуй себя, как дома... при условии, что не покинешь этот дом без разрешения и в одиночку. Понятно? Мы все хорошенько еще обсудим через час, за ужином.— Он обратился к одному охраннику: — Секор, проводи Джоссерека в мою ванную.— И добавил второму: — Аранно, найди... э-э... Ори и направь ее поухаживать за ним. И пусть кто-нибудь принесет чистую одежду и все, что ему потребуется для туалета, в зал Морской Коровы.

— Вы так добры, сэр,— поблагодарил Джоссерек.

Касиру захихикал.

— Возможно. Все зависит от тебя.

«Труп в Норах всего лишь пища для бездомных собак. Сегодня утром по пути сюда с пирса я видел одного голого играющего на улице ребенка, который катал по мостовой человеческий череп».

Секор, внезапно ставший дружелюбным, провел чужеземца по коридорам, отделанным панелями. В ванной его ждали два полных чана, от которых валил пар. Ори оказалась молоденькой девушкой и довольно хорошенькой. Когда Джоссерек забрался в первый чан, она вынырнула из своих незамысловатых одежд, намылила его и умело побрила, потом сделала маникюр и певучим голоском что-то напевала ему, пока он плескался в ароматном втором чане. Его вид не смущал девушку: прошло уже довольно много времени с тех пор, как его корабль покинул Эфлис. Когда он выбрался из воды и она начала вытирать его полотенцем, его руки непроизвольно начали гладить ее тело.

— Пожалуйста, сэр,— прошептала она.— Касиру не понравится, если вы опоздаете. Я буду в вашей постели сегодня ночью, если вы хотите.

— Конечно, я этого хочу! — Джоссерек остановился и оглядел ее маленькое тельце, почти детское лицо, почти не видимое под черными косами, и, позволив ей отойти, спросил, растягивая слова:

— Ты рабыня?

— Я Лиловая Сестра.

— Что?

— Неужели вы ничего не слышали, сэр?

— Я чужестранец, не забывай.

— Мы... нас, сестер... воспитывают в качестве прислуги... так было всегда.— Ори нагнулась, чтобы насухо вытереть ему ноги.— Я изгнанница,— робко произнесла она.— Агент Касиру дешево купил меня. Но я доставлю вам удовольствие.

Джоссерек поморщился.

«Я должен привыкнуть к рабству. Боги свидетели, я видел достаточно рабства. Даже в Киллимарейче, где люди хвастались, что у них нет рабства, что все свободны, но даже там есть не только трудовые лагеря... что ж, полагаю, можно получать какую-нибудь пользу от заключенных...

но в портовых районах полным-полно агентов, обманом вербующих матросов на корабли.— Он вздохнул.— Вот к чему я никак не могу привыкнуть,— к тому, что большинство рабов смиряются со своим положением».

Зал Морской Коровы был не столь претенциозным, как его название — просто некогда кто-то нарисовал морскую корову на одной стене. Впрочем, вполне приличную. В платяном шкафу висело несколько туник, из которых он выбрал одну, подходящую ему, а также плащ и две пары сандалий. Он снял халат, который дала ему Ори перед тем, как они вышли из ванной — у арваннетианцев было табу на наготу, и это еще раз напомнило ему о ее низком положении — и оделся. Одежда оказалась ему впору.

— Вы словно ждали гостя моих размеров? — рассмеялся он.

— Иногда мы развлекаем рахидианцев, сэр. Или ссверян... О! — Она в ужасе прижала пальцы к губам. Джоссерек ничего не ответил, однако пульс у него убыстрился.

Когда он застегивал пояс из змеиной кожи, в кошельке, прикрепленном к нему, что-то звякнуло. Он проверил содержимое — монеты, из свинца и бронзы, с надписями, выгравированными на витиеватом арваннетианском языке. Зная уровень местных цен, он прикинул, что сможет прожить на эти деньги дней десять, если не будет слишком расточителен... и если только, конечно, Касиру позволит ему покинуть этот дом. «Может, это взятка? Нет, слишком уж мала сумма. А может, проявление доброжелательности или же грязное оскорбление? Нельзя пока ничего утверждать наверняка. Малвену следовало бы послать кого-нибудь, кому лучше были бы известны обычаи этих людей. Но,— со вздохом заметил он про себя,— увы, по словам Малвена, у тех, кто их лучше знает, нет некоторых моих способностей».

Перед Джоссереком возник образ его шефа, Малвена Роа, родом не из самого Киллимарейча, а с острова Ики, расположенного вблизи экватора, их жители имели черную, как уголь, кожу и белоснежные волосы, а у многих, как у него, были желтые глаза. Они в последний раз встречались в Ичинге, сидели в комнате с распахнутыми настежь окнами, через которые проникал летний соленый воздух, смотрели на крыши с красной черепицей, полого спускавшиеся по склону к бухте, на пришвартованные лодки, любовались игравшими в голубой глади океана китами...

«Нет. Не стоит тосковать. Ты не можешь позволить себе раскиснуть».

Местное гостеприимство включало графин вина, сигареты из табака с марихуаной и туалетные принадлежности, но среди них не было ни ножа, ни ножниц, ни лезвия (Ори сказала, что будет брить его сама). Все коробки были деревянными. Не было ни стекла, ни обожженной глины, которые можно было бы использовать в качестве оружия. «Вне всякого сомнения, девушка будет ежедневно сообщать, обо всем, что он говорил и делал. Джоссерек смирился с этим. Если Касиру на самом деле тот человек, на которого он рассчитывал... если ему посчастливилось и он в первый же день нашел тех, кого искал... значит, Касиру был прав, принимая меры предосторожности. Как и я сам».

— Так вы идете обедать? — спросила Ори.

— Я голоден, как морской бес, — ответил Джоссерек.

Девушка повела его в столовую и ушла, многообещающе улыбнувшись. Фрески на стенах уже давно поблекли. Никто не заботился об их реставрации. Зато между рожковыми канделябрами висели вышитые драпировки. Но мозаичный пол с изображениями павлинов и фламинго все еще оставался ярким, кроме одного неровного места, плохо заделанного красным известковым раствором, где было выведено какое-то имя. Джоссерек догадался, что мозаичный пол был поврежден во время какой-то драки, случившейся, быть может, столетия назад, когда был убит тогдашний глава Братства Рэттлбоун, и это — сохранившееся напоминание о том событии. Стол с приборами на три персоны, накрытый кружевной скатертью, был обставлен хрусталем и фарфором. Света от бра было вполне достаточно, теплый воздух наполняли аппетитные запахи, слуги передвигались незаметно — только мужчины, в черных туниках, вооруженные кинжалами, безмолвные, с каменными лицами. В окнах чернела ночь, разрываемая шепотом дождя.

Вошел Касиру, и Джоссерек поклонился ему.

— Итак, — произнес арваннетианец, — под вашей дикарской внешностью таится, конечно, другой человек.

— И этот человек чувствует себя намного лучше, сэр. Гм-м! С нами будет третий?

— Вы ведь не хотите, чтобы караульная служба узнала, где вы находитесь, Джоссерек Деррейн. Вы вполне

можете пойти на убийство, лишь бы это осталось неизвестным. Я полагаю, что вы поймете, что наша уважаемая гостья — весьма высокого ранга — требует такой же осторожности.

— Что я должен сделать, чтобы вы поверили мне, сэр?

— Вот это мы и постараемся выяснить.

Потом появилась гостья, и кровь быстрее побежала по жилам Джоссерека.

Она была ниже его на ширину ладони. В лесах южного Ованга тигры двигались столь же грациозно. Ее сильное тело знало бег, верховую езду, плавание, охоту, борьбу и, конечно же, любовь. Ее глаза, широко поставленные на высокоскулом лице, были цвета зимнего моря солнечным днем. Ее янтарные волосы, ниспадавшие до плеч, были причесаны с такой же небрежностью, как и простая, без украшений мужская туника. На обоих ее бедрах было по кинжалу — один тяжелый, другой полегче. Было заметно, что ими пользовались.

— Донья из Хервара, страны северных земель, — торжественно ответил Касиру. В Арваннете было принято, что, говоря о наиболее уважаемых людях, сначала называли их имя. — А это Джоссерек Деррейн из Киллимарейча.

Девушка придвинулась ближе, и они поклонились так, как это было принято в этом городе, который был чужд им обоим. Киллимарейчанцы при знакомстве клали правую руку на плечо друг другу. Жители Рогавики... они приветствовали друг друга так, как хотели, либо же, как принято в их семьях. Рассказывали, что при знакомстве они редко прикасались друг к другу. Но голова Доньи приблизилась к нему, и ему показалось, что он уловил запах солнечного загара ее кожи. Он действительно увидел, что между золотыми волосами и черными бровями и в уголках глаз кожа ее покрыта сеточкой мелких морщинок. Наверное, она на несколько лет старше его, хотя ни в чем другом это не проявлялось.

— Касиру кое-что рассказал мне о вас. Надеюсь, вы поведаете мне больше.

Она говорила несколько коряво на этом языке, произнося слова хрипловатым контральто. Джоссерек не мог понять, проявляла ли она к нему настоящий интерес или только притворялась. О жителях Рогавики рассказывали также и то, что они очень скрытны.

«Если ей до меня нет дела,— подумал Джоссерек,— то попытаемся исправить это. Возможно, она именно то, что я ищу».

Касиру махнул рукой, слуги отодвинули стулья, и они втроем уселись за стол. В бокалы разлили белое вино, наверняка охлажденное в леднике. Джоссерек поднял свой.

— У нас на родине есть один обычай,— произнес он.— Когда встречаются друзья, один из них желает остальным благополучия, потом все вместе пьют за это. Могу я это сделать? — Кисиру кивнул.— За наше счастье!

Касиру сделал глоток. Донья не торопилась. Она посмотрела внимательно на Джоссерек и произнесла:

— А я и не знала, что мы уже друзья.

Джоссерек от удивления лишь открыл рот. Касиру захихикал.

Когда молчание затянулось, Джоссерек попытался выйти из неловкого положения:

— Надеюсь, что мы не враги, моя леди.

— Но я и этого тоже не знаю,— ответила она.— Впрочем, мы узнаем. А пока...— Она улыбнулась на удивление мягко.— Я не имею в виду ничего плохого. Многие жители Рогавики... выпили... бы с вами. Но в моем Братстве мы пьем только с самыми близкими друзьями.

— Понимаю. Прошу прощения.

— Проще...

— Он хотел сказать, что тоже не имеет в виду ничего дурного и сожалеет, что побеспокоил вас,— поторопился сказать Касиру.

— Да! — пробормотала Донья. Она внимательно посмотрела на Джоссерек, сидевшего напротив нее.— Неужели у такого сурового человека такие обходительные манеры?

— Я попал в трудное положение,— заметил Джоссерек.— Но это не значит, что я неотесанный мужлан.

— Касиру рассказал мне, что вы сообщили ему. Но только часть. Мне бы хотелось услышать вашу историю полностью, с самого начала.— Едва заметная усмешка, выдававшая ее удивление, легкой тенью пробежалась по ее лбу.— Я не могу понять, как кому-то удалось без помех пробраться по местности, где с ним могли случиться всякие ужасные вещи.

— Не всем же быть охотниками или торговцами металлом, моя леди. Должен же я как-то зарабатывать себе на жизнь.

— Значит, вы... моряк? Никогда раньше я не встречала моряка.

— Гм-м! Я был моряком, поскольку не мог найти ничего лучшего. А на самом деле я бич.

— Кто? — переспросил Касиру.

— Весьма распространенное слово на Материнском океане, — ответил Джоссерек. — Там много людей, в основном, это мужчины, которые скитаются, не имея родного очага, корней, от одного острова до другого, перебиваясь случайными заработками и нигде долго не задерживаясь. Некоторые из них — просто сброд, ни на что не годный, даже опасный, другие — нищие, жулики, воры, бандиты, убийцы, останавливающие в тех местах, где, по их мнению, им ничто не угрожает.

Касиру грустно улыбнулся:

— Это не самое тактичное замечание, произнесенное в этом доме, — сказал он.

Ближайший слуга подошел чуть ближе.

Мышцы Джоссерека напряглись. Донья оглушительно рассмеялась, чтоб разрядить обстановку.

Джоссерек собрался с мыслями.

— Я не хотел оскорбить вас, — сказал он. — Просто некоторые наши выражения отличаются от принятых в Арваннете. «Вернее, все».

— Да, но кто же такой бич? — спросила Донья и залпом выпила свое вино.

— Это... «Ну хорошо, я скажу им. Мне кажется, в ее присутствии он не позволит этим своим парням прикончить меня». — Это честный рабочий, который время от времени переезжает с места на место. — Джоссерек чувствовал, как спадает напряжение, и улыбнулся девушке. — Не всегда соблюдающий закон. Среди бесчисленного множества малоразумных маленьких народов Океании слишком много разных глупых законщиков, и все они требуют их соблюдения. Но у нас есть свой свод законов. Кроме того, мы гордимся своим профессиональным мастерством. Нет, мы вообще-то не имеет ни какой организации или что-нибудь подобное. У нас есть король, свои церемонии, ежегодные собрания, хотя никто не регистрирует членство, не призывает вступать в наши ряды, ничего из подобной чепухи.

Просто идет молва. Каждый вскоре узнает, кто настоящий бич, а кто нет.

— Никогда прежде я не слышала ничего подобного о юге,— заметила Донья.

Подали черепаший суп.

Она не кокетничала, когда прикрыла глаза, слушая рассказ Джоссерека. Ее просто и естественно интересовал его мир. Его удивило, как много она уже знает о нем. Но это было книжное знание. Он был первым из Морского Народа, с кем она встретилась лицом к лицу.

Если его догадка верна, он сможет завоевать ее доверие. Касиру был только средством на пути к этому.

«Но опасным средством. Его тоже следовало привлечь на свою сторону, заинтересовать, сделать союзником. Особенно поскольку я все еще не знаю наверняка, почему Донья оказалась в его доме в качестве гостыи».

На его вопрос Донья ответила:

— Мы с ним старые друзья. Я приехала сюда, чтобы узнать, чего я теперь могу ожидать, когда Рахид захватил Арваннет.— И все. У северян немногословие не считалось излишеством.

Неожиданно для себя Джоссерек начал рассказывать о своей жизни, и лишь в отдельных местах ему приходилось немного привирать.

Он был сыном дочери владельца таверны, расположенной в районе доков в Ичинге — результат связи между нею и отпрыском благородного семейства.

— У нас в Киллимарейче — ограниченная монархия. Она руководит Советом Старейшин, куда входят земельные магнаты и капиталисты, а также Совещательным Советом, который выбирается племенами, хотя в наши дни принадлежность к какому-нибудь племени не имеет почти никакого значения.

Его родители могли пожениться, но конкуренция разорила ее отца, и он умер в результате несчастного случая, когда пытался найти работу на берегу. Джоссерек воспитывался матерью и дедушкой. Ему всегда нравился этот крепкий практичный старик, но с появившимся отчимом он так и не сошелся, отчего оказался в уличных бандах. Через много лет — уже после того, как был осужден и удачно бежал и пересек чуть ли не четверть всего земного

шара — он вернулся в ту таверну. Дед к тому времени уже умер. Он пробыл там совсем немного и больше не появлялся.

— А разве тебя, беглого каторжника, не разыскивали? — спросил Касиру.

— Я помог одному влиятельному лицу, и он добился для меня прощения, — ответил Джоссерек. — Но, может быть, достаточно говорить только обо мне?

— Ваша речь совсем не похожа на ту, что должна была бы у вас быть в результате таких ваших походов — слишком уж она образованная, — заметил Касиру.

— Вы бы удивились, узнав, сколько свободного времени может быть у солдата судьбы, чтобы читать, размышлять или слушать интеллигентных людей, если он того хочет. Вот, например, леди Донья. Мне бы хотелось послушать ее.

— Как-нибудь в другой раз, — сказала она и на несколько секунд задумалась. — Может, завтра? Вам, наверное, захочется сегодня пораньше лечь спать. И... — она поежилась, — почему-то я снова чувствую себя, словно нахожусь в тюрьме. Сейчас я должна побыть одна. А завтра мы прогуляемся вдвоем, только я и вы, Джоссерек Деррейн.

— Подождите, — попытался возразить Касиру.

Однако ее взгляд остановил его.

— Прогуляемся. — В ее взгляде и словах читалась невысказанная мысль: «Я справлюсь с ним. Если понадобится, я убью его».

Несмотря на то, что несколько недель Джоссерек был совершенно одинок, он нашел Ори на удивление неинтересной. Но он ей это не сказал — это было бы несправедливо по отношению к ней, ведь она старалась как могла. Возможно, все дело в том, что он не мог представить на ее месте гордую Донью.

Глава 5

— Однажды, — сказала женщина из Хервара, — я видела — **О** Сверкающую Воду, которую вы называете Материнским океаном. Я никогда не забуду этого.

— Как это случилось? — спросил Джоссерек из Киллимарейча. — Я думал, что твой народ живет только на суше. — Он попытался вспомнить карты, которые когда-то изучал. Они оказались, как он теперь понял, чертовски условными. Цивилизованным народам было мало что известно о том, что находилось дальше южной полоски Андалина, занятой землепашцами Рахида и Арваннета. На востоке лежали главным образом дикие леса, начинавшиеся от побережья Грозного океана и достигавшие невысоких гор Идис. Тамошние равнины тянулись на запад, где находилась Рогавики, через долину реки Джугулар и дальше к Тантианским холмам, через огромные нераспаханные земли, ограниченные с севера только ледником.

— Мы торгуем, ставим ловушки на зверей далеко от родных мест, — ответила она ему. — За Тантианскими холмами лежит огромное плато, обдуваемое ветрами, где могут жить только степные зайцы и койоты, а еще дальше вздымаются горы Лунного Замка, захваченные ледником. Но там, на противоположной стороне, есть проходы и более низкие гряды, где водятся бобры, норки и дикие кошки... и как же величественны тамошние высоты, поражающие своей протяженностью, огромностью, выразительной тишиной! А ночью свет звезд разгоняет мрак ночи!

Джоссерек бросил на нее взгляд и долго не отводил его в сторону. Неужели она наконец сбросила свою маску неприступности?

Они вышли из дома пораньше утром, одетые так, чтобы не привлекать к себе внимания. После захвата Арваннета сюда наряду с военными прибыло и много гражданских рахидианцев. Джоссерека, одетого в плащ, полы которого были подвязаны к поясу, чтобы не мешать ходьбе, можно было принять за какого-нибудь имперского предпринимателя или чиновника из имперского городка. Серьги и короткую прическу прикрывал спускающийся из-под шапки шарф. Конечно, красоту Доньи невозможно было скрыть. Но, посмеиваясь про себя, она вырядилась — другого слова и

не подберешь — в прозрачную тунику, звенящую украшениями из стекла и меди, и вызывающе подкрасила губы.

— Некоторые наши девушки, которые поняли, что уже никогда не выйдут замуж, подрабатывают на арваннетианских речных факториях, — объяснила она. — Некоторые пробираются и в города, хотя не задерживаются там надолго. — Она остановилась на несколько секунд в нерешительности. — Мы и это считаем честной профессией: каким еще ремеслом может заниматься одинокая женщина? А южане — те вообще считают, что женщина ничем иным заниматься и не должна.

Кроме объяснений, подобных этим, она мало что рассказала о себе. Донья решительно настояла, чтобы они направились не на юг, в сторону Гранд-Арены и более богатых районов, а кружили по центру. Она была немногословной, пока они пробирались по грязным и узким улочкам бедных кварталов Нор, где обитали Братья Ножа и преступники, которые выросли здесь, среди слепых кирпичных развалюх.

Квартал неожиданно закончился на авеню Драконов — оживленной улице, соединяющей Старый Бастион с Домом Совета; здесь постоянно патрулировали полицейские. Вместе с ними шли Секор и Аранно — необходимая предосторожность в случае нападения на Донью. Но, достигнув этой улицы, она отправила охранников назад жестом, каким она, наверное, дома отсылала своих гончих.

Но почти сразу же после этого, когда она и Джоссерек отправились в глубь района Пустых Домов, она начала охотно говорить, в ее голосе слышалось даже нетерпение. Она расспрашивала о скитаниях, а потом произнесла:

— О, я трижды пересекала горы Лунных Замков. Но это было довольно давно. У меня четыре живых мужа, пятеро детей, большой зимний сад... Да, как же крепко нас привязывает к себе собственность, верно? Да еще Братство, особенно более молодые его члены спрашивают у меня совета либо просят помощи. И надо еще самой делать визиты, заниматься торговлей металлом да еще большие сезонные сборы наших людей и охота... Ах, где мои шестнадцать лет, когда я только год, как была замужем за Йвеном, и мне ни о чем не нужно было заботиться! В нашей группе мы все были молоды. Мы решили, что не

будем летом ставить капканы, а двинемся на запад и по-ищем там чего-нибудь интересного. Путешественники, побывавшие там до нас, рассказывали, что местность за ледниками, которые покрывали верхушки гор, полна дичи и там живут дружелюбные туземцы. Мы захватили с собой дары, чтобы отблагодарить их за гостеприимство — мы всегда так делаем, когда отправляемся за пределы родной территории — ножи и стальные наконечники собственного изготовления, бусы, медальоны и дешевые цветные камни из Арваннета, несколько усиливающих линз из Рахида. Все это мы взяли с собой и на рассвете отправились в путь.

Она взяла его за локоть. Он почувствовал теплоту ее ладони и маленькие бугорки мозолей на них.

— Посмотри — вроде бы неплохое место для отдыха, — сказала она.

Небо сияло после дождя, только несколько редких облаков плыли по нему. Свет лился на здания, которые отражали его обратно. Многие из них были полуразрушены: стены без крыш, трубы без стен, колоннады без карнизов, густо заросшие плющом. Сверху — кроны тополей, внизу сквозь булыжник мостовой пробивались куманика и первоцвет, а края мостовой терпеливо обрамляла трава. Памятник забытому герою покрылся мхом, хотя камень то тут, то там показывался сквозь зелень. Воздух пропах жасмином, и откуда-то в стоявшей тишине до них доносилась трель пересмешника.

Донья устроилась на замшелом камне, положив подбородок на колени и обхватив руками голени. А в миле от себя за рекой они видели черную глыбу Спящего Аббатства — одно из немногих здешних мест, где еще сохранилась хоть какая-то жизнь. Совсем рядом висело гнездо иволги.

Джоссерек осторожно присоединился к ней, стараясь не касаться ее, как бы ни влекли его ее обнаженные, слегка загарелые руки и ноги.

— Итак, вы дошли до самого океана, — рискнул спросить он. — Это путешествие оказалось для вас удачным?

— О да! — Она улыбнулась. — Я видела, как волны разбивались в бело-зеленые брызги. Я плавала в океане — холодном, горьком, но таком необъятном! Чайки, морские львы, морские выдры. Мы ныряли за моллюсками, похожими на смешные орешки, обитающими в норах.

В лодке мы встречали рассвет, тихий и серебристый, мы видели несколько китов-убийц. Один из них высоко выставил из воды голову, возможно, он пожелал нам доброго утра.

— Я бы этому не удивился,— заметил Джоссерек.— Их замечали и в Киллимарейче — представителей семейства китообразных — китов, дельфинов. Вы знаете, они думают и чувствуют почти как люди.

— Действительно? — радостно воскликнула она.

— Ну, так утверждают ученые. Хотя, возможно, у них... э-э... свои предубеждения. Понимаете, согласно главной религии нашей страны, китовое племя священо. Дельфины — это э... э-э... инкарнация богов жизни, а акулы — богов смерти... Впрочем, не важно. Полагаю, наши мифы только оправдывают закон о защите этих животных.

— У вас запрещено убивать их?

— Да. Мясо, жир, китовый ус — все это довольно ценные вещи, поэтому патруль и следит за тем, чтобы морские суда не занимались контрабандной охотой на китов. Я... — «Нет. Еще слишком рано признаваться ей в том, как меня, бича, обнаружил Малвен Роа, как привел меня к себе домой и уговорил устроиться на работу, сперва в китовую полицию, а позже, когда я научился работать с такелажем...» — Дважды я случайно становился свидетелем схваток патрульных с командой охотников или браконьеров.

— Я рада за вас,— сказала она, снова погрузившись. — Вы, кажется, чувствуете себя живущим полной жизнью. Я не знала этого.

Ее ирония тронула его:

«Если мы, моя дорогая, будем добры к китам, то наше сознание будет меньше докучать нам, когда дело коснется людей. Кроме того, не стоит забывать о трудовых лагерях для осужденных. Впрочем, если ты хочешь считать меня идеалистом, что ж, это замечательно».

— Мы, жители Рогавики, не убиваем диких животных на продажу,— сказала Донья.— Это было бы неправильно.

А потом добавила деловым тоном:

— Это было бы к тому же глупо. Мы живем вполне сносно, потому что нас, людей, немного, а стада огромны. Если это изменится, то нам придется превратиться в фермеров.— Она сплюнула.— Тьфу! Во время своих путеше-

ствий я бывала на фермерских землях Рахида. Да они во многих отношениях еще хуже городов.

«Гм-м,— подумал Джоссерек.— Может быть, ты и не заразишься идеями идеализма. Не знаю. Ты не похожа ни на одну из женщин, встречаемых мною раньше в этих джунглях нашего мира».

— Да? — спросил он.— Я слышал, ваш народ не слишком любит собираться большими толпами. Я думал, что именно поэтому ты оживилась, когда мы пришли в этот пустынный район. Ну а как фермы, пастбища, плантации?

— Вся та земля — словно одна большая клетка,— ответила она.

Спустя некоторое время она продолжила:

— Города — это тоже не лучший выход, но все же это не так плохо. Мы некоторое время еще способны противостоять попыткам чужаков сблизиться с нами, пока их злобное не станет досаждать нам слишком сильно. Мы не способны... и не будем долго выносить давление, которое оказывают на нас чужаки. А фермерам приходится терпеть всю жизнь. Здесь, в городе, почти каждый — не более, чем мышцы и мясо на двух ногах, они для меня, я для них. Гад... гадко.— Она потянулась, встряхнула головой, отбросив назад кудри, и продолжила: — А здесь, среди Пустых Домов, царствует спокойствие.

— Моя леди,— сказал Джоссерек,— если мое присутствие станет раздражать вас, не стесняйтесь и предупредите меня.

— Хорошо. Очень мило с вашей стороны сказать мне это.— И спокойно добавила: — Я могла бы и переспать с вами.

— Да? — Он задохнулся, потом схватил ее за плечи. Кровь застучала в голове.

Она рассмеялась и оттолкнула его.

— Не сейчас. Я не проститутка, развлекающая клиентов: пришел-ушел. Касиру и его люди надоедают мне... расспрашивают меня, говорят мне, что я должна делать, они хотят, чтобы я всегда сидела за их столом и ела их мясо. А у меня сразу же пропадает аппетит.

«Может быть позже, когда мы выберемся на твои открытые долины, Донья? — Он пришел в себя.— Между тем я уже успел воспользоваться услугами Ори.— По коже пробежал холодок.— Но почему ты думаешь, что я, беглый

моряк, все-таки присоединюсь к тебе? Или, может, ты ко мне?»

— Ладно, посмотрим... но все равно я польщен,— ответил он стандартной фразой.

— Мы посмотрим, Джоссерек. Я лишь едва знакома с тобой и не знаю по-настоящему ничего о таких, как ты.— Через полминуты она добавила: — Касиру сказал, людей, подобных тебе, интересуют только деньги. Но узнав, что вы занимаетесь защитой китов, я вовсе не уверена в этом.

Это давало Джоссереку благоприятную возможность продемонстрировать такую же беспристрастность, какую она, похоже, демонстрировала все это время... и, по случаю, показать свой народ и самого себя в выгодном свете.

— Мы не так уж алчны,— сказал он, тщательно подбирая слова.— То есть большинство из нас. Почти повсюду — в Киллимарейче, во всяком случае — мы сделали человека свободным, дали ему жить так, как он хочет, тонуть или плыть в русле довольно мягких законов. Я знаю, что это сложно для тех, кто не привык. Но что вы, северяне, делаете со своими неудачниками?

Донья пожала плечами.

— Большинство из них умирает.

Потом она спросила:

— А может, Касиру прав? Он говорит, что Морской Народ злится на Империю лишь за этот... этот тар... как это у вас называется?

— Тариф? Ну да, в какой-то мере. Арваннет никогда не брал большой пошлины за ввозимый товар. И теперь, естественно, нашим компаниям не нравится платить повышенный тариф, который установила Империя. Да еще усилившаяся конкуренция со стороны южан из Залива. Но это проблемы компаний. И не основание для других начинать войну.

— Тогда почему ты... — Она замолчала, не договорив. Он перешел в наступление:

— Почему ты здесь?

Она сидела неподвижно, смотря куда-то в сторону. На землю сквозь разрывы в облаках уже полились солнечные лучи. В трели пересмешника слышались радостные нотки.

— Я обещал не задавать подобных вопросов,— сказал он.— И все же не могу не спросить.

— В этом нет никакой тайны,— ответила она ровным голосом.— Я уже сообщила тебе это вчера. Ходят слухи, что из Арваннета имперские войска двинутся на захват Рогавики. У Касиру есть шпионы во многих местах. Он сказал мне, что эти слухи верны. Я приехала сюда, чтобы самой посмотреть, а потом сообщить об увиденном и услышанном домой. Их не так уж много, но под новым руководством они сражаются по-новому. В последний раз они вторглись с севера, из Хадрада, главным образом силами пехоты. Мы уничтожили их, как всегда это бывало и раньше. Их кавалерия представляла для нас серьезную проблему, но на пустых равнинах было слишком мало воды и фуража. Мы бы нанесли удар по ним во время пылевой бури или же... Долина реки Джугулар — совсем иное дело. Да и эта армия — совсем другая.— Она вздохнула.— Я мало что узнала. Арваннетианцы больше не воспитывают настоящих солдат. Они не понимают, они не способны вообразить себе всю опасность угрозы, которая надвигается на них. А те рахидианцы, которых я встречала здесь либо у Касиру, когда они приходили для получения взяток, безмозглые солдафоны, покорные, как волю. Но как мне сблизиться с кем-нибудь из бароммианцев?

— Ты опасаясь, что новое вторжение окажется успешным?

— Никогда! — Она гордо выпрямилась.— Поднимайся, нам пора двигаться дальше... Если бы мы знали хоть что-то о них, мы могли бы обойтись меньшими потерями.

Он шел на шаг позади нее. Черепки хрустели под их ногами. Они двигались, ломая кустарник, по той дороге, что некогда была широким проспектом.

— Как ты познакомилась с Касиру? — поинтересовался Джоссерек.— Или я задал нескромный вопрос?

— Мы встретились несколько лет назад, когда я приехала сюда. Но не как проститутка,— подчеркнула она.— Нужно было обговорить кое-какие дела. Гильдия Металлистов собиралась расширить торговлю с нами, что означало контакты и с другими Гильдиями. С ними мы также занимаемся торговлей. Конечно, нельзя говорить за всех северян. Но кое-кто из нас думал, что мы сможем разузнать, чего хотят торговцы, и объяснить это дома. Мы путешествовали вместе, но впоследствии мы часто встречались с членами Гильдий порознь. В то время они все

были связаны с Норами. Благодаря... Понсарио эн-Острал, он был... я встретила с Касиру. И поняла, что мне не о чем говорить с Понсарио. Он хотел, чтобы мы продавали ему мясо и кожу или, по крайней мере, переправляли ему больше мехов, а мы ни за что на свете не хотели этого. Но с Касиру мы нашли общий язык.

«Вы оба хищники, верно? — подумал Джоссерек. Потом мелькнула стыдливая мысль: — Нет, только не ты, Донья. Ты же не ищешь человеческих жертв. Насколько я знаю, вы, жители Рогавики, никогда ни на кого не нападали, никогда не начинали войн, если только на вас самих не нападали, если только враг не вторгнулся на вашу землю... Неужели это может быть правдой? Неужели возможна такая непорочность?»

— Он... Он мог быть...— Она пыталась подобрать слова.— Интересным. Занимательным.

— Он живет за счет города,— сказал Джоссерек, оставив попытки понять ее.— Он только берет, но не дает. Донья снова пожала плечами.

— Об этом пускай город беспокоится.— Потом она снова окинула Джоссерека ледяным взглядом, который буквально пронзил его.— Если это так вас волнует, то почему вы ищите таких людей, как он?

— А разве у меня есть выбор? — Чтобы выйти из этого неловкого положения, он торопливо продолжал: — Вообще-то я переборщил. Братства заняли свое место в жизни города. Они контролируют преступность и держат ее в определенных рамках.

— Мне кажется, они выкачивали из нас куда меньше, чем любое правительство, и, как вы сами заметили, они приносили какую-то пользу.

Джоссерек подозревал, что она говорит совершенно серьезно, хотя тон ее оставался спокойным, словно у какого-нибудь натуралиста, комментирующего социальное устройство муравьев.

— Ну, все-таки,— настаивал он,— как я слышал, они также были еще и тайными союзниками Гильдий. Мудрецы и помещики пытались держать Гильдии в подчинении. Братства могли поставлять торговцам в случае необходимости телохранителей, наемных убийц, сыщиков, грабителей. Их нелегальные предприятия представляли собой удобные места для помещения рискованного капитала в застывшем обществе, в то же время легальный бизнес мог

принимать от них вклады. Такие вот дела. Позднее все изменилось. Бароммианско-рахидианская Империя наступила на горло Мудрым и помещиками одновременно объявив войну преступным элементам. И поощряет торговцев. Им больше не нужны эти Братства. Вот почему Братства также начали искать новых союзников.

— Например, Морской Народ? — тихо спросила Донья. Когда Джоссерек не ответил, она продолжила: — Я больше не буду задавать этот вопрос сегодня.

«Она понимает все так же, как и я, — зазвенела внутри него радостная мысль. — Может быть, даже лучше, чем Касиру. Да и может ли разобраться во всем варвар?»

Сейчас он осознавал свое положение еще более ясно и развернуто, чем карта северных земель Доньи. Человек из Нор был (со своей точки зрения, но не с точки зрения Джоссерека) разумно немногословен в речи, так же, как и в поведении, когда он в прошлом году искал капитана из Киллимарейча, чей корабль стоял в Ньюкипе. Откуда ему было знать, будут ли все его слова переданы и кому именно? Здесь не существовало ни консульств для народов Океании, ни постоянных представительств. Капитан мог надеяться извлечь что-нибудь полезное из болтовни имперских чиновников. Вполне возможно, что в течение этих месяцев к нескольким другим командирам обращались подобным же образом, но просто так вышло, что именно этот оказался из морского резерва и отправил по радио послание в штаб разведки.

Шпион из Арваннета даже не сказал, какое Братство он представляет. Он лишь намекал, но ничего конкретно не обещал. Лишь возможная связь с северянами — с теми, кто владели важными источниками металла в Андалине и кто не были просто дикими обитателями равнин, потому что столетие за столетием они уничтожали одну орду за другой, пытавшихся захватить их охотничьи угодья... северяне, сами по себе представляя угрозу для Империи, могли бы оказаться полезными союзниками для приморцев, у которых возникли собственные проблемы с этой опасно воскресшей Империей... так что какое-нибудь Братство было бы радо обсудить возможность установления таких связей, но не со случайными варварами из их родной страны, которые, вероятно, ничего и не знали, но с полномочными представителями и непосредственно в городе — с целью заключения соглашения, конечно...

«Мы не можем идти таким путем,— сказал тогда Малвен Роа.— Эти руководители преступного мира думают, как и остальные арваннетанцы или большинство рахидианцев. Они рассматривают все проблемы с позиций вечности, а не настоящего момента. Десять лет переговоров для них — не более, чем щелчок пальцев. Ладно, бароммианцы не будут ждать ни вечности, ни тем более десяти лет, прежде чем нанесут следующий свой удар. Нам нужно двигаться быстрее в этой темноте, иначе мы потеряем все шансы, если они у нас еще остались.— Он успехнулся собственным мыслям.— Мы пошлем туда солдата, которым можно пожертвовать».

Разрешить конфликт с Риджелем Гейрлохом оказалось делом довольно легким, поскольку оно касалось Морской разведки. Джоссерек ударил его не слишком сильно. Он единственный на борту «Сконнамора» знал правду, если только Малвен Роа не поговорил втихую с теми тремя моряками с острова Ики, откуда он сам был родом... Чем меньше людей знает, тем менее вероятно предательство... скажем, со стороны человека, накурившегося марихуаны в публичном доме.

Но теперь и сам Джоссерек был в таком же неведении. Он не осмеливался рассказать о характере своей миссии первому же встретившемуся ему главарю банды, да и никто из таких людей не стал бы за столь короткий срок слишком доверять ему. Началось обычное взаимное прощупывание. Напримёр, чем больше он наблюдал за Касиру и особенно за Доньей, тем больше замечал словечек, не особенно свойственных простому моряку. Но и они в свою очередь, если были теми, за кого они себя выдавали и с кем он надеялся встретиться, присматривались к нему и давали ему понять...

Не торопись! У него имеется в запасе один-два месяца, чтобы подобрать пути к нужным ему людям. Хотя, скорее всего, на это дело ему потребуется всего лишь несколько дней. Поэтому он мог расслабиться и просто наслаждаться пешими прогулками.

Словно почувствовав его настроение, Донья сказала: — Давайте наслаждаться тем, что мы сейчас имеем. И они просто наслаждались.

В районе Пустых Домов они обнаружили множество странного, очаровательного, вызывающего щемящее

чувство утраты. Они даже подошли к небольшой ферме, где некогда был построен огромный стадион, и там они хотели немного поболтать, но решили продолжить путь дальше, словно хозяева этой земли могли внезапно вернуться и застать здесь непрошенных гостей. За северным рукавом Королевского канала они снова оказались в густо населенном районе. Но тут в основном были культовые постройки: аббатства, церкви, гробницы, между которыми не торопясь прохаживались монахи и монахини, совсем не опасные, в отличие от торгашей и нищих в районе Нор, что пугали Донью. Они дошли до Дворца Рау* и двинулись вдоль него, пока им не надоело любоваться его архитектурой, и свернули в сады Эльзии с их лабиринтом дорожек, загадочными подрезанными кустами и клумбами цветов. На озере Нарму они немного отдохнули, взяв напрокат каноэ. Цена была довольно высокой, но соответственно и народу на озере было немного. Под аркой моста Патриарха они решили наконец-то перекусить — зубаткой, приготовленной на пару, и печеным картофелем, которые купили с ручных тележек, а в пивной, примостившейся у самого входа в Гранд Арену (где уже более ста лет не было ни одного зрителя), они обнаружили холодное пиво.

Час понадобился Джоссереку, чтобы оценить, насколько приятным было дружеское молчание Доньи. Женщина в Киллимарейче болтала бы без умолку, а женщина из другой местности, скорее всего, вряд ли провела бы с ним весь день, а если бы и провела, то вообразила бы себе, что он ухаживает за ней. Донья же не спрашивала его о прожитой жизни, сама много не рассказывала о своей, да и не делала пустых замечаний относительно окружающих их живописных картин. Нет, несмотря на сделанное ею перед этой прогулкой полупредложение, он отнюдь не думал, что она пытается хоть в малейшей степени выведать его намерения. Она просто хотела оценить его, дать почувствовать себя свободной от заключения в доме Касиру, понять, какой он на самом деле. И вообще, разве не могла она просто приятно провести с ним время после полудня.

В конце дня они вынуждены были немного поторопиться. Солнце клонилось к линии горизонта, и тени ползли по улицам города, а прогуливаться привлекатель-

* Row — с англ.: 1. ряд; 2. шумная ссора, драка. (Примеч. перев.)

ной женщине и безоружному мужчине, вне всякого сомнения, богатых и имевших при себе деньги, по улочкам в районе Нор было небезопасно. Днем они могли бы, вероятно, рассчитывать на охранные значки, которые им дал Касиру и которые показывали, что они находятся под защитой Братства Рэттлбоун, но они не помогли бы им ночью, когда ни один свидетель не мог опознать нападавших даже за большое вознаграждение.

Улица Фонтанов лежала на границе районов: с южной стороны располагались магазины и жилые дома, чьи владельцы на ночь баррикадировали двери, а с северной — кирпичные ночлежки. Джоссерек и Донья пошли по улице Пеликанов до цирка у Фонтана, вышли к его входу и затем обогнули его. На открытом пространстве было много верховых.

— Бароммианцы, — прошептала Донья.

Джоссерек кивнул. Лошади были высокие, а всадники — низкорослыми и приземистыми, с медной кожей, черные волосы коротко острижены, как это было принято у рахидианцев, но их куцые бороды были подстрижены в стиле горцев. На них были сапоги со шпорами, кожаные штаны, латы из буйволовой кожи поверх рубах из грубой голубой ткани, стальные шлемы конической формы. На седлах висели небольшие круглые щиты, украшенные полковыми тотемами, у одних были топоры, у других — луки со стрелами. У каждого за поясом висели сабля и кинжал, а в руках — копьё. Легкий ветерок приносил приятный запах и звук копыт, цокавших по дорожному покрытию. Группа насчитывала примерно двадцать человек.

— Что случилось? — спросил Джоссерек, приблизив свои губы к ее уху так близко, что ее волосы зашевелили его щеки. Пульс его убыстрился.

— Не знаю. Может, налет на Норы? Касиру предупредал, что они могут его устроить, когда Наместник узнает, где скрываются главари Братства Ножа.

— М-да! Как, по-твоему, нам следует дать деру?

— А что же еще мы можем сделать? Согласно новым правилам владельцы трактиров обязаны сообщать об иностранных гостях, у которых нет разрешения на пребывание в городе. Тем, кто не подчинится, вероятнее всего, перережут горло, ограбят, а что же касается меня... — Донья раздраженно махнула рукой.

Джоссерек понял, что она прибыла сюда нелегально. Касиру мог устроить это для нее после того, как она сообщила ему, что выехала сюда. Но теперь это было неважно. Они вернулись обратно на улицу Пеликанов и пересекли ее, отойдя на безопасное расстояние. Движение на улице было совсем редким: повозка, запряженная мулом, несколько торопящихся пешеходов и никого из обитателей Нор — похоже, все они попрятались по своим дырам. Эти дома были не так сильно разрушены, но все равно ужасны, повсюду мусор и разные отбросы, по подворотням рыскали дворняги и уличные коты — возможно, район Пустых Домов уже начался. В темноте шаги отдавались гулким эхом. Сейчас, когда похолодало, вонь в воздухе стала ощущаться слабее.

Квадратный фасад жилища Касиру, возвышавшегося над соседними домами, которые окружали его с обеих сторон, смутно вырисовывался над узкой улочкой, на которой он был расположен.

— Вот мы и дома, — произнес Джоссерек и шагнул вперед.

В сумеречном свете он увидел, что входная дверь полностью разбита.

Кто-то закричал. Из дома высыпали люди. Из двух соседних — другие. Сверкали обнаженные клинки.

— Оставайтесь на месте!

«Не обнаружив нас здесь, они просто стали нас дожидаться».

Топот сапог по булыжной мостовой. Сильная рука схватила его за запястье. Перед глазами возникло лицо бароммианца.

Джоссерек резко высвободил руку, потом нанес удар коленом. Солдат отлетел назад, выронив меч и взыв от боли. Джоссерек крутанулся на месте, одновременно пригибаясь и уворачиваясь от удара меча, рубанувшего воздух на том месте, где он только что был.

— Они нужны живыми, скоты! — закричал кто-то на языке хаамандур.

В голове Джоссерека мелькнула мысль: «Это облегчает мне дело».

Он бросил взгляд на Донью и попятился к стене. У нее не было никаких шансов. Но эти кавалеристы совершенно не были знакомы с искусством боя на земле. Под рукой

Джоссерека хрустнула кость и брызнула кровь. Ребром ладони он ударил кого-то по шее. Теперь он был свободен. Джоссерек без труда убежал от них — ноги у него были длиннее, чем у его преследователей, — скрывшись в лабиринте улочек, затянутых туманом. Позади него низко гудел рог, созывая группу к цирку у фонтана. Но было уже слишком поздно.

И все-таки, где же теперь спрятаться шпиону, посланному Морским Народом?

Глава 6

— Нет, чтоб Девять Дьяволов забрали его к себе — Касиру исчез из своего дома, когда мои люди окружили его, — скрипучим голосом произнес Сидир.

— Или, возможно, у него есть подземный ход, известный только ему одному, — предположил Понсарио. — Говорят, лиса в своем логове роет два выхода. А он настоящий лис, и уж точно подготовил побольше, чем два. Я боюсь, вашим гончим долго еще не удастся взять его след.

Сидир, прищурившись, посмотрел на плоское тучное лицо.

— Почему вы никогда раньше не рассказывали мне о Касиру? — требовательно спросил он.

Понсарио поерзал в кресле, сложил руки на животе и обвел взглядом Лунный зал. Лучи утреннего солнца ярко освещали его, дымился ароматный кофе, сквозь окна, запахнутые мягкому ветерку, доносились уличные звуки. Однако рыжий мужчина держал руку на кинжале.

— Но ведь вы, Главнокомандующий, выполняете тысячу других обязанностей, — ответил Понсарио. — Подчиняясь вашему приказу, я, как и другие мои коллеги, сообщил о тех Братствах, которые наиболее всего угрожали вашим целям, таких как Братство Потрошителей с их академией для наемных убийц. Об этом Братстве у нас были надежные сведения, сэр, что бывает редко. Норы хранят свои секреты, особенно с тех пор, как Гильдии начали отходить от них. Но стоит ли нам беспокоить вас

по каждому пустяку? — Его взгляд стал целеустремленнее. — Полагаю, ваш выдающийся коллега Наместник Императора наложил вето на предложение полностью очистить Норы от бандитов. Кроме того, что при этом пострадает множество невинных людей, это создаст больше трудностей, чем их можно ожидать. Большие перемены нельзя осуществить за одну ночь. Уверен, что Главнокомандующий согласен со мной.

Сидир улыбнулся.

— И, конечно, у вас, членов Гильдии, есть еще что-то про запас.

— Гм-м!.. В таком случае, сэр, могу ли я почтительно напомнить вам, что как бизнесмен Касиру принимал дома иностранных агентов, поимка и опознание которых наверняка доставили вам хлопоты. Вы ведь поймали их, не так ли?

— Только одного — женщину-северянку. Киллима-риец, с которым она была, бежал.

— Это точно был киллимарейчанец, сэр? А женщина — с севера?

— Да. В этом нет никаких сомнений — таковы признания прислуги на допросе. Киллимарейчанец утверждал, что он беглец, но Касиру проявил к нему больший интерес, чем требовалось к простому матросу. А что касается женщины, нет никаких сомнений, что она прибыла сюда шпионить за нами.

Понсарио цедил свой кофе, очевидно, обрадованный тем, что беседа ушла из опасного для него русла.

— По-моему, сэр, у Касиру не было никаких других намерений, кроме как служить посредником, полагаясь на свое влияние. Вероятнее всего, он получал взятки и деньги, являясь как бы передаточным звеном. В самом деле, на что здесь можно рассчитывать? Киллимарейчанец — одиночка... Да, нужно было захватить его, чтобы разузнать, есть ли у его хозяев какой-нибудь серьезный план. Северянку даже агентом назвать нельзя.

— Почему?

Понсарио вскинул брови.

— Как почему, сэр? Вы ведь знаете, что в ее стране никогда не существовало даже чего-то похожего на правительство. Лишь несколько озабоченных матриархов (которые и матриархи только у себя дома) могли послать сюда кого-нибудь, чтобы он разузнал о вас.

Все, что только удастся. Рогавики не имеет ни государственной, ни племенной структуры власти, ни армии, ни воинов, которые бы поддерживали свою боеготовность, совершая набеги и участвуя в междоусобицах. Говорят, что там нет ни законов, ни обычаев, ни повинностей, нет даже никакой возможности наказать тех, кто не...

— Тем не менее,— перебил его Сидир,— они сохранили цивилизованные постройки на огромной территории на протяжении всей истории, которая упоминается в хрониках, и они уничтожали любую армию, которая пыталась завоевать их. Откуда берется их сила? Я вызвал вас, Понсарио, сегодня утром к себе отчасти потому, что хочу узнать, где может скрываться Касиру и каким будет его следующий шаг, отчасти, чтобы спросить, чего ожидать от этой женщины, которую мы схватили.

Торговец самодовольно улыбнулся.

— Торговцы и мирные путешественники, посещавшие север, говорят, что с тамошними женщинами не сравнится ни одна женщина мира.— Потом добавил более серьезно: — Но лишь когда эти женщины того желают. Даже в плену они смертельно опасны. Они либо превращаются в маньяков-убийц, либо используют первую же предоставившуюся возможность, чтобы склонить кого-нибудь к предательству — иногда даже жертвуя собственной жизнью.

— Да, я слышал об этом. Эта сука тоже отчаянно сражалась, пока ее не утихомирили. Но, как мне сказали, с тех пор она спокойна.

— Почему Главнокомандующий спрашивает меня о северянах? Разве вы не достаточно хорошо изучили их во время последнего вторжения туда, десять или одиннадцать лет назад?

— Нет,— ответил Сидир.— Та кампания была только частью более обширного плана по расширению земель и пастбищ для Рахида. Кроме того, мы двинулись на северо-запад, в Фунву.— Он заметил вопросительный взгляд торговца.— Местные жители живут почти так же, как бароммианцы. Некоторые из них — мелкие землевладельцы, другие — пастухи. Эти высокогорные районы заселены не плотно и их вполне можно обрабатывать. Среди них есть и воины, которые получили достаточно знаний от Империи, чтобы в течение столетий жить независимо от нее. Впро-

чем, некогда они были вассалами Айянской империи, и мы хотим, чтобы они снова стали вассалами, но уже нашей империи. Тогда я командовал бригадой. Никогда не встречал я более храбрых воинов.

— Но ведь вы разбили их, не так ли?

— Да. Что утешило нас после поражения в Рога-вики. И способствовало моему продвижению по службе, пока я не оказался сейчас на этом месте...— Сидир вздохнул.— Я изучаю все, что только могу разузнать о северянах, конечно, насколько позволяют возможности. Но так до сих пор и не разобрался до конца, кто же они такие.

— Да у меня самого, сэр, были лишь ограниченные связи с ними,— признался Понсаро.— Они приносили меха на торговые фактории моей Гильдии, получая взамен ткани. Однако торговля в основном идет через Гильдию Металлистов, поэтому я имею лишь общее представление об этом. Они живут рассредоточенно, занимаются главным образом охотой, летом пасут скот, а зимой коротают вечера дома. У большей части их женщин по два, три или даже больше мужей. Незамужние женщины... кажется, у них есть множество других возможностей. Воин среди различных групп Рогавики никогда не случалось, как они утверждают, у них в чести искусные охотники и ремесленники, но не воины. Сам я никогда не слышал об убийствах, случавшихся у них, или грабежах, хотя, несомненно, подобные инциденты, по всей видимости, время от времени бывают, поскольку наши люди сообщают, что иногда, крайне редко, кое-кого изгоняют из семей. Жители Рога-вики уважают соседние народы, как цивилизованные, так и первобытные. Когда враг вторгается на их земли, они сражаются со свирепостью росوماхи. Но после того, как захватчик отогнан, они готовы тут же восстановить дружеские отношения, словно не способны держать зла, независимо от того, какие страдания доставил им недавний враг.— Понсаро со стуком поставил на столик пустую чашку.— И все же действительно этих людей просто невозможно понять. Они гостеприимно встречают чужеземцев, которых они считают безвредными, но путешественники рассказывали, что они никогда ни перед кем не раскрывают свою душу. Возможно, у них ее просто и нет. У них почти отсутствуют какие-либо церемонии. Иногда их женщины ложатся в постель с гостями, но ведут

себя в ней как монахини — или дьяволицы, — а не как обычная женщина.

— Это все, что вы можете рассказать мне? — спросил Сидир.

— В общих чертах, да, сэр.

— Все это я уже слышал. Просто зря потратил на вас время. Убирайтесь! Напишите мне письменный отчет о Касиру и Братстве Рэттлбоун, сообщив все, что только знаете... но сделайте его более сжатым, чем обычно.

Понсарио поклонился и, льстиво улыбаясь, удалился из комнаты. Сидир некоторое время сидел, не двигаясь, хотя нетерпение грызло его. Так много нужно сделать! Обезопасить цивилизацию, сделать ее могущественной, нерушимой... обеспечив таким образом будущее для клана Чалиф и прежде всего для потомков его отца... а для этого надо завоевать половину континента... И сколько у него есть людей со здравым смыслом, кому он мог бы доверять.

«Несколько сотен поджарых, хриплоголосых бароммианских тайных агентов. И лучшие офицеры... Во имя Ведьмы, когда в последний раз я собирался с друзьями на ночную пирушку, чтобы напиться до умопомрачения, как давно они хвастались друг перед другом, вспоминали былое, и у каждого было по девице, столь же доступной и изощренной, как те яства, что они приносили с собой; мы боролись, играли в азартные игры, танцевали, громко топая ногами под грохот барабанов, словно лошадиные копыта в галопе; дружба, дружба».

Он отбросил прочь все эти мысли. Главнокомандующий имперской рахидианской армии не может пригласить своих подчиненных на подобные оргии, как не может и принять от кого-либо подобное приглашение, — пока снова не окажется на родной земле в окружении высоких вулканов.

Ну, а сейчас... Внутри все дрожало в нем, словно натянутая струна. Он поднялся и быстро вышел, громко стуча каблуками. Стражники у дверей в знак приветствия ударили себя древками копий по кирасам.

Коридор был длинный, со сводчатым потолком и полированными гранитными и малахитовыми стенами, смутно освещаемый газовыми лампами. В конце его за аркой начиналась винтовая лестница. Заметив Юруссана Сот-Зора, Сидир удивленно остановился.

Кажущийся высоким в своей мантии, рахидианец тоже

остановился. В течение нескольких секунд они молчали. Потом поприветствовали друг друга.

Преодолев неловкость, Сидир сказал:

— Позвольте мне лично выразить — я намеревался сделать это позднее — сожаление, которое мой адъютант передал вам вчера вечером. Я не смог пообедать с вами наедине, как мы собирались. Дело, которым я занимался, оказалось сложнее, чем я думал.

Свет ближайшей лампы отсвечивался от очков Юрус-сана так, что на бароммианца смотрели два крохотных огонька пламени.

— Понимаю и высоко ценю вашу вежливость. А вы что, еще продолжаете заниматься этим делом?

— Да. А ваша честь тоже интересуется им? Примите мои извинения, если я не объяснил вам вовремя суть дела. Оно касается лишь обычных военных дел, никакой непосредственной угрозы гражданскому правительству, мы просто арестовали нескольких преступников. «Перед тем, как мы покинем Наис, я потребую, чтобы полицейскую власть передали армии».

— Разумное суждение. Хотя, извините меня, не совсем верное. Когда я узнал о главной птичке, что вы поймали, — слухи быстро расходятся — я отправился сюда, чтобы узнать как можно больше о ней. А потом я соби-
рался пойти к вам.

— Она вражеская шпионка или, если изволите, развед-
чица. Ничего более. Что вас волнует? — Сидир вдруг понял, что имперский Наместник может справедливо оби-
даться на него за его резкость.

Однако Юруссан стал еще более официален.

— Я вижу, вы ее неплохо содержите. Что вы собирае-
тесь сделать с ней?

Сидир вспыхнул.

— Буду держать ее здесь.

— Она... красива. Впрочем, у вас и без того здесь целый гарем красоток. Зачем вам эта опасная девица?

— Я не собираюсь насиловать ее, во имя предков! Я просто попытаюсь познакомиться с ней. Я никогда до этого не общался ни с кем из ее народа, а мне приказано завоевать его. Узнать хотя бы одного из них — уже боль-
шое дело.

— Никто еще не узнавал жителей Рогавики достаточно близко, Главнокомандующий.

— Я это слышал. Но насколько они загадочны? Что ты испытываешь при общении с ними? Этот экземпляр — пленница, она полностью в наших руках... и она может натолкнуть меня на лучшую мысль, чем те несколько торговцев и бродяг, с которыми я встречался.

Юруссан постоял некоторое время, опершись на свою трость.

— Это может принести вам немало страданий, Главнокомандующий, — вымолвил он наконец. — А это в свою очередь может подвергнуть опасности тех, кто последует за вами.

Сидир фыркнул.

— Меня предупреждали, что пленники из северян часто ведут себя агрессивно. Неужели вы думаете, что я, когда тут же за дверью находится стража, должен бояться нападения какой-то женщины?

— Возможно, и нет. Но кто знает. — Юруссан оглядел весь коридор. Двери были закрыты. Столетия прошли с той поры, когда Арваннет управлялся множеством чиновников. Это место было более уединенным, чем Лунный зал или даже Секретная комната.

— Выслушайте меня, умоляю вас. — Его седая борода качнулась, когда он наклонился вперед, чтобы продолжить низким и страстным голосом: — Когда я был молодым, я много путешествовал и добрался даже до северных территорий. Имперский маркграф попросил, чтобы туда были направлены уполномоченные. Я был при них писарем. У нас тогда возникли проблемы: наш скот с юга, а их дикие животные с севера пересекали границы и приносили и тем и другим большие убытки, местным жителям приходилось убивать зверей, и это было дорогим удовольствием для обоих народов. Мы вели переговоры для заключения соглашения. Было решено, что с целью точного обозначения границы будут навалены груды камней. Время от времени рахидианцы и рогавикианцы будут встречаться в обозначенных местах и приносить хвосты перебежавших на противоположную сторону животных. Те, у кого хвостов окажется меньше, будут возмещать разницу: они — металлом, мы — монетами, принимая во внимание то, что они наносят вред больший, чем стоят сами туши. Полагаю, это было вполне справедливо — соглашение было даже возобновлено после того, как провалилась наша последняя попытка

завоевать их землю. Но весь вопрос, Главнокомандующий, в том, что у них нет ни короля, ни вождя, ни совета — вообще никого, кто мог бы говорить за весь их род. Вот почему мы были вынуждены зимними месяцами, когда они ведут более-менее оседлый образ жизни, переезжать от одного стойбища к другому, пытаюсь убедить каждую семью. Так что, по-моему, я знаю их лучше, чем кто-либо другой.

Сидир молча ждал продолжения — он уже слышал об этом раньше.

— Многие их женщины интересуются нами, — заметил Юруссан усталым голосом старика. — Они со страстью отдавали нам свои тела. Кое-кто сопровождал нас в наших поездках в качестве проводников.

Сидир презрительно фыркнул.

— Я слышал об этих рассказах торговцев. Они нашептывают, что женщины из Рогавики — ведьмы, нимфоманки, нечто невероятное, супер-женщины. Эти истории, что она способна полностью удовлетворять любого мужчину и он не будет чувствовать пресыщения, но за это он становится ее беспомощным рабом, которому нет ни до чего в жизни дела, кроме нее самой, — просто миф! Чушь! Почему же агенты с верховьев реки не попадают в такие ловушки?

— Полагаю, короткая встреча оставляет лишь приятное, но мимолетное воспоминание. И думаю, что еще и потому такие слухи ходят об этих женщинах, что они столь же независимы, как мужчины, и столь же умелы и опасны. Ведь в самом деле, нельзя же сказать, что мужья раболепствуют перед ними. И все же... и все же... вы знали, что дикари из Дремучих Лесов, с которыми жители восточной части Рогавики поддерживают кое-какие связи, думают, что народ северных равнин, как мужчины, так и женщины, являются некоей разновидностью эльфов? И я могу понять, почему они так считают, могу понять суеверия южан и иногда думаю, что не так уж они и суеверны... я, который знал Брусу из Саррока в течение полумесяца, и через столетия, прошедшие с той поры, никак не могу забыть ее!

Юруссан умолк. Сидир стоял пораженный — такое самообнажение совсем не соответствовало облику толанского философа — редко когда благородные рахидианцы в кого-нибудь по-настоящему влюбляются, в отличие от

крестьян или бароммианцев; женщины, по их мнению, слишком низкие существа.

«Возможно, именно это утроило силы совершенно дикой девушки».

— Я... э-э... ценю ваше доверие, — наконец произнес Сидир.

— Мне было нелегко поступиться своей гордостью, — тихо ответил Юруссан, — просто я хорошо знаю, что та девушка... которая дарила мне любовь... давно мертва. — Потом он резко предупредил: — Берегитесь! Я хочу, чтобы вы убили эту пленницу, или освободили, либо же избавились от нее как-нибудь иначе. Если вы этого не сделаете, то, по крайней мере, будьте настороже, всегда настороже. Если почувствуете, что попадаете под власть ее чар, скажите мне об этом, и тогда, возможно, я вырву вас из ее власти до того, как станет слишком поздно.

Его рука на трости дрожала. Без церемоний он прошел мимо него и пошел, шаркая ногами, по коридору.

Сидир несколько секунд колебался. Что, если он слышал правду?

«Ха! Держу пари, женщины Рогавики лучше всех в постели». С прежними сомнениями он проследовал дальше по каменной лестнице в Вороньей башне, чьи ступеньки были истерты подошвами до впадин. Вставленные в углубление холодных стен свечи слабо светили. Шаги отдавались резким эхом, словно смех.

Но комната наверху была огромной, удобной и хорошо обставленной. Четыре пикинера охраняли ее. Это были рахидианцы — какой смысл был держать здесь его лучших воинов? — огромные, с прекрасной выправкой, в голубых камзолах и брюках, в обуви на толстой подошве, начищенной словно для парада, в кожаных кирасах, обшитых латунными бляхами, и круглых касках, на которых были выгравированы эмблемы их полка. Они эффектно приветствовали его. Сидир почувствовал прилив гордости, который отогнал прочь его предыдущие крохотные дурные предчувствия. До вторжения бароммианцев солдаты значили едва ли чуть больше, чем разбойники, ошивающиеся среди отбросов нации, и это не противоречило истине. Ученые люди до сих пор посмеивались над ними — но ведь теперь-то они стояли стеной на границе цивилизации, защищая ее от варварства.

Он вошел в комнату и запер за собой дверь.

Донья была на ногах. Она приказала, чтобы взамен наряда проститутки ей принесли платье и чтобы в одной из комнат была ванная. На правой щеке еще сиял лиловый кровоподтек, на левом запястье — багровая ссадина, и он знал, что ее жестоко избили, прежде чем смогли связать. Но ее манера держаться нисколько не изменилась. Солнечный свет, падавший через окно, отсвечивал ее помытые и причесанные волосы тусклым золотом, ослепительно сверкая на изгибах ее тела под черным шелком.

Неожиданно Сидир подумал: «Если Юруссан приходил сюда и увидел эту пуму из своего мертвого прошлого, то нет ничего удивительного, что он был так потрясен».

Сам он только мельком посмотрел на нее прошлой ночью — растрепанную, грязную, в полубессознательном состоянии после побоев. Допрашивать ее было бессмысленно. Кроме того, он сразу решил, что она может пригодиться ему. Он приказал, чтобы ее поместили в соответствующие комнаты и оказали должную помощь, потом вернулся к своим офицерам, чтобы посмотреть, как они управляют с захваченными раньше слугами Касиру и Братьями Ножа.

Но сейчас, когда жизнь прямо-таки струилась из нее...

Он взял себя в руки.

— Мои приветствия, леди, — поздоровался он, назвал себя и свой ранг. — Мне сказали, что вы высокородная Донья из Хервара.

Она кивнула.

— Вы удовлетворены своим теперешним обращением с вами? — участливо спросил он. — У вас есть все, что вам нужно? — Он улыбнулся. — Кроме вашей свободы.

Ее изумление испугало его.

— Честно говоря... — она захихикала.

— Вскоре вы снова, моя леди, станете свободной, если только...

Она подняла ладонь вверх.

— Остановитесь. Не надо сладких обещаний. Да, мне бы хотелось еще кое-чего. Здесь так скучно — я могу лишь наблюдать за городом и птицами. Пришлите мне что-нибудь для развлечения.

— Что?

— Если вы рискнете дать мне резцы для гравирования, я смогу украсить седло для вас. Я задумала сделать грави-

ровку по серебру с чернью, но если у вас нет наших ин... инструментов, то я могу научиться работать вашими. Я не думаю, что у вас есть книги из Рогавики, но я могла бы поломать голову и над арваннетианскими, если бы кто-нибудь объяснил мне значение букв.

— В Рогавики есть книги, да еще на рогавикианском? — спросил он в изумлении.

— Да. Ну а теперь вы, Сидир из Рахида, можете присесть и поговорить со мной. — Донья свернулась на кровати калачиком.

Он взял стул.

— Я пришел вот за чем, — произнес Сидир. — Вы понимаете, мне очень жаль, что с вами обошлись так грубо. Но ведь вы оказались гостьей главаря преступной банды и спутником иностранного шпиона. Вы сопротивлялись аресту, и я думаю, два моих человека будут носить ваши отметины до самой смерти.

— Я чуть было не выцарапала глаза одному из них, — сказала Донья, но как — весело и мечтательно — Сидир понять не мог.

— Вы понимаете, вы не предоставили нам выбора, — продолжал он. — Надеюсь, сегодня вы его предоставите.

— Каким образом? Я лишь совсем немного могу добавить к тому, что вам известно о Джоссереке. Да-а, он неплохой кавалер. Но помимо того, что он моряк, попавший в трудное положение, он ничего мне не сказал. Может быть, позднее, если бы вы не поторопились.

— И тогда бы вы мне все рассказали?

— Нет, — ответила она сухо. — Вы мой враг.

— Вы уверены?

— Вы ведь вскоре вторгнетесь на земли моей родины.

— Возможно. Вопрос еще не решен окончательно. Вот почему мне так хочется побеседовать с вождями Рогавики. Вы — первая, с кем я встретился, Донья.

— Я не вождь. У нас их нет, в том смысле, что вы подразумеваете.

— И все же мы ведь можем поговорить, не правда ли? Как уважающие друг друга враги — если уж на то пошло. Она скорчила гримасу.

— Не бывает врагов, уважающих друг друга.

— О, погодите. Соперники могут уважать мнение друг друга, если не хотят конфликтов, но если уж им прихо-

дится начинать сражаться, то соблюдают при этом правила приличия.

— Если вы не желаете сражаться с нами, то оставайтесь у себя дома,— холодно произнесла она.— Разве это не самая простая вещь?

— У Империи есть свои нужды, которые ею управляют. Но она может дать вам намного больше, чем отобрать: безопасность, торговлю, культуру, знания, прогресс — весь мир откроется перед вами.

— Я видела прирученный скот. Многим ожиревшим животным тоже неплохо живется.

С досады Сидир резко крикнул:

— Я не злодей!

— Н-нет.— Она в раздумье посмотрела на него, полуопустив веки и ведя палец по подбородку.— Я и не имела в виду вас. Я держу гончих.

— А я — вас!.. Я был груб. Прошу прощения. Позвольте мне попробовать еще раз. Я хочу узнать от вас вовсе не о Касиру или этом киллимарейчанце. Мне хочется узнать побольше о вашем народе, стране, обычаях, желаниях, мечтаниях... Иначе как еще я смогу обращаться с ними по-человечески? И я должен общаться с ними в какой бы то ни было форме. И вы, Донья, можете помочь мне в этом.

— Значит, вы не отпустите меня?

— Со временем, конечно, я сделаю это. А пока... Вы ведь приехали сюда изучать нас, правильно? Я могу вас кое-чему научить, так что позднее вы сможете вести себя более благоразумно. А пока я обещаю вам прекрасное обхождение.

Она вытянулась, успокоившись, внимательно наблюдая за ним, потом рассмеялась.

— Да, почему бы и нет? Если у меня над душой не будет стоять никто... если вы разрешите выходить мне отсюда, хотя бы под охраной...

— Конечно. Вы бы не хотели вскоре присоединиться ко мне на охоте?

— Да. Очень! И кроме того... Сидир, уже долгое время меня постоянно окружало много народу. Меня это так бесило, что я проводила все ночи наедине с собой. Эта башня, чистое небо... она похожа на горную вершину вдали от всех зданий. Хотя я и пленница, но чувствую себя

чуть ли не счастливой. А вы и ваши бароммианцы, кажется, ближе ко мне, чем рахидианцы или арваннетианцы. Вы расскажете мне когда-нибудь о своей родине? — она сидела прямо, протянув к нему руку в повелительном жесте. — Вы и в самом деле охотничья собака. Подойдите сюда.

Больше он не смог вернуться к работе — ни днем, ни ночью.

Глава 7

В течение следующего месяца облетели последние цветы и распустились последние листья. С севера пришло сообщение: река Джугулар освободилась ото льда, и дороги по ее берегам подсохли достаточно, чтобы по ним могла пройти тяжелая кавалерия. К этому времени к Сидиру пришло подкрепление с припасами. В день Короля, седьмой день Доу, 83 года тридцать первого обновления Священного рескрипта (по императорскому летосчислению) его армия выступила в поход.

Для поддержания порядка в городах, близлежащих селениях и на побережье оставили самый минимальный гарнизон. На завоевание двинулось более тридцати тысяч человек. Большинство из них не дойдет до конца. План Сидира основывался на создании по мере продвижения вперед опорных баз, вокруг которых разворачивались бы опорные пункты — тем самым образуя их сеть по всей стране. Поэтому с самого начала ему требовалось много материалов. Караваны мулов заполонили торговые пути. Буксиры пенили воду, волоча за собой баржи. А впереди каравана двигался красавец «Вейрин», украшенный золотом поверх жемчужного-серого корпуса, построенный рахидианцами на основе киллимарейчанских кораблей, транспортное и служебное судно, предназначенное для командного состава войск.

«Эта экспедиция совершенно не похожа на старые, когда бароммианские всадники весело плыли по реке, по пути грабя и сжигая селения, — подумал Джоссерек, забравшись на борт. — Из того, что я слышал о нем, Сидир не

может больше откладывать строительство своей последней крепости, откуда он поведет свою кавалерию в последний решительный набег».

Почти все его сведения носили косвенный характер и получены были от Касиру. Затаившись на самом дне, он почти никого больше и не видел. У заместителя главы Братства Рэттлбоун было множество крысиных нор по всему городу; когда он выбирался из одной из них, то превращался в обычного, ничем не примечательного гражданина в потрепанной одежде. Джоссерек не сомневался, что его задержали бы для допроса, если бы имперские солдаты узнали его, но тут, когда начались приготовления к войне, поиски были прекращены. Касиру поселил его в комнате с зарешеченным балконом в здании, расположенном рядом с публичным домом, который он приобрел в результате своих махинаций. Ни у кого, кроме самого хозяина и его молчаливого слуги, который прислуживал и Джоссереку, ключей от этого дома не было. Джоссерек мог заниматься физическими упражнениями, читать книги, но был лишен общения с женщинами. Скуку в этот месяц разгоняли только его разговоры с Касиру.

«Опасность? — он с ликованием повторял снова и снова, ощутив многолюдство улиц, причал, трап под ногами, палубу. — Убраться отсюда во что бы то ни стало, не жалея ни крови, ни пота. И если в этом нет здравого смысла, то пусть этот здравый смысл сожрут акулы!»

— Имя и должность? — спросил рахидианский боцман, когда он ступил на борт «Вейрина».

— Сейк Аммар, сэр, — ответил он. — Кочегар.

Боцман перевел взгляд с судового журнала на него, потом снова уткнулся в журнал.

— Откуда родом?

— Из Фунвы, сэр. Э-э... парень, назначенный на эту должность, его зовут Лейюнун, заболел. Вышло так, что я остановился в том же самом постоялом дворе. Я пошел в Якорный зал и меня назначили на эту должность.

По правде говоря, все устроил Касиру. Он дал взятку поставщику угля — подкуп все еще процветал среди определенных членов Гильдии.

— Да, здесь есть запись об этом. — Боцман еще раз посмотрел на Джоссерека. Тот мог бы снять серьги, подстричь волосы, отрастить короткую бороду, выпустить нараспашку, до самых колен, как это было принято среди

рахидианцев, рубашку из грубой ткани, повесить через плечо матросскую сумку. Но он не мог изменить ни своего акцента, ни признаков смещения рас на лице.

— Фунва, правильно? А ведь они, кажется, редко когда покидают домашний очаг?

— Вы вообще-то правы, сэр. Я сбежал оттуда еще будучи совсем мальчишкой. — Было удобнее всего утверждать, что он родился в северо-западной провинции Империи — местные горцы были мало известны на берегах залива Дельфинов.

Боцман пожал плечами. Его внимания требовали другие члены команды. Это была пестрая публика — в Империи в нынешнее время не хватало своих моряков.

— Понимаю. А ты ведь не умеешь ни читать, ни писать, верно? Ничего, тебе объяснят наши правила. И помни — мы живем сейчас по законам военного времени. Макни большой палец в чернила и поставь отпечаток вот здесь. Спустишься вниз на вторую палубу и доложишься помощнику инженера.

Джоссерек больше отдавал предпочтение не пароходам, а парусникам, и даже на борту моторных судов работал наверху. Эта черная дыра оказалась еще жарче, зловоннее, грязнее и шумнее, а работа — более тупой и изматывающей, чем он предполагал. Но на борту собственного корабля Сидира никто из начальства не станет присматриваться к кочегару, если он ведет себя, как надо, и справляется со своими обязанностями.

В свободное от работы время он занимался исследованием судна, что было совершенно естественно для новичка, но необходимо было держаться подальше от офицерской палубы. Несколько раз он издали видел Донью, но в первые четыре дня приблизиться к ней случая не представилось.

Он смысл сажу и угольную пыль, одел чистую одежду и выбрался подышать чистым воздухом. Вокруг было немного людей, и никого в той части главной палубы, откуда он появился. Сзади возвышался полуюз, где размещались камбуз, плотницкая мастерская и другие служебные каюты. Впереди — трехъярусная рубка. В ее верхней передней части — капитанский мостик, а самый верх увенчивала труба. С помощью веревок, тентов-навесов и перегородок были образованы балконы на верхней палубе для привилегированной части команды. Джоссерек нашел

укрытие между двумя небольшими медными орудиями, которыми было оснащено судно, где, развалившись, он с удовольствием дышал свежим воздухом.

Корпус дрожал под ногами. Бриз относил дым в сторону и приносил запахи сырости, ила, тростниковых зарослей и влажной почвы. Хотя солнце и стояло в зените, подсвечивая висевшие высоко в небе кучевые облака на западе, воздух оставался холодным. То тут, то там взгляд цеплялся за корягу или песчаный островок, или же за последние таявшие льдины, доносимые до этих мест известным всем течением, и, боясь столкновений с ними, флот держался середины русла, так что глазам Джоссерека открывалась широкая гладь реки, простирающаяся до берега. Он следил за рыбой, цаплями, стрекозами, первыми москитами, стволами деревьев, унесенных половодьем. Высокие берега круто обрывались вниз, там росла густая трава, а выше — кустарник и ивы, за которыми тянулась вверх земля, приобретая изумрудно-зеленый цвет; здесь кусты перемежались с цветочными полянами, дубовыми и сосновыми рощами, и не было видно никаких признаков людей, кроме далеких развалин какого-то замка. Это еще не была территория Рогавики. Некогда Арваннет захватил эту территорию и до сих пор удерживал ее; однако гражданская война и последовавшая вслед за ней чума вызвали опустошение здесь в давние времена, и впоследствии ни у кого не возникало желания восстанавливать местные поселения, а город-государство был рад формальной повинности нескольких племен, которые переселились сюда из диких лесов. Лес еще не начал цвести. И даже после такого короткого продвижения на север от залива тамошний климат ощущал на себе дыхание ледников.

«Такого марш-броска им совершать еще не приходилось, — подумал Джоссерек. — Я не сомневаюсь, что бароммианцы недовольны такой медленной скоростью продвижения. Но просто невероятно, как Сидиру удалось добиться даже такого от своей пехоты, артиллерии, инженерных войск и начальников штабов. Я не верил в реальность срока в двадцать дней, публично объявленного Сидиром перед походом, однако теперь верю».

Одной из причин, по которой он хотел попасть на борт корабля, и было проверить справедливость обещаний Сидира. Конечно, он был не единственным разведчиком,

собранным сведениям для приморцев. Но им чрезвычайно не хватало данных о том, насколько грозной стала возродившаяся Империя, особенно на суше. Каждая крупная подобная информация имела важное значение.

Джоссерек обвел взглядом войска. С такого расстояния они казались огромной массой, перемещавшейся вдоль берега и по долине словно медленное цунами. До него доносились грохотание повозок и скрип колес, топот сапог, стук копыт, бой барабанов. Вверх вздымались знамена и наконечники копий, и создавалось впечатление, что под ветром колышется сама прерия. Он различал одиноких всадников в авангарде или на флангах, блеск стали, а когда они пускали своих коней в галоп, их плащи развеивались на ветру, сверкая радужными оттенками. Временами какой-то всадник трубил сигнал, перекрывая волчьим воем рожка грохот барабанов.

Джоссерек отвернулся от вида армии и увидел Донью.

Она обогнула верхний балкон, расположенный на рубке и остановилась у поручня, вглядываясь куда-то вдаль. На ней было рахидианское платье до колен. Неужели Сидир решил, что его любовница не должна носить арваннетианские одежды? Джоссереку показалось, что она немного похудела, а лицо ее стало пустым, невыразительным; однако ее фигура по-прежнему дышала здоровьем и излучала гордость.

Сердце его запрыгало. «Осторожнее, осторожнее!» На нижней палубе бароммианский офицер курил трубку. По возрасту не похоже было, что он участвовал в предыдущей кампании против Рогавики. Джоссереку представился отличный случай, и он понимал это. «Все равно — соблюдай осторожность!» Небрежной походкой, надеясь, что не переигрывает, он вышел из своего укрытия и начал напевать песню тихо, но все же достаточно громко, чтобы быть услышанным. Мелодия песни была из Эоа, однако слова... были на языке северян:

«Женщина, у тебя есть друг. Стой спокойно! Слушай молча!»

На тот случай, если бароммианец понимал слова и спросит его, у Джоссерека было наготове объяснение: он выучил эту песню в таверне у приятеля, который когда-то работал на торговой фактории в верховьях реки. Он присовокупил еще несколько строчек, превратившие песенку в банальную любовную историю. Однако бароммианец

лишь бросил на него пустой взгляд и продолжил дымить своей трубкой.

Пальцы Доньи сжали поручень. Во всем другом отношении она просто, как всякий, наблюдала за приближавшимся Джоссереком. Он продолжал петь:

— Помнишь меня, я из Сияющей Воды? Мы были вместе, когда они схватили тебя. Можем ли мы встретиться?»

Боясь, что за ней могут следить, Донья лишь слегка кивнула.

— В передней части этого корабля, внизу, есть кладовка.

В ее наречии не было слова, обозначающего «форпик». Он подмигнул ей.

— На носу корабля в верхней части, куда я могу незаметно проникнуть снизу, есть ванная комната вашего класса. Ты можешь пройти туда одна, не вызывая подозрений? — И снова кивок в ответ. — Расположенная рядом с ванной комнатой лестница ведет вниз мимо отделения, где хранятся веревки, в ту секцию, которую я и имею в виду. Это и есть самое безопасное место встречи. Я работаю у котла. А вот, когда я бываю свободен. — Он назвал эти часы и едва не сбился, когда забил главный гонг. — Когда лучше всего для тебя? — Потом он повторил часы. Она знаком показала, что ей подходит сегодняшний вечер. — Чудесно! Если ты не придешь, либо не придешь, тогда все переносится на завтра, согласна? Всего доброго!

Он медленно пошел на ужин: кочегар, пренебрегающий ужином, вызывает подозрения. Успевшая надоесть ему кислая капуста и жирный кусок говядины едва ли остались в его памяти после того, как он, хотя ему и следовало притвориться, что он, как обычно, во время сиесты спит, выпрыгнул из своего гамака и стрелой пролетел мимо второй вахты.

Поскольку армия разбила лагерь еще днем, то и флот тоже остановился. Когда Джоссерек торопился к месту свидания, из вентиляционных отверстий струился оранжевый закатный свет. К месту назначения его вел запах дегтя из якорного рундука. Его не беспокоило, что его могут заметить. Наверное, инженер послал его за чем-нибудь в носовую кладовку. Да и вероятность того, что с подобным поручением будет послан кто-либо еще и именно в это

время, была совсем невелика. Но сердце Джоссерека гулко стучало, пока он ждал Донью в сумраке кладовки. Когда она появилась, он прыгнул к ней, схватил ее за руку и провёл за укрывающую грудку корзин.

— Ну, ты, медведь! — Она казалась бледной тенью прежней Доньи, но его руки ощущали тепло и твердость ее тела, а уста сжигали страсть. Мелькнула мимолетная мысль, что он чувствует слезы, но он не был уверен, не был уверен на все сто процентов, что именно так и было.

Наконец она отстранилась и прошептала:

— Нам нельзя оставаться здесь долго. Зачем ты здесь? И как ты пробрался на корабль?

— А как ты оказалась здесь? — в свою очередь спросил он.

— Я... — Остальную часть ее ответа он не смог понять и сказал ей об этом.

— Да, тогда лучше, чтобы мы говорили на арванне-тианском, — согласилась она, уже более спокойным тоном. — Мой значительно улучшился благодаря стараниям Сидира — мы постоянно говорим на нем, кроме тех случаев, когда я учу его рогавикианскому. Ты тоже неплохо разговариваешь на арваннетианском. Где ты изучал его?

— Нет, сначала ты, — настаивал он. — Что случилось? Как он с тобой обращается?

— Хорошо, по своим представлениям. Он не принуждает меня и ни разу не угрожал, дает мне свободу, конечно, в той степени, которую считает нужной, окружил меня роскошью, и едва только предоставляется возможность, как он приходит ко мне. И он отличный любовник. Он мне действительно нравится. Жаль, что скоро я должна буду возненавидеть его.

— Почему ты осталась? Неужели ты не смогла тогда ускользнуть?

— Да, могу и сейчас. И самый простой путь — прыгнуть с борта этого корабля после наступления темноты и доплыть до берега. Вряд ли кто из бароммианцев или рахи-дианцев умеет плавать. Но я хотела узнать, каковы его планы, понять, что представляет собой его армия. И я многое узнала. И все еще продолжаю узнавать. Мне кажется, нам это очень пригодится. — Ее ногти вонзились в его руку. — Теперь твоя очередь! Ты ведь агент из Киллима-рейча, верно? Разве не по этой причине ты изучил рогавикианский язык?

— Правильно. Еще три или четыре года назад, до захвата Рахидом Арваннета, мы поняли, что это случится, после чего последует завоевательский поход вверх по реке Джугулар. Ты понимаешь, что у нас есть шпионы в Рахиде. Наша разведка наняла инструктора по языку, члена Гильдии Металлистов, который жил среди северян большую часть жизни, путешествуя и торгуя.

Джоссерек опустил лингвистический и антропологический анализы, которые заметно облегчили и улучшили его подготовку, так же как и психологические приемы, благодаря которым ему удавалось быстро и крепко запоминать все и держать в своей голове. Возможно, позже, если только им удастся сбежать, он и расскажет ей об этом.

Кроме того (как же трудно пытаться анализировать, когда перед тобой стоит женщина и дышит прямо в лицо!), нужно было выяснить, действительно ли можно доверять познаниям торговца, что учил его рогавикианскому. В каждой идиоме, каждой конструкции этого языка под основным смысловым пластом лежало множество допущений. Разные способы доказательств (несмотря на небольшое их число) показывали, что допущения эти не обязательно должны быть верны, а многие из них являлись откровенно ложными. Все дело было в том, что инструктор Джоссерека учил его смешанному языку, беглому и грамматически правильному, в котором тем не менее опускалась значительная часть основных понятий.

Он словно уподобился туземцу на отсталом острове, который мельком видел киллимарейчанские корабли, двигатели, часы, секстанты, телескопы, компасы, пушки, но для каждой такой сложной машины у него было только одно слово: «ветряная мельница», и он понятия не имел о механике, термодинамике или химии, равно как об экономике; где господствует свободный рынок, или эволюции жизни на планете.

Джоссерек и представить себе не мог, насколько чужда ему Донья. Или нет?

— Какое у тебя задание? — спросила она.

— Наблюдать и замечать, что только можно, — ответил он. — Особенно за всем, что касается вашего народа — понять, сможете ли вы стать нашим союзником в войне против Империи. Нет, пока что она непосредственно

не угрожает Морскому Народу — мы не хотим войны. Но если уж она начнется, то мы, я, поможем вам...— Он крепче прижал ее к себе.— Я сделаю все, что от меня зависит.

— Как ты пробрался на борт корабля?

— Благодаря Касиру. Его не было у себя дома, когда туда ворвались имперские солдаты.

— Да, я слышала об этом. Но ведь и за тобой, и за ним охотятся. Как же ты нашел его?

— Ну, разумеется, тогда я еще не знал, что он на свободе, но я вспомнил, что, когда он говорил мне, чем он занимается, то упоминал о сотрудничестве с Братством Рэттлбоун. И, вероятнее всего, большинству Братьев Ножа любого ранга известно, где находится нора той банды. После наступления темноты я врезал по физиономии первому же бандиту, с которым столкнулся, разоружил его и задал свой вопрос. Если бы меня ждала неудача с ним, то я бы повторил попытку, но мои надежды оправдались. Касиру сообщили обо мне и потом меня доставили к нему. Естественно, тогда-то я и признался, о чем он до этого только подозревал, что являюсь иностранным агентом. Он сообщил мне новости, среди которых были и слухи относительно тебя. Он был рад помочь мне, хотя к этому примешивалось и некоторое озлобление.

Джоссерек сжато поведал об остальной части своей истории. Они перебрались еще несколькими словами, не замышляя обширных планов на будущее — просто ободряли друг друга надеждами, призывали к осторожности, договорились о дальнейших свиданиях и как связаться на случай крайней необходимости. Он сообщил часы, когда он работает и когда свободен, и рассказал, где расположены два вентиляционных устройства на палубе, через которые хорошо передается звук — через одно — в двигательный отсек, а через другое — в ту дыру, где спали простые матросы.

— Если я срочно понадобится тебе, кричи в одно из этих устройств, и я тут же выскочу.

Он потрогал ножны и подумал, что во время вахты может воспользоваться еще гаечным ключом или ломом.

— Я сделаю лучше,— сказала она ему.— Сидир опасается, что со мной может что-нибудь случиться не меньше, чем налет партизан. Поэтому он дал мне свисток,

который всегда висит у меня на шее. В случае чего я свистну в него три раза. Идет?

— Хорошо,— согласился он, поцеловал на прощание и ушел, удивляясь ревности, которую Сидир вызывал в нем.

Глава 8

Дожди изводили армию девять дней подряд. Лишь вечером ледяной ореол звезд засверкал вокруг полной луны, и ее сияние дрожало над кружащейся, хихикающей темнотой. Долина на берегах реки сверкала белизной: ледяные кристаллы на траве тут и там сверкали, точно алмазы, да вздымались вверх голые ветви тополей. Повсюду были видны лагерные костры и горели фонари дозорных. Но это были лишь искры в огромном пространстве ночи, и до Джоссерека долетали лишь едва слышные признаки присутствия армии — то чей-то крик, то лошадиное ржание, или же одинокая мелодия флейты. В холодном воздухе ощущался легкий запах дыма.

Отпустив последнего человека из тех, кто хотел с ним переговорить, Сидир поднялся по лестнице из своего рабочего кабинета на верхнюю палубу. На несколько секунд он остановился, глубоко вздохнул, потом выдохнул весь воздух из легких, напряг и расслабил мускулы, пытаясь успокоиться. Как же устал он весь день проводить, сидя за столом! Настанет ли когда-нибудь день, который он проведет в седле?!

«Да, с помощью Бога, объявленного вне закона! — подумал он.— Надо потерпеть! Ягуар, дожидющийся жертвы, позволяет себе лишь шевелить хвостом.— Он скривился.— Вся беда в том, что у меня нет хвоста, которым я мог бы крутить».

В поисках спокойствия в окружавших его безмятежных картинах природы, вечных и незблемых, он окинул взглядом верхнюю часть корабля: темные пятнышки, которыми являлись швартовые тумбы, крышки люков, лебедки, блеск пушек и наконечников копий стражников, вздымающихся вверх к созвездиям. Он отлично знал их — Оцелот, Меч-Рыба, Копье Багрола... Но некоторые из них, вроде Голу-

бя-Трубача, не были видны в этих широтах, а другие были не знакомы ему. Прямо над головой он отыскал Марс и погрузился в созерцание его голубоватого сияния, пока сам не понимая, почему, из глубин памяти ему не припомнился один факт, который в Наисе ему сообщил астролог, занимавшийся поиском забытых записей и картин в гробницах забытых царей. По мнению астролога, Марс некогда был красным — таким он виделся тем, кто жил до нашего ледника.

Чувство безмерной древности охватило Сидира. «Неужели я действительно привел армию в Неизведанный Рунг, возникший так давно, что изменились сами небеса?»

Он выпрямился. «Но делают же это варвары, как и охотники за металлом».

И от этой мысли перед его глазами возник образ Доньи, и беспокойство тут же охватило Сидира: ведь она ждет его в каюте. Неожиданно он почувствовал жар. Он отошел от поручня и, пройдя по палубе мимо бледно-желтого окна к двери, широко распахнул ее.

Каюта была узкая и без особых удобств, если не считать кровати, на которой сидела Донья, скрестив ноги, а руки сложив на груди, с выпрямленной спиной и высоко вскинутой головой. Несмотря на холод, на ней была только головная повязка, украшенная бусами, и его свисток. Лампа, висевшая на цепи, слабо светила, и все же в ее смутном свете можно было разобрать маслянистую дымку, но несмотря на это, Донья выделялась ярким пятном на фоне гротескно величественной темноты, которая выползала из углов каюты.

Сидир с участвующим пульсом закрыл дверь. Он попытался взять себя в руки. «Иди медленнее. Будь мягким. Не так, как прошлой ночью».

— Я... э-э... сожалею, что опоздал,— произнес он на арваннетианском. На столике лежала какая-то открытая книга. Она много читает, вне всякого сомнения, пытается овладеть письменностью за время похода. Но ведь здесь слишком мало света для этого!

Она также много играла на лире, которую он отыскал для нее — та, как призналась Донья, чем-то похожа на рогавикианскую арфу. Она наслаждалась жизнью, забрасывала вопросами каждого, с жадностью ела и пила, играла в карты и кости и другие настольные игры, со все более растущим мастерством, а порою, выпив вина, напе-

вала песни своего народа. Однажды на празднике она танцевала, но это оказалось слишком возбуждающим зрелищем — впоследствии она танцевала только для него одного. А в этой постели...

«Кроме последних двух или трех дней. Что-то она загрустила. Или «загрустила» — это не то слово? Во всяком случае она спряталась за маской безразличия, почти ничего не говорила и сидела неподвижно час за часом. А когда к ней приходил я, она едва замечала это — совсем не так, как раньше. И прошлой ночью она отказала мне. Стоило ли мне заставлять ее силой? Она покорно стерпела меня. Но любая рабыня была бы на ее месте лучше!»

Ее близость мучила его.

«Нет. Никогда — после всего того, что у нас с ней было. Я ничего не могу с собой поделаться и снова сделаю ее такой, какой она была».

Поскольку она молчала, он продолжал:

— Меня задержал курьер, только что прибывший из Ягодника. — Так по-арваннетиански звучало название места, где он оставил позавчера первое из своих подразделений для основания базы. — Поскольку мы поставим здесь второй гарнизон, мне бы хотелось, естественно, знать, как там дела.

— Ну и как? — Хотя она и говорила вялым голосом, но ведь все-таки прервала свое молчание! Ему захотелось вдруг сказать ей что-то приятное.

— Патруль попал в засаду. — Он досадливо поморщился. — Два человека погибли, трое ранено. На рассвете караульный был найден связанным.

«Неужели она улыбнулась?»

— Хорошо, — прошептала она.

— Кгаһ? — Он сдерживал свой гнев. — Что здесь хорошего? — спросил он. — Что погибли люди?

— Почему бы и нет? Клан Йяира — далеко не увальни.

— Но... — Сидир расставил ноги и широко раскинул руки, пытаясь образумить ее. — Донья, это же бессмысленно. Погибло и четыре северянина. Из них — две женщины. Остальные наверняка видели, что не смогут победить в схватке, но дрались, пока горн не вызвал подкрепление. Да это же полное сумасшествие — атаковать так близко от нашего лагеря!

— Что ж, они убили двоих, а потом и третьего. И убьют еще больше.

— Но мы ведь даже не вторглись на их землю! Мы движемся торговыми путями.

— Ваши намерения вполне очевидны.— Донья наклонилась вперед. Едва заметный налет озабоченности смягчил ее холодность.— Ну что, теперь ты, Сидир, поверишь моим предупреждениям, которые я без конца повторяла тебе? Вам не захватить земли севера. Вы можете только убивать северян. В конце концов вы разделитесь, и часть вас отправится домой... А сколько же костей твоих воинов останется на этой земле к тому времени?

Он немного помолчал, а потом прошептал:

— Марс был красным до наступления ледника.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничто не может быть вечно — ни жизнь, ни форма, ни содержание.— Судя по ее ответу, он смел надеяться, что он проник за панцирь, который она соорудила вокруг себя. «Я переведу разговор с этой темы на нас».— Он шагнул к туалетному столику.— Хочешь немного вина?

Она не отказалась. Он налил из графина в фужеры красного вина, подал один ей, поднял свой, как это было принято у бароммианцев, и сделал глоток. Вино было из прибрежных равнин восточного Рахида, где созревают апельсины, и кислое на вкус.

— Донья.— Сидир присел на край матраса. Он посмотрел ей в глаза. Его тело страстно хотело ее, однако он пытался успокоить биение своего сердца.— Прошу тебя, выслушай. Я знаю, почему ты несчастлива. Когда мы по реке пересекли южную границу Рогавики, тебе это запало в душу. Неужели этот факт так опечалил тебя? Я спрашивал тебя, но не получал ответа. Почему ты не расскажешь мне, что ты чувствуешь, и не попытаешься принять мою помощь?

Ее взгляд был похож на взгляд пойманной рыси.

— Ты знаешь, почему,— грустно ответила она.— Потому что ты идешь войной на мою землю.

— Но я никогда не скрывал этого. И все же в Арваннете... да и в начале нашего путешествия...

— Тогда твои намерения были просто намерениями, которые могли и не осуществиться. Когда же это действительно произошло, все стало по-другому.

— И все-таки... ведь мы уже владели этой землей, и неоднократно... и однако... ты сама призналась, что

жители Рогавики — не одна нация, и местный клан — не твой; твоя родная земля — далеко отсюда.

— Вот почему, Сидир, я пока еще могу сдерживать себя. Но все равно мучительно сознавать, что жители Йяира и Лено страдают сегодня, а завтра эта участь ждет Маглу.

— Им нужно просто понять, что они находятся в подчинении у Престола, и соблюдать мир в Империи. Никто не собирается тиранить их.

— Эту землю заполняют пастухи и землепашцы.

— Но им хорошо заплатят за землю.

— Это будут вынужденные сделки под предлогом того, что на самом деле она никому не принадлежит, поскольку ни у кого нет глупого кусочка бумаги, где бы подтверждалось право на владение этой землей. Но за какую плату можно вернуть наших диких животных?

— Потребуется много времени, чтобы колонизировать такую огромную страну. Не одно поколение будет осваивать новые земли и новые методы. Куда более лучшие методы. Внуки будут рады, что они родились в цивилизованной стране.

— Никогда. Это невозможно.

Ее упрямство рассердило Сидира. Между ними действительно возникла непробиваемая стена. Он сделал еще один глоток. Вино немного успокоило его.

— Почему? Мои собственные предки... Но я повторяю тебе свое предложение. Ты и твой Хервар, вы сотрудничаете с нами, не оказываете сопротивления. Вы не помогаете другим кланам, наоборот, помогаете убедить их принять новый порядок. И тогда никто не будет пересекать ваши границы без вашего разрешения, и ни одному переселенцу не будет позволено войти на вашу территорию, если ваши потомки не захотят того.

— Почему я должна верить этому?

— Черт бы тебя побрал! Я же объяснял! Ведь это вытекает из мудрой политики конфедерации вербовать союзников среди местного населения...— Он залпом осушил бокал.

Донья тоже немного отпила. Неужели ее тон стал мягче?

— Я бы вскоре возненавидела тебя, если бы ты не выступил с этим предложением. Этого не может быть... Я слишком хорошо представляю, как тогда все обернется... но

спасибо тебе за откровенность и честность, Сидир.

Обнадеженный, он отставил в сторону свой бокал и наклонился поближе к ней. Вино играло у него в жилах.

— Почему этого не может быть? — настаивал он. — Сильный и способный народ, такой, как вы, может возвыситься столь же высоко в Империи, как захочет. Мы с тобой... подходим друг другу так, как лук и стрела, не так ли? Юг хочет не только разделить вашу землю, но и смешать вашу кровь. — Он опустил свою левую руку на ее правую, лежавшую на покрывале, и улыбнулся. — Кто знает? Мы можем основать имперскую династию... ты и я.

Она покачала отрицательно головой, взметнув густыми кудрями. Потом улыбнулась в ответ, вернее, усмехнулась, нет, оскалила зубы.

— Этому точно никогда не бывать, — тихо произнесла она.

Задетый за живое, он сглотнул, а потом запротестовал:

— Ты имеешь в виду... то, что говорят, что... у женщин Рогавики не может быть детей от чужеземцев? Я никогда не верил этому.

— Это было не всегда. — Ее голос снова стал невыразительным. — Да, мулы могли бы рождаться довольно часто, если бы мы не мешали семени, брошенному в нас, пускать корни.

Сидир устался на нее.

«Что-что! Разум способен управлять телом разными странными способами... Шаманы, которых я видел...» — Тут до него дошла вся нелепость ее слов.

— Мулы?

— В древних преданиях говорится, что метисы, даже если они выживали, оставались бесплодными. Сама я этого не знаю. — Ее губы натянулись — она словно насадила на рыболовный крючок его тело. — В наши дни их матери всегда оставляют их после рождения на съедение канюкам.

Он отпрянул от нее и вскочил на ноги.

— Rahan! — выругался он. — Ты лжешь!

— Неужели ты думаешь, что я буду нянчить твоего щенка? — язвительно усмехнулась Донья. — Нет! При первом же его крике я задушу его. С радостью!

Его кровь в жилах в панике бешено запульсировала.

Сквозь туманную дымку он видел в темноте очертания ее огромного загорелого тела на постели, сквозь раскаты грома он слышал потрясаяще уверенный голос:

— Считай, что тебе еще повезло, Сидир, что я не отоврала у тебя твое мужское достоинство.

«Она такая же сумасшедшая, как и остальные,— мелькнуло у него в голове.— Только она скрывала это лучше. Раса маньяков...» — Он ударил ее ладонью по щеке. Донья лишь чуть сдвинулась от удара — грудь все так же ровно вздымалась и опадала вниз.

Мысль, кем она была для него — вернее, притворялась — резала его, как ножом. Мучаясь от ее жестокости, он отплатил ей тем же.

— Да! — закричал он. — Знаешь ли ты, что с ними будет, с твоими грязными дикарями? Я не говорил тебе этого, потому что... потому что я надеялся... — воздух резал ему глотку. — Что ж, сука: слушай! Если они не сдадутся, мы перебьем всю дичь!

Он почти не слышал ее рыданий. Рукой хлестнул ее по губам. Она откатилась в дальний угол кровати. Она вся сжалась, ожидая следующих ударов.

Сидир ударил сильнее:

— Да. Бизонов, носорогов, пони, антилоп, оленей, диких ослов высоко в горах, карибу в тундре, медведей и лосей в лесах... фермерам это не под силу, пехоте тоже, но бароммианским лучникам на лошадях — раз плюнуть. Пройдет пять лет, последнее стадо в прериях погибнет, и последний житель Рогавики приползет к нам и станет выпрашивать кусок хлеба. Теперь ты понимаешь, почему им лучше прекратить убийства... пока еще не поздно?

Донья от удивления разинула рот. Неожиданно жалость к ней подавила его гнев.

— Донья,— прошептал он и протянул руку к ней,— дорогая, прошу тебя...

— Йее-оо-оо,— донеслось до него. — Йяр-р-р!

Встав на четвереньки, вцепившись ногтями в одеяло и широко раскрыв рот, она начала раскачиваться. Ее зеленые глаза яростно горели. Донья издавала нечеловеческие крики. Сидир попятился, держа руку на рукояти кинжала.

— Донья,— пробормотал он,— что случилось, успокойся, приди в себя.

Он уперся спиной в перегородку каюты.

— Ррра-а-ао-о! — завизжала она и прыгнула вперед.

Он видел, как она летит на него, со скрюченными пальцами, искаженным побледневшим лицом, зубами, гото-

выми вот-вот превратиться в клыки. Он выхватил нож, но прежде, чем он успел нанести удар, она налетела на него. Они рухнули на палубу. Она извивалась у него на животе, пытаясь ногтями дотянуться до глаз. Брызнула кровь. Сидир не выпустил нож и поднес острое к ее ребрам. Каким-то образом она почувствовала его близость. Быстрая и гибкая, как ласка, она извернулась, схватила его запястье и резко вывернула его, но он не выпускал оружие, изо всех сил сопротивляясь ее выкручиванию. Свободной рукой Сидир отбивался от нее. Открыв рот, Донья вцепилась зубами в запястье руки, державшей нож. Нащупав правой рукой его горло, она начала его душить. Левая рука нашаривала пах. Бедрями северянка сдавила одну ногу Сидира, навалившись на него всем телом. Ее незащищенная грудь была так плотно прижата к нему, что до нее невозможно было добраться. Спинай она принимала удары левого кулака.

Он понял, что она может убить его.

И южанин закричал. В каюту вбежал стражник. Он даже задохнулся от увиденной картины. Он не мог вонзить свое копьё в переплетенные тела, опасаясь задеть повелителя. Наконец, он ударил Донью тупым концом.

Она отпустила его и, перевалившись через тело, устремилась на палубу. Стоявшие внизу увидели ее полет в лунном свете. Большинство людей, которые рискнули бы повторить такой прыжок, сломали бы себе кости. Но она спружинила и свистнула в свисток. Солдаты безуспешно пытались зажать ее в угол — она все время ускользала, нанося им удары руками и ногами и дико завывая.

В ответ раздался вопль. Огромный смуглый человек выскочил откуда-то снизу. Сидир показался как раз вовремя, чтобы увидеть последовавшую схватку. Смуглый мужчина размазал по палубе одного рахидианца, сломал шею другому, и пока добрался до женщины, успел покалечить еще четверых. Потом они оба добежали до борта и прыгнули вниз. Взметнулись фонтаны брызг, и они исчезли.

В темноте ночи раздавались крики и топот, да покачивались то тут то там огоньки фонарей, словно огромные светлячки решили взглянуть на внезапно возникшую суматоху.

Боль от ударов, потрясение, ужас, испытываемые сейчас Сидиром, тонули в ощущении потери.

— Донья,— стонал он в холоде ночи. Кровь капала с его бровей и заливала глаза.

А потом мелькнула мысль, быстрая, как удар меча: «Почему я повторяю ее имя? Кто она такая для меня? Неужели она действительно ведьма и я попал под власть ее чар?

Ведь еще прошлой ночью я думал, что ничего не могу с собой поделаться. А такого еще никогда не случалось, чтобы я не мог с собой справиться».

Глава 9

Когда Джоссерек проснулся, солнце уже поднялось достаточно высоко над горизонтом. Воспоминание о случившемся сразу же вышибло из него остатки сна: тревога, схватка, полмили, которые им пришлось преодолеть до берега, пытаясь не утонуть в сильном течении, когда он поддерживал ослабевшую Донью; бегство от высланных на их поиски групп людей, поднятых по тревоге звуком горна и световыми сигналами, и тут уже ее искусство опытного охотника вело их; долгие, длившиеся, казалось, целую вечность часы, когда они шли в направлении, выбранном Доньей по звездам, пока рассвет не застал их у замерзшего пруда, и они, обхватив друг друга, чтобы удерживать тепло, провалились в глубокий сон... Джоссерек присел на корточки.

— Пусть этот день принесет тебе радость,— приветствовала Донья его на мягком рогавикианском наречии. Когда это она уже успела проснуться? Сейчас северянка резала ножом траву.

Джоссерек встал и осмотрелся. Из безграничной небесной голубизны лился свет, тепло пронизывало его обнаженную грудь, растворяя боль и смазывая царапины и ссадины своим целебным бальзамом. Долина простиралась до самого горизонта. Вокруг всюду росла трава высотой по пояс, она неохотно раздвигалась, когда они двигались вперед, и, подобно морю, переливалась на солнце самыми разнообразными оттенками, начиная от темно-зеленого вблизи и кончая серебристым вдали. И, подобно морским

волнам, ее поверхность колыхалась под дуновениями ветра. Дикие цветы плавали в ней, словно рыба, поодаль были разбросаны группки-островки старого высокого чертополоха, а вдали виднелось стадо рогатых животных — численность их, как показалось Джоссереку, достигала нескольких сотен, а в движениях чувствовалась величественность китов. В воздухе порхали пестрые бабочки. А еще выше кружили птицы, но не все из них были ему знакомы: луговые жаворонки, дрозды, красnobровые тетерева, ястребы да дикие гуси образовали клин. Ветер гудел, трепал одежду, приносил запахи растений, глины, животных, разогретой солнцем пыли. «Не видно никого из людей. Это хорошо.— Джоссерек расслабился, на минуту совершенно позабыв, что за ними устроена охота.— Кроме, конечно...»

Донья оставила свое занятие и направилась к нему. От вчерашней тигрицы-людоедки, как и от молчаливой, безжалостной, бегущей вприпрыжку лисицы не осталось и следа. К нему двигалась женщина, одетая лишь в одеяние из воздуха начала лета, улыбку и грудь которой закрывали длинные локоны. «Клянусь Дельфином! — В поясице у него что-то стрельнуло.— Я...— Однако здравый смысл возобладал в нем.— Она ведь пока не приглашает меня. И в руке у нее мой нож».

Впрочем, она вернула его Джоссереку. Чисто автоматически он сунул его в ножны. Брюки с поясом — вот и все, что было на нем, когда он работал внизу. Его ноги ныли от кровоподтеков и ссадин. У нее же, казалось, все было в порядке, и сама она не выказывала ни капельки утомления.

— Как ты? — спросила она.

— Выживу,— пробурчал он. Большая часть его разума еще была поглощена сражением со своим телом.— А ты?

Радость хлынула наружу, словно высвобожденная из ловушки.

— Йи-и-а! Свободна!

Она прыгала, махала руками, кружилась, делала пируэты среди шуршащих стеблей, которые то скрывали, то показывали ее быстрые ноги и крутые бедра.

— Свободные лососи, свободные соколы, свободные пантеры,— пела она,— где ветер ревет и где солнце сияет, где все танцуют и танцуют, где душа пребывает в мире...— Глядя за ней и слушая эту песню, он забыл о

самом себе. И лишь какая-то частица его задавалась вопросом, сама ли она только что сочинила ее, или же это песня какого-нибудь древнего барда. Она пела ее на каком-то диалекте, который он до конца не понимал, и потому Джоссерек решил, что она сама ее придумала.

«Разве не про северян говорили, что они — гордый народ?»

Через несколько минут Донья вернулась к действительности. Она вдохнула поглубже, и Джоссерек тут же заметил крупинки пота на ее коже, но от этого ее тело показалось ему еще более благоуханным. Чтобы отвлечься и утолить жажду, он подошел к пруду и напился из него. Дождь наполнил углубление среди серых валунов водой, которая, хотя и была мутноватой, но все равно чище, чем в любом колодце в Арваннете. Когда он поднял голову, то увидел, что Донья, найдя какой-то заостренный камень, величиной с ладонь, принялась внимательно рассматривать его.

— Пока я приготовлю пищу, ты сложи костер и нарежь еще травы. Делай это так, как я.

Он сдержанно подчинился приказаниям, отданным женщиной. Снова разум взял верх над порывом. «Она знает эту страну, а я нет».

— А что у нас будет в качестве топлива? — поинтересовался Джоссерек. — Эта зелень не годится. Да и к чему ее портить?

Она пнула ногой белый комок.

— Собери кизяк, вроде этого. Сначала раскроши его для растопки. А что касается травы, то она послужит нам в качестве одежды и одеял, чтобы укрыться от жары, холода да и мух тоже. Я умею плести из нее. Таким образом одетые, нам лучше всего передвигаться в самое холодное время ночи, а отдыхать — в самое пекло, пока мы не подберем себе подходящую одежду на стоянке... М-м, да, я еще сплету тебе что-нибудь и на ноги.

Она пошла.

— Подожди! — крикнул ей Джоссерек. — Ты забыла нож. И сколько тебе понадобится времени?

К Донье вернулось ее веселое настроение.

— Если мне не удастся раздобыть чего-нибудь до того, как ты сложишь костер, ты уж не выгоняй меня, если я принесу канюка, хотя ими обычно и брезгуют.

Оставшись один, Джоссерек задумался. Его ножу, похоже, придется много потрудиться. Большую помощь в

разведении костра оказало ему и оказавшееся в кармане небольшое колечко. Охотничий камень, который нашла Донья в этой местности, напроць лишенной валунов, оказался куском бетона, оставшимся, возможно, от древней дороги, существовавшей, быть может, еще до наступления ледника. Это было удачей для них. Но он подозревал, что ей не нужна удача, чтобы выжить здесь.

Верная своему слову, Донья вскоре принесла убитого кролика и несколько перепелиных яиц.

— Да эта земля богата разной живностью,— заметил он.

Как внезапный налет облачка в безоблачном небе, ее настроение в миг изменилось. Она помрачнела.

— Да. Потому что мы бережем ее. Превыше всего мы поддерживаем нашу численность на достаточно низком уровне.— Потом гневно выкрикнула: — А если придут имперские подонки? Нет!

— Что ж,— рискнул заметить Джоссерек,— во мне ты, кажется, нашла союзника.

Донья сузила глаза.

— Кажется,— повторила она.— Насколько мы можем доверять какой-либо... цивилизованной... расе?

— Э-э... Клянусь, Морской Народ не притязает на территории Андалина. Сама подумай, насколько далеки мы от вас. В этом не может быть никакого смысла.

Волей-неволей он был вынужден перейти на арванне-тианский, но не тот древний язык образованных людей, а на жаргон торговцев и докеров.

Тем не менее Донья поняла и спросила:

— Тогда в чем же состоят ваши интересы? Почему вас заботят наши дела?

— Я же сказал тебе...

— Это не достаточно веская причина. Во время наших коротких свиданий на борту корабля у меня было мало времени, чтобы попытаться выведать у тебя истинные причины. Но вот сейчас... Если Морской Народ просто хотел понаблюдать за нами, то ведь можно было открыто послать кого-нибудь. Этот человек мог бы назваться... э-э... искателем знаний ради самих знаний... ученым, ведь ты сам в тот день, когда мы гуляли по городу, говорил, что у вас их много. К чему рисковать, если только у вас нет других побудительных причин?

Джоссерек почувствовал облегчение.

— А ты проницательная! — «Не слишком ли проницательная для доверчивой дикарки?» — подумал он и продолжал: — Вы побеждаете. Но мы не теряем надежды. Думаю, людей в Океании интересует сера.

— Сера? — Донья вскинула вверх брови. — Ах да, желтое горючее вещество, которое мы называем «зеввио».

— Самые известные из обнаруженных на нашей планете месторождений расположены вдоль залива Дельфинов, — объяснил он. — Большую часть своей серы мы получали из Арваннета, когда тот контролировал побережье. Сегодня там вновь хозяйствует Империя, но она запрещает экспорт. Из серы изготавливают порох. Скейрад провозгласил себя Верховным Повелителем бароммианских кланов — и уже его внук-Император называет себя Властелином Мира. — Джоссерек пожал плечами. — Я не думаю, что его потомкам удастся когда-либо на самом деле завоевать всю планету. Но ты можешь понять, почему в Ичинге недовольны тем, как в последнее время идут дела.

— Да. В этом есть смысл. Мы можем доверять вам. — Донья опустила вниз кролика и хлопнула его по плечу. Потом ослепительно улыбнулась: — Я рада.

В висках у него стучало. Он мог бы прямо сейчас сгрести ее в охапку, но она отошла, с большой осторожностью положила на землю яйца и произнесла:

— Если ты умеешь готовить, то тогда я примусь за нашу одежду.

— Что ж, я проголодался, — признался он. Они оба занялись работой, каждый своей. Пальцы Доньи с ловкостью связывали вместе стебли.

— Куда же мы отправимся отсюда? — спросил Джоссерек. — И, во-первых, где мы вообще находимся?

— К западу от Джугулара и к северу от Яблоневої реки, на расстоянии одного дня пути на парохоте от того места, где эта река впадает в Джугулар. Я следила за нашим маршрутом. Ближайшая стоянка отсюда находится в Баллгоре, в двух днях пешего хода. Хотя нет, я ведь совсем забыла о твоих раненых ногах. Скорее всего, четыре дня. Будь осторожен, когда начнешь сдирать шкуру с кролика — я хочу сшить из нее мокасины для тебя. Невыделанная шкура скоро начинает трескаться и вонять, но мы успеем раньше добраться туда. А уж оттуда — домой на лошадях, чтобы предупредить об опасности.

— Твой дом находится далеко, правильно? Неужели ты так великолепно знаешь все земли Рогавики?

Прекрасная головка кивнула.

— Да, разумеется, все эти стоянки, зимние сады и другие постоянные жилища. Если я и не была на многих сама, то знаю о них по картам. Их не очень-то и много.

Джоссерек внимательно посмотрел на северянку.

— Но как ты можешь ориентироваться по этой местности? Я не вижу никакого ориентира.

— Поскольку у нас нет компаса, то направление я выбираю по солнцу и звездам. Расстояние я меряю по скорости, с которой мы передвигаемся, учитывая и то, сколько времени мы отдыхаем. А любую стоянку можно заметить по дыму костра, который горит целые сутки. В ясную спокойную погоду — даже за тридцать — сорок миль. — Эти цифры она произнесла на арваннетианском. Потом нахмурилась: — Но теперь, пока мы не выжжем эту саранчу, придется гасить костры, когда имперские войска приблизятся к ним достаточно близко.

Хотя воздух был теплым, по спине Джоссерека пробежал холодок. «Я считаю себя крутым парнем, я убивал людей и не мучался потом по ночам, однако ее тон, ее взгляд... Неужели солдаты Империи могут действительно повредить ей, неужели это чума, убивающая всех без разбору, неужели им чуждо все человеческое? Как же этот крошечный участок земли, где проживает ее народ, основал общество, существовавшее без войн и грабежей на протяжении всей своей истории?»

Его руки были заняты работой, в то время как в голове выкристаллизовывалось решение.

— Донья?

Она оторвалась от своей работы.

— Донья... почему ты прошлой ночью стала такой дикой? Разве мы не договорились, что будем шпионить, собирать информацию, пока наконец не прибудем в Фальд?

Она выронила рукоделие. Ее губы напряглись, на шее набухли мышцы. Он услышал, как она тихо зарычала.

— Прости меня, — в ужасе прошептал он.

Она глубоко вдохнула, заставила себя успокоиться, ее лицо снова приобрело цветущий вид. Она продолжала стонать:

— Я должна была убить Сидира, но не удалось. Боги терзают меня. В следующий раз позволь мне вытрясти из него душу.

— Но, но ведь ты... и он... Ты же сказала мне, что он тебе вроде бы нравится...

— Это было до его похода на север. Когда он вторгся на земли Йяира и Лено, я почувствовала — я больше не сомневалась в этом, что рано или поздно, но он нанесет удар и по Хервару. Если бы он взял меня туда... Но он сначала сказал мне... если мы не подчинимся Императору... он перебьет всю дичь... Неужели ты не понимаешь? — пронзительно закричала Донья. — Если я столкну тебя с утеса, ты же полетишь вниз? Что еще могла я сделать, кроме как не попытаться задушить его?

Она завизжала, вскочила на ноги и убежала.

Джоссерек был поражен. Он и раньше видел подобные вспышки среди некоторых воинственных дикарей: их ярость подобна силе тайфуна, которую они направляют на своего врага, животное, дом, все, что хотят уничтожить. Донья прыгала среди высокой травы, воздев вверх руки, как бы пытаясь стащить с небосклона само солнце.

«Значит, жители Рогавики именно такие, какими их описывают южане в своих рассказах, — подумал потрясенный киллимарсейчанец. — В лучшем случае, это дикари. Они научились некоторым трюкам, но не рассудительности или терпеливости, предвидению или самоконтролю. Интересно, а почему это меня так печалит? Неужели я разочарован? От них нет никакой пользы, как от союзников — они даже опасны, пока их не завоюешь или не истребишь; они обречены быть такими слабыми. Нет... Не стоит ждать от них слишком многого — ни в политическом плане, ни в военном. Ну а сама Донья, она вела себя настолько здраво и разумно, так знающе и заинтересованно... Я никогда не встречал раньше женщины, подобной ей. Но все это только внешнее — настоящая ее суть скрывается глубже: она больше хищная акула, чем миролюбивый дельфин».

Он снова занялся приготовлением пищи. Он все еще нуждался в ее помощи. Во время их путешествия он продолжит свои наблюдения, отмечая все, достойное внимания. Но едва только представится возможность, он направится в какой-нибудь порт на западном побережье рахидианской Империи и отправит оттуда послание домой, в котором

сообщит Малвену Роа, чтобы он перестал надеяться на помощь северян.

Донья не останавливаясь пробежала по кругу три мили. Вернувшись на их стоянку, она опустилась на землю, тяжело дыша. От пота, ручьями бежавшего по ее щекам и стекавшего меж грудей, ее волосы слиплись. Резкий запах пота постепенно сменялся ароматом женщины. Сейчас в ее глазах снова светился здравый смысл.

— Ты чувствуешь себя лучше? — рискнул поинтересоваться Джоссерек.

Она кивнула.

— Да, — выдохнула северянка. — Намного лучше. Они... не перебьют... стада. Нет, они умрут сами.

Затем она произнесла:

— Ням-ням-ням, как вкусно пахнет! — В ее веселом настроении не осталось и следа от бушевавшей перед этим ярости.

Джоссерека едва не стошнило от перепелиных зародышей, однако она ела их с видимым удовольствием. Кролик вышел мягким, и он поел его с огромным аппетитом, хотя ему не хватало соли и приправ.

— Я же всегда предпочитаю пить кровь, — сказала Донья, когда он пожаловался ей. — В пути мы будем питаться лучше.

— А мы можем убивать пасущихся животных? — скептически спросил он.

— Я могу, если мы того пожелаем; или же можем отбить какого-нибудь детеныша. Впрочем, когда мы торопимся, нам незачем этим заниматься. Я сделаю рогатку, и мы будем отстреливать птиц. К тому же тут повсюду полно всяких маленьких теплокровных зверюшек, раков, моллюсков, лягушек, змей, трав, корней, грибов... Я же говорила тебе, что это богатый край. Да скоро ты и сам убедишься в этом.

Она поела и поднялась. Он же, продолжая сидеть, оглядел ее фигуру во всем ее великолепии и вспомнил, что слово «Рогавики» означает «Дети Неба».

Донья потянулась и рассмеялась навстречу тем расстояниям, которые так влекли ее.

— Сегодня мы займемся подготовкой, — сказала она тихо и счастливо. — Это не так утомительно. Да и отдох-

нем хорошо. Но прежде всего, Джоссерек, мы займемся самими собой!

Она поманила его рукой. Черт бы побрал ее дикарские манеры! Джоссерек бросился к ней.

Глава 10

Через пять миль им повстречалась женщина со стоянки Баллгор. Она ехала верхом на пегом мустанге, проверяя силки, расставленные на пернатую дичь. Заметив незнакомцев, она изменила свои планы и сопровождала их на стоянку.

Она была среднего возраста, высокая и жилистая, как и большинство северян. Ее седые волосы были сплетены в косички, а одета она была в простые кожаные брюки. Ее украшения, если не считать ее красочно расписанной кожи, составляли медные браслеты на запястьях, ожерелье из медвежьих когтей, хвост фазана, заткнутый за головную повязку. Хотя седло на ее лошади было немногим лучше обыкновенной подушки со стремянами, уздечка была вполне современной. Из снаряжения у нее были постельные принадлежности и нож, который, вне всякого сомнения, предназначался для использования лишь в качестве инструмента, а не оружия.

— Ай-йя! — закричала она, натягивая поводья. — Добро пожаловать, путники. Я высокородная Эрроди, вон оттуда.

— А я Донья из Хервара в Аулхонте, что на реке Сталлион, — представилась женщина, стоявшая на земле. — Мой спутник живет далеко отсюда, его зовут Джоссерек Деррейн, он из страны, что зовется Киллимарейч и располагается на берегах Сверкающей Воды.

— Тогда трижды приветствую вас, — сказала всадница. — Вы устали? Может, кто-нибудь из вас сядет на мою лошадь?

Джоссерек заметил, что ее вежливость была довольно официальной, и после первого, явно ритуального приветствия, она вела себя сдержанно и настороженно, как кошка, хотя не выказывала враждебности или безразличия.

(Донья как-то заявила ему, что его красота приведет в восхищение любую женщину, что встретится им по пути.) И это поведение соответствовало характеру ее расы, точно описанному во всех известных ему рассказах об этом народе.

«Только это не относится к Донье!»

Никогда раньше у него не было такой женщины, да он и понятия не имел, что можно иметь подобную любовницу. Однажды, между поцелуями, когда над головой светила луна и они забыли о холоде ночи, он сообщил ей об этом.

— С Сидиром я сдерживала себя,— прошептала она.— О, как прекрасно иметь друга! — Она протянула к его голове руки и потрепала волосы. А потом начала опускать ее все ниже и ниже.

Джоссерек вдруг удивился одной мысли: «А ведь она почти ничего не рассказывает о себе, хотя я ей раскрыл всего себя, все тайные уголки своей души. И всегда, что бы мы ни делали, ее душа витает где-то в другом месте».

Если только у нее была душа, способность удивляться, стремления, любовь, помимо любви к жизни. Если бы она была не просто здоровым животным. «Нет,— возразил себе Джоссерек,— в ней должно быть еще что-то. Когда же у нас найдется время поговорить по душам? Мы идем по равнине, собираем еду, разбиваем стоянку, кушаем, играемся, спим, играемся и снова отправляемся в путь». Ее подгонял страх за свой народ. Как бы он хотел, чтобы все это было так.

Джоссерек услышал, как Донья отклонила предложение ехать на лошади. Из-за гордости он тоже отказался, несмотря на кровоточащие ноги, в шутливой манере. Но даже одев более-менее сносную обувь, он все равно не смог успевать за Доньей — сила и выносливость у него были иного рода.

Обменявшись несколькими тривиальными фразами, Эрроди ехала молча. Джоссерек прошептал на арванне-тианском:

— Неужели ее не удивили новости?

— По-моему, удивили,— ответила Донья.— Вся стоянка будет взбудоражена. Но зачем повторять свой рассказ?

Он размышлял над всем этим, над тем, что эта женщина одна, без оружия, разъезжала по безлюдной мест-

ности, его удивляло и отсутствие обычных фраз благодарности среди жителей Рогавики. Похоже, эти люди считали терпеливость, спокойствие и помощь, как нечто само собой разумеющееся. Как примирить с этим индивидуализм, с трудом насыщаемую жадность и строго обозначенные права на собственность, о которых говорили южане?.. А может, как он уже успел заметить, свою мудрость они скрывают в самых тайниках своей души... кроме тех случаев, когда убийственная ярость переполняет их? Джоссерек покачал своей замороченной головой, продолжая брести по высокой траве прерий.

Было ветрено, ярко светило солнце. По небу плыли облака, похожие на белые паруса, высоко парил ястреб. Когда Джоссерек вышел в открытое поле, он увидел, как вороны стелются над землей, распластав крылья, как волны бегут по мириадам дождевых луж. Шумели живые изгороди — орешник, яблоня, сахарный тростник и бук шуршали вокруг зданий. Четверо молодых женщин занимались прополкой — зерновыми и садовыми культурами было занято несколько акров, по-видимому, часть урожая пойдет и на обмен с торговцами. Увидев новоприбывших, женщины подошли к ним. Точно так же поступили и все остальные их товарищи.

Донья и раньше говорила ему, что типичная стоянка напоминает обычный зимний сад, только бóльших размеров. Восточную часть двора занимал полудом-полуземлянка, застекленные окна блестели между грядками растений, пологая крыша была обложена дерном. Оставшуюся часть двора занимали конюшни, сараи и мастерские, сделанные из дерева, хотя местами встречался кирпич и дерн, ровный и твердый. Довольно расточительное использование дерева показало Джоссереку, что северяне, скорее всего, поддерживают тесные контакты с лесными обитателями, живущими далеко за пределами их земли, что подтверждали повозки и сани, что виднелись сквозь приоткрытую дверь одного сарая. Посередине вымощенного кирпичом двора стояла ветряная мельница, а с южной стороны дома был виден коллектор солнечной энергии — все местного производства, грубые по стандартам Ичинга, но северян они вполне устраивали. Сегодня не было повода, чтобы из главной трубы шел дым, но на самом верху развевался флаг, чем-то напоминая пугало. Кроме того, на уровне глаз перед входом крепился череп буйвола, искусно

покрытый глазурью, по всей видимости, памятник происшествию, которое и дало название этому месту*.

Здесь проживало около тридцати человек — в основном, шестнадцати-семнадцатилетние девушки, да трое мужчин, еще более коренастых, чем рахидианцы. Девушки носили самую разнообразную одежду, а иногда ее просто не было — здесь не считалось обязательным носить платье. Джоссерек спросил себя, а вообще, есть ли что-нибудь на стоянке, что считалось бы обязательным? Они не толпились и не галдели, а просто держались поближе, приветствовали друг друга и предлагали помощь. Как бы ни была Донья обходительна с Джоссереком, но вид обнаженных тел возбуждал. Одна юная особа с рыжими волосами, увидев его взгляд, усмехнулась и махнула ему головой, делая недвусмысленное предложение.

Донья заметила это, в ответ улыбнулась девушке и спросила у Джоссерека на арваннетианском:

— А ты не хочешь переспать с ней? Она с виду ничего.

— Гм-м! А как же ты? — растерянно спросил он.

— Для меня здесь нет никого подходящего. У местных мужчин слишком много работы. Да я и сама не прочь немного отдохнуть и спокойно все обдумать.

Эрроди спешила и, быстро заняв место с другой стороны от Доньи, попыталась было взять ее руку в свою, однако в ответ Донья легко, по-дружески покачала головой. Эрроди выпустила ее руку, скривила губы и чуть заметно пожала плечами, как бы говоря: «Ну что ж, дорогая, если ты не хочешь, никто к тебе не будет навязываться».

Обстановка внутри дома отличалась от описаний путешественников. Там была большая общая комната, где стояли столы из деревянных брусьев, за которыми обедали. Стены были обшиты красивыми деревянными панелями, но личных вещей почти не было, они размещались в отдельных комнатах. Были здесь и комнатки для гостей. Эрроди направилась к встроенной скамье. Ее спутники уселись на подушки или легли на ковре из сшитых вместе собачьих шкур. Жители Рогавики не пользовались стульями. Рыжеволосая устроилась в ногах у Джоссерека, не выказывая полной покорности, но явно подтверждая свои намерения.

* Bull — с англ.: буйвол. (Примеч. перев.)

Донья сделалась серьезной.

— Сегодня вечером мой друг может рассказать вам о далеких странах и восхитительных приключениях,— сказала она.— А сейчас я должна поведать вам о том, что было со мной.

— О том, что южане снова выступили против нас? — Эрроди презрительно фыркнула.— Мы знаем это.

— Да, вы знаете это. Но знаете ли вы, что они собираются построить базы на всем протяжении реки Джугулар и, совершая набеги с этих баз, разорить нашу страну?

— Думаю, что они смогут сделать и это.

— Рано или поздно они обнаружат Баллгор. И мне кажется, что это произойдет очень скоро. Я видела их всадников во время учений.

— Мы готовы покинуть Баллгор при малейших признаках приближения врага. Многие семьи жителей одного только Юрика пообещали, что возьмут по два-три наших человека, так что у каждого наверняка найдется крыша над головой.

В словах Эрроди звучала убежденность, и все остальные выслушали ее — спокойно и безропотно, уверенные в окончательной победе над любым врагом. Однако Джоссерек заметил, что Донья до конца так и не рассказала о стратегических планах имперских войск.

Она кратко сообщила, каким образом они оказались здесь. В комнате загудели, в полумраке заблестели глаза, люди зашевелились, вскидывая вверх головы. Жители Рогавики были весьма любопытны и любили послушать разные истории.

— Вам понадобятся кони и одежда,— сказала Эрроди.

— Сначала мы помоемся,— улыбнулась Донья.

— Нет, сначала вы попробуете нашу медовуху — что может с ней сравниться.

В ванной, оказалось, имелся еще и душ с металлическими смесителями, сколько угодно горячей воды. Разглядывая, прищурившись, Донью сквозь клубы пара, Джоссерек сказал:

— Та девчонка, о которой ты говорила, очень даже привлекательна, но не думаю, что она может сравниться с тобой.

— Да уж, вряд ли,— последовал невозмутимый ответ.— Я старше, и я замужем. Только прожив с мужчинами бок о бок несколько лет, можно достаточно хорошо понять

их. У этого бедного ребенка никогда не будет ничего, кроме мимолетных связей. Пока она, в конце концов, не начнет заниматься любовью с женщинами — многие так и делают на любой стоянке.

— И тебя что, абсолютно не волнует, если я... Но, если признаться, я бы предпочел заниматься любовью с тобой.

Донья наклонилась и поцеловала его.

— Какой ты любезный! И все же нам предстоит долгий путь после того, как мы покинем эту стоянку. Между тем мне действительно необходимо воспользоваться предоставившейся возможностью спокойно все обдумать. — Она замолчала на несколько секунд. — Да, завтрашний день мы проведем здесь, ты хорошо отдохнешь, насладишься этой девушкой или любой другой, кто пожелает поразвлечься с тобой.

— А что будешь делать ты?

— Одолжу лошадь.

«Что ж, — подумал он, — у охотника мало возможности найти уединение, если только он не отправляется бродяжничать. Но каким образом им удастся достичь такого уединения души? — В нем вспыхнуло негодование. — И почему она считает, что мне тоже не нужно поразмыслить над дальнейшим путем?»

Вскоре они выбрали себе по два комплекта одежды из имеющегося запаса — нижнее белье, мягкие ботинки, кожаные штаны, рубашки из грубой материи, пестрые шейные платки, широкополые фетровые шляпы, ветровки, пончо на случай дождя — плюс оружие, инструменты, постельные принадлежности и лошадей. Похоже, никто официально не стоял во главе стоянки. Эрроди приняла управление на себя, а ее компаньонки вернулись к работе, кроме той девушки, что положила глаз на Джоссерека. Она сказала, что ее работа может подождать. Ее звали Корэй.

Эрроди ручкой со стальным пером написала список взятых вещей с их согласованной стоимостью, а Донья его подписала.

— Как этот документ будет работать? — поинтересовался Джоссерек.

— Это имак... — Донья замолчала, пытаясь подобрать эквивалент на арваннетианском. Потом не менее пяти минут потратила на объяснение, хотя все было довольно просто.

Стоянка представляла собой ряд независимых хозяйственных механизмов, управляемых отдельными женщинами и теми немногими мужчинами, которые по разным причинам не вписывались в нормальную жизнь. (Корэй впоследствии сказала, что кузнец был хромым, а из двух других его товарищей — один из них покинул родной дом из-за семейной ссоры, о чем он, впрочем, никогда не рассказывал; второй же был жизнерадостным парнем, предпочитавшим наемный труд жизненным невзгодам и ответственности.) Они прибыли сюда из разных мест. Джоссерек подумал, что именно по этой причине они не будут держаться за это место, когда здесь появятся захватчики — у них не было сильных эмоциональных связей с ним.

Конечно, в материальном плане стоянка кое-что уже потеряла. На ней продавали товары и выполняли работы, большинство из которых могли выполнить лишь люди, ведущие оседлый образ жизни. Она являлась постоянным двором, рынком и специализированной фабрикой, обслуживая огромную территорию. Отдельные путники — а среди жителей Рогавики много было путешествующих — могли найти здесь все, что им требовалось в пути. Основное внимание обращалось на замену уставших пони на свежих. Любая разница при договорных сделках или расчетах могла оплачиваться наличными. Хотя в обращении находились также имперские и арваннетианские монеты, можно было заплатить натурой или подписать вексель, что и сделала Донья. Этот вексель потом выкупит ее семья при предъявлении. Вполне вероятно, что он пройдет через множество рук, прежде чем будет, наконец, представлен семье к оплате.

— А что если он не будет выкуплен? — спросил Джоссерек.

— Мы, северяне, не так мелочны, как все остальные народы, — ответила Эрроди. — Мы живем среди такого изобилия товаров, что это не имеет особой разницы.

— Сидир — вот кто оплатит этот вексель, — прошипела Донья.

Корэй потянула Джоссерека за локоть, напоминая ему о своем обещании показать стоянку.

Для начала она с гордостью провела его на свое место работы — печатную мастерскую. Плоский пресс выдавал хорошо сверстанные страницы с текстом и непонятными рисунками.

— Мы также можем переплести книги,— сообщила она,— однако покупатели предпочитают делать это сами — зимой.

— А где вы берете бумагу? — поинтересовался Джоссерек.

— В основном, с юга. Но вот эта — местного производства, рогавикианская. На стоянке Белая Вода, что на самом краю Диких Лесов, построена бумажная фабрика.

И это, и многое другое, увиденное Джоссерекком немного погодя в этот день, говорило о широко развитой торговле. Семьи, обеспечивающие себя всем необходимым, предпочитали покупать добротные сделанные вещи. Много изделий отправлялось на север в обмен на металл, добываемый в древних руинах, хотя очень многие вещи были местного изготовления. Да к тому же использовались при этом и новые технологии. Корэй тараторила о только что разработанном переносном ткацком станке, об арбалете, выпускающем стрелы одну за другой — о нем поведал путник из Тантианских гор. Она при нем отпечатала брошюру, где излагались астрономические наблюдения одного человека в Орлиной Твердыни, который, помимо телескопа рахидианского изготовления, владел и навигационным хронометром, сделанным в Киллимарейче, но каким-то образом попавшим к нему. Джоссерек считал бы местный рынок весьма привлекательным и оживленным... если бы кровавая Империя не грозила наложить на него свою лапу.

Было очевидно, что вся торговля, как и производство, находится в частных руках. Не было ни гильдий и правил, что могли бы контролировать ее, ни законов с их запретами... Хотя...

— Ваш народ продает меха южанам,— заметил Джоссерек.— Но я слышал, что вы никогда не продаете ни мясо, ни шкуры больших диких животных. Вы обмениваетесь ими между собой?

— Да, почему бы и нет,— ответила Корэй.— Друг дарит другу шкуру бизона или ляжку кабана или еще что-нибудь.

— Я имел в виду не подарки, а постоянную торговлю. Предположим, я предлагаю вашему торговцу лошадьми сотню лошадиных шкур за одного живого коня.

Женщина попятилась. Глаза ее округлились.

— Этого никто не станет делать!

— Почему?

— Это было бы... неправильно. Мы живем благодаря диким животным.

— Понимаю. Прошу прощения. Простите чужеземцу его невежество.— Джоссерек погладил ее. Она расслабилась и прижалась к нему.

Ему было интересно все, что он видел, но особенно внимательно он изучал системы энергоснабжения. Ветряная мельница представляла собой обыкновенный каркас с крыльями. Спирт использовался в качестве горючего для паяльных ламп и еще двух небольших устройств. Его гнали из продуктов брожения диких зерновых и фруктовых культур (изготовление бренди являлось другой операцией). Главным источником энергии служил солнечный коллектор, от которого черные водопроводные трубы вели к подземному резервуару из обожженной глины. Там под давлением температура поднималась выше точки кипения воды. Простейшие обменники подавали тепло для обогрева помещений и приготовления еды.

Единственными домашними животными являлись лошади, гончие и ястребы, мало чем отличавшиеся от своих диких сородичей. Когда Корэй прижала к себе щенка, а огромная поджарая сука зарычала при приближении Джоссерека, он вспомнил, что не видел здесь детей.

— У вас что, тут совсем нет детей? — спросил он.

Неужели она вздрогнула? Во всяком случае она отвернула лицо в сторону, и он едва смог расслышать ее ответ:

— Нет, на стоянке. Никто здесь не выходит замуж... я об этом никогда не слышала.

— Но... э-э... здесь ведь бывают мужчины и...

— Это неправильно, когда ребенок вырастает без отца. Достаточно и тех детей, у кого есть оба родителя.

— Я лишь имел в виду...

— Понимаю. Разве ты не знал? Многие женщины Рога-вики при желании могут не зачать.

Джоссерек был поражен. «Это возможно. Психосоматика — разум управляет гормональными изменениями. Но как это происходит? Наши психологи, конечно, захотели бы разобраться в этом».

— И это всегда срабатывает?

— Нет. Но есть и другие способы.

Он предполагал, что сейчас она скажет о механических или химических контрацептивах, однако вряд ли они есть в этих краях. Корэй, словно отбрасывая в сторону задумчивость, прямо посмотрела ему в глаза.

— Не бойся за меня, Джоссерек. Союзы между нами и чужаками... редко приводят к зачатию.

Она оставила щенят и приблизилась к нему.

Вечером их при свете фонарей ждал отличный ужин, состоявший главным образом из различных сортов мяса. Мужчина мог считаться здоровым, если он съедал убитое животное со всеми потрохами, и большинству северян это было под силу. Но к ужину они также добавляли рыбу, курицу, яйца, хлеб, кобылье молоко и сыр, фрукты, травяной чай, вино, мед, ликер. От всего съеденного и выпитого в голове Джоссерека зазвенело. В дружеской беседе за столом часто раздавались шутки, несмотря на то, что по реке двигался враг. И все же этот разговор показался Джоссереку странным. Он привык (и так было во всех других местах), что незнакомому человеку задают по крайней мере несколько вопросов о его жизни, привычках, вере, мнении, надеждах, рассказывая то же самое и о себе. Однако в Баллгоре ему поведали сведения общего характера, касающиеся этого края, его истории, предоставив ему возможность самому решать, что же рассказать о себе.

Тем не менее, чтобы развлечь гостя, три девушки станцевали под аккомпанемент арф. Начавшийся бурно танец закончился, когда большинство собравшихся парами уже отправились спать.

Так начался и закончился вечер. А в часы между его началом и концом все жадно слушали его истории о людях Материнского океана. Вопросы сыпались со всех сторон, напоминая шквальную стрельбу из луков.

Их познакомили еще с двумя гостями — мужчиной и женщиной — курьерами с других маршрутов, остановившимися здесь на ночь. Из того, что они сообщили ему, Джоссерек понял, что это почтовая служба и она тоже была организована отдельными личностями, без какого-либо центрального органа управления. Очевидно, что она охватывала всю страну и действовала быстро и надежно.

...Гибкая, изобретательная Корэй доставила ему наслаждение, хотя это был не тот восторг, что он получал, сливаясь с Доньей. Но еще долгое время после того, как

она уснула, он лежал, глядя открытыми глазами в темноту, безуспешно пытаясь понять этих людей. В конце концов они не были дикарями... скорее всего... Но тогда — во имя Великой Бездны — кто же они?

Глава 11

На самом северном крае судоходной части реки в нескольких милях к югу от могучего, но коварного притока Бизоновой реки лежал Фальд, самая северная из арваннетианских торговых факторий. А дальше течение Джугулар было слишком сильно загромождено камнями, которые приносил с собой ледник, когда наступал зимой, а затем паводок сносил их оттуда во время летнего отступления. Стоя на веранде особняка, Сидир видел, как поток врезается в перекаты, разбиваясь на бело-зеленые брызги. Какой бы мелкой река ни была, но она была опасна для солдат имперской армии, немногие из которых умели плавать.

Дом стоял на вершине высокого утеса на левом берегу. Он был сделан из дерева и кирпича, привезенных на судах с юга, в южном стиле, и имел квадратный внутренний дворик. Он казался гротескным на фоне остроконечных крыш, по которым сползал снег во время зимних бурь; сад оказался бедным, довольно просторные комнаты были холодными и сумрачными. Сидир удивился, почему создатели не построили этот дом по подобию местных зимовий, которые, по свидетельству путешественников, были уютными. И, когда этот пейзаж завладел всем его сознанием, он подумал, что, скорее всего, они хотели, чтобы этот дом напоминал ему о родине.

Внизу, вдоль пристани, располагались склады, бараки, одна таверна. Там же швартовался и «Вейрин». Баржи и буксиры каравана бросили якорь в величественных коричневых водах реки. На противоположном берегу находилась железнодорожная станция, куда с запада поступали товары для Рогавики... до его появления здесь. В миле отсюда располагался поселок. На некогда дикой местности теперь вздымались знамена, купола палаток в лагерях,

окруженных обозными повозками и пушками. Это были его отборные войска, бароммианская кавалерия, рахидианская пехота, пушкари и инженеры, чье мастерство во всем мире считалось непревзойденным.

И все же они в этой местности казались затерянными. По мере его продвижения по этой стране все здесь менялось. Ровная земля долин переходила в холмы, длинная трава сменялась короткой, время от времени появлялись небольшие рощицы. Все это каким-то непонятным образом удлиняло расстояние, еще больше усиливая впечатление чуждости. Сегодняшний день был холодным, сумрачным, серым. Сквозь черные лохмотья облаков на землю струился сероватый свет стального оттенка. Порывы ветра приносили одинокие капли дождя. Попадая на кожу, они вызывали жгучую боль.

Агент Инил эн-Гула заметил:

— Да, вы были правы, река действительно образует здесь границу. К востоку живет народ Улгани, а на западе — Хервар.

«Хервар. Донья». Сидир стиснул зубы.

— Но это исключение,— продолжал Инил, морщинистый желтокожий мужчина, знающий жизнь в основном по книгам, он был откровенно напуган войной. Несмотря на это, он не мог отказаться от разговора с человеком из цивилизованного мира.— Как правило, территории различных народов не имеют четких границ.

Сидир, используя любую возможность, пытался понять северян, он постоянно спрашивал о них Донью, но каждый раз что-то ускользало от него, и вдруг понимал, что ошибается, потому что никогда не был уверен, что мысль, пришедшая на место предыдущей, ошибочной, также не будет неверной.

Последняя фраза Инилы удивила Сидира, и он очнулся от своих воспоминаний:

— А я думал, что племена превращаются в фанатиков, когда начинают сражаться за свободу своих территорий,— заметил он.

— Это так, вы правы, Главнокомандующий. Вот почему Империя совершает ужасную ошибку.

Сидир оборвал его нетерпеливым жестом.

— Фанатики подобны засохшим тростинкам. Они не гнутся, а лишь ломаются.

— С жителями Рогавики дело обстоит иначе. У них нет руководителей, которых вы могли бы силой принудить заключить мир.

— Я знаю. Это даже лучше для нас. У изолированных друг от друга индивидуумов отсутствует взаимная поддержка — та паутина долга, обязанности и страха, что тебя застыдят как труса или накажут как предателя,— отчего организованные группы начинают оказывать сопротивление.— Сидир вспомнил об инцидентах в низовьях реки — сведения о них приносили курьеры, скачущие на быстрых лошадях,— засады в кустах, убийства под покровом ночи, замаскированные ямы с острыми кольями на дне, засыпанные колодцы, подброшенный в один лагерь глиняный горшок с гремучими змеями...— Я не спору, они опасные и коварные враги. Но опасны они тогда, когда у них появляется возможность применить свое коварство. Я предпочел бы, чтобы они вдруг стали глупцами и использовали общепринятые методы ведения войн. Но даже если они будут продолжать действовать по-старому, мы возьмем их по частям. Мы примерно накажем одних, чтобы успокоить остальных. А тем временем Фальд будет должным образом охраняться.

— Надеюсь, вы окажетесь правы, Главнокомандующий,— вздохнул Инил.— Для нашего же блага. Но вы, простите мне мою грубость, не выглядите человеком, понимающим их характер.

Сидир натянуто улыбнулся.

— Я ценю вашу грубость, человек Гильдии. Ложь и лесть не просто бесполезны, а вредны.— «Неужели Донья лгала или я просто не понял то, что она пыталась сказать мне? Или же ее искусность в любви ослепила меня, а может, она просто получала от меня наслаждение? Конечно, когда она обратилась ко мне за помощью, это было не рассчитанное предательство, а акт отчаяния. Что же из того, что я сделал, было неправильным, Донья?»

— Тогда объясни,— потребовал Сидир.— Как, ты говоришь, племена определяют свои территории?

— Во-первых, Главнокомандующий, они не племена,— ответил Инил.— И не кланы. Мы используем слово «семья», но оно лишь приблизительно соответствует их слову «рорскэй». Некоторые эти рорскэи утверждают, что у них общие предки, но это только предания, которые для

нынешнего времени не имеют особого значения. Семьи внутри рорскэ имеют тенденцию заключать смешанные браки, но это не обязательно — просто результат соседства. В этих смешанных браках муж входит в семью жены — без предварительных церемоний, возможно, даже не испытывая глубоких чувств, хотя одному Господу известно, какие чувства есть у жителей Рогавики и что представляет важность для них — хотя сам я уже двадцать пять лет веду с ними торговлю.

Сидир потер подбородок.

— И тем не менее этот муж будет защищать семью, принявшую его, до самой смерти.

— Да. Как правило, народность — это группа семей, которые по традиции охотятся на определенной территории. Огромных размеров, конечно. На всем севере таких народностей меньше сотни, и, я думаю, ни одна из них численностью не превышает двух-трех тысяч человек. Стада, за которыми они кочуют, достаточно четко определяют зоны их обитания — у этих животных есть чувство территории.

«Неужели из-за этого и обезумела Донья? Из-за того, что эти стада — в ее первобытном представлении мира — воплощают в себе ее родину? Ее богов, духов ее предков?»

— Отдельные индивидуумы или группы путешествуют свободно, — продолжал Инил. — Они приветливо встречают гостей, которые приносят им новости и разнообразят их жизнь. Никто не запрещает им охотиться. Но никто не слышал о вторжении какой-нибудь крупной группы в чьи-либо охотничьи угодья. Я подозреваю, это вообще немыслимо.

— Даже в смутные времена?

— Их у них не бывает. Рогавикианцы держат свое население в жестких условиях, чтобы животных — ну, например, в особенно жестокие зимы — на еду им всегда хватало бы.

«И это тоже ненормально. Это признак упадка, признак вырождения народа, как это происходит в Арваннете. Вымирает лучшая, самая сильная как в физическом, так и в умственном отношении часть населения. Вот почему Империя завоюет северян. Но тогда Донья тоже слаба?»

— Полагаю, их религия запрещает завоевания, — предположил Сидир. — И много еще другого.

— Я не уверен, есть ли у них вообще то, что мы понимаем под словом «религия»,— заметил Инил.

— Что?

— Да, я слышал предположения, что некоторые из них делают нечто подобное духовной карьере. Но мне кажется, что это больше философия, чем вера.

«Нет войн, которые могли бы дисциплинировать их. Нет руководителей, которые управляли бы ими. Нет веры, которая могла бы поддерживать их. Как же им удастся побеждать и выживать?»

Инил закутался в свой плащ.

— Главнокомандующий, уже очень холодно,— пожаловался он.— Может, зайдем в дом?

— Иди, если хочешь, человек Гильдии,— ответил бароммианец.— А мне хочется... подышать свежим воздухом еще немного. Я вскоре присоединюсь к тебе.

— Ледник уже прикоснулся и к вам, верно? — прошептал Инил и удалился.

Сидир уставился вслед ему. «Что, черт побери, он имел в виду?»

Он снова переключил свое внимание на окружающее. Слишком много он должен сделать. Прежде всего нужно собрать сведения. Без местных проводников (некоторые туземцы всегда присоединялись к завоевателям — до последнего времени) его отрядам придется самим осуществлять разведку и составлять карты этих огромных территорий, где за каждым камнем может скрываться стрелок, а в каждой яме таиться смерть. И они смогут сделать это, его парни, и где-то они, наконец, отыщут дом Доньи, чтобы сделать его обитателей заложниками или уничтожить в назидание другим. Но он должен заставить их поскорее заключить мир — лето такое короткое в этих охотничьих угодьях.

Здесь охотилась она.

«Почему?»

Он попытался объективно оценить ее. «Красивая. Необычная. Великолепный характер. Мужской ум и самообладание. И, может быть, прежде всего загадочность — никогда не знаешь, что действительно скрывается за ее глазами. Но это не объясняет, почему я так страдаю от потери ее.

Но с чего это я вообще взял, что в ней есть какая-то загадочность? Вероятнее всего, она пустоголовая шлюха, готовая кувыркаться с кочегаром так же, как со мной или с

кем-нибудь другим, не способная долго хитрить, ведь первая же случайно вспыхнувшая ссора привела ее в бешенство. Не саму Донью я не могу забыть, я не могу забыть свою мечту!

Почему я должен грезить о девушке-мечте?

Женщин Рогавики называют ведьмами».

Под слоем его рахидианского разума зашевелилась древняя дикость. По нему ударил холодный ветер. Сидир вздрогнул и направился к дому.

Глава 12

Несколько дней Донья и Джоссерек путешествовали, держа путь на север, чтобы присоединиться к ее семье в Херваре, когда, наконец, повстречались с первой группой охотников. Джоссерек не стал считать их. На этих огромных безлюдных просторах, где пространство было соединено со временем и где единственными событиями являлись: дождь, радуга, преследование антилопы, чтобы приготовить еду; бегство от стаи диких собак; красочный закат, отсвечивающий алым сквозь прозрачные крылья летучих мышей, кружащих над озером; глухарь, шумящий в ягольнике; рой бабочек, перелетающих через холодную реку; смех над играми лисят; находка улья в трухлявом пне; дикая любовь при лунном свете, а потом нежные объятия на рассвете и один раз — сумасшедшая любовь при сверкании молний и ревущих небесах во время громовой бури — все эти события были подобны простой ряби воды в бесконечном океане волн. Он замечал, как медленно меняется местность. Похоже, теперь побольше стало деревьев и мшистых лугов, потом пошли болота. Ночи стали холоднее.

Когда, наконец, Донья заметила клуб дыма слева, она направилась в ту сторону.

— Наверное, там есть новости, которых мы не знаем, — сказала она. — Да и у нас есть, что сообщить — и из-за наших новостей летом должно быть созвано Собрание Земель.

«Собрание Земель — это не Собрание Кланов, которое

собирается в момент солнцестояния на территории каждой народности,— вспомнил Джоссерек.— Собрание Земель созывается на два месяца позже, и на нем может присутствовать любой из жителей севера. Акула! Неужели им потребуется столько много времени, чтобы начать организовывать оборону? Да к тому времени Рунг уже будет захвачен Сидиром!»

Но он знал, что спорить бесполезно.

— Где мы находимся? — спросил он.

— На чьей земле, то есть? Фераннианской.— Донья цокнула языком и ударила каблуками пони. Он понесся рысью. За ней последовал Джоссерек с двумя нагруженными поклажей конями.

К лагерю они приблизились незамеченными — их скрыл гребень горы. С вершины Джоссерек увидел стоявшие у ручья десять круглых палаток с коническими крышами. Было очевидно, что их владельцы принадлежат какому-то Братству — неформальному объединению семей, чьи зимние квартиры располагались совсем рядом друг к другу и большая часть их членов охотилась одной компанией (некоторые, особенно молодые, осуществляли совместные путешествия и зимой, и летом). День был теплым и солнечным, воздух пропах торфом. И взрослые, и дети собрались между палаток и готовили общий ужин — подвешенные над углями среди котелков жарились куски огромного степного орла. Рядом стояло несколько легких фургонов, на которых через долины перевозили грузы и которые использовали в качестве плавучих средств при переправе через реку. Прихрамывающие тягловые лошади паслись дальше. Ездовые лошади, гончие и ястребы были на охоте. Когда взгляд Джоссерека скользнул по зеленому склону холма в сторону восточного горизонта, он увидел там охотников. Они гнали стадо мунрогов — огромную волну желто-коричневых тел. Земля сотрясалась от топота копыт животных, которых подгоняли скакавшие галопом всадники, окружив стадо по краям, в руках они держали луки и копыя.

— Неужели они смогут съесть такое большое количество мяса, прежде чем оно испортится? — удивленно спросил Джоссерек. Снова и снова ему на память приходила та полурелигиозная забота, которую местные жители проявляли к этой земле и обитающим на ней животным.

— Большую часть они высушат и прокоптят, а потом отвезут домой, включая шкуры, кости, жилы, хвосты — для всего найдется применение, — ответила Донья.

— Но ведь ты сказала мне, что они также охотятся и зимой.

— Лишь немного, да и то рядом с садами. Заготовленная впрок еда помогает нам выжить во время метелей, или когда мы отправляемся в далекие путешествия, или когда мы занимаемся искусствами или просто бездельничаем. Ты ведь, разумеется, не думаешь, что мы проводим время снегов, как койоты. — Донья отвернулась от спутника, задорно смеясь над ним.

Джоссерек с удивлением увидел, что, заметив незнакомцев, люди в лагере схватились за оружие. Многие путешественники, бывавшие в Рогавики, отмечали доверчивость местных жителей. Донья, должно быть, тоже обратила внимание на такое их поведение: она распростерла вперед открытые ладони и остановилась у края стоянки. К тому времени люди в лагере опустили вниз оружие. Инициативу в свои руки взяла седовласая пожилая женщина, все еще сохранившая стройность и гибкость, — из одежды на ней был только кильт.

— Добро пожаловать, путники, — приветствовала она их. — Мы из Вороньего Гнезда, а имя мое — Дераби.

Донья представила себя и своего спутника:

— Почему вы так настороженно отнеслись к нам? — спросила она. — Неужели имперские войска так быстро добрались до земли фераннианцев?

— Пока нет, — ответила Дераби, — но проезжие рассказывали об их бесчинствах. Мы испугались, что вы их разведчики — несколько дней назад мы видели следы их работы. Несмотря на то, что вы одеты по-нашему и вас всего двое... Эй, да слазьте же со своих лошадей и отдохните. Авело, пожалуйста, присмотри за их лошадьми.

— Разведчики, — прошептала Донья. Она быстро справилась со своим недовольством. На вопросительный взгляд Джоссерека она ответила: — Если хочешь, я объясню все тебе позднее. Еще одна опасность. Но не страшнее диких собак или бурной реки, что мы перешли.

Дети обступили чужеземца, и все хотели показать ему лагерь. Он узнал, что палатки были сделаны из тонкой кожи, натянутой на легкие деревянные каркасы со сталь-

ными креплениями. В центре каждой был очаг, над которым колпак из тонкого алюминиевого листа образовывал дымоход. Оконные отверстия и вход защищались сеткой от москитов. Здесь было множество вещей, заслуживающих внимания: спортивный инвентарь, игры, музыкальные инструменты и даже книги. Стены были расписаны какой-то символикой, которую он не мог прочесть, но приятные на вид. Фургоны тоже были украшены — медью и золотом.

Среди присутствующих было две матери, сегодня была их очередь присматривать за детьми. Хотя их собственным детям было уже по два-три года и они уже давно как ели твердую пищу, но все равно время от времени тянулись к груди, чтобы вкушать молока. Джоссерек знал, что кормление грудью снижает способность к деторождению. Этому же способствовал малый вес тела — а большинство жителей Рогавики были худощавыми. Дикари, ведущие кочевой образ жизни, примирились с высокой детской смертностью у себя, но у них были и другие способы поддерживать население на низком уровне. Немаловажным фактором было и то, что женщина не могла заботиться больше, чем об одном младенце, а едва начавшие ходить дети сильно ограничивали ее подвижность.

«Весь ужас в том, — подумал Джоссерек, — что здесь старые категории не применимы. Все, включая и Донью, когда я спросил ее, утверждают, что у северян медицина и санитария на высоком уровне — и очень мало детей умирает. У них есть лошади и фургоны, служащие для перевозки. У них существует равенство полов — мужчины принимают участие в воспитании детей, а в доме, где проживает несколько семей, всегда найдутся мужчины. Материнство — это не помеха, по крайней мере не слишком серьезная и долговременная. Поэтому рост населения должен быть здесь таким же, как у народов, занимающихся ведением сельского хозяйства. На самом же деле прироста вообще нет — я никогда не слыхивал о том, что подобное случалось в обычных условиях — кроме смутных времен, когда бывают тяжелые потери.

А это все указывает на различного рода регулирующие механизмы, религию, обычаи, социальное давление и соответствующие учреждения. Но все дело в том, что, кажется, ничего подобного у рогавикианцев нет!

Хотя, конечно, их браки носят своеобразный характер,

и это накладывает свой отпечаток, и довольно сильный. Донья в ответ на мой вопрос сказала, что три из пяти женщин не способны стать матерью. Как такое может продолжаться уже в течение многих сотен и даже тысяч лет? Это же явно противоречит человеческой природе».

Случайно вскоре он получил частичный ответ на мучавший его вопрос. Первой в лагерь возвратилась молодая женщина, несомненно беременная, сопровождаемая вполне зрелой женщиной. Обе они привлекли его внимание. У девушки на лице еще остались следы слез, хотя она уже успокоилась. Это показалось Джоссереку необычным. Вид второй был еще более поразительным. Возраст ее приближался к сорока. Сейчас она шла обнаженной, что, по всей видимости, делала часто — кожа у нее была смуглой на фоне седых волос. Она, должно быть, была незамужней: он не увидел серебристых шрамов, которые остаются после родов на теле женщин. Но двигалась она неторопливо, с печальным выражением на лице, которого он еще не замечал у этих людей. Правой рукой она обхватила девушку за талию — ободряюще, не эротически, а в левой сжимала палку с набалдашником в виде солнца с лучами из моржовых клыков — эти животные еще водились в Материнском океане.

— Кто это? — прошептал Джоссерек.

— Проводник, это ясно видно, а вторая — член Братства, которой помогает проводник, — ответила Донья.

— Что ты имеешь в виду?

— Объясню позже.

Женщина сообщила, что ее зовут Крона из Старрока. Она далеко ушла от того места, где родилась, с юга. Ласково попрощавшись с девушкой, она разговорилась с хозяйкой Аулхонта. Джоссерек не слышал, о чем они говорили — возвращающиеся охотники бурно приветствовали его.

Некоторые из них оставались на месте охоты до утра — сторожить убитых зверей от птиц. Огни костров сверкали в сумерках.

— Жаль, что вы должны снова отправляться в путь завтра, — сказал седобородый мужчина, которого звали Тамавео. — Нам бы всем хотелось послушать историю о ваших приключениях.

— Но у нас найдется о чем рассказать, помимо наших приключений, — ответил киллимарейчанец. Хотя Джоссе-

рек не думал, будет ли какой-нибудь толк от их рассказа, но все же разделял желание Доньи предупредить их о небывалом вторжении в северные земли.

— Мы знаем.— Пальцы, обхватывающие ручку палки, побелели.— Мучители вернулись. Еще одному поколению наших людей придется заплатить смертью, чтобы освободить нашу землю от захватчиков.

— Нет,— возразил Джоссерек.— Это вторжение не похоже на те, что были раньше.

У жены Тамавео перехватило дыхание, и она схватила мужа за руку. Она была не старше девушки, которую сопровождала Крона. В ответ на тихий вопрос Донья сказала:

— Да, легко догадаться, что случилось в той семье. Умерла хозяйка. И ради детей мужа ее решили не расставаться. Конечно, они бы предпочли взять зрелую женщину, но во всей округе у таких женщин уже и без того достаточно мужчин, и эта девушка — единственная, которая согласилась на их предложение.

— Как это? — прошептала жена Тамавео.

Донья кивнула Джоссереку.

«Не своди их с ума и не предлагай им отказаться от игры».

Джоссерек смутно различал ее фигуру на фоне костра. Она сидела рядом с Кроной. На проводнице было длинное серое платье и голубая накидка с капюшоном, которые делали ее еще более загадочной в окружении людей, на которых была одежда из шерсти и оленьей кожи. Огоньки пламени танцевали на тлеющих угольках. В темноте сверкали лица, руки, рога с медовухой. Ужин заканчивался, и ветер относил в сторону запахи мяса, супа, листьев, где-то далеко выли собаки. Одна за одной на небе вспыхивали звезды, образуя величественный Млечный Путь вокруг Северного полюса, где на страже стояла Вега.

Джоссерек слегка кивнул.

— Это не землепашцы и не пастухи, которые пытались захватить раньше ваши земли,— сказал он,— это не медлительные пешие воины и не неуклюжие драгуны, которых легко застать врасплох, отрезать от снабжения на сухих и пыльных равнинах Хадрахада. Кулак и клыки этой армии составляют бароммианские всадники, столь же быстрые и опытные воины, как и вы, способные выжить на этой

земле, но лучше вооруженные, лучше... — он не мог подобрать слово, которое обозначало бы на их языке «дисциплинированы», поэтому он использовал другое: подготовленные к совместным действиям лучше. Рахидианская пехота построит здесь несколько опорных баз, с них бароммианские всадники будут совершать набеги на ваши владения.

Донья говорила, что мысль о том, что они сами будут подвергаться нападениям, не потрясет их.

— Расскажи нам еще, — попросила Дераби. Голос ее звучал ровно, однако в свете умирающего костра Джоссерек увидел, как она протянула вперед руку и прикоснулась к щеке внучки.

Он начал говорить, и они внимательно слушали его, пока не поднялась поздняя луна. Они засыпали его вопросами — в основном, толковыми. Но все они касались тактики: как можно мечом сражаться против бароммианцев, одетых в латы и с копьем в руках? Нельзя ли заманить вражеские эскадроны в зыбучие пески, каких много по берегам мелководных рек? И как насчет воинов, прячущихся в траве с ножами, чтобы перерезать сухожилия коням?.. Джоссерек не услышал ни одного вопроса, хотя бы как-то касающегося стратегии или возможности поражения.

Под конец, когда люди начали зевать и разошлись по своим палаткам, Тамавео пригласил килимарейчанца в свою. Донья с Кроной скрылись вместе в темноте ночи. Джоссерек отметил, как этот человек, будучи старшим мужем, взял бразды управления в свои руки в этой особенной семье — в других эта роль принадлежала женам. Хотя «взял бразды в свои руки» — не точное выражение в обществе, где ничто не могло управлять человеком, кроме него самого. Может быть, больше подойдет «взял инициативу»? Несмотря на ночь, его сожители были рады ему, хотя остальные семьи выражали добродушное разочарование.

В палатке при свете бронзового светильника Тамавео спросил с той непосредственностью, с какой жители Рога-вики разговаривали между собой:

— Человек из Сверкающей Воды, ты делаешь нам много добра. Могу я в свою очередь подарить тебе вот это? — Он развязал на груди плащ из тяжелого южного шелка, отороченный мехом, как это было принято у северян.

— Зачем... да, вы очень добры, мне очень приятно,— ответил Джоссерек, ему никак не удавалось подобрать слова благодарности на местном наречии за такой необычный и дорогой подарок. Он искренне был благодарен — подарок был великолепен.— Э-э... чей это белый мех? Я никогда не видел такой шкуры.

— Это горная кошка,— ответил Тамавео.

— Гм-м! — Джоссерек на мгновение вспомнил тех маленьких диких кошек, которые, очевидно, являлись сородичами домашних животных в домах Киллимарейча. Но их шкура была камуфляжного темно-коричневого цвета.— Это...— проклятье, он не знал, как перевести слово «альбинос».

— Конечно, зверя убили зимой,— с гордостью заметил Тамавео. Наверное, тогда этих зверей труднее поймать, поэтому их шкура и ценилась так высоко.

По какой-то причине Джоссереку долго не удавалось заснуть. Он лежал, размышляя над тем, что увидел. Он встречал кошек по всему миру. Ученые выдвинули теорию, согласно которой люди держали кошек до наступления ледника, и они были распространены повсеместно — многое подтверждало эту теорию. Но он не знал, что цвет их меха может меняться в зависимости от времени года, как это делали горностаи или полярные зайцы.

Значит, горные кошки были новым видом... А что значит «новый»? С течением бесчисленных тысячелетий, когда климат претерпевал большие изменения с наступлением с полюсов ледников, естественный отбор мог привести к поразительным результатам. Да и генетические изменения — в популяции, отрезанной от остальных представителей своего вида... Джоссерек вспомнил остров, где у всех людей было по шесть пальцев на руке. Или черная кожа, белоснежные волосы, карие глаза Малвен Роа с острова Ики... «Что ж, я не ученый, занимающийся вопросами наследственности. Я просто кое-что читал, главным образом после того, как стал работать в китовом патруле, и узнал о многих удивительных вещах...» — Вскоре он уснул. В его снах гулко трубили слоны, не похожие на тех, что он видел в тропическом Ованге или Эфлисе. Они были волосатые, с огромными изогнутыми бивнями. И топали они по тундре, покрытой ледяными торосами.

...Донья пришла ночью. На рассвете, когда в тумане уже слышались голоса охотников, она отвела Джоссерека в сторону и сказала:

— Проводница Крона закончила здесь свои дела и теперь собирается пойти на стоянку Данхет. Это нам по пути — особенно, если мы хотим, чтобы наши известия распространились как можно дальше. Поэтому я предложила ей присоединиться к нам. Ты не против?

— Нет, конечно, — ответил он и остановился в нерешительности. — Чем она занимается?

— А ты что, не знаешь? Она ищет мудрость. Поэтому и не принадлежит ни одной семье или Братству, свободно путешествует повсюду, учит людей или помогает им в обмен на гостеприимство. Это благородное призвание для тех, у кого достаточно сил, чтобы следовать ему.

«Что ж, — подумал Джоссерек, — это на некоторое время внесет некоторое изменение в мои отношения с Доньей. С другой стороны, меня заинтересовала эта женщина. Да и имею ли я вообще право голоса в этом вопросе?»

— Каким образом она оказывает помощь? — спросил он. — Я имею в виду, ведь вы вчера наедине о чем-то долго беседовали. Я уверен, что либо она рассказала тебе об этом, либо ты могла сама догадаться. Может быть, мне тоже следует знать — хотя бы для того, чтобы не ляпнуть чего-нибудь невпопад.

— О, все очень просто, — безразличным тоном ответила Донья. — У той девушки неплохие перспективы выйти замуж. Оба ее отца занимаются торговлей и могут дать за нее хорошее приданое. Поскольку отцовство после того, как у женщины появляется второй муж, определить почти невозможно, жители Рогавики обычно считают отцом ребенка обоих мужей. Она развлекалась, как и другие девушки, и с ней случилась беда.

Джоссерек уже знал, что в основе местных нравов лежит стерильность, часто встречающаяся среди взрослых. Наряду с забавами и играми многие девушки, по достижении брачного возраста, вступали в свой первый брак. Молодые пары жили несколько лет под присмотром родителей, прежде чем завести ребенка.

— Это... — Джоссереку пришлось перейти на арванне-тианский. — Позор?

Донья кивнула.

— Если бы незамужние девушки стали бы рожать детей, как жены, то вскоре нас стало бы так много, что изменилась бы наша жизнь, верно?

— Могут ли они воздержаться от этого?

— Конечно, нет. Они ведь люди.

Еще одно доказательство того, что жители Рогавики недалеко ушли от домашних животных.

— Но кто теперь захочет ее взять, чем-нибудь помочь, разрешит жениться на ней? Ей остается либо бежать отсюда, либо становиться шлюхой в полном смысле этого слова, или еще чем-нибудь в этом роде.

— Что же теперь ей делать?

— То же, что делают все. Но дело в том, что она еще совсем ребенок и слишком сентиментальна. Поэтому Крона и провела здесь несколько дней, пытаясь успокоить ее.

— Каким образом?

— Ну, чтобы она показала всем ребенка, когда он родится. А что же еще делать? — Донья улыбнулась. — И рассказать обычную историю, что он — результат случайной связи с южанином, потому что тогда никто не захочет его воспитывать у себя и все согласятся, что его нужно убить. — Она отвернулась. — Эй, неужто нам больше нечем заняться, а?

Джоссерек не сдвинулся с места. Шум и суета вокруг, разгорающийся рассвет и ослабевающий холод казались далеко-далеко.

«Почему меня это так волнует? — подумал он. — Неужели я вообразил себе, что эти люди не умеют лицемерить? И только Богам известно, насколько широко по всему миру распространены обычаи делать аборт и убивать младенцев и маленьких детей!

Ну и что с этого? Наверное, во мне больше крупниц знаний киллимарейчанской цивилизации и ее культуры, чем я думал, если я нутром чую, что нерожденные и новорожденные заслуживают человеческого отношения к себе, что они не совершали никаких преступлений, за которые их можно было бы лишиться права на жизнь.

Северяне думают по-другому. Почему это меня беспокоит? Чего же ждать... от расы, которая совершенно чужда мне?

И все-таки я поживу еще среди них. Если они станут

сражаться с Империей до самого конца, возможно, я сумею научить их, как уничтожить побольше имперских солдат, прежде чем их заставят-таки сдаться, когда последние голодающие станут жалеть, что не умерли раньше, подобно своим нежеланным детям».

Глава 13

На второй день путешествия втроем они столкнулись с бродягами.

Донья первой увидела банду. Чтобы попрактиковаться, она усккала на своей лошади вперед и скрылась за холмом, пропав из поля зрения своих спутников. С того времени, как они покинули Баллгор, она часто поступала так — с обеими своими лошадьми, — пуская их иноходью, демонстрируя различные маневры, ловкость и смелость, которые бы прославили ее на представлениях на побережье.

— Это может понадобиться, — объясняла она Джоссереку. Сейчас лошади повиновались малейшему ее жесту, став как бы продолжением ее тела.

Джоссерек не пытался следовать ее примеру, да она и не настаивала на этом. Достаточно было и того, что он крепко держался в седле. Крона тоже скакала только на своих конях, но не считала нужным повторять ее трюки — она воспитывала своих лошадей с жеребьячьего возраста. Поэтому Джоссерек и Крона часто оставались одни и много беседовали. Несмотря на ее взгляды, эта женщина начинала нравиться ему.

Она интересовалась его миром и больше задавала ему вопросы, чем рассказывала сама. Однако она не была такой замкнутой, как большинство жителей Рогавики. Это не было следствием эгоизма или недостаточной осмотрительности. Он вскоре пришел к выводу, что редко встречал человека, который был бы столь уравновешен. Она не чувствовала угрозу своему внутреннему миру, равно как не испытывала страха ни перед чем извне, хотя путешествовала, вооруженная лишь ножами, топориком и легким

арбалетом, что годилось только для охоты. Крона неспешно рассказала ему, кто же она такая.

— Чаше всего незамужние женщины остаются в своих Братствах,— начала она.— Лишняя пара рук никогда не бывает лишней. И еще большую ценность представляют лишние мозги.

Джоссерека еще раньше удивляла крепость таких семей. Неужели мужу не надоедает делить свою жену с другими, и, наверное, его легко соблазнить. Когда он спросил об этом Донью, та отрицательно покачала головой. Жена должна обладать силой, чтобы делать своих нескольких мужей счастливыми; поэтому девушка, воспитываемая родителями, еще до замужества решает, действительно ли она хочет стать женой. Необрученные всегда могли удовлетворить свои сексуальные потребности — обычно они выбирали женщин, но не так уж редко ими выступали мужчины, юноши или проезжие путешественники, а порою — и чей-то муж. Единственным правилом было то, что в результате таких связей не появлялся ребенок. Внебрачные связи сами по себе были не так уж важны, если союз был крепок. Обычно так и было. Теоретически он мог распаться в любой миг, в реальной же жизни он создавал «узы чести», и любой, кто разрывал их без взаимного согласия, рисковал потерять уважение друзей.

Джоссерек поморщился при мысли, что с Доньей у него тоже не более, чем простая мимолетная связь. Он не смел спросить у нее об этом, лишь заметил, что на его родине две и больше женщины ни за что бы не ужились под одной крышей. Донья была этим удивлена. О чем можно скандальить? В ее жизни у каждого партнера была собственная комната, работа, вещи, никто никому не мешал с увлечением играть, развлекаться и не вмешивался в чужую жизнь. Работа требовала сотрудничества и была организована так, чтобы быть законченной как можно скорее и с наименьшими затратами сил. Этого требовал обычный здравый смысл.

«Значит, у вас, жителей Рогавики, здравого смысла больше, чем где-либо в ином месте», — пошутил он... и неожиданно вспомнил ее вспышку ярости и многое другое.

— Но многим не по душе жизнь дома,— продолжала Крона.— Они образуют товарищества или присоединяются к уже существующим, чтобы вместе устраивать ловушки

или торговать. Они основывают стоянки, где ощущают пульс всей жизни севера. Отправляются за границу, пробуют себя в разных занятиях, а потом возвращаются, и им есть что рассказать. Они становятся бродячими артистами, ремесленниками, предпринимателями, изобретателями, учеными, учителями, искателями новых знаний о природе. Кое-кто ищет знаний вне природы, а некоторые становятся проводниками.

Он смотрел на нее одновременно с интересом и удовольствием. Она была хорошенькой, скакала рядом с ним, одетая так же, как и он, но ее рубашка была наполовину расстегнута, а непокрытые волосы свободно развевались на ветру. Она вела себя непринужденно; в некоторых отношениях она была более сердечной, чем Донья, у которой раскованность перемежалась с приступами животного веселья и бессловесной страсти. И все же от Доньи и других северян ее отличало нечто большее, чем жезл, привязанный к подпруге, или одежда, завернутая в спальный мешок; большее даже, чем одна запавшая ему в память фраза, брошенная ею, что она добровольно обрекла себя на пожизненное безбрачие.

— Я пытаюсь понять нечеловеческую природу, — сказала она ему. — Поэтому я должна сама стать такой — нечеловеческой природы — камнем, звездой, рекой, ледником.

День был безоблачный, ярко светило солнце, хотя и было прохладно — дул северный ветер. Снова исчезли деревья, появились пруды и речушки, разбросанные на большом расстоянии друг от друга. Трава превратилась в засохшие коричневые клочья. Более густыми были серо-зеленые заросли вереска, который цеплялся за стремяна и хлестал по коленям лошадей. Кое-где попадали кусты бузины. Из-под копыт выбегали кролики, вверх вспархивали вороны и куропатки, но не было следов крупной дичи.

— Бедная земля, почва здесь песчаная, не способная удерживать воду, а летом слишком редко идут дожди. Не стоит задерживаться — нужно поскорее достичь более богатых земель, — советовали им фераннианцы.

А что думает Крона об этой бесплодной земле?

— Мне кажется, что люди, подобные тебе, находятся в постоянном движении, — сказал Джоссерек. — Вам везде рады, потому что вы утешаете попавших в беду и помогаете воспитывать молодых...

— Мы живем ради того, чтобы самим побольше узнать,— ответила она.— Но все это требует, во-первых, единства тела и разума. Совсем не то, что бывает между всадником и его лошадыю. Тело и разум — не две отдельные части чего-то — они едины, как птица и полет. Это достигается нелегко, нужно приложить много усилий и вести аскетический образ жизни. Но и сами они создают внутри тебя барьер. Птица должна скользить и парить, подниматься и падать стремительно вниз. Собственность, связи с другими людьми или привязанность к родной земле могут стать слишком большой помехой на этом пути.

Наша цель состоит в достижении еще большего самоконтроля, чем человек может достичь, ведя обычную жизнь. Так как же могу тогда я отказывать в помощи тем, кто предлагает мне гостеприимство, не поделиться даже частицей своего умения? Но такая помощь — не самоцель. Это лишь первый шаг на пути к постижению истины.

— Я уже встречался с аскетами, которые стремились к той же самой цели,— кивнул Джоссерек.— Некоторые считали, что они найдут ее, приняв... э-э... бога, под ним мы считаем источник всего сущего, считается, что в одной из своих ипостасей им был человек. Другие надеются слиться со всем сущим. Полагаю, что их вера ближе всего к твоей.

Сказав это, он тут же задумался, подходит ли это слово к тому, что он имел в виду. Может, он должен был сказать, например, «отношение к жизни» или же «видение мира»? Донья как-то призналась ему, что у каждой семьи возникают собственные ритуалы, скрываемые от посторонних и которые никогда не обсуждаются ни с кем. Ясно, что у жителей Рогавики отсутствовали какие-либо религиозные убеждения, как, впрочем, и мифология. Религии чужих народов забавляли ее.

Крона пристально посмотрела на него своими голубыми глазами.

— Нет,— резко произнесла она.— Если только я правильно поняла тебя. Я уже слышала об идеях, о которых ты говоришь. Мне они кажутся лишенными здравого смысла. Несомненно, реальность — это...

Забывшись, она употребляла непонятные ему слова, но заметила это и перешла на более простой язык. Он мало что понял. Ее понятия были слишком непривычны ему. У Джоссерека сложилось впечатление, что, по ее мнению,

существование стремилось к бесконечному разделению. Познание не являлось стремлением внутреннего «я» к какому-то определенному пределу, но ростом этого «я»... возможно, если говорить метафорически, поглощение им всевозможной информации и осознание ее. В то же самое время «я» не являлось монадой. Оно было динамично связано с постоянно эволюционирующей вселенной; и ни в малейшей степени не являлось чем-то бессмертным. Крона не делала различий между знаниями, открытиями, интуицией, логикой и эмоциями. Они были равноценны и равнозначны с точки зрения понимания и совершенствования.

Наконец он признал со вздохом:

— После нескольких лет упорного труда я могу теперь понять, к чему ты ведешь, но это я вижу не в словесной форме, а как осмысленное описание космоса и жизни в нем. А может, и нет. Все чаще и чаще я задаю себе вопрос, способен ли я, да и вообще какой-нибудь чужеземец, понять ваш народ.

— Что ж,— улыбнулась Крона,— вы тоже загадка для нас. Давай получим удовольствие от этого.

Они еще некоторое время скакали одни, погрузившись в дружеское молчание, когда к ним наконец вернулась Донья, стремительно спустившись с холма прямо к ним. Лишь оказавшись совсем рядом с ними, она прервала свой галоп. Ветер донес до них пот животного, прищурившиеся глаза Доньи горели зеленым пламенем на ее все таком же бледном лице.

«Что-то случилось»,— понял Джоссерек. По телу пробежали мурашки. Крона с непроницаемым лицом ждала, что им сообщит Донья.

— Бродяги,— резко выдохнула Донья.— Скорее всего. Не меньше дюжины человек. Наверное, они успели заметить меня раньше, чем я их. Когда я увидела их, они мчались в мою сторону.

Крона принялась вертеть головой по сторонам, рассматривая простиравшуюся вокруг пустынную местность.

— Негде даже спрятаться,— сказала она.— Мы у них в руках.

— Я скорее воткну нож себе в живот, чем сдамся! Нам лучше скакать на север. Мы неподалеку от территории Зелевэй. Вполне возможно, что там мы найдем помощь или по пересеченной местности нам удастся оторваться от преследователей. Это лучше, чем петлять по фераннианской

земле.— Донья расхохоталась.— А это нам точно удасться — ведь мы обгоняем диких кошек. У них тощие клячи, но у каждого по три-четыре запасных. Вперед!

Она пустила лошадь быстрой рысью. Животные выдерживали большие перегоны, если менять аллюр, а сейчас им предстоял длинный путь. Джоссерек направил своего коня поближе к ней. Перекрывая завывания ветра, треск ветвей кустарника, грохот копыт, храп лошадей, он спросил:

— Чем же, черт побери, так опасны бродяги?

— Они из тех, кто не может ужиться со своим народом и начинает за ним охотиться,— мрачно ответила она.— Они прячутся на заброшенных пустошах, устраивают засады, совершают набеги. Нас преследуют женщины, и горе тому, кто попадет им в руки.— Она прикусила губу.— Однажды я оказалась среди людей, которые нашли девочку, побывавшую в их руках. Перед смертью она рассказала нам немного из того, что они вытворяли с ней. После этого целый год мне снились кошмары. Мы собрали отряд, чтобы покончить с ними, но они разделились, и нам удалось схватить только трех женщин. Мы пригвоздили их к деревьям. Быть может, именно поэтому они больше и не появлялись в Херваре.

Джоссерек вспомнил то, что слышал в лагере. Последовавшие вслед за тем события вытеснили это у него из головы.

— Если ты знала, что в этом районе бесчинствуют бродяги...— начал было он, однако она оборвала его:

— Было маловероятно, что они наткнутся на нас. Нам просто не повезло. А теперь — вперед!

Уже произнося эти слова, она начала натягивать тетиву своего короткого лука — появились бандиты.

Они скакали нестройной группой. До них было мили полторы, и их криков Джоссерек еще не слышал.

«Да, их двенадцать,— сделал он подсчет.— И много запасных лошадей. Когда наши выдохнутся, они нас догонят.

Нас всего трое. Что мы можем сделать, помимо того, чтобы попытаться оторваться от них? Черт бы побрал эту голую равнину! Если бы нам удалось найти укрытие, мы могли бы расстрелять их из луков или в узком месте уничтожить их по одному или по двое. Но если нас окружают на этой открытой...

Бароммианским всадникам Сидира эти бродяги не представляют никакой опасности. Хорошо вооруженные, в доспехах, обученные сражаться в стычках, они перебьют нападавших и скормят их трупы псам. Потом бы они продолжили свой путь и очистили бы эту землю от отщепенцев. Акула! А эти рогавикианцы не могут собрать даже один полицейский отряд! Возмущение, что он может погибнуть из-за этого, горькой желчью разлилось во рту. — Их общество — еще одна ошибка истории. Естественный отбор покончит с ними».

— Йщщ, уу-уу, ррра-а-оу! — раздалась вопли впереди Джоссерека.

Слева две женщины огибали холм, лежавший впереди Джоссерека. Они скакали на косматых мустангах, сменных лошадей у них не было. Они бросились им наперерез.

Донья выхватила стрелу, натянула тетиву и выстрелила. Зазвенела тетива. Выстрел был сделан точно по цели, но живая мишень пригнулась к боку лошади и, соскользнув с седла, повисла на одной ноге. Потом всадница снова выпрямилась и захохотала.

Ее напарница молча приближалась к ним. Как и Донья, она была лучницей, тогда как у первой всадницы в руках было копье. Ее волосы были так спутаны и настолько грязны, что Джоссерек не мог определить, какого они цвета: каштановые или светлые. Копоть, засохшая кровь и жир, покрывавшие ее кожу, тоже не скрывали ее цвет. Грудь болтались при скачке, и он мог сосчитать ее ребра. На ней были кожаные брюки с ножами, а на второй всаднице еще и снятый с какого-то бедолаги плащ.

— Йии-аа! — закричала она и выпустила стрелу... в лошадей преследуемых ими жертв.

Стрела попала в цель. Запасная лошадь захрипела и рухнула на землю.

«Эта пара дьяволиц уложит нас здесь отдыхать», — понял Джоссерек. Натянув поводья и подгоняя лошадь ударами в брюхо, он развернулся и ринулся в атаку на врага.

— Идиот!.. — услышал он крик Доньи.

Все громче раздавались насмешки всадницы. Над впалыми щеками сверкали белки ее глаз, из раскрытого рта капала слюна.

— Ну же, давай, иди ко мне, мужчина! Смелее. Мы не

станем быстро убивать тебя. Мы пришили тебя копыями к земле и поиграем... кастрируем тебя, ха-ха!.. Йоо-ии!

У нее была норовистая лошадь, и Джоссерек никак не мог заставить свою приблизиться к ней.

Кружась вокруг всадницы, он заметил, что Донья направляется к ним. А еще дальше Крона пыталась успокоить охваченную паникой запасную лошадь. Тем временем предводительница разбойниц сокращала расстояние.

— Джоссерек! — закричала Донья. — Возвращайся! Помоги Кроне. Здесь от тебя не будет никакого толку.

Она обогнала его, злобно глядя на разбойницу, и язвительно бросила той:

— А со мной ты не хочешь поиграться, свинья?

Лучница завизжала, развернулась и помчалась прочь. То же самое сделала и вторая разбойница. «Они стали бы издеваться надо мной, просто так, ради развлечения, — Джоссерек понял это после всего услышанного. — А женщин они не станут убивать сразу. — Он уже склонялся не подчиниться Донье. — Мне лучше... Нет. Она знает, что нужно делать. Может быть, лучше всего сразу погибнуть».

Он вернулся. Раненая лошадь все еще пыталась вырваться, и Кроне никак не удавалось справиться с ней. Джоссерек изо всех сил схватился за уздечку. Через минуту лошадь была усмирена. Рана была неопасной, но нужно было срочно заняться ею. Они снова пустили лошадей рысью. Преследователи наполовину сократили расстояние. Мысленно Джоссерек оставался рядом с Доньей.

Она неслась по пустоши. Те две разбойницы ругались и насмехались позади нее. Впереди маячил высокий куст бузины. Донья мгновенно развернулась перед ним. Вот когдагодились долгие часы тренировок! А тем сумасшедшим не удалось остановиться, и они проскочили вперед справа и слева от куста. Донья пустила вперед лошадь, управляя коленями — в обеих руках сверкнуло по ножу. Один она вонзила в спину лучницы и провела его вверх, другой воткнула в бок второй разбойницы между грудной клеткой и бедренной костью.

Обе разбойницы рухнули на землю. Лучница лежала неподвижно на траве. Ее напарница, харкая алой кровью и завывая, повалилась в колючий кустарник.

Пустив лошадь галопом, Донья догнала своих спутников.

— Вот, возьми.— Она протянула поводья Джоссереку.— Поведешь мою лошадь. А я пока поскачу на раненой, пока та в состоянии двигаться, после чего мы перережем ей глотку.— Донья прыгнула в седло раненой лошади.— Вперед, галопом! — закричала она.

Джоссерек оказался во власти ощущения не меняющейся огромной скорости. В ушах свистел ветер, выдувая из глаз слезы. Брошенный назад взгляд показал, что бродяги отстают. Они не обратили внимания на убитых. Но вскоре они прокричали что-то друг другу и остановились. Потом спешились, перенесли свою примитивную сбрую на свежих лошадей и снова забрались в седло.

Из раны лошади Доньи лилась кровь, животное спотыкалось. Джоссерек слышал ее мучительное дыхание.

— К ночи они нас догонят,— холодно констатировала Крона.

— Джоссерек, мы будем держаться вместе, верно? — спросила Донья.— Мы прикончим нескольких из них. Но поклянись, что если ты увидишь, что я в безвыходном положении и ничего не могу поделать, ты убьешь меня. Я дам тебе такое же обещание. Нельзя попадать в плен. Пойми — уж лучше смерть!

Крона ничего не говорила. Мелькнула мимолетная мысль, сделает ли она то же самое или даст подвергнуть себя унижению и мучениям, как заключительному испытанию духа. «Но почему мы должны выбирать между смертью и мучениями? — ярко вспыхнула мысль: — Мы не должны так поступать!»

— Донья! — закричал он в возбуждении.— Крона! Мы можем победить!

Донья изумленно уставилась на него, проводница осталась безучастной. Все также стучали копыта.

— Каким образом? — потребовала ответа Донья.

— Надо зажечь траву. Эта равнина — словно огромная трутница, а ветер дует прямо на них. Быстрее!

Боль засветилась в глазах Доньи.

— Я боялась, что ты предложишь это,— ответила она так тихо, что скрип седла почти заглушил ее слова.— Уничтожить эту землю? Добровольно... Нет! Я сама убью тебя, если ты попытаешься это сделать!

Гнев взорвался в нем.

— Да ты слепа, как крот! — взревел он.— Начнешь ты наконец думать! Мы — только мы — можем предупредить

твой народ о планах Сидира.— Если Рогавики сдастся Сидиру, бароммианцы уничтожат ваших диких зверей. Не останется ни одного стада на всем севере. Они могут это сделать. Стоит ли это известие нескольких квадратных миль земли, которая снова зарастет травой! Неужели ты не в состоянии понять это?

Донья простонала. Крона закрыла руками лицо. Она так напрягла пальцы, что выступили сухожилия на тыльной стороне ладони и побелели костяшки. Когда она убрала руки от лица, ее голос едва перекрывал грохот копыт.

— Он прав. Мы должны сделать это.

Донья размышляла еще минуту.

— Да, должны.

Джоссерек торжествовал. Он не ожидал, что обе они согласятся с ним. Он осадил лошадь, сорвал несколько веток с кустарника и набрал немного хворосту. Потом снова пустил лошадь вскачь. С трудом ему удалось зажечь листья, но вскоре весь пучок был охвачен огнем.

Теперь он скакал, делая зигзаги. Он наклонялся то влево, то вправо и поджигал своим факелом какой-нибудь куст или заросли травы. Поднялось зарево. Волны огня устремлялись назад от него, в сторону преследователей. Пламя вздымалось и клокотало, черной пеной клубился дым, а над обуглившейся вдруг землей такой же пеной, но белой, кружился пепел. Джоссерек сквозь завесу гари с трудом разглядел, как разбойницы повернули, их неистовые крики затихали вдали.

Они, должно быть, обогнули горящий участок, и теперь огонь окружал их со всех сторон. Они явно были ненормальными. Те, кому нечего было уже терять, горели заживо. Остальные пытались вырваться из огненного кольца, но пламя преследовало их.

«Ненормальные?» — подумал Джоссерек и остановился. Его лошадь дрожала и тяжело дышала — глубокое мучительное дыхание. Так же дышала и лошадь Доньи. Ветер развеивал гриву коня, обдувал пот, блестящий на шкуре. Вой ветра перекрывал треск пожара.

«Если они действительно сумасшедшие, то это местное, рогавикианское сумасшествие.

И, возможно причиной того, что они прекратили нас преследовать, была не осторожность, а ужас перед тем, кто

оказался способным поджечь землю: в конце концов, ведь они — сами жители Рогавики».

— Дело сделано,— печально произнесла Крона, словно находилась где-то очень далеко.

Джоссерека охватила решимость.

— Нет,— ответил он им обоим.— Все только начнется.

— Что ты имеешь в виду?

Он высоко поднял голову.

— А то, что больше не позволю управлять собой. Донья, мы должны были рассказать в лагере то, что нам стало известно. Неважно, разозлит ли это их или нет. Предупреждение, которое мы несем, не должно погибнуть вместе с нами, как это едва не случилось сегодня. Может быть, это единственное, что способно объединить их.

У вас, северян, другой, чем у солдат, образ мышления. Но прошло то время, когда ваши кланы заботились только о своих территориях. В большинстве случаев, когда на кого-нибудь из вас нападали, на помощь приходили добровольцы из других семей, да и то в лучшем случае, голову даю на отсечение, чтобы поучаствовать в приключениях, а не осознавая, что если сейчас помогут они, то в следующий раз помогут уже им.

Теперь вам придется измениться, или вы погибнете. Все северяне — от Диких Лесов до Тонтианских гор — должны объединиться, чтобы дать отпор врагу. И они не могут позволить себе кочевать за своими стадами, дожидаясь решения очередного Собрания Земель. Решение должно быть принято немедленно.

Ты слышишь, меня, Донья!

Глава 14

Сидир задержался в Аулхонте на три дня, хотя он знал, что армию это удивляло, и среди солдат поползли слухи. Но наконец прибыл гонец с ожидаемым сообщением, и он мог двинуться, дальше.

— ...да, сэр, отряд из полка Золотого Ягуара...

— Какого отряда? — прервал гонца Сидир.

— Э-э... Отряд Копья Хеллы. Они натолкнулись на банду туземцев, более многочисленную, чем обычно. По мнению полковника Фельгаи, эти охотники начали объединять свои банды. Как всегда, они атаковали, не вступая в переговоры, и нанесли нам тяжелые потери. Понимаете, сэр, они применили новое оружие: берут с собой гнезда шершней и швыряют их в гущу наших отрядов. А когда лошади разбегаются куда попало, вырезают солдат, причем любой из них способен справиться с тремя-четырьмя нашими. Бок о бок с мужчинами сражаются женщины, и на их счету почти половина убитых. Уцелевшие в этой бойне отступили, перегруппировались и послали за подкреплением. Противник тем временем занял позицию на голой скале. Целому полку не удалось выбить их оттуда. Продолжение штурма привело бы к еще большим потерям. А поскольку неподалеку от нас находился Главнокомандующий, то полковник Фельгаи послал меня сообщить об этом сражении и попросить дальнейших указаний.

«Копья Хеллы — один из лучших моих отрядов — разбит кучкой дикарей», — мелькнула мысль в голове Сидира.

— Мы можем держать осаду скалы, пока они не перемрут там, сэр, — предложил гонец, закаленный в сражениях кривоногий и невысокий ветеран старой закваски, который не боялся высказывать вслух офицерам свои мысли. — Но это задержит всех нас. Понимаете, сэр, чтобы не удерживать их от вылазок, понадобится много людей, чтобы без опаски на тылы двинуться вперед основными силами.

— Ага. — Сидир потер подбородок. — Отсюда до того места полтора дня? Попробуй отдохнуть хоть немного — через час мы выезжаем. — Потом Сидир обратился порахидиански к своему адъютанту: — Подготовь свежих лошадей и группу сопровождения из... э-э... шести человек.

— Но, сэр, — запротестовал тот, — так мало?

— На этой земле демонов я, как правило, не лезу с советами к Главнокомандующему, — сказал гонец. — Но перед моим отбытием сюда мы очистили дорогу вдоль реки, и я прибыл сюда один, без сопровождения.

— Шестерых, — повторил Сидир. — А теперь вы свободны. Оба.

Оставшись один в комнате, он дал волю своим чувствам. Вон там Хервар. Может быть, там уже и Донья! Его

колени задрожали, слегка-слегка. «Глупо, глупо надеяться. Шансы так малы! — Он помрачнел. — Но почему бы не предположить, что она направилась домой? И ведь здесь она зимует.

Вот здесь сама ее зимовка. Я смогу показать ей, как бережно я отнесусь ко всему, чем она владеет».

В любом другом месте он приказал бы своим людям все разорить, разграбить и сжечь дотла. Когда наступят холода, а у них не будет нор, эти люди-волки сдадутся, внемлют голосу разума, и тогда они займут те жилища, которые он позволит им занять. И это, возможно, послужило бы отличным примером для других северян из районов, до которых еще не добралась его армия («Возможно, возможно, возможно!»).

Но когда Инил эн-Гула, агент из Фальда, сказал, что он иногда посещал по делам дом Доньи и может провести имперских солдат в ее сад, Сидир лично возглавил отряд, приказав, чтобы ничему не было причинено никакого вреда. Он нашел разумное объяснение: такие добротные строения могут послужить базой для дальнейших операций. А потом он ночью нашел огромную постель, на которой наверняка она спала...

Он ходил по ковру зала, где на стенах, расписанных таинственными фресками, висело туземное оружие, где были ее любимые вещи, книги, лампы, вазы, чаши, безделушки. Сквозь огромные окна внутрь проникали солнечные лучи. В теплом воздухе комнаты стоял едва заметный запах кожи, которой были обтянуты подушки кровати. Все здесь напоминало о ней. Она до той последней ночи, когда хотела перерезать ему горло, не открывала своей души. Как жаль, что он не умеет читать по-рогавикиански.

«Я не могу здесь оставаться, — напомнил он себе. — Я вообще не должен был сюда приходить. Работа в штабе должна завершиться прежде, чем я двинусь в поход... до того, как ветер прерий выдует из меня эту навязчивую идею... и если мы не выступим в поход в ближайшее время, то нам лучше отложить все на следующий год. Летом дорога в Рунг слишком трудна, а зима рано наступает в этой стране ледников».

Он надеялся, что это вторжение принесет Престолу не только небывалые трофеи, не только отрежет врага от основных источников металла. Сможет ли боевой дух пережить такое поражение? И сам он — неужели его воз-

рожденное стремление к победе не в силах следовать идее великого похода? Он уже чувствовал еле заметную неуверенность в войсках, хотя не было ни послаблений в дисциплине, ни мягкости во время проведения боевых операций, но все реже и реже раздавался смех, все чаще и чаще солдаты проявляли излишнюю осторожность, и, гуляя инкогнито по лагерю по ночам, он слышал, как многие говорили об оставленных домах...

«Тогда чего ради я здесь торчу?

Нет! Я отправлюсь к Ягуарам, потому что это возможность лицом к лицу встретиться с крупными силами рога-викианцев, и я могу узнать там хоть что-нибудь полезное. А потом я направлюсь напрямик обратно в Фальд.

Хотя, если Донья находится среди них...

Нет!»

Сидир ударил кулаком в ладонь, повернулся на каблуках и вышел из комнаты. Через час он уже был в пути.

Они ехали быстро по широкой, выбитой копытами тропе, бежавшей на запад вдоль реки Сталльон, параллельно колеям, которые оставили за многие столетия колеса повозок — Тропе Солнечных Псов, главному торговому пути, пересекавшему землю, совсем незначительную по сравнению с огромными размерами Империи. Гонец без труда нашел ее в лунном свете. Казалось, он совсем не устал; да и охрана не отставала от него — их подогревала мысль, что наконец-то они вступят в честный бой, а не попадут в какую-нибудь засаду и ловушку. Утро тоже бодрило. В головокружительной вышине неба плыли маленькие облачка, и там пели жаворонки. Сверкала вода, густой камыш качался на берегах, из воды выпрыгивали рыбешки, ослепительно, как сабля, сверкая в солнечном свете. Вокруг зеленела трава, вместе с прохладой от жаркого солнца деревья источали приятный аромат. А в двух милях поодаль спокойно паслось стадо каких-то диких животных.

«Страна Донья».

— Эх,— воскликнул один из стражников, когда они остановились, чтобы дать отдых своим коням.— Когда они сдадутся, я бы поселился прямо здесь, вот на этом самом месте. Какое я бы ранчо построил!

— Погоди продавать то, что у тебя есть в Баромме, дружище,— посоветовал ему гонец.— Как я думаю, на земле северян нельзя будет селиться еще десять лет.

— Почему?

— Из-за туземцев. Из-за чего еще? Пока не умрет самый последний из них — самый последний, не исключая даже грудных младенцев — нам придется опасаться их.

— Ха, а теперь послушай...

— Нет, это ты послушай.— Гонец поднял палец.— Не думай, что я хочу тебя оскорбить, но ты ведь провел большую часть времени в гарнизоне, верно? Я же — на полях сражений. Так что я отлично изучил их.

— Им не выстоять,— сказал другой стражник.— Я участвовал в Хозенской кампании. Черт, да какие из вас солдаты, если вы не сражались против тысячи размалеванных дьяволов, готовящихся к смертельной атаке! А три года спустя я чудесно проводил время с самой хорошенькой темнокожей малышкой из всех девушек, которые когда-либо украшали травяную хижину. Мне было жаль, когда я уезжал оттуда.

— Что ж, я расскажу вам о местных женщинах,— сказал гонец.— Если вы схватите одну, то ставьте к стенке и стреляйте.

— Да они что, такие злючки...

— Пожалуйста, дайте же мне досказать? Кроме того, чему я сам был свидетелем, я слышал рассказы многих людей. Местные женщины — настоящие дикие кошки, они никогда не откажутся от попыток убить вас. Приставь нож к ее горлу, и она сама бросится на лезвие, вопя, что рада умереть, если сначала сможет выцарапать вам глаза. Бейте ее, сажайте в клетку — или обращайтесь с ней хорошо, как с королевой — все равно она будет драться. Свяжи ее, но когда будешь ее седлать, она лбом разобьет тебе нос и вонзится зубами в твою плоть. Единственный способ — это лишить ее сознания или связать так, чтобы она не могла пошевелить даже мизинцем. Но какое тогда от этого удовольствие? Словно у тебя труп, верно? Сэр,— возвал гонец к Сидиру,— не могли бы вы привезти на кораблях несколько приличных шлюх из Арваннета?

Стражник запустил руку в распушенные кудри и сказал озадаченно:

— Но ведь все — торговцы, все-все — говорили о туземных шлюхах, которые готовы были развлекаться с любым мужиком.

Гонец сплюнул.

— Мы захватчики. В этом вся разница. Привить культуру северянке — все равно, что приручить скорпиона. Нам придется уничтожить всех их.

— А что скажет Главнокомандующий? — спросил капрал.

Сидир слушал их и все больше мрачнел.

— Это свирепый народ, — растягивая слова, ответил он.

— Впрочем, я тоже видел войны и я изучал прошлое. Нации часто клянутся, что будут сражаться до самого последнего человека. Но такого никогда не происходит. Ведь никто из них никогда не говорил, что будет сражаться до самой последней женщины или ребенка. — Он встал с земли, где сидел, скрестив ноги. — Ну, а теперь продолжим путь!

К вечеру они прибыли к месту осады, расположенному в нескольких милях от реки. На площади размером с плац-парад ярусами возвышался холм, имевший блочную структуру из бледно-желтого известняка. Пустое пространство вокруг него само говорило о том, что здесь случилось. Солдаты унесли убитых и раненых после повторных неудачных атак. Время от времени на несколько секунд между двумя монолитами показывалась чья-то голова; иногда сверкал на солнце обнаженный клинок. Но ничто не нарушало тишину, которой была окружена эта скала. Под этим бескрайним небом почти не слышно было шума, создаваемого осаждавшими войсками, а лязг оружия и хлопки развезавшихся знамен казались чем-то далеким.

— Я предложил им самые лучшие условия, которые меня уполномочил передать Главнокомандующий, — сказал Фельгаи. — Мы переправили бы их в резервацию, обеспечили бы всем необходимым для жизни, оставили бы пару заложников, чтобы они доверяли нам. Когда наш парламентар кончил читать условия, они пронзили его стрелой. И это прямо под белым флагом, сэр! Если бы мы не нужны были в другом месте, то я с огромной радостью оставался бы здесь, чтобы посмотреть, как взаперти они бы не переродили от жажды и голода!

— Другой подход может оказаться более верным, — заметил Сидир. — Мне понятен твой гнев, полковник, но мы не можем жертвовать людьми ради мщения. Ясно, что такого понятия, как перемирие, нет в их культуре. Что такое сделка, они знают — вспомни их торговлю в мирное

время. Этот план был мною задуман как экспериментальный.

Из срубленных веток, связанных пучков травы и кольчуг инженеры соорудили огромный щит, который должна была нести перед собой целая группа воинов. Он встал внизу под скалой и крикнул в рупор:

— Донья из Хервара есть среди вас?

Минуту он слышал только удары своего сердца и далекие завывания ветра. Потом ему ответил мужской голос, говоривший по-арваннетиански с акцентом:

— А кто спрашивает?

— Я командующий этой армией. Я был знаком с ней, когда она была на юге... Я — Сидир из клана Чалиф. Так что же, она здесь или нет и согласна ли она со мной переговорить?

— Ее здесь нет, и мне думается, она не стала бы говорить с тобой.

Сидир затаил дыхание. Сердце его билось спокойнее. «Что ж, я теперь отправлюсь назад, в штаб».

— Выслушайте.— Снова обратился Сидир к северянам.— Вы знаете, что вам не вырваться. Мы знаем, что ваши запасы кончаются. Вместе с вами в крепости ваши жены, сыновья, дочери, родители. Должны ли они погибнуть среди голых камней?

— Это лучше, чем умереть в загоне для скота.

— Выслушайте меня! Кто мы такие: зверь, который боится мясника, или же люди, разговаривающие друг с другом? Я хочу сделать вашим людям предложение, продиктованное доброй волей: вы можете оставаться свободными, сложите оружие — и мы вернем вам ваших животных и имущество. Только оставьте эти места. Идите на запад и передайте своим собратьям, кого встретите по дороге, что Сидир прибудет в любое место, которое они выберут, если захотят говорить с ним о мире.

«Передайте Донье».

После паузы рогавикианец ответил:

— Мы должны подумать над этим предложением.

Солнце уже зашло, озарив последним оранжевым лучом света холм, и звезды уже сверкали на востоке, когда северянин объявил:

— Мы согласны. Дайте нам пройти.

В прохладных голубых сумерках носились ласточки, выли койоты. Сидир видел лишь тени рогавикианцев, пока

они не появились в свете факелов, высоко поднятых над головами солдат, образовывавших две сплошные стены. Впереди шел седой мужчина — похоже, именно он и говорил с Сидиром — и крупная женщина. Оба были одеты в оленьи шкуры, у обоих на лицах не было ни тени страха. За ними шли охотники, молодые и старые. Матери вели детей постарше за руку (некоторые громко плакали, а у тех, кто молчал, глаза были широко раскрыты), младенцев они прижимали к груди; были здесь и беременные. Всего северян было около двухсот человек.

Сидир рассказывал среди копий и доспехов своих солдат. Довольный, он поднял руку.

— Добро пожаловать, — приветствовал он их. — Я здесь хозяин...

— Йа-а! — Мужчина и женщина, шедшие впереди, бросились на него. В руках сверкнули ножи.

Рогавикианцы набросились на солдат.

Удивление чуть было не сыграло с Сидиром злую шутку. Он едва успел вовремя вытащить пистолет и выстрелить в мужчину, однако женщина, скорее всего, добралась бы до него, если бы охранник не разmozжил ей голову. Начался хаос. Взрослый северянин убивал или тяжело ранил по два-три имперских солдата, прежде чем сам падал замертво.

Сидир не мог винить свои войска в том, что они убивали и детей — также давят едва вылупившихся детенышей гремучих змей. Возможно, нескольким туземцам удалось выскользнуть живыми из этой рубки.

Стоя среди мертвых солдат при тусклом свете факелов, он с болью подумал: «Неужели они все с рождения безумные? Что мы можем сделать, кроме как полностью очистить мир от них?»

Глава 15

За три дня до того, как они добрались до стоянки Данхез, Джоссерек и Донья нашли ее Братство.

Все это время Джоссерек чувствовал, как медленно растет в нем досада на его спутниц. В первое время, после

того, как он поджег землю и они избавились от преследования разбойниц, ему казалось, что его терпение вот-вот лопнет. Он не испытывал ничего подобного с тех пор, как мальчишкой стоял перед судьей в Ичинге. Это чувство было хуже ненависти. Он продолжал путь, стиснув зубы. На стоянке он сможет узнать, как проехать домой, и получить необходимые для этого средства.

Впрочем, уже на второй вечер Крона отвлеклась от своих мыслей и мягко обратилась к нему с каким-то вопросом. На третий и четвертый день она уже часто разговаривала с ним и Доньей, проявляя дружеское участие. На пятый день они достигли Данхез, и эту ночь Джоссерек провел с Доньей.

Утром шестого дня Джоссерек и Донья попрощались с хозяевами стоянки и проводницей, расцеловав ее на прощание. Здесь он ощущал сильнее, чем где-либо прежде, рогавиканский дух. Луна сейчас находилась в третьей четверти, и светло было даже глубокой ночью.

В седьмую ночь Донья была более медлительной и нежной, чем раньше. Она часто тихо хихикала или приподнималась на локтях и смотрела на звезды, улыбаясь Джоссереку и поглаживая его бороду. Если они не ошибались, то уже к утру должны были оказаться на земле Аулхонта. Джоссерек попытался неуклюже пробудить в ней нежность, начав: «Я всегда буду заботиться о тебе, всегда!..» Однако она остановила его, как всегда, уходя от таких разговоров. Он задал себе вопрос, способна ли она, да и вообще кто-либо из ее народа, смотреть на другого человека так, как смотрит на нее он.

Когда наступил рассвет, они быстро и молча поскакали вперед. Тень от появившихся кучевых облаков приносила прохладу. На гребнях холмов темнели сосновые рощицы, а на склонах белели, как бы в танце, березки, ивы нависали над болотами, заросшими брусникой, со всех сторон их окружал серебристо-зеленый отблеск травы. На поднимающихся теплых потоках воздуха возносился вверх орел, рысь грелась на скале, жеребец, чья спутанная грива развеивалась на ветру как флаг, вел по бескрайним полям своих кобылиц, и уж совсем не сосчитать было всякой мелко живности, копошившейся повсюду, куда не брось взгляд. «Как же они радуются лету», — подумал Джоссерек.

Однажды они издали увидели всадников.

— Дозор, выставленный против захватчиков,— решила Донья. В Данхезе знали о том, что враг совершал вылазки в самые различные районы страны: стремительный набег за полдня и такое же стремительное отступление прежде, чем превосходящие силы северян из лагеря, который искала Донья, успевали подойти к месту вылазки противника. Северянка выругалась, узнав, что имперские войска, кроме этих вылазок, устраивают еще и облавы и на крупных животных.

— А ты что, не хочешь узнать последние новости? — спросил Джоссерек, когда она продолжила двигаться прежним курсом.

— Мы вскоре и так будем на месте.

В полдень они увидели цель своего путешествия — палатки, фургоны, животные и люди расположились лагерьем вокруг пруда.

— Да, ради победы над врагом они все же образовали союз, как мы уже слышали,— прошептала Донья.— Аулхонт, Дикие Врата, Росистая Долина... Хей-йя! — Она поскакала галопом вперед.

Людей было много. Возможно, ни один даже охотник не покинул лагерь сегодня. Люди занимались кто забоем животных, кто приготовлениями к отъезду. Джоссерек заметил, что сам забой был поручен отдельным людям или группам родственников, которые занимались своим делом в нескольких ярдах друг от друга. На него и Донью бросали только короткие взгляды и их поприветствовали салютом, когда они вошли в лагерь, несмотря на то, что он был чужеземцем, а она возвратилась после очень долгого отсутствия. Люди полагали, что если им понадобится помощь или сочувствие, то они обратятся к кому следует без посторонней помощи, а самим напрашиваться было бы невежливо. Это было совсем непохоже на прием, оказанный им в Братстве Вороньего Гнезда; но здесь была совсем другая ситуация, включая само появление. Здесь у Доньи была семья, и она ехала, не останавливаясь, чтобы перекинуться с кем-нибудь парой слов, да никто и не ожидал от нее этого.

Около своего шатра она осадилла лошадь. Шатер был больше и красивее большинства остальных — сделанный не из кожи, а из вошеного шелка. На главном шесте в центре шатра развевалось знамя с вышитым серебром

изображением совы на черном фоне. Ее родственники были заняты на улице: резали скот, обдирали туши, скоблили шкуры, готовили на костре еду, чистили доспехи, а несколько мальчишек практиковалась в искусстве стрельбы из лука — но не из кривых, какие возят с собой всадники, а длинных боевых; девочки бросали ножи или тонкие стилеты; маленькие дети ухаживали за грудными младенцами. Поблизости лениво развалились на земле собаки, а ястребы взирали на окружающее со своих насестов. Было довольно тихо. Приблизившись, Джоссерек стал замечать болтовню между людьми, случайную усмешку или дружеский жест... но ничего похожего на шум и суматоху, обычную среди первобытных людей. Пожилой человек, лысый и слепой, сидел на складном стуле, сжимая в руках изогнутую арфу, и пел не потерявшим своей мощи голосом для работавших.

Когда Джоссерек и Донья вошли и остановились, он, услышав внезапный шум, перестал играть. На несколько секунд воцарилась тишина, распространяясь дальше, словно волны от брошенного в пруд камня. Потом один высокий мужчина оторвался от своей работы, нелегкой, надо признать, так что он был совершенно гол. Несмотря на то, что его рыжие волосы и борода были тронуты сединой, он был еще крепок телом и на вид ему можно было дать тридцать лет, если бы не старый шрам на его теле.

— Донья,— сказал он едва слышно.

— Йвен,— ответила она и спешила.

«Ее первый муж»,— вспомнил Джоссерек.

Она и Йвен протянули друг другу руки и долгую минуту глядели друг другу в глаза. К ним подошли и остальные: муж Орово, некогда он занимался добычей металла в Рунге, коренастый и светловолосый; муж Беодан, он был намного моложе Доньи, худощавый и со слишком смуглой кожей, чтобы быть северянином; муж Кириан, заплетавший в косички свои рыжие волосы, всего на год старше ее первого сына. Некоторые из детей имели право подойти, обнять ее и поцеловать: дочери Вальдевания (четырёх лет), Шукева (семи) и Джильева (одиннадцати). Сын Фиодар мог немного подождать — ему было уже пятнадцать лет, так же, как сын Жано со своей женой и ребенком.

Когда наконец Джоссерек увидел, как все они окружили ее и вся она прямо-таки застыла от гордости и радости, он вспомнил один миф, популярный на берегах Кошачьего океана, об Эле — чудесном дереве, плоды которого олицетворяли Семь Миров. Когда наступит конец света, буря Хидран сорвет их с ветвей.

Он услышал, как Кириан выпалил на одном дыхании:

— Мы что, должны ждать до захода солнца, пока ты пригласишь нас домой?

Она, смеясь, ответила:

— Да, слишком медленно крутится Сияющее Колесо. И все-таки оно продолжает свое непрестанное движение... — Остальную часть фразы Джоссерек не понял.

Беодан обнял ее сзади, запустил руку под рубашку и сказал что-то, что тоже Джоссерек не смог понять, однако Донья заурчала, как довольная львица. «Да, я читал и слышал, — вспомнил киллимарейчанин, — что здесь, на севере, у каждой такой семьи свой особый сленг, который развивает одно поколение за другим, пока диалект не становится совершенно другим языком, недоступным пониманию людей не их крови». — Джоссерек до этой минуты и не сознавал, что это может причинить такую боль.

Когда он подумал о том, что она больше четверти этого ужасного года провела вдали от них, не ведая, кто из самых дорогих для нее людей жив, он вдруг понял, что все они ведут себя удивительно сдержанно. «Неужели из-за меня?» — подумал он.

Наверное, дело было не только в этом. Другие люди тоже вели себя аналогично. Ближе всего к ней стояли четверо одиноких родственников, тоже входивших в число ее домочадцев.

«Нет, — решил он, — «одинокие» — неправильное слово для служанки с многообещающим взглядом, длинноногой охотницы, умелого плотника и строгого управляющего».

Потом Донью приветствовали члены других семей. Насколько он мог судить по поведению этих людей (по всей видимости, еще более дальних родственников), Донья была их вождем.

«Нет, снова не то слово. Никто в Рогавики не имеет власти над кем-либо другим». — Позже он узнал, что даже отношения между родителями и детьми складывались на добровольной и взаимной основе, хотя распространение родственных связей сглаживало острые углы. Однако

большинство жителей Аулхонта и других районов Хервара высоко ценили ее советы, соглашались с ее решениями, помогали осуществлению ее планов. Ее возвращение осчастливило их.

Они нуждались в поддержке и ободрении. Они очень долго рассказывали о том, что случилось в последнее время. Вражеские гарнизоны овладели всем течением реки Джугулар. Солдаты продвинулись дальше, все грабя и сжигая, убивая людей и животных; северяне несли потери, но все же замедлили продвижение врага, который пока что так и не мог выбить их из этих мест. Северяне стали мудрее и опытнее, и каждый следующий бой все дороже обходился южанам. Зимний сад Доньи и его окрестности находились в руках врага. Несколько дней назад враг захватил территории двух объединившихся Братств — Сломанной Дубинки и Огненного Болота. Это известие было получено от пленных имперцев, а арваннетианцы, входившие в ряды Гильдии (кое-кого из них подкупили, другие пошли на это, боясь мести, а третьи — просто из сочувствия), сообщали, что вождь захватчиков собирается совершить стремительный бросок на север через тундру, чтобы захватить Неизведанный Рунг.

Возвышаясь над своими людьми, которые большей частью сидели на земле, Донья кивнула.

— Я так и думала, — сказала она ровным голосом. — Джоссерек говорит правду. — Она уже успела каким-то образом среди всей этой суматохи представить его. — Ни один клан не способен набрать достаточно воинов, чтобы сражаться в одиночку против этих волков. Необходимо созвать Собрание Земель, не дожидаясь конца лета, а как можно скорее, едва только будут оповещены собраты в Громовой Котловине.

— Это возможно? — мягко, как обычно, спросил Йвен. Губы Доньи напряглись.

— Сейчас вы узнаете, почему это необходимо сделать.

Она встряхнула головой, высоко распростерла руки и воскликнула:

— Но не сейчас! Прежде чем вы узнаете весь этот ужас, мы заслужили день и ночь веселья. О отцы моих детей...

Джоссерек не понял ни того, что она говорила, ни ответные выкрики. Он стоял, погруженный в одиночество.

...Пока ее мужчины готовили еду, питье, факелы, меха, палатку, фургон, лошадей, в чем им с радостью помогали друзья, Донья играла со своими детьми и внуками. Кое-кто подходил к Джоссереку и предлагал ему свое гостеприимство, вполне охотно и вежливо, но все же он ощущал некоторую сдержанность.

После того, как Донья со своими супругами удалилась, начали прибывать гости из Диких Врат и Росистой Долины, их всех интересовал чужеземец.

Когда лагерь погрузился во тьму и звезды засияли над головой, единственная в Аулхонте сестра Доньи по имени Никкитэй-охотница отвела Джоссерека в сторонку и прошептала:

— Она просила меня позаботиться о тебе. И я очень хочу тебя.

— Не этой ночью,— слова застряли у него в глотке. Хотя он умел проявлять обходительность и понимал, что ему следует поблагодарить ее, однако он не знал, как это сказать по-рогавикиански.

Глава 16

Помня, какое впечатление произвел на Донью план Сидира уничтожить всех животных, Джоссерек боялся, что и для ее сородичей это окажется таким же шоком. Реакция людей в Данхезе удивила как ее, так и его. Кое-кто из жителей взорвался от негодования, но большинство просто закричало в гнев.

Крона нашла этому объяснение:

— Я тоже не впала в ярость, хотя шок оказался глубоким. Как и я, эти люди не могут жить одной лишь охотой. Охотой живут охотники, в ней они находят не просто удовлетворение физических потребностей своего тела, она стала их внутренним миром; зрелище бегущих пасущихся животных — смысл их существования. Тогда как стоянка — это просто группа зданий, где люди занимаются раз-

ными ремеслами. Если придется оставить стоянку, ее бывшие хозяева еще надеются построить где-нибудь в другом месте новую. Но при этом отсутствует святость великих древних родовых владений.

«Неужели она действительно употребила слово, которое можно перевести, как «святость»?

Позднее Донья призналась Джоссереку, что она не была уверена, что догадка проводницы верна.

— Никогда раньше я не думала, что слова могут подействовать на меня подобно удару молнии, как случилось тогда, когда я впервые услышала это. Да, я могла бы смириться с угрозой вторжения — правда, пока враг не достиг границ Хервара — и контролировать себя. Может быть, потому что знала, что и в прошлом случались такие вторжения и всякий раз мы справлялись с врагом, поэтому я и полагала, что нашим землям не будет причинен ущерб, который нельзя было бы исправить? Не знаю. Знаю лишь... то, что он задумал уничтожить наших животных... и все равно я могу сохранять спокойствие и веселость, цепляясь за веру, что мы сумеем предотвратить это. Быть может, я просто не могу заставить себя поверить, что такое возможно. — После этого Донья ничего не добавила: больше она не могла открыть перед ним свою душу.

Поэтому она, взобравшись на фургон, чтобы обратиться с речью ко всему лагерю, потребовала, чтобы ни у кого в руках не было оружия. Скорее всего, это было мудро. Услышав ее предупреждение, некоторые помчались по равнине, пронзительно крича, как это сделала и она сама, либо же впивались зубами и ногтями в дерн, или же вскакивали на лошадей и жестокими ударами по бокам заставляли бедных животных скакать галопом. И все же большая часть северян осталась на месте, ревя от негодования, другие же плакали, а третьи, главным образом старики, закрывали руками лица и, погруженные в собственные думы, уходили.

— Я не знаю, почему они так себя ведут, — произнесла Донья в ответ на вопрос, который задал ей Джоссерек. — Да они и сами не знают, я не сомневаюсь в этом. Могу только вообразить себе всю силу этого чувства, которое разбросало их порознь. Они не соберутся, пока не успокоятся — совсем как свора рассвирепевших собак. — Донья поморщилась. — Да, ветер доносит дым их костров. Неужели ты ничего не чувствуешь?

«Раса людей, где нет толп... и нет политики? — подумал Джоссерек, окончательно сбитый с толку.— Невозможно!»

Донья прыгнула на землю.

— Я пойду к своим мужчинам,— сказала она и оставила его одного.

К вечеру обитатели лагеря начали собираться. Семьи уходили в свои шатры, одиночки собирались парами и уходили в кусты, и доносившиеся оттуда, хотя и приглушенные звуки ясно указывали Джоссереку, каким именно образом они искали там утешения друг у друга — и вовсе не в медовухе, которую пил он сам. Никто не подходил к нему. Ему выделили походную палатку, и с ним, проявляя искреннюю сердечность, делились едой, но все равно он оставался для них чужаком. Он понимал, что это происходит ненамеренно — жители Рогавики понимали уединенность как нечто, само собой разумеющееся. Но от этого легче на душе не становилось.

Но тут его нашла Никкитэй и повторила свое предложение. Едва ли за все время она произнесла хотя бы несколько слов, хотя часто издавала нечленораздельные звуки, и оставила ему на память сеть царапин. Но на это время он смог выкинуть из головы мысли о Донье, хотя иногда нет-нет да мелькали такие мысли, а вскоре уснул.

Утром следующего дня Никкитэй снова пришла и предложила прокатиться верхом.

— Весь этот день, да, наверное, и следующие, люди будут решать, что же им теперь делать,— сказала она.— Будут все взвешивать, беседовать, бродить по окрестностям, спорить, пока солнышку не надоест взирать на них сверху. А ведь мы с тобой уже все знаем, верно?

— Верно.— Он посмотрел на нее, радостно улыбнувшись ей, скрывая свое подавленное настроение. Он знал, был уверен, что ни одна женщина из этой земли не сможет доставить ему удовольствие. Она была на несколько лет моложе Доньи, худощавая, длинноногая, загоревшая на солнце, голубоглазая, светлые волосы были сзади стянуты в конский хвост. Сейчас на ней, как и на нем, была рубашка, брюки и башмаки, а также большое серебряное ожерелье с бирюзой, несомненно, сделанное из материалов, привезенных с юга, но настоящими местными умельцами.— Ты хочешь меня отвезти в какое-то особенное место?

— Да.— Она не уточнила, и он понял, что вопросы, безобидные в любом другом случае, здесь считались неуместными.

Они приготовили двух лошадей, уложили котелки, колбаски, большие лепешки, сушеные яблоки, оружие, после чего покинули лагерь. Ветра не было, воздух был прохладным и влажным; в небе висели серые облака. Не было видно никакой крупной дичи — после того, как охотники, выслеживая их, нанесли урон их поголовью (впрочем, довольно умеренный, если брать по отношению к общей их численности), стада ушли из этих мест. На разбросанных деревьях сидели певчие птички, кролики и сурки двигались в траве, приглушавшей стук копыт.

Через некоторое время Джоссерек сказал:

— Э-э... я никак не пойму, что ты имела в виду, когда сказала, что эти люди долго будут решать, что же им делать. Разве не разумнее созвать Собрание Земель?

Никкитэй удивленно посмотрела на него.

— Им, что ли? Что ты имеешь в виду?

— Я думал, они будут... — Он вдруг вспомнил, что не знает, как сказать по-рогавикиански «голосовать», и нерешительно закончил: — Они либо отправятся на Собрание Земель, либо останутся в Херваре. Я прав?

— Все Братство? — Никкитэй нахмурилась, обдумывая его слова. Ей недоставало опыта Доньи, которая видела другой мир, лежавший за этой долиной. Однако она была далеко не глупа. — Да. Понимаю. Случится вот что. Большинство станут интересоваться мнением других, чтобы помочь в принятии решения. И в некоторых случаях, конечно, благодаря семейным связям или чему-то подобному, они смогут поступать вопреки собственным желаниям. Но могу сказать тебе, что главное уже решено, лишь некоторые оставят Хервар — либо для того, чтобы с нами направиться прямо в Громовую Котловину, либо чтобы оповестить другие кланы.

— Короче говоря, — понял Джоссерек, — каждый будет решать сам за себя.

— А как же иначе? Оставить землю, когда ей угрожает опасность, даже на несколько недель? Немыслимо! Я тоже хотела бы остаться и убивать захватчиков — как Донья и как все здесь, — если бы не это сообщение, которое нужно передать другим, если бы не это собрание, но все равно останется достаточно защитников.

— Но... неужели они не хотят высказаться на Собрании Земель?

Никкитэй покачала головой, то ли смеясь, то ли сердясь.

— Ты снова о том же? Что они могут сказать? Да и что мы сами можем сказать в Громовой Котловине, кроме того, как обстоят дела — главным образом, ты и Донья — чтобы помочь им вынести решение. — Никкитэй остановилась на несколько секунд, подбирая слова. — Естественно, люди будут обмениваться мыслями. Для этого и созываются Собрания Земель и Кланов, неужели ты этого не знаешь? Чтобы узнать новости, обменяться мыслями, да еще поторговать, повидаться со старыми друзьями и приобрести новых, повеселиться, возможно, найти брачных партнеров...

Неужели он действительно разобрал нотку легкой зависти в ее голосе? Наверное, он ошибается, решил Джоссерек. Общество не давило на какую-либо женщину, принуждая ее выйти замуж, а в положении незамужней были свои преимущества.

Джоссерек был в смятении. Ударив кулаком по седлу, он воскликнул:

— Неужели у вас нет никакого представления о... сотрудничестве, в большем масштабе, чем совместная охота?

— А зачем?

— Чтобы вас не уничтожили. Вот зачем!

— Ага, наши большие отряды уже собрались и выступили навстречу захватчикам.

— И если вы побеждали раньше, то за счет одного только численного превосходства, безрассудно жертвуя своими людьми. Если бы у вас были обученные отряды, которые подчинялись бы приказам...

Казалось, Никкитэй смешалась.

— Как такое возможно? Разве люди — прирученные животные? Неужели их можно запрячь в одну упряжку, как лошадей? Неужели они подчиняются воле других, как собаки? Если их поймают, а потом освободят, неужели они вернуться в неволю, как ястребы?

«Да, да и да! — мысленно ответил Джоссерек. Он до боли стиснул зубы. — Человек был первым из прирученных животных. Вы, жители Рогавики... В какую форму вылилось ваше самоприручение? Это фанатическое, бездумное убийственное принуждение убивать тех, кто вмешивается в их дела, не считаясь ни с какой осторожностью или интересом к чужим делам или же...»

Наконец, ему удалось выговорить: .

— Солдаты Империи — именно таковы, как ты их описала, дружок. По этой причине они не заслуживают презрения. Да, не заслуживают. Раньше, в прошлом, за то, чтобы проникнуть на вашу территорию и закрепиться на ней, врагам северяян приходилось платить слишком высокую цену. В этот же раз все может быть наоборот — цена защиты может обойтись слишком дорого.

— Я сомневаюсь в этом, — ровным голосом ответила Никкитэй. — Южане редко бьются насмерть. Достаточно лишь немного подвергнуть пленника пыткам или просто припугнуть, как он выкладывает все, что ему известно... Но можешь ли ты мне объяснить, почему они жалуются на то, что мы их убиваем? Что же еще мы должны с ними делать?

— Вы что, не оставляете пленников? — в ужасе воскликнул Джоссерек. — Никкитэй, они будут мстить за это и убьют каждого рогавикианца, которого схватят.

— Цивилизованные солдаты всегда так поступают. У нас остались записи от самых первых войн. Но почему бы и нет? Один пленный северянин не настолько бесполезен для них, как пленный южанин — для нас, но он представляет большую угрозу.

— Обмен пленными...

— Что? Как можно это делать предметом торговли?

«Ни переговоров, ни стратегии, ни армии. Если бы она была, если бы была... Имперские силы разбросаны. Организованная оборона отрезала бы их от линий связи. Наверное, Сидир никогда бы не решился на этот поход, если бы не был уверен, что ему будет противостоять организованная оборона.

Неужели я всерьез рассчитываю, что смогу убедить этих... этих двуногих партнеров изменить способы борьбы, которые успешно применяются ими с момента наступления ледников? Я повидал достаточно самых разных культур. И многие из них предпочитали умереть, но не измениться. Может быть, потому что само изменение — это уже смерть?

Я расскажу им об этом на Собрании Земель, и они будут смотреть на меня, не понимая того, что я говорю, как Никкитэй сейчас, а потом я отправлюсь домой, тогда как Донья... О Акула Уничтожения, пусть же она погибнет

на поле битвы! Пусть она не окажется в числе уцелевших, голодающих, в изорванной одежде, больных туберкулезом, алкоголизмом, нищих и попрошайек, сломанных судьбой».

Женщина положила свою руку на него.

— Вы страдаете, Джоссерек, я вижу,— сказала тихо она.— Могу ли я помочь?

Он был тронут. Подобные жесты были редки среди рогавикианцев. Он вымученно улыбнулся.

— Боюсь, что нет. Все дело в том, что я беспокоюсь о вас.

Хотя он употребил местоимение во множественном числе, она кивнула и прошептала:

— Да, ты, наверное, влюбился в Донью, путешествуя вместе с ней.— После паузы она с трудом продолжила: — Ходят сказания о том, как чужеземцы увлекаются нашими женщинами. Джоссерек, это не мудро. Мы и вы — слишком не похожи друг на друга. Она не страдает от этого, но вот ты...— Потом она добавила, как бы защищаясь: — Не думай, что мы, северяне, не знаем любви. Я... Я должна рассказать тебе, куда я сегодня держу путь — туда, где лежат павшие в последнем бою с захватчиками — перед самым вашим прибытием. Там лежат два моих брата, сестра и три любовника, которые для меня были больше, чем просто партнерами. Ведь я могу и не вернуться больше сюда... Может быть, ты подождешь в сторонке, пока я поищу их могилы и повспоминаю?

Он не мог спросить у нее, а кто же он сам для нее. Игра, любопытство или желание угодить Донье? По крайней мере она старалась быть доброй. Вполне вероятно, что именно поэтому она преодолела в себе больше препятствий, чем он знал. Он и так уже многим был ей обязан и станет, несомненно, обязан еще большим, пока они будут двигаться на запад: Донья вернулась к своим мужьям, их у нее было предостаточно, и Никкитэй поможет ему смириться с этим.

...Могилы не имели никаких отличительных знаков, если не считать того, что они были свежими. Если можно было доверять мнению путешественников, такие смешанные захоронения совершались без особых обрядов. Если у жителей Аулхонта и были таковые, то Никкитэй совершила их в тот час, когда она была одна на кладбище.

Потом, когда она вернулась к Джоссереку, она пребывала в веселом настроении.

«После Собрания Земель я отправлюсь домой,— снова пообещал он сам себе,— и буду жить среди таких же, как я, людей».

Глава 17

Грозовая Котловина, где всегда собирались кланы, располагалась в четырехстах милях вниз от Тропы Солнечных Псов. Джоссерек хотел, чтобы их отряд из двадцати человек поскорее отправился туда, но Донья возразила ему: спешка бессмысленна, потому что жителям дальних районов понадобится много времени на дорогу, как бы быстро ни скакали гонцы.

— Не трать понапрасну свои силы, просто наслаждайся прелестями лета,— добавила она.— Возможно, это наше последнее лето.

Она скакала перед ним, солнечный свет отражался от ее волос. «Что ж, я не смогу быстро забыть тебя, даже если покину»,— подумал Джоссерек. Путешествие длилось уже месяц — он охотился, рыбачил, тренировался по пути для поддержания формы, выполнял работы по лагерю, после чего у костра пил сухую острую медовуху, пока в висках не начинала стучать кровь, слушал легенды и истории, песни и шутки, обменивался идеями — хотя никогда не делился своими самыми сокровенными мечтами — и, наконец, удалялся с Никкитэй в палатку, в которой они жили теперь вдвоем.

Он многое узнал о северянах, и ему показывали не только то, что видели путешественники, пересекавшие всю эту землю с востока и на запад из одного конца Андалина к другому или же осторожно двигавшиеся на юг, где началась цивилизация, либо храбро на север, находившийся в плену ледников, он не только участвовал в первобытных охотах и ослепительных пиршествах, но и мог лицезреть обряды, которые порою были слишком утонченными для чужеземца, вроде него, чтобы по достоинству оценить их,

и общественный порядок, который все больше и больше приводил его в замешательство.

Что же касается знаний и навыков, то он уже заметил, что большинство северян были грамотны. Кое-кто писал и даже публиковал свои книги. Многие благодаря существовавшей почтовой службе переписывались, и эта служба функционировала вполне нормально, хотя гонцы для нее собирались из добровольцев — всегда можно было найти человека, который согласен был донести чье-либо послание по месту назначения. Широко использовались простые телескопы, микроскопы, компасы, хронометры и другие приборы. В основном, они приобретались за рубежом, хотя в последнее время появились и местные разработки. Медицина тоже была на достаточно хорошем уровне, особенно лечение ран. А поскольку жителей было немного, да и жили они на открытом воздухе, заболевания среди них были редки. Развиты были зоология и ботаника; в сверхъестественные силы мало кто верил, а когда он упоминал об эволюции, все понимали, о чем идет речь. Металлургия была развита просто великолепно, так же, как и процессы получения волокон и тканей из природных материалов. Для этого требовалось много разнообразных химических веществ, которые в основном привозились с юга. Не только стоянки, то и любой зимний сад становился ремесленным центром.

Лето было не простым сезоном кочевий и охоты. В это время многие занимались искусствами. Из удивительного разнообразия музыкальных инструментов каждый выбирал один или два, на которых и играл. Графика, резьба по дереву и кости, изготовление украшений, хотя и отличались своеобразием, но по своему уровню не уступали тем, что Джоссерек видел в других странах, и возможно, песенное, танцевальное и драматическое искусство даже превосходили те, что были у других народов. Когда его отряд останавливался в каком-нибудь лагере, для них устраивались представления, часто оперные или балетные, они, бывало, продолжались по несколько часов кряду и приводили его в искреннее восхищение, пусть он даже мало что понимал в происходящем на сцене.

Это не было просто сборищем каких-то бродяг. У них было сложное и богатое общество, со своими традициями, не меняющимися в течение многих столетий. Более того,

оно не было статичным, как большинство остальных, оно постоянно развивалось.

И все же... И все же...

Будучи рожденным в индивидуалистической, наращающей темпы развития промышленности капиталистической стране, Джоссерек привык к свободе выбора религий и что ритуалы мало где соблюдаются. Но почему-то его взволновало то, что эти же черты он обнаружил и здесь. Искатели знаний — женщины, мужчины, проводники, одинокие мыслители или, напротив, обычные люди, которые лишь изредка тратили время на это — не были ни пророками, ни магами, ни мудрецами. Самое подходящее название, которое он мог для них подобрать, — «философы», хотя часть философского поиска происходила у них в мускулах и потрохах, а не в мозгу. Большинство людей отличались безразличием, агностицизм прочно укоренился в их внутреннем мире. Как утверждали рогавикианские историки, мифы и магия существовали в прошлом, но уступили место более точным наукам с легкостью, которая показывала, насколько непрочными они были.

Церемонии, в отличие от художественных представлений, были короткими и скромными и носили скорее светский характер, чем религиозный. Ему сказали, что у семей есть более сложные церемонии, которые развивались многими поколениями. Но, насколько он мог судить, они свидетельствовали только о связях между членами семьи и служили для преодоления отчужденности между ними. Можно было даже с любовью помянуть предков, но не возникало даже мысли, что они могут присутствовать при этой церемонии благодаря каким-то сверхъестественным силам. Об этом и хотела рассказать ему Никкитэй, когда находилась в лирическом настроении. Она все держала в тайне и не давала этому никаких логических объяснений. Просто не разглашала их, и все.

«Проклятье! — подумал Джоссерек. — Они совсем не похожи на жителей киллимарейчанских городов! Они создали единое общество среди огромных просторов первобытной природы. Они не должны чувствовать себя так... обособленно?

Нет, снова неправильное слово, и опять я не знаю, какое слово было бы верным. Они ведут себя как кошки. Что, наверное, мне только кажется. Человек — животное, живущее в стае, как собаки. У него тоже есть собачья по-

требность в мистических узах к чему-то, более высшему, чем он сам».

С грустной улыбкой взирал он на эти просторы, поросшие колыхаемой ветром травой, над которыми парил ястреб-перепелятник, выискивая жертву.

«Да и сам я — холостяк, солдат фортуны, бывший изгой, кто я сейчас — все тот же неудачник? Но ведь прибыл я сюда не в поисках приключений, а выполняя задание в интересах своей страны, которую, несмотря на свои насмешки, хочу сберечь».

И я люблю Донью... Что ж, она предана своим мужьям (может быть, в какой-то степени и я сам?). И своим детям, друзьям, родине. Верно?»

Джоссерек задумался. Неужели убийственная ярость, которую зажгло в сердце каждого рогавикианца — каждого, без исключения (хотя во всем остальном они оставались нормальными) — неужели она происходит из их любви к своей земле? Но, к примеру, киллимарейчанец бы сражался за свою нацию. Его соплеменники могли бы перенести войну за пределы родной страны, если бы того требовали политические интересы, а не просто, чтобы уцелеть, подобной мысли в головах северян даже возникнуть не могло. Но и его готовность к самопожертвованию имеет пределы. Если он поймет, что его усилия бесполезны, война безнадежно проиграна, он смирится с поражением, даже оккупацией, и постарается извлечь все, что можно, из такого положения дел. Но было очевидно, что на подобное рогавикианцы просто не способны. Однако вот что парадоксально: в то время, как киллимарейчанцы, одержав победу, не скоро простят тех, кто нанес их городам и землям серьезный ущерб, рогавикианцы же, как свидетельствует вся история, в тот самый момент, когда последний захватчик изгнан с их территории, уже готовы возобновить отношения, словно ничего и не случилось.

Быть может, ключ к ним лежит в их семьях, их структуре и функционировании? Сущность жизни в том, чтобы нести жизнь дальше; у любой расы этому подчинено все остальное. Но что касается этой расы... Джоссерек вдруг понял, что он просто запутался. Среди всех остальных народов рогавикианцы настолько мудро подходили к вопросу воспроизводства, что у них не было прироста населения.

Они никогда не поднимают свою численность выше той, что может прокормить их территория. Поэтому — то ли в результате действия естественных ограничительных механизмов (например, трудно найти партнера в полигамном браке), то ли из-за чумы, голода, междуусобиц — происходит регуляция их населения. Человек принадлежит к животным, у которых отсутствует регулятор размножения. В результате время от времени он подвергается участи кроликов или леммингов. Но, будучи разумным существом, он может предвидеть ее, и для этого у него есть самые различные способы: широко распространенное безбрачие, поздние браки, половые акты в периоды, когда невозможно зачатие, контрацептивы, аборт, убийства новорожденных и престарелых, эмиграция. Как правило, от неуправляемого роста населения страдают цивилизованные народы, первобытные же контролируют рождаемость. И то, что это удастся северянам, не должно было бы удивлять Джоссерека.

Однако в их случае все подчинено радикальному ограничению численности населения с тем, чтобы реальные возможности и уровень технологии могли обеспечивать невысокий его уровень. Многоженство и рождение незаконнорожденных детей подвергалось осуждению. Существовало общепринятое мнение, что жена не должна рожать больше шести детей. Все это удерживало население на низком уровне. История говорит, что на время несчастий, когда смертность намного превышает рождаемость, существует молчаливое согласие относительно ослабления действий этого правила, но когда все приходит снова в норму, по такому же невысказанному вслух согласию восстанавливается и статус-кво.

Генетика заинтересовала Джоссерека. Женщины-красавицы привлекали внимание более зрелых поклонников или своих ровесников, и они могли выбирать лучших. Менее желанные женщины довольствовались и мужчинами помоложе себя и вообще выходили замуж один раз или два. Таким образом мужья последних получали значительную часть их наследства, и некоторые из них вступали в следующее поколение членами более преуспевающих семей. Может быть, именно это и объясняет тот факт, что здесь никогда не было ни аристократии, ни правительства, ни государства, ни власти, ни руководства, кроме, может

быть, самых примитивных форм, да и то лишь при условии согласия с их существованием всех остальных.

Преимущества малой численности населения были очевидны. Северяне наслаждались изобилием диких животных и других природных богатств. Это высвобождало им время для досуга и создавало экономические условия для развития культуры, которая могла выдержать конкуренцию с культурами многих цивилизованных наций, где слишком много времени отводилось тяжелому и упорному труду. Еще более важным для жителей Рогавики казалось то, что вокруг них много пространства. О густонаселенных землях юга они говорили с отвращением и с нескрываемым ужасом. Донья как-то заметила: «Я бы не смогла долго пробыть в Арваннете — у них там пахло так же, как если бы я находилась среди толпы людей». (Откуда у них такой чуткий нос, как у собак? Результат диеты, особенностей их расы? Впрочем, это могло быть следствием тренировки, а не сознательного управления резервами организма.)

«Проблема состоит в том,— подумал Джоссерек,— что длительное благосостояние в обществе вступает в конфликт с частными предпринимателями или бюрократами, к тому же обладающими властью. Вот почему общинные земли страдают от перенаселения, леса безжалостно вырубаются, реки загрязняются, полезные дикие животные истребляются, торговля затухает, прогресс сдерживается различного рода ограничениями и налогами — это происходит при любом общественном строе, племенном, феодальном, монархическом, теократическом, капиталистическом, патриархальном и какой там еще возможен. А рогавикианцы — анархисты. У них нет никакого представления об альтруизме, они даже слова такого не знают. Какое-нибудь отдельное Братство могло бы усилиться, привлечь дополнительную рабочую силу и богатеть за счет экспансии. После этого оно могло бы посмеиваться над неодобрительным к себе отношением со стороны других групп, ведь став самостоятельным, оно выходит из-под контроля властей. И вскоре каждый клан стал бы поступать аналогично — чтобы не превратиться в жертву. Конечно, на деле этот процесс сложнее, но тем не менее...

Какой же фактор способствует тому, что их образ жизни не меняется? Ведь, несомненно, он на каждого рога-

викианца воздействует сильнее, чем желание сохранить материальное благополучие для своих потомков... особенно, если они не согласны с тем, что такое благополучие вообще уже достигнуто (кое-кто хотел бы увеличить торговлю с другими странами, другие бы хотели ее сократить, некоторые хотели бы иметь больше огнестрельного оружия, чтобы легче было охотиться, другие боялись попасть в зависимость от поставщиков... и так далее... и каждый из них был волен поступать так, как ему вздумается, хотя не в состоянии спровоцировать достаточное количество своих соплеменников на нарушение существующих отношений.

Такое едва ли когда-нибудь случится. Единственное серьезное нарушение этих отношений среди северян, о котором я когда-либо слышал, относится к бродягам. Но это люди с патологическими психическими дефектами, которые по той или иной причине ненавидят остальных людей. Но во всех других отношениях — здесь нет ни войн, ни наследственной вражды, редко случаются кражи, драки ведутся врукопашную...

Они не святые, эти люди. Они высокомерны, они алчны, они будут лгать и обманывать без стыда и совести, чтобы заключить выгодную для себя сделку; за пределами своего Братства они далеко не доброжелательны, у них нет никаких убеждений и лишь какие-то зачатки этики, да и то весьма прагматичные. Более того, они широко распахнули свои разумы навстречу чужеземным идеям, но остаются при этом верны самим себе, столетие за столетием.

Для человека это просто невозможно».

Громовая Котловина возникла на фоне ровной равнины, покрытой высокой золотисто-зеленой травой, похожей на ту, куда ступили Джоссерек и Донья, сбежав с корабля Сидира (кажется, прошли годы с того времени), но была немного суше. Ближайшая стоянка оказалась по размерам меньше обычной, но выглядела такой же уединенной, притаившейся среди возведенных человеком стен из пирамидальных тополей, защищавших ее от ветра, дождя, снега, засухи, пылающего багрового лета и морозной зимы. Само пристанище не было высоким, хотя вид его от края до края внушал благоговейный страх.

Джоссерек и раньше встречал нечто подобное — селения, разбросанные вокруг Оренштейна, в восточных районах Ованга и на западе Андалина. Некогда каким-то образом в земле образовались кратеры в три-четыре мили диаметром. Копая провалившуюся почву, люди обнаружили спрессованные, треснувшие от морозов и поврежденные корнями деревьев обломки, еще сохранившие какое-то подобие формы, приданной когда-то людьми, еще глубже, случалось, находили остатки древних городов; или же их можно было найти в близлежащих холмах. Это навело ученых в Киллимарейче на мысль, что когда ледник начал наступать от полюсов, цивилизация в борьбе за обладание истощающимися природными ресурсами уничтожила себя, высвободив какую-то энергию, которая сейчас позабыта.

Оппоненты осмеивали эту теорию. Как правило, раскопки показывали, что катастрофы происходили в незаселенных районах. Неужели кто-то стал бы бомбардировать их? Кроме того, утверждение, что энергия, способная уничтожить мир, вообще была когда-либо в человеческих руках, не имело под собой никакой основы. В самом деле, теория о периодических значительных наступлениях и отступлениях ледника была нова, зыбка и спорна. Ее доказательства опирались в основном на пример прибрежных районов, особенно Коралловой Гряды, которые первоначально были покрыты водой. Куда еще могла деться вода, кроме как превратиться в лед? Что ж, возражали ученые-консерваторы, можно допустить, что континенты поднимались, а ложа океанов опускались под воздействием земных сил, и это происходило миллионы, а не тысячи лет назад в прошлом. Вот как могли возникнуть и эти кратеры. Или же, быть может, это сделали метеориты. С тех пор, как Уиклис Балалох первым доказал, что стреляющие звезды — это камни, падающие на землю из космического пространства, было найдено много таких камней, и некоторые из них оказались очень огромными. Дождь из таких громадин мог смести всю мировую цивилизацию, оставив лишь жалкие кучки невежественных крестьян и дикарей, которым и предстояло вновь возрождать ее.

Джоссерек увлекся этой проблемой после того, как Малвен Роа дал ему книги и журналы. Как здорово было жить в эпоху, когда был настоящий взрыв знаний. Но когда он скакал по краю Громовой Котловины, открываю-

щийся перед ним вид нагонял на него тоску. Нисчислимые столетия, бесчисленные поколения живых существ, обреченных на смерть, после которых не осталось ничего, кроме черепков и костей... Однажды он заметил череп огромной рептилии, вмурованный в осыпающуюся скалу, сквозь его пустые глазницы, наверное, дули ветры эпох, не слышимые и не ощущаемые им — лишенным всякой жизни камнем, в который его превратило время. Рядом с Джоссереком скакала Донья, и он подумал о ее черепе.

«О, я пытаюсь собрать их и вразумить. Что еще я могу делать, прежде чем отправиться домой?»

Кратер искрился яркими огнями лагерей, которые, как всегда, располагались вдали друг от друга. Люди Хервара поселились здесь задолго до того, как начали кочевать по равнине. Невзирая на повод для собрания, атмосфера была благодушной. Люди сновали туда-сюда по зеленым впадинам, весело щебетали, пели песни, пили, веселились; родственники, старые друзья, молодые парни и девушки, незамужние женщины, холостые мужчины или просто те, кому было что обсудить, сходились и расходились парами или по трое. Джоссереку хотелось побыть одному, но многие из тех, кто был наслышан о нем, искали его общества, и вежливость требовала, чтобы он говорил с ними. А потом, когда наступил вечер и ему понадобилось общество, он остался в одиночестве — Никкитэй нашла кого-то другого.

Ночью его преследовали кошмары.

К утру всех оповестили, и собрание началось. Его целью было не столько организовать людей, сколько объяснить планы завоевателей. Донья и Джоссерек поставили на дно кратера фургон и уселись на его подножку. Донья мало говорила, а его занимал лишь ее профиль, тепло и запахи, исходящие от ее тела — дым, плоть, солнечные волосы, высушенный ветром пот, но все эти запахи заглушало нечто, чему не было названия: оно исходило лишь от кожи рогавикианских женщин... и походило то ли на полынь, то ли на розовый куст. К полудню Донья решила, что пора обратиться к присутствующим.

Аудитория была небольшая. Около пятидесяти человек из различных семей, в основном женщины, сидевшие или стоявшие так, чтобы можно было слышать. Остальные разместились небольшими группками в самой нижней ложбине. Стратегические места заняли люди с сильными лег-

кими и поставленными голосами помогали передавать речь. Никто их не назначал и никто им не платил, они просто получали удовольствие от того, что делали, это им придавало вес в собственных глазах.

— У нас дурные вести,— начала Донья.

Она не делала пауз, не произносила различного рода риторических фраз — на собраниях, подобных этому, рога-викианцы говорят по существу. Более эмоциональный язык они прибегали для личного общения, и тогда он приближался к поэзии («О, неумная страсть жеребцов, приди со ржаньем, высеки молнии из камня и оседлай неоседланное», — шептала она ему в час, когда они оставались одни под луной; это и многое другое и в другое время — вместо того, чтобы просто сказать: «Я тебя люблю»).

Опасаясь непредсказуемой реакции, ее гонцы не рассказали о том, что их страну собираются превратить в пепелище, лишь указали на то, что это вторжение не похоже ни на одно из тех, что были в прошлом, и необходимо разработать новый план ответных действий. Сегодня она прямо говорила им все, что знала.

Они проявили большую сдержанность, чем люди в Херваре. Похоже, чем больше было собрание, тем более сдержанно оно реагировало. Кроме того, подавляющее большинство присутствующих были из кланов, живущих к западу от долины реки Джугулар. Их земли еще не подверглись нашествию врага, да и вряд ли это произойдет в ближайший год. Поэтому и угроза эта представлялась для них довольно отдаленной, и они могли спокойно оценить ее.

Конечно, они кричали, ругались, махали руками и клинками. Донья дала им час, чтобы они могли спустить пар, и обернулась к Джоссереку.

— Жители севера...

«Что я могу сказать им? — у Джоссерека были недели, чтобы все спланировать, обговорить, спросить совета, поспорить, обдумать; но теперь он понимал, что времени не оставалось. Слова застревали в горле.

— ...совместные действия по единому большому плану...

«Какому плану? Согласно которому они встречают бароммианскую кавалерию в лоб после того, как месяц или два их людей обучают такие же неопытные инструкторы, как они сами, когда им противостоят закаленные

потомственные солдаты? — Его речь передавалась дальше криками, такими же далекими и тонкими, как свист сурков.

— ...драться сейчас, не дожидаясь, пока враг пересечет ваши границы после победы на востоке, зажать его между двумя фронтами...

«Каким образом? Сидир стянул в верховья реки все свои войска. Если превосходящие силы противника заставят его отступить, то ему нужно лишь отойти к своим опорным базам и позволить атакующим упереться прямо в дула его пушек. Да я уже и не верю, что рогавикианцы способны вести массированные атаки».

— ...холодный, продуманный расчет вместо слепой ярости...

«Какой расчет могу я предложить, я, которому так и не удалось понять их? Я бесполезен здесь. Мне лучше отправиться домой. Но как я могу оставить ее здесь перед лицом смерти?»

Его речь медленно подходила к концу. Раздался вежливый одобрительный гомон. Потом к нему подошли несколько человек и спросили, что же именно он предлагает. Донья ответила за него, мол, главной целью данного собрания является выработка конкретных действий. Пусть люди обдумают его слова, переговоят, поделятся своими мыслями. После чего, если у кого появится какая-то идея, пусть он выскажет ее перед всеми, завтра или через день.

Наконец они остались одни на фургоне, в небе над ними нависали грозовые тучи, и поднявшийся холодный ветер уже приносил запах бури, а горизонт наливался медным светом. Джоссерек повернулся к Донье, схватил ее руки и умоляюще произнес:

— Что мы можем сделать? — с болью в голосе спросил он. — Кроме того, чтобы умереть?

— Мы? — тихо переспросила она. Ее локоны спадали на высокие щеки, закрывая зеленые глаза.

— Я готов остаться, — пробормотал, запинаясь он, — если ты, если ты... будешь со мной...

— Джоссерек, — сказала она через некоторое время, не выпуская его рук и не отводя взгляда в сторону. — Я не была к тебе добра, да? Пошли в мою палатку.

Он усталился на нее с изумлением. Сердце его билось в такт ударам барабанов, стучавшим где-то за горизонтом. Она улынулась.

— Ты думаешь о моих мужьях? Они тоже любят тебя. И я с ними тоже не всегда бываю ночью. Пошли! — Донья спрыгнула на землю.

Когда Джоссерек тоже спрыгнул, ошеломленный, она взяла его за руку и повела к себе.

Утром он проснулся — в мире и спокойствии и зная, что теперь будет делать.

Глава 18

Записи, которые Сидир вел во время путешествия, говорили ему, что он вошел в Неизведанный Рунг в Звездный день, восемнадцатого Оша. Но это не имело значения — просто запись, нацарапанная рукой, окоченевшей и испытывающей боль от холода, в книге, страницы которой скрипели под воем ледяного ветра. Время было ничто здесь. А если когда-то что-то и значило, то теперь оно трансформировалось, застыло в пустоте огромных пространств.

Уставшая голова плохо соображала. Первой его мыслью было — после того, как разведчик криком привлек к себе внимание и указал вперед, а он поднял бинокль: «И всего-то?» — таким крохотным и незначительным казался легендарный город у подножия обледеневших гор.

Горы закрывали три четверти горизонта: слева, впереди, справа они образовывали гигантскую арку — и эта полоска земли, по которой бежала, спотыкаясь, его лошадь, была лишь узеньким проходом между ними. Все выше и выше поднимались они с одной террасы на другую по склонам холмов, преодолевая крутые откосы и каменные завалы, туда, где небо сходилось с землей. Предгорья были покрыты зарослями и пылью. Чем выше они взбирались, тем ослепительнее под безоблачным небом сверкала зелень чистым сапфировым светом, то тут, то там вспыхивали радуги на фоне серо-стальных гор. Каньоны внизу казались бездонно-голубыми. Тысячами ручейков струилась талая вода, внизу они сливались в ревущие потоки.

Несколько раз Сидир слышал грохот снежных лавин, сходящих с гор, а потом видел струйку дыма, тянувшуюся к солнцу или к дождевым тучам, или к созвездиям, которых он не знал, окрашивая все в белый цвет, словно в преисподней извергался невидимый вулкан.

Приближаясь к городу, он чувствовал холодное дыхание ледника. Оно проникало сквозь одежду и кожу и пробирало до костей. Не прошло и дня после того, как они покинули Фальд, граничивший на севере с территорией Ульгани, а уже ощущается воздействие ледника. Леса погибали, трава высыхала, степь перешла в тундру. Между коричневыми оледеневшими кочками росли только мох и лишайник. Мокрая от летних дождей земля прилипала к копытам, и они ползли чуть ли не со скоростью улитки; силы у лошадей с каждым днем таяли, как и у людей, которые не могли найти сухого места, чтобы передохнуть. Свистел ветер, их заливало потоками дождя, чавкала слякоть, крупный град оставлял кровоподтеки, но это было лучше, чем ясное небо и москиты. Сидир боялся, что их жужжание в ночных кошмарах будет преследовать его до самой смерти. Может быть, даже в могиле он еще будет слышать писк москитов, кружащихся над ним, а он от них будет отмахиваться, как безумный, путаясь в одежде, пачкаясь в соке растений, лихорадочно дрожа от медленно отравляющего мозг жужжания. На этих пустынных просторах почти не было никакой другой жизни. Иногда мелькали куропатка, заяц, лиса, олень, в водоемах плавали дикие утки, а с наступлением темноты раздавалось уханье совы. Да они были бы рады даже нападению туземцев, лишь бы увидеть человека!

Сегодня они были измучены меньше. Обнаружив, что воздушные потоки с ледника относят в сторону большинство насекомых, они придерживались их границы. Это удлиняло путешествие, к болотам добавились ледяные надолбы, но даже если бы они ехали напрямик, все равно их путь занял бы много времени: у них не было ни надежных карт, ни засечек, ни отметок. Клань не запрещали арваннетианцам посещать Рунг, но никто не отваживался на такое путешествие. Наиболее надежным ориентиром для Сидира было то, что город лежал как раз перед ледником, в конце глубокой впадины, которая почему-то осталась не покрыта снегом.

И вот он наконец здесь. Он достиг цели путешествия. Он перевел взгляд с мрачной полосы земли на юге, навел бинокль на резкость и напряг глаза, пытаясь различить башни города, о котором сложено тысячи легенд. И увидел лишь темное пятно неправильной формы, из которого кое-где торчали остроконечные шпили.

Полковник Девелькаи ехал рядом с ним.

— Это, наверно, он, да? — Из-за усталости его голос прозвучал хрипло. — Что мы будем делать, сэр?

Сидир задумчиво посмотрел на него. Командир полка Барракуд (особый эскадрон Молоты Бессака, входящий в состав полка, принимал участие в походе), был молод, вернее, когда-то был. Тундра и ледник, похоже, состарили его: щеки поросли щетиной и ввалились, шрамы и рубцы покрыли его лицо, глаза потускнели, плечи сгорбились — казалось, его сгибало слишком большим весом шапки и кожаной куртки. Лошадь, на которой он скакал, была в еще более жалком состоянии: хромила, копыта разбиты о камни, голова опущена, а под шкурой, на которой засохла грязь, выпирали ребра. «Неужели и я выгляжу так ужасно?» — подумал Сидир.

— Вперед, прямо, — приказал он. — Конечно, мы примем необходимые меры предосторожности. Когда мы приблизимся, то поймем, какие именно. Эту ночь мы проведем уже в Рунге.

— Главнокомандующий уверен в этом? Я хочу сказать, что противник может свободно передвигаться в этом муравейнике, а мы нет.

— Мы постараемся не делать глупостей. Как только мы выйдем на свободное пространство, где сможем маневрировать и вести огонь, мы в состоянии будем отразить любую атаку. Но, откровенно говоря, я сомневаюсь, что здесь есть дикари. Когда их торговые пути перерезаны, что им здесь делать? Рунг ведь не является территорией кланов, не забывай об этом. Они считают его общим владением и поэтому не будут защищать его с той же фанатичностью, как свои охотничьи земли. — Сидир поднял голову, и ветер взметнул красное перо на его шлеме; он носил это перо как некий талисман жизненной энергии. — Полковник, там сухое укрытие. Солдаты больше не будут спать в сырости. Вперед!

Девелькаи подал знак своему горнисту. Негромкий,

теряющийся в громадах гор призыв к атаке прокатился по склонам гор.

Солдаты рысью двинулись вперед. Реяли знамена, сверкали наконечники копий. Они были отличными парнями. Кроме эскадрона Молота, целиком состоявшего из бароммианцев, в поход выступили посаженные на коней инженеры и отряд всадников-рахидианцев — целый гарнизон. Среди конных были рассредоточены стрелки с ружьями, а мулы везли большое количество боеприпасов для них.

Они и им подобные так жестоко расправились с жителями Ульгани (весь Лосиный Луг был обнесен изгородью из скелетов), что за все время похода им не попала ни одна живая душа. Но эта пустота не пугала их (туземцы отогнали от реки свои стада диких животных, подальше от имперских фуражиров). И тундра, несмотря на все свои ужасы, которых никто не сумел предвидеть, покорила их воле. Конечно, они захватят эту груду развалин.

Прошел час. Тени от ледника вытянулись. И тут до Сидира начала доходить вся огромность Рунга.

Все чаще он видел холмы с разрушенными селениями. Наконец весь ландшафт превратился в один огромный холм, состоящий из десятков и сотен холмов поменьше. Он взобрался на вершину одного, чтобы осмотреться. Среди мха и пучков травы он замечал обломки, битый кирпич, черепки из керамики, осколки стекла, остатки чего-то гладкого, наподобие свернутых кусков затвердевшей резины. Его взгляд остановился на кресте. Дыхание рвалось наружу, обжигая еще сильнее ветра, дувшего вокруг этих холмов.

Повсюду над землей были видны останки древних городов, но только останки, — много времени прошло с тех пор, как их выкапывали жители более населенных районов. Рунг был слишком огромным, чтобы охватить весь его взглядом. Вблизи ледник, тянувшийся за городом, казался как бы его обрамлением, так же, как небо и земля. Большинство зданий было разрушено, хотя бы вот это, по которому стучали копыта его лошади. Но дома были расположены так тесно, что образовывали одно неровное возвышение, заросшее кустами.

Некоторые здания еще стояли, защищая от ветра и сохраняя тепло. Над грудами булыжников, высота которых была не меньше холмов, поднимались выступы стен,

обрубки дымовых труб, сломанные колонны, стоявшие наклонно, словно пошатнувшийся пьяница. И только в одном районе, хотя отдельные гигантские строения возносились ввысь повсюду в этой местности, которую глаз не мог охватить, он увидел скопление башен.

Их громады возносились в сгустившейся темноте на фоне ледника и неба. Время также не пощадило их. Зияли пустые проемы окон, разрушившиеся стены были открыты непогоде и крысам, перекрытия провалились сквозь полы этаж за этажом, входы были похоронены под красными наносами почвы, все, до самого верха, где теперь гнездились ястребы и совы, обросло мхом и лишайником. Но все равно это были башни. Такая уж сила воздвигла эти башни, что они пережили нации, империи, историю; а прежде, чем превратится в прах последняя из них, они переживут и богов.

Потрясенный до глубины души, Сидир поскакал вниз.

Разведчики сообщили, что повсюду царит запустение. И хотя тысячи врагов могли спрятаться среди этих кладбищ, Сидир думал иначе. Он повел свой отряд по заросшим улицам, которые когда-то были широкими проспектами, и не слышал никаких яростных криков, кроме эха, отражавшегося от развалин. В нем Сидиру почудилась насмешка, едва заметная, но это его нисколько не беспокоило. Еще несколько незваных гостей, чья жизнь — лишь день по сравнению с вечностью, царившей здесь, не стоили того, чтобы обрушить на них громаду ледника.

Он понял, что интуиция его не подвела, когда обнаружил первые следы северян. Это случилось у подножия полуразрушенного колосса, который выходил на заваленную обломками площадь, уже погруженную в тень, однако верх этих руин еще светился на фоне голубого неба. Кусты у ее подножия были вырублены, вырыты очаги, из развалин было сделано какое-то подобие хижин, над которыми можно было натянуть маскировочные навесы. Следы копыт и сухой навоз говорили о том, что лошади еще совсем недавно ходили по этому расчищенному проходу, ведущему к югу. Более заметной была груда стальных брусков, медной проволоки, алюминиевых листов и еще каких-то экзотических металлов, находившаяся внутри входа, который вырезали северяне — рогавикианцы летом раскапывают Рунг, а зимой возвращаются, когда тундра замерзает, чтобы перевезти домой свои трофеи. Должно

быть, эта банда оставила раскопки, чтобы отправиться сражаться с захватчиками.

— Здесь мы и остановимся,— приказал Сидир.

Воины спешили, разбрелись по округе, выбирая себе место для ночлега. Их тела теперь отдохнут куда лучше, чем за весь последний месяц. А их души... Они говорили мало, лишь приглушенно. Глаза сверкали.

Сидир и Девелькаи вошли в башню, чтобы осмотреть ее. Внутри было немного ярче, чем снаружи — через проломы в западной стене проникали солнечные лучи. Но все над головой стремительно погружалось в сумрак. Были видны только несколько балок — словно концы паутины. К земле свисала цепь с крюком вполне современной работы. Воздух был сырой; изо рта шел пар, слова не звенели, как должно было быть. В воздухе пахло ржавчиной.

— Они спускаются с вершины к подножию, верно? — заметил Девелькаи, указав на туман.— Имеет смысл: не нужно подкапывать фундамент и опорные балки. А что касается... гм-м... полагаю, здесь ничего не сохранилось из-за коррозии — кроме цементного пола и стен, покрытых штукатуркой и резиновой обшивкой. Рогавикианцы отдирают это, а с металлом расправляются с помощью пил и паяльных ламп.

— Это кощунство,— пробормотал Сидир.

— Не знаю, сэр, не знаю.— Девелькаи получил хорошее образование, но также и бароммианское тугодумие.— До самого последнего момента я так никогда по-настоящему и не ценил... каким богатством владели наши предки. Они оставили нам мощные шахты и нефтяные скважины, верно?

«В лучшем случае лишь некоторые земли на побережье,— подумал Сидир,— подтверждают теорию, что они находились под водой в те дни, когда был построен Рунг».— Он знал немного больше. Именно морской народец, а не рахидианцы, исследовал скалы в поисках древнего прошлого, более древнего, чем человечество. И тут от мысли о неотвратимости времени мурашки пробежали по его коже, и он содрогнулся всем телом.

— Так почему бы нам не возродить это? — продолжал Девелькаи.— Ведь никто никогда не сможет больше возвести такой город...

«Может, поэтому древние и вымерли? Что, если они затратили столько много усилий на освоение этих земель,

что когда началось наступление ледника, захватившего огромную часть их территорий, то им уже не хватило сил, чтобы жить по-прежнему?»

— ...но ведь мы и наши дети имеем право взять все, что сможем, чтобы использовать это по собственному разумению и исходя из своих возможностей, верно, сэр?

«А что мы можем? Пока я сам не увидел все это...» — Перед глазами Сидира возникло морщинистое лицо Юруссана. Ученый из Наиса побеседовал с учеными из Арваннета и позднее сказал своему коллеге из Хаамандура:

— ...Давным-давно, когда Арваннет был еще сильным и энергичным, исследователи доходили до Рунга. Я обнаружил фрагменты этих записей, которые цитировались в более поздних трудах, сохранившихся в библиотеках. То, что в них говорится, предполагает, что древние предпринимали огромные усилия по спасению этого места, прорыли грандиозные каналы, возвели большие плотины. И в результате ледник окружил их. Смертельная борьба, которую вела цивилизация, овладела всей планетой... Вот что я думаю: а что, если бедствие, которое постигло этих людей — по всей видимости, случившееся быстро, в течение нескольких столетий — что, если оно — следствие их действий?

«Я никогда не понимал, ни что такое Рунг, ни что такое ледник, по сравнению с которым Рунг — простая мошка, пока не увидел их собственными глазами».

— Мы так и поступим. Главнокомандующий был абсолютно прав, когда повел нас сюда. Признаюсь, что у меня были сомнения, но вы, сэр, оказались правы. Дикари лишь едва прикоснулись к этому богатству. После того как мы установим здесь должное правление, современные методы...

«Он все еще не понимает».

Сидир посмотрел на честное и простое лицо полковника и, растягивая слова, сказал:

— Возможно, мы пробудем здесь совсем немного.

Он не стал ничего объяснять. Немного погодя, несколько безрассудно, он взял фонарик и один пошел на холм. Он поднимался вверх по бетонным ступенькам, которые почти полностью разрушились и стали скользкими от

вечернего мороза... вверх среди проломов в стене, где крепились лестницы, к площадке, которую рогавикианцы соорудили на самом верху. Там он постоял, дрожа. Солнце на западе уже опустилось ниже ледника, который вырисовывался смутной темной стеной на фоне светло-зеленого неба. Над черными холмами повис серп луны. На востоке небо имело оттенок свернувшейся крови. Уже появилось несколько звезд, под которыми замерзшее озеро и замерзшая крепость ловили мигающие блики. Ветер затих, и наступила глубокая тишина.

«Я был не прав, я ошибался,— признался он в этих сумерках.— Я ввел своих людей в заблуждение. Мы не сможем воспользоваться тем, что захватили здесь. Возможно, что нам даже не удастся удержать это. Я теперь сомневаюсь, стоит ли это каких-либо усилий.— Сидир собрал все свое мужество.— Со временем — о да, да, прирученная и заселенная земля, соответствующая дорога, проложенная по тундре, да, здесь богатства, которые трудно себе представить. Но не для нас... и не сейчас: слишком труден этот путь, а страна слишком сурова, развалины слишком громадны и слишком многочисленны. Лето уходит, наступает зима, близко подступает голод.

Этого-то я не учел. По всему протяжению реки Джугулар, в каждом опорном пункте полагают, что только им так не везет. Но я-то читаю все донесения. Повсюду северяне гораздо лучше, чем я думал, справляются с отводом дикого скота и недоступные для нас места. Что ж, они сами звери и знают их повадки... И Донья — такая же волчица, если только еще жива».

Он поднял голову. Конечно, это говорило его уставшее тело, а не рассудок. И он понимал это, рассчитывая на то, что его огромная армия сможет прокормиться охотой, но он никогда не был настолько безрассудным, чтобы ставить свои планы в зависимость от этого. Вскоре войскам будет не хватать свежего мяса; но у них будет хлеб, пшеница, рис, бобы, и они смогут ловить подо льдом рыбу. Возможно, они увидят, как он поползет обратно из Рунга со всем своим отрядом, и этот поход окажется напрасным; но они узнают, что это отступление временное, их глаза будут блестеть, когда он будет рассказывать о богатствах, которые остались здесь. Возможно, их ждут впереди трудные годы преследований неуловимого, искусного и жестокого врага, но они выполняют свою задачу. Это вопрос

стойкости. В конце концов, они овладеют всем Андалином — для самих себя и своих потомков.

«Тогда почему я так печален? Чего я боюсь?

Донья, где же ты? Ночь опускается на нас обоих?»

Глава 19

Через несколько дней хозяйка Аулхонта присоединилась к отряду охотников. Собрание Земель уже разошлось, но такое огромное сборище неизбежно распугало по округе всех диких животных, которых еще не убили. Донья собиралась охотиться несколько дней. А Джоссерек остался на стоянке Громовой котловины и занялся работой. Он даже отклонил предложения двух девиц. К его удивлению все, что требовалось ему для осуществления задуманного, нашлось на складе. На стоянке был и торговый центр, и мастерские, и постоялый двор. Девушки смирились с этим, потому что он мог, он должен был каждый свой час посвящать осуществлению своей задачи. Он не говорил им, что работа помогает ему смириться с тем, что с ним нет Доньи.

Она вернулась через неделю. Первое, что она поняла, когда вошла в комнату, — то, что он превратил ее в лабораторию. Лаборатория была большая, утрамбованные земляные стены были окрашены в белый цвет, сквозь окна в комнату падало много света, хотя на улице было уже морозно. На верстаке лежали ручные и электрические инструменты. Он обрабатывал напильником медный брусок.

Джоссерек услышал, как дверь за спиной открылась, оглянулся и застыл: Донья. Позади нее поразительно ярко сверкал двор. На несколько секунд она показалась ему тенью в ореоле золотых волос. Потом он разобрал руки, ноги, шею. На ней были лишь туфли и короткая туника из оленьей замши.

— Джоссерек, — сказала она. — Звезды танцуют для меня.

Он подошел к ней, кровь бросилась ему в лицо, и их поцелуй длился долго-долго, пока он не вспомнил, что надо закрыть дверь. После чего он снова повернулся к ней.

Донья игриво оттолкнула его, задываясь смехом.

— Скоро. В другом месте, более подходящем.— А потом внезапно стала серьезной: — Как вы тут жили?

«Она спрашивает не обо мне»,— понял он, и эта мысль резанула его как нож.

Хотя...

Когда она проводила с ним столько времени, как будто он был ее мужем, он верил, что ее ласки искренни. И все же он никогда не смел даже надеяться, что ее чувства хотя бы близко похожи на те, что он испытывает к ней. Сама возможность любовного плена была утрачена им еще в юношеском возрасте, а рогавикианцы, похоже, вообще не знали о подобном — если они и испытывали какие-либо чувства, которые были бы посильнее простой привязанности или преданности, то не распространяли их за пределы своих семей. Не стоило удивляться радости, которую испытывала Донья от общения со своими мужьями, как и бессмысленно было ревновать к ним. Они были замечательными парнями и сердечно приняли Джоссерека и его связь со своей женой. Да, они по-своему выражали ему свое дружеское отношение...

Но они скакали рядом с ней во время охоты, в то время как он должен был остаться на стоянке.

Джоссерек проглотил комок в горле, сжал пальцы в кулак и заставил себя успокоиться.

— Хорошо,— ответил он.— А как ваша охота?

— Хорошо. О, позволь мне рассказать тебе, как Орово гнал за мунрогом... Нет, позже, позже.— Она схватила его за руку. Он почувствовал, что Донья дрожит.— Может, ты наконец объяснишь, чем ты занимаешься?

«Именно ее стране угрожает опасность. При подобных обстоятельствах я бы хотел услышать новости, а уж потом заниматься личными делами. И у меня нет такого чувства единства с родиной, как у нее».

— Я тебе ничего об этом не говорил,— сказал он,— потому что не был уверен, что прибор заработает.— «Я мог бы этим заняться вплотную и раньше, Донья, но ты была здесь, и я не хотел терять ни одной секунды, которую мог провести с тобой».— Но теперь я уверен, что он заработает. Вообще-то я думаю закончить прибор через два или три дня.

Донья высвободилась из его объятий и подошла к верстаку, чтобы посмотреть, что же он там собрал. Он с

огромным удовольствием показал ей прибор. Искры затрещали между борнами индукционной катушки, в стеклянном электроскопе раскрывались и закрывались, словно крылья бабочки, золотые лепестки. Стрелка компаса прыгала, реагируя на изменяющееся магнитное поле.

— И... с помощью этого прибора можно будет переговариваться... через тысячу миль? — воскликнула она. — Никогда не слышала ни о чем подобном. Как можешь ты держать в своей голове все эти знания?

— Ну, это не слишком сложный прибор. — Действительно, простой излучатель и переносная антенна. — Самым сложным было найти все необходимое для получения энергии. Как сказать «серная кислота» по-рогави-киански, как различить предлагаемые жидкости, как проверить выходы батарей со свинцовыми пластинами, которые сам делаешь? Кроме того, некоторые размеры следовало выдержать очень точно, или, по крайней мере, выдержать их соотношения. Нужно было подобрать сопротивления, емкости, катушки так, чтобы они генерировали ту длину волны, которая активирует корабельный приемник, настроенный на нее.

Ее живой ум быстро все схватывал:

— А как ты проводишь измерения? Конечно, наши линейки не годятся для тебя.

— Да, не годятся, — улыбнулся Джоссерек. — Я пользуюсь своими. Понимаешь, занимаясь своими исследованиями, мне порою приходилось наспех соорудать соответствующие приборы. Поэтому я знаю длину и толщину различных частей своего тела. А уж основываясь на этом, я могу довольно точно определить количество воды для получения определенного веса или построить маятник для определения времени. Если мне понадобится большая точность... — Он протянул руку, на которой была татуировка в виде якоря, змеи и дельфина. — Если ты внимательнее приглядишься к этим рисункам, то увидишь маленькие отметки. Их сделали очень аккуратно.

Донья в восторге хлопнула в ладоши:

— Значит, скоро ты сможешь переговариваться с жителями побережья?

— Ну да, только не будет двустороннего разговора, — ответил он. — Буду говорить только я. Я буду передавать сообщение, выстукивая его шифром «точка-тире», и они примут его на своих приборах.

Но, как я тебе уже раньше говорил, мои шефы не забросили меня сюда, в Андалин, одного и наугад, на верную гибель. В Империи действуют и другие агенты. А несколько «торговых судов» в море Ураганов и заливе Дельфинов — на самом деле наши боевые корабли.

А еще,— он понял, что на некоторое время ему придется перейти на арваннетианский,— для выполнения этого задания мне присвоили на службе внеочередное звание. Если я скажу, чтобы мне навстречу выслали отряд и, что более важно, передали мое сообщение и предложения руководителям разведки в Ичинге, они сделают это.

Потом он снова продолжал на рогавикианском:

— А этот прибор здорово сэкономит время. Без него мне, наверное, понадобились бы месяцы, чтобы добраться до наших кораблей, потом еще месяцы, чтобы приступить к действиям, в то время как твой народ страдал бы и умирал, да и земле был бы нанесен непоправимый вред. Я не думаю, что зимой Сидир будет сидеть сложа руки, верно? А так... к тому времени, когда я встречу со своими парнями на побережье залива Дельфинов, они уже будут действовать.

От радости у Доньи на глазах выступили слезы, они повисли на густых ресницах и заблестели.

— И ты разобьешь их, Джоссерек, убийца медведей, дорогой мой ястреб. Ты освободишь нашу землю от его орды.— Она обняла его.

Все, на что он был сейчас способен — это отступить назад, скрестить руки на груди, и, покачивая головой, очень тихо сказать:

— Я? О нет, Донья. Не я. Да и не моряки с тех нескольких кораблей. И не бароны из провинций, не воры и не убийцы из темных улочек Арваннета. Только вы, северяне, сами можете освободить себя. Если только способны.

С болью в сердце и удивлением она возразила ему:

— Но ведь ты сам говорил перед моей поездкой... ты сам говорил, что твои приморцы могут поднять город... отрезать армию Сидира...

— Я сказал лишь, что такое возможно,— ответил он.— Сидир оставил в дельте реки Джугулар лишь небольшой отряд. Тем не менее наших людей слишком мало — понадобится множество воинов-рогавикианцев.

— Да-да, я понимаю это, и ты сам слышал на Собрании Земель, как многие кричали, что они пойдут туда,

куда ты им укажешь. Их семьи, что остались дома, поступят так же, а членов их семей в десятки раз больше.

— Дорогая, ты не понимаешь,— вздохнул он.— Я не знаю, смогу ли я когда-нибудь объяснить тебе это. Впрочем, послушай. Мы, киллимарейчанцы, не можем открыто выступить и проявить руководство в этой войне. Наша страна не хочет войны с Империей — от нас откажутся, отправят в Рахид, чтобы подвергнуть наказанию... пока обе державы будут делать вид, что мы — безымянные флибустьеры из какой-то неизвестной части Материнского океана, отправившиеся на поиски легкой наживы, но эта авантюра закончилась плачевно для нас.— Джоссерек видел ее замешательство: правительства, политика, уголовное право, пираты, юридические тонкости... бессмысленные, непонятные слова... и он торопливо продолжил: — Да, лорды из глубинных районов Арваннета могут поднять своих людей, Братья Ножа умеют сражаться на улицах, искусные в интригах Мудрые помогут сделать все приготовления; но все равно нам понадобится немало воинов-северян.

И даже тогда... армия Сидира не будет уничтожена. Ты ведь понимаешь, что он не направится сразу домой через всю страну. Он будет возвращаться по реке Джугулар, чтобы собрать то, что разбросал по ее берегам.

И тогда нам понадобится немало северян.

Донья молча крутила пальцы, а потом прошептала:

— Они у тебя будут. Сообщение об этом полетит от одного лагеря к другому.

Джоссерек кивнул. Прежде чем покинуть его, она все обдумала. В своих дальнейших планах он опирался на ее слова. Клань долин не пошлют воинов немедленно, это попросту сейчас невозможно — на своих землях они сражаются с врагом. Но вот территории к востоку от них, простирающиеся до самых Диких Лесов, которые еще не подвергались нападению, должны откликнуться сразу же. Главным образом, ему придется надеяться на добровольцев из западных районов, начинавшихся от Тантианских гор и заканчивавшихся долинами Старрока. Таким образом рогавикианцы объединялись и в прошлом, чтобы помогать друг другу в борьбе против цивилизованных орд. В этот же раз угроза уничтожения всех их животных должна объединить тысячи и тысячи северян.

— Только скажи, когда и где они должны встретиться? — спросила у него Донья.

— Сейчас я еще не знаю точно, — ответил Джоссек. — Это будет не очень скоро. Мне нужно побывать на юге, встретиться со своими соплеменниками, помочь им поднять народ для свершения революции. Не раньше, чем через два месяца, а, вероятнее всего, через три. Только тогда мы пошлем за первым контингентом союзников. Сможешь ли ты... сможет ли кто-нибудь... собрать к тому времени их в селениях, чьи зимние сады расположены недалеко от границы?

— Да.

— Я сообщу, где они должны присоединиться к нам. Если нам будет сопутствовать удача, дополнительные силы помогут нам победить имперские войска в том районе. Гарнизоны немногочисленны, а их базы не сильно укреплены.

Но потом все усложнится. Сидир соберет свои отряды и двинется быстрым маршем вниз по реке. Нам придется туго, если мы встретим его спиной к морю. Мы должны будем двигаться на север. И второй, более крупный контингент войск рогавикианцев должен встретить нас в верховьях реки в точно оговоренное время. Смогут ли они сделать это?

— Думаю, что да.

— Возникнет проблема с продовольствием... Ведь это будет уже зима.

— Все приедут со своей едой. Одна мысль, что они смогут свободно охотиться, будет поддерживать людей.

— Если мы победим... Донья, я не могу читать будущее. Я не строю планов, кроме как захватить Арваннет. Пока еще. Может быть, впоследствии... Не знаю.

Он прислонился спиной к своему верстаку и до боли впился пальцами в его край.

— Вероятно, у вас будет столько же воинов, сколько у Сидира, если не больше. Но вот сможете ли вы победить их? Они полагаются не только на свои пушки и доспехи. Это хорошо обученные солдаты с высоким боевым духом. Если их уланы атакуют нас, сможем ли мы заставить тысячу рогавикианских копьеносцев стоять плечом к плечу? Мне кажется, что нет. Я думаю, что они разомкнут ряды и будут сражаться и погибать поодиночке — да, даже проявляя чудеса храбрости, все равно погибнут.

— Отвага значит больше, чем смерть,— тихо произнесла Донья.

Он ощутил почти физическую боль.

— Донья, ты будешь там?

— Во втором контингенте? Конечно. Как же иначе? То есть буду, если враг покинет Хервар.

— Я не хочу, чтобы тебя убили! Послушай, поехали со мной на юг.

Она удивленно посмотрела на него.

— Что?

— Давай уедем вместе отсюда. Ты и я... вместе с кем угодно, кого ты только захочешь взять с собой... Конечно, опасность не исчезнет, но это будет не так смертельно опасно, как партизанская война и заключительная битва армий, если ты доживешь до того времени.

— Джоссерек, почему ты предлагаешь мне это? Я не могу поехать с тобой. Я и осталась здесь не по своей воле — ведь Хервар окружен!

— Да, да,— быстро согласился он,— и я понимаю, почему ты не хочешь оставить свой народ. Но ты можешь им намного больше,— со вздохом произнес Джоссерек,— если станешь помогать мне. Сама подумай. Я... мы, приморцы и арваннетианцы... нам нужен человек, который понимал бы северян, по-настоящему понимал их, знал, что они могут сделать, а что нет. Человек, к чьему мнению они могли бы прислушаться, совету которого могли бы последовать. И который имел бы опыт общения с людьми цивилизованных рас. И этот человек — ты. Я сомневаюсь, чтобы среди рогавикианцев имеется кто-нибудь, кто бы лучше тебя разбирался во всем, с большими, чем у тебя, связями. И мы вдвоем составим хорошую команду.— Он собрался с духом.— Донья, ты должна так поступить — это твой долг перед Херваром.

Он ждал ее ответа в тишине и считал удары своего сердца, в то время как измученные глаза женщины внимательно изучали его. Неужели он видит боль в них? Когда Донья заговорила, ее голос звучал глуше, чем когда-либо раньше, и не так ровно.

— Я думаю, нам лучше поговорить о себе, дорогой. Давай выйдем.

«Рогавикианцы — дети Неба».

Она взяла его руку. Ее рука была теплой и твердой. Они шли молча. Деревья на стоянке шелестели и бросали

беспокойные тени. С запада дул ветер, в котором уже чувствовался приближающийся с севера холод.

Джоссерек подстроился под ее шаг. Вскоре они отошли на мило от стоянки. Небольшая канавка, несколько построек да пыльная полоска засеянной озимыми земли перед кратером Громовой Котловины — вот и все, что указывало на присутствие здесь человека. А все остальное, что было под небом, — это степь. До самого горизонта простиралась колыхаемая ветром трава высотой по пояс. Мириады травинок, некогда зеленых, сейчас побледнели и сверкали на солнце серебром. Ветер приносил их запах, нагретый солнцем. Сотни дроздов летали в вышине, пронзительно крича; напоминающие то включающийся, то выключающийся фонарик, мерцали красным светом пятна на их крыльях. А еще выше над ними пролетала стая лебедей, немыслимо белых на фоне голубого неба.

Когда Донья наконец заговорила, Джоссерек был рад тому, что они идут. Это помогало ему унять дрожь, которая пробирала его как изнутри, так и снаружи. Северянка смотрела прямо перед собой, и ему показалось, что он слышит в ее голосе волю, даже мужество, которых требовали эти слова.

— Дорогой мой друг, я боялась, что это произойдет. В прошлом так уже случалось, что чужеземец и наша женщина становились близки друг другу... между ними возникало нечто большее, чем простой интерес. Конец никогда не бывал хорошим. Оставь меня, пока не стало слишком поздно: теперь я могу причинять тебе только боль.

Он впился в нее глазами и с усилием произнес:

— Ты боишься, что я обижу твоих мужей, и это все испортит. Да, что ж, конечно, мне бы хотелось, чтобы я один обладал тобой. Но... — Он хрипло кашлянул. — Ты даешь мне так много, когда мы вместе, что я сомневаюсь, способен ли один мужчина удовлетворить тебя.

Донья закусила губу.

— Чего ты хочешь?

— Разреши мне остаться с тобой навсегда.

— Это невозможно.

— Почему?

— Джоссерек, я действительно хорошо к тебе отношусь. Ты был внимательным другом, увлекательным собеседником и, да, замечательным любовником. Неужели ты

думаешь, что я не взяла бы тебя в свою семью, если бы могла?

Он вздохнул.

— Да, я знаю, что мне никогда не стать настоящим жителем равнин, уже слишком поздно. Но я в состоянии усвоить все, что необходимо.

Донья покачала своей янтарной головкой.

— Ты способен усвоить все, я не сомневаюсь в этом, кроме одного. Ты родился не в Рогавики. Ты никогда не станешь думать и чувствовать, как мы. Да мы никогда и не доверимся тебе до конца. Повторяю тебе, сколько уже было таких попыток за бесчисленные столетия, когда чужеземцы вступали с нами в брак, пытались приспособиться, присоединиться к семье, жить среди нас. И это никогда не удавалось. И не удастся. Мы приходим в бешенство, когда нам докучают. Чаще всего в этом случае мы убиваем. Его одиночество... как и его пассивность... растет — у него нет никаких развлечений, кроме обладания женщиной, а та стесняется его общества, избегает его — и чаще всего это в конце концов кончается самоубийством.

Я не хочу видеть, как это случится с тобой. Отправься своей дорогой, а я пойду своей, и мы сохраним друг о друге счастливые воспоминания.

Он волновался все сильнее.

— Я не уступлю, — со стоном прошептал он. — И ты не уйдешь от меня. Давай все-таки попытаемся, поищем какие-то пути.

Донья замедлила шаг и бросила на Джоссерека встревоженный взгляд.

— Ты хочешь вернуться в Хервар?

— Нет, я вряд ли смогу это сделать. Это ты поедешь в Арваннет. Давай я тебе все подробно объясню, со всеми практическими деталями. Мы отчаянно нуждаемся в тебе там. Кто ты здесь? Лишь еще один воин. А там ты...

Она оборвала его, резко остановившись. Некоторое время она стояла, уставившись в траву, струящуюся вокруг нее по ветру и обвивающую его ноги. Потом она расправила плечи, взяла его руки в свои, посмотрела в его глаза и твердо сказала:

— Это одно уже само по себе говорит о пропасти, что нас разделяет. Ты думаешь, что я вольна делать то, что

хочу? Нет, Джоссерек, я не вольна! На мою землю вторгся враг. Я должна сражаться и защищать ее.

Ты можешь спросить, если я здесь, почему бы мне не поехать туда, где я могу быть более полезной? Я просто отвечу на это, что, во-первых, я не сказала тебе, насколько трудно мне дался приезд сюда. Без моих мужей, которые поддерживали меня, а я их, мы бы не смогли сделать этого. Говоря между нам, разум преодолел желание. Так же дело обстоит и с любым другим, кто прибыл с нами — в большей или меньшей степени. Мы даже сохранили маску жизнерадостности: мы знали, что в конце концов это не продлится долго; мы просто передали наше послание, а позднее дали тебе время, чтобы устроить приготовления к твоему отъезду, после того, как ты сказал, что у тебя есть план. И кроме того, хотя это не Хервар, но все равно это земля северян. Это почти что родной дом; самый острый клинок тупеет, когда он покидает родной дом в час опасности.

Уехать в чужую страну... нет, я не могу. Никто из нас не может. Мужчины и женщины народов, чьи территории еще не осквернены, да, они могут присоединиться к тебе. И они охотно сделают это, чтобы опередить противника. Среди них я найду тебе советников.

Но сама я не могу уехать с тобой, не могу, не могу.

— Почему? — прошептал он вопрос.

Ответ поразил его как удар грома.

— Джоссерек! — Испуганная Донья обняла его. — С тобой все в порядке?

«Я должен еще подумать. Возможно, я обнаружу, что ошибаюсь. О нежный Дельфин, сделай так, чтобы я ошибался!»

— Все в порядке, — пробурчал он.

— Ты бледен. Ты замерз?

Он пришел в себя.

— Конечно, я расстроен. Э-э... а ты... э-э... ты не сможешь остаться здесь на некоторое время, пока я не уеду отсюда?

— Сколько времени?

— Я закончу свое устройство через два-три дня. Потом мне понадобится еще два или три дня для испытаний, чтобы убедиться, что мое сообщение дойдет по назначению. — «Буду менять частоту, хотя это совсем не обязательно. Буду ловить атмосферные разряды.

Лишь бы только побыть с тобой, дорогая — любовь всех нас заставляет лгать». — А тем временем мы пошлем гонцов, и они приведут тех советников, о которых ты говорила.

— Верно, я могу подождать... может быть, неделю, однако остальные мои люди вернутся в Хервар раньше. Надежда дает силу. — Донья подошла к нему. — И каждая ночь будет твоей, дорогой, только твоей.

Глава 20

Странно было снова оказаться на корабле. Когда Джоссерек вышел из предоставленной ему отдельной каюты, свистевший в снастях соленый ветер, скрип такелажа и рыболовного снаряжения, рокот и брызги волн, качающаяся под ногами палуба напомнили ему, насколько он изменился за последнее время.

Да и шестеро рогавикианцев, бывших с ним, похоже, едва узнавали его. Сейчас он был гладко выбрит, темные волосы были коротко пострижены, и он уже успел раздать шерстяные и кожаные вещи морякам-новобранцам. Северяне обменивались улыбками и рукопожатиями с командой, но все еще чувствовали себя неловко. Под белыми гребнями волн виднелись грязно-бурые водоросли, взлетала пена; земля, с которой забрал его китобой, превратилась в пятнышко на северном горизонте.

— Адмирал примет меня, — сказал Джоссерек. — Хочешь пойти со мной, Феро?

— Да, — кивнул торговец из семьи Валики, он являлся его главным проводником и советником. — А что будут делать остальные наши люди?

— М-м... ты знаешь, какие цивилизованные люди эти вожди. Как бы то ни было, но большинство из ваших ребят не последует советам, которые им давали, а все, что сейчас требуется от нас на этой стадии, это обмениваться сообщениями.

Идя вслед за посыльным в каюту, куда его пригласили, Джоссерек спросил у сопровождавшего его Феро:

— Вас удобно разместили?

— Ну, мы бы сказали — оригинально, — ответил Фетро. — Хотя мы очень устали с дороги, сомневаюсь, что кто-нибудь из нас сумел уснуть на нижних койках среди такого скопища тел. Можно нам хотя бы свои вещи оставить снаружи?

Джоссерек огляделся. Они плыли на торговом судне «Гордость Америки», оснащенном пушками, выстроенными в ряд у бортов.

— Уверен, что это удастся утрясти. Места много, а мы, несомненно, высадим вас на берег задолго до того, как начнутся военные действия.

Адмирал Роннах принял их в своем кабинете. Он происходил из рода Деррейна, как и сам Джоссерек; но это никак не влияло на их отношения. Для адмирала значение имела лишь служба, что подчеркивал форменный голубой китель с изображением золотой летучей рыбы, который был сейчас на нем.

— Приветствую вас, джентльмены, — сказал он. — Прошу садиться. Ах да!.. Полагаю, мы можем говорить на рахидианском?.. Сигары? Как вы добирались от того места, откуда подали нам сигнал?

— На лошадях, путь оказался довольно тяжелым, — ответил Джоссерек. Никакими словами нельзя было передать то громадное расстояние, которое им пришлось преодолеть. После того как они пересекли реку Джугулар, избегая патрулей имперских опорных баз, они продолжили свой путь на восток почти до самых Диких Лесов, прежде чем свернули на юг, в песчаные прибрежные низины. Ни один пункт, предусмотренный для встречи, не был безопасным в местности, где жили арваннетянцы.

— Что ж, мы действительно немного понервничали, когда ежедневно посылали судно, но никто не приходил, — согласился Роннах. — На мой взгляд, в нашем деле всегда слишком много неизвестных факторов.

Джоссерек напрягся.

— Сэр, а как обстоят дела в настоящий момент?

— Боюсь, что в начальной стадии. Радиосообщения между этим местом и Ичингом заглушались непрерывным треском. Вы понимаете, они были бы счастливы, если бы узнали, что Рахид отступил на несколько пунктов — при условии, что это не означало бы для них войны. Поэтому все должно носить неофициальный характер. И все-таки Совету Старейшин нужны точные сведения, прежде чем он

разрешил нам пойти на какую-нибудь более серьезную акцию. На берегу уже действуют несколько агентов, в городе тайно собрали один радиопередатчик, но это почти все.

Джоссерек кивнул.

— Я так и думал.— «Я действительно позволял себе надеяться — ради Доньи. Но...» — Вероятно, мне придется обходиться своими собственными средствами, а также помогать вашему штабу бороться с нашими руководителями дома и бог знает что еще.

Феро слушал молча. По его глазам, глазам пантеры, было ясно, что он ничего не понимает.

Дождь бушевал до тех пор, пока бурные потоки не смыли с улиц Арваннета летнюю грязь и осеннюю павшую листву в каналы. Из окон Касиру район Нор казался опустевшим: в опустившейся на город темноте в жилых домах и трактире не горели огни, да и на дороге не было видно ни единой живой души. Адский Монастырь тенью вставал над крышами. Но в этой комнате ярко светили лампы, отражавшиеся в хрустале и серебре, чувствовался уют, стены были обиты бархатом сливового цвета, в комнате пахло благовониями.

Заместитель главы Братства Рэттлбоун откинулся на спинку кресла, затянулся сигаретой с марихуаной, медленно выдохнул дым, который тонкой струйкой начал подниматься вверх над его высохшим лицом. Потом он пробормотал:

— Да, ваше приключение достойно целого героического эпоса. Но боюсь, что лично я не захотел бы становиться героем — такие люди обычно до старости не доживают, погибая намного раньше в какой-нибудь переделке.

Джоссерек шевельнулся в своем кресле.

— Вы что же, хотите так все и оставить — чтобы вас по-прежнему преследовали констебли, ни на секунду не давая передышки, пока не переловят последнего из вас? — пробурчал он.— Выехав на дорогу в Ньюкип, я заметил пугала на полях, которые, как я слышал, сделаны из кож приговоренных к смерти убийц. Такая смерть кажется мне более позорной, чем от меча.

— Но неудавшихся мятежников наказание ждет куда менее элегантное,— заметил Касиру.— Наши мучения в

Норах еще терпимы. Оккупационные силы слишком мало-численны, слишком заняты своими делами в других местах, чтобы совершать на нас частые налеты, а не так, как сейчас, лишь изредка. И еще реже им удастся схватить кого-нибудь путного. Наши самые серьезные проблемы идут от того, что мы потеряли покровительство со стороны Гильдий.

— Одно только это со временем задушит вас.— Джоссерек подался вперед.— Послушайте, да ведь я предлагаю вам союз с северянами и приморцами, на который вы так надеялись. Я не прошу вас принять решение немедленно, сегодня же. Ясно, что это невозможно. Честно говоря, моя сторона хочет получить разумные гарантии успеха, прежде чем мы выступим. Я один из нескольких человек, которые ведут открытые переговоры с различными слоями населения этого города, и наша цель — добиться принятия соглашения и координация совместных усилий — иначе восстание потеряет всякий смысл. Разве не можем мы с вами вдвоем попытаться разобраться в этом деле? И потом, если перспективы вам покажутся многообещающими, разве вы не сможете и в будущем поддерживать эти контакты?

— Это потребует времени,— предупредил Касиру.

— Я знаю,— с некоторой грустью ответил Джоссерек.

— Но... да, на таких условиях вы представляете для меня интерес.— Касиру ослепительно улыбнулся.— Вы будете моим желанным гостем.

Эрсер эн-Хаван, Святейший Советник Мира, облаченный в традиционную серую мантию, восседал на мраморном троне, высеченном столь давно, что в спинке и на сиденье протерлись дыры, и вертел в руках маленький глобус из дымчатого хрустала, который носил на груди. Карта, выгравированная на этом глобусе, показывала очертания берегов и границы ледника, отличные от тех, что были нанесены на современные карты. Убранство комнаты было строгим, занавеси опущены. Джоссерека ввели в нее с завязанными глазами. Он знал лишь то, что эта комната расположена где-то в Храме Короны.

— Знай,— прошелестел голос мудреца,— что я принимаю тебя только потому, что сообщение, которое ты передал мне через посредников, заслуживает дальнейшего изучения. Возможно, я заставлю тебя дать мне больше информации, прежде чем арестую тебя и передам имперским инквизиторам.

— Конечно,— ответил Джоссерек, глядя ему прямо в лицо.— И вы сами, со своей стороны, понимаете, что я просто связной, и те люди, от лица которых я говорю, не представляют правительство Киллимарейча. Данные разведки свидетельствуют, что... э-э... вашим владениям грозит нарушение спокойствия. Возможно как вторжение извне, так и мятеж изнутри. Мы полагаем, что Ичинг не будет возражать, если мы предоставим наши лучшие службы, чтобы свести ущерб к минимуму. Но это решать уже вам.

— Признаюсь, меня удивляет то, что вы не сообщаете свои сведения имперскому Наместнику.

— Что ж, Ваша Мудрость, по нашему мнению, Совет Мудрых сможет дать наиболее правильную оценку нашим сообщениям и посоветует, как поступить дальше. И разве Совет не является составной частью имперского правления в Арваннете?

— Да, его предназначение заключается и в этом... Вы намекаете, что создается движение, которое выбросит отсюда имперские силы и провозгласит суверенитет — движение, которое надеется на помощь дикарей с севера и... э-э... приморских искателей приключений.

— Верно, Ваша Мудрость. Будет это иметь успех или нет, Киллимарейча непосредственно не касается, хотя, Ваша Мудрость, я мог бы напомнить вам, что аннексия Рахидом Арваннета никогда нами не признавалась. Мы действительно считаем, что невозможно остановить попытку мятежа, и лучший для нас выход — это быть готовыми с самого начала взять контроль над событиями.

— К примеру, заключив предварительные договоры с другими слоями общества, чтобы образовать... э-э...

— Предположу, что вы могли бы назвать это Правительством национального освобождения, Ваша Мудрость.

— Возможно.

— Или на худой конец коалицией. Сэр, если мои руководители смогут помочь свести кровопролитие к минимуму, выступая в качестве посредников между различными заинтересованными сторонами, то они будут счастливы.

Эрсер погладил свою раздвоенную бороду.

— Меня больше привлекло бы предложение предотвратить возвращение имперского Главнокомандующего со своей армией сюда, в низовья реки, если государственный

переворот окажется удачным. Арваннет пережил многих завоевателей. Эти ничем не отличаются от других. Несколько десятков лет, несколько столетий... Что такое одна жалкая человеческая жизнь по сравнению с вечностью!

— Что ж, Ваша Мудрость,— начал Джоссерек,— как я уже говорил вам, вышло так, что нам известно кое-что из того, что собираются предпринять северяне.

Ни у кого не было новостей о Донье — никто не приехал из Хервара, да и не мог приехать, пока штаб Сидира находится в Фальде. Вскоре Джоссерек перестал спрашивать о ней у северян, которые были в городе. С помощью Феро он отвел в сторону Таргантара из клана Луки: эта семья более других годилась на роль семьи вождя северян.

Охотники ждали. Их было сотни и сотни. Но никакие наблюдатели не могли их заметить — они рассредоточились по болотам Унвара. Кусты и деревья, с которых облетели листья, сухой камыш, торчавший над замерзшими трясинами все еще давали им укрытие, особенно в такой день, как сегодня, когда валил густой мокрый снег, окутывая землю, залитую тусклым серым светом, безжизненной тишиной.

— Ты уверен, что вся армия уже собралась? — спросил Джоссерек.

Таргантар пожал плечами.

— Нет,— ответил он.— Как могу я быть уверен? — Но у меня достаточно оснований полагать, что это так.

Он описал систему связанных, которая была создана рогавикианцами, а не просто организована какой-то там группой для военных целей. Она не казалась чем-то невероятным, если принять во внимание характер этих людей. В основном эта система была весьма разумна. Он был человеком, к которому поступала информация от любого и от которого, в конечном счете, пришло сообщение, что все готово к их путешествию. Донья много говорила об этом с ним, с его женой и вторым мужем на Собрании Земель в Громовой Котловине. От знал, сколько приблизительно человек отправилось на юг и рассредоточилось на этой территории, согласно указаниям Феро. И он знал, что это число несколько раз уточнялось (когда решался вопрос, сколько именно человек должно двинуться в центральную часть долины реки Джугулар, учитывая при этом сообще-

ния, которые поступали к ним от союзников). Сеть связанных и постов со сменными лошадьми была готова оповестить о начале похода все лагеря практически мгновенно.

— Можете вы пожить здесь еще несколько дней, но так, чтобы о вас не узнали? — спросил Джоссерек.

— Думаю, что да, — кивнул Таргантар. — Между границей и этими дикими лесами находится совсем немного ферм; и, вероятно, любая группа наших людей, проходящая мимо какой-либо фермы, сообразит поступить так, как мы договорились, и возьмет в плен ее обитателей. Любой житель болот мог бы разнести по округе слухи о нас. Но всякий, кто охотился или торговал к востоку от гор Идис, должен препятствовать возникновению и распространению таких слухов.

— Хорошо. Понимаешь, мы решили, что важнее сначала поднять сельских жителей, особенно на севере. Если лорды возьмут контроль над провинциями, то сообщения о происходящем будут передаваться в штаб вражеской армии значительно медленнее.

— Верно. Впрочем, надо поторопиться. Эта местность слишком сырая и мрачная для нас.

— Три или самое большее четыре дня. А потом ты получишь свой вызов.

— Что мы будем делать?

— Обойдем город и выйдем на Главную Восточную дорогу. Помнишь, что от него идет единственная пешеходная дорожка через Лагуну. У нас нет ни плотов, ни лодок, которые были у рахидианцев, когда они напали на Арваннет.

— Гм-м! Я помню также и то, что в самом конце там стоит мощный бастион.

— Им займется Братство Ножа, — ответил Феро, — они атакуют его изнутри, откроют вам ворота, покажут, где размещаются войска. Кавалерию и артиллерию можно не принимать во внимание. Тамошние улочки — все равно что горные ущелья.

— Оче-ень хорошо. — Таргантар вынул свой клинок, провел пальцем по лезвию и улыбнулся.

Эту зимнюю ночь весь Арваннет, от одного конца до другого, стал охотничьим угодьем рогавикианцев. Света было достаточно: от звезд на небе, от ярко сиявшей луны и

даже от их отражения от сверкающего льда скованной морозами реки. Когда им попадались отдельные солдаты, то они, как охотники, наделенные острым, волчьим чутьем, прятались среди теней. Потом они пускали в ход свое оружие, а их собаки лаяли до тех пор, пока с врагом, попавшим в ловушку в темной улочке, не было покончено, и они бесшумно скользили дальше на поиски очередной жертвы.

Несколько имперских отрядов засели в домах и отвечали на атаки рогавикнандцев ружейным огнем. Но это не имело никакого особого значения. Пусть себе сидят. Скоро придут приморцы, которые знают, как обращаться с захваченными пушками. В переданном по радио сообщении говорилось, что Ньюкип пал после короткой бомбардировки, и буксиры оттащат пару военных кораблей вверх по течению.

Перед Дворцом Голина валялись убитые, защищавшие его с самоотверженной храбростью. Но лучники-северяне с наступлением темноты подошли поближе и обрушили на баррикады дождь стрел со стальными наконечниками, не оставив в живых ни одного защитника.

Джоссерек возглавил победителей, и они вошли внутрь. До этого момента он оставался на заднем плане в происшедшей битве, распавшейся на бесчисленное количество отдельных схваток, захватывающей все новые и новые улицы и оставляющей на булыжной мостовой кровь, которую жадно вылизывали дворняги, а плоть убитых пожирали огромные городские крысы. И Джоссерек помнил, что он был нужен Донье живым. Но в этом здании располагались личные кабинеты и апартаменты Сидира. Джоссерек мог найти здесь ключ к сущности бароммианца. Ичинг все же направит вместе с ним несколько людей, обученных военному искусству, но что значит такая горстка по сравнению с тысячами необученных и плохо подготовленных северян? Имея численное преимущество, помощь с тыла, используя эффект внезапности и ловко ориентируясь в запутанном лабиринте улиц, они в состоянии были захватить Арваннет, даже если им и не удастся долго удерживать его. Но ни одного из этих преимуществ не будет у них, когда они встретятся с Сидиром...

Соппротивление противника было сломлено окончательно. Слуги в ужасе бросились врассыпную, когда окровавленные убийцы бизонов ворвались в сводчатые кори-

доры и устремились в великолепные комнаты. По ливрее Джоссерек узнал одного из них — мажордома.

— Стой! — крикнул он.

Когда тот в панике припустил еще быстрее, одна рога-викианка, усмехнувшись, сняла с пояса лассо, раскрутила его и бросила. Падение мажордома вызвало звон хрустальной люстры.

Джоссерек приставил кончик ножа к его шее.

— Где находится самая высокая по рангу особа? — требовательно спросил он. — Отвечай быстро!

— Им... им... имперский Наместник... — запинаясь, произнес мажордом. — Лунный Зал...

Сам Юруссан Сот-Зора? Чудесно! Захватить в качестве заложника Наместника и держать, выказывая всяческое почтение к его высокой особе, торжественно заявляя при этом, что это сделано ради его же безопасности...

— Веди нас, — приказал Джоссерек. Он поднял слугу за воротник и повел, подталкивая коленом сзади.

В комнате с единственной лампой, бросавшей слабый, похожий на лунный свет, на стены, торжественно восседал старик. Когда нападавшие ворвались в комнату, он поднял пистолет.

— Нет, — выдохнул он. — Стойте, где стоите.

Джоссерек жестом руки отозвал своих людей назад. Мышцы живота напряглись, он вспотел, а сердце бешено застучало.

— Вы, наверное, тот, кто говорит от имени Империи, — сказал он. — Сэр, мы не хотим причинить вам вреда.

— А вы представляете приморцев, — ответил Юруссан спокойно, почти с сожалением. — В телеграмме из Ньюкипа, когда он еще держался, говорилось... Ах, да что это я, неужели я возмущаюсь тем, что этот киллимарейчанец действует именно так, как это свойственно его народу от природы.

— Это неверно... простите, сэр. Ситуация сложная, и мы...

Юруссан поднял свою худую свободную от оружия руку.

— Прошу вас, не оскорбляйте меня: я тот, кто говорит от имени Славного Престола, и честь не позволяет мне сносить оскорбления.

После паузы он добавил более спокойным тоном:

— Если вы действительно не имеете против меня ничего дурного, то прежде, чем я умру, сделайте доброе дело. Отойдите в сторону. Дайте мне полюбоваться на этих великолепных животных.

Онемев от удивления, Джоссерек рукой подозвал рога-викианцев. Некоторое время Юруссан пристально рассматривал женщину, у которой было лассо. Наконец он улыбнулся и спросил на ее языке:

— Из какого ты клана, дорогая?

— Я... э-э... из Старрока,— ответила она.

— Я так и думал. Ты выглядишь похоже. Ты, случайно, не родственница Брусы, что зимовала у Соснового озера? Если она еще жива, то ей, должно быть, столько же лет, сколько и мне.

— Нет, она...

— Ах, что ж,— перебил ее Юруссан. Потом поднес пистолет к виску. Джоссерек прыгнул вперед, но опоздал. Гроыхнул выстрел.

Снова пошел снег, в этот раз он был сухим, завывающий ветер кружил снежинки и бросал их в лицо, обжигая словно ударами маленьких копий. За стенами бывшего штаба Сидира царила в безумии белая ночь; оконные стекла превратились в фантастические витражи, и лишь огонь в камине и свет ламп рассеивали сумрак.

— Понсарио эн-Острал, сэ,р,— объявил караульный матрос и впустил купца Гильдии. Джоссерек с радостью оторвался от бумаг, которыми был завален его стол. Арваннетианец самодовольно улыбнулся, отвесил ему два заученных поклона, скрестил руки и стал ждать, что же ему скажут. Растаявшие снежинки блестели на его волосах, усах, на меховом воротнике туники.

— Присаживайтесь,— сказал Джоссерек. «Из того, что я сумел понять, этот жирный лис хочет пригрозить чем-то и при этом что-то выпросить».

— Да, сэ,р.— Понсарио взял стул и разместил на нем свой зад.— Стоит ли говорить, что для меня полной неожиданностью явился вызов к капитану Джоссереку Деррейну?

— А вы кого ждали, адмирала Роннаха? Он сейчас занимается наведением порядка — надо же кому-то при-

глядывать за районом Нор, руководить городом, прежде чем люди не начали голодать... в то время, как дюжина дурацких фракций ссорятся по поводу того, как организовать правительство.

Понсарио посмотрел на него блестящими глазами.

— Если капитан простит мне обычную мужскую прямоту, могу ли я предположить, что великолепный адмирал Роннах способен своей властью оказать поддержку достаточно компетентному и ответственному руководству, если оно себя таковым проявит. В нашем теперешнем нестабильном положении в верха стремятся пробиться лишь одни фанатики и безрассудные авантюристы, а также те, кто надеется исчезнуть, прихватив с собой пару-другую мешков с городской казной... Только такие...

— А остальные боятся того, что, если они проявят себя, а Сидир вернется, их ждет незавидная участь?

— Капитан, восстание против Империи уже произошло, но, насколько мне известно, ваша страна не поддержала его.

— Конечно, не поддержала. Верно также и то, что приморские каперы втянуты в трехсторонний спор между Рахидом, Арваннетом и Рогавики. Это не входит в юрисдикцию Киллимарейча. Узнав о сложившейся ситуации, наш флот по их просьбе послал свои корабли, находившиеся в этих районах, для оказания гуманитарной помощи.

Понсарио закатил глаза и практически заметил:

— Что ж, если вы говорите таким языком, я не буду возражать.

— Несколько наших людей планируют сопровождать рогавикианцев на север, когда они вскоре отправятся туда,— продолжал Джоссерек.— В качестве нейтральных наблюдателей, вы понимаете? Однако мы примем участие в событиях, если нас попросят.

— Я прекрасно понимаю, капитан,— заверил его Понсарио.

Джоссерек составил пальцы домиком и посмотрел сквозь них.

— Мне стало известно, что вы сотрудничали с Сидиром... говоря напрямую — очень даже тесно,— сказал он с тигриной мягкостью.— Было бы очень полезно, если бы мы могли обсудить этот вопрос... в деталях... только вы и я. Тогда я буду знать, чего ожидать от Сидира... к примеру, что может заставить пойти его на заключение мира.

— Ничто, сэр,— лоб Понсарио покрыла испарина.

— Что ж, тогда чего ожидать от его армии. Ни одна живая душа не будет знать, о чем мы с вами говорим в этих четырех стенах. Поправьте меня, если я ошибаюсь, но разве Гильдии не поставили себя в несколько неловкое положение после того, как подчинили свои интересы интересам Империи? Если Арваннет останется независимым, я уже представляю себе, какую помощь могли бы получить Гильдии от своих... э-э... влиятельных заграничных друзей.

Понсарио был осторожен, но вовсе не медлителен.

— Да, капитан, я хорошо понял вашу точку зрения. Вы ведь, конечно, понимаете, что я не могу сообщить ничего по-настоящему ценного. Хотя, наверное, вы хотите просто поговорить о Сидире, верно? Удивительный человек...

Джоссерек верил, что купец говорит правду. Все это соответствовало тому, что он узнал из других источников. Понсарио даже дал несколько практических, полезных советов, которые вполне могли бы пригодиться в войне против Сидира. Будучи торговцем, связи которого простирались до самых верховий Джугулара, он отлично знал эту великую реку во все времена года и во всех ее проявлениях. Он знал также великолепно и имперское войско; кроме того, что он был непосредственно связан с Главным командующим, он был и основным снабженцем армии и потому мог делать логические выводы из того, что было ему известно.

Армии не удастся достигнуть Арваннета быстро. Сидиру придется по пути вниз по реке из Фальда собирать свои гарнизоны, расположенные на близлежащих опорных базах; то же самое касается и снаряжения, особенно пушек и боеприпасов: рогавикианцы, несомненно, прочешут каждую оставленную крепость и уничтожат то, что не смогут унести, а перевозить тяжелые материалы зимой было очень сложным делом. Несомненно, Сидир воспользуется тем, что Джугулар замерзла, и будет везти свои грузы на санях по льду. Это будет легче, чем по выбитым и изуродованным дорогам. Когда он подойдет к южной границе, он должен будет выбраться на берег — лед там становится слишком тонок. И все-таки суда не смогут встретить его — плавающие льдины делают плавание слишком небезопасным почти до самого Арваннета. По той же самой причине экспедиция, которая выйдет ему навстречу, на север, не сможет взять с собой много груза. Капитану Джоссе-

реку, да и дикарям, вместе с которыми ему и несколькими другими южанам предстоит отправиться в путешествие в качестве наблюдателей — лучше не рассчитывать на собственную артиллерию.

— Послушайте, сэр, мой вам добрый совет — не лезьте вперед, — продолжал Понсарио. — У северян нет иных шансов, да никогда и не было, кроме, как принять быструю и милосердную смерть от копий и пушек солдат Сидира. Да и у восставших нет никакой надежды на оказание достойного сопротивления, когда он наконец прибудет сюда. Вся эта кампания отнимет у него год, но потом настанет время отмщения. Да, не останется никого, кто думал бы о подрывной деятельности к тому времени, когда он снова направит свой взор на север. Поэтому, если почтенное правительство Киллимарейча не собирается сохранять здесь постоянное военное присутствие, самое лучшее, что оно может сделать, это использовать свое влияние, чтобы обговорить условия немедленной капитуляции. Вы, капитан... Капитан? Капитан?

Джоссерек встрепнулся.

— Прошу прощения, — сказал он, — я задумался.

Внутри у него все кричало, заглушая вой метели на улице. Ему показалось, что теперь он знает, как ему добраться до Доньи.

Если только она еще жива.

Глава 21

Разграничивая территории двух южных племен — Лено на востоке и Яира на западе, — Джугулар резко поворачивала направо, потом налево, как бы образуя в этом месте гигантскую подкову. В нижней ее части лежал остров, который, по всей видимости, переменчивые течения отрезали от суши совсем недавно: он вставал почти вровень с берегами реки. Почти до самой вершины росли обледеневшие, сверкающие снегом деревья. Северяне называли остров Рогом Неза, и он был выбран местом стоянки.

Сидир узнал об этом еще за несколько дней до того, как добрался сюда, когда к нему, не дожидаясь его прихода, присоединились его гарнизоны. Солдаты говорили, что местное население оказалось более многочисленным и организованным, чем они предполагали. Сидир сделал выговор офицерам — у дикарей не было ни таланта, ни опыта вести правильно осаду или штурмовать крепости. Любое укрепление, обороняемое с помощью огнестрельного оружия, могло отразить их натиск, какова бы ни была их численность. Если они в конце концов объединились перед лицом всеобщей опасности против имперских войск, то стали от этого только уязвимее, и за это надо поблагодарить богов войны.

Он не особенно ругал своих солдат. Там, на той стоянке, могла быть Донья из Хервара.

Его армия с трудом пробиралась вперед. Разведчики говорили, что рогавикианцы притихли, доедают свои запасы, укрывшись под навесами или в своих повозках и шатрах, а тем временем ежедневно прибывают все новые и новые силы. Нет никаких сомнений, что они рассчитывали на сильного и жестокого союзника — зиму. И, по правде говоря, она действительно изматывала людей и животных, обмораживала, морила голодом, калечила, убивала. Волки, койоты, стервятники шли по следу легионов имперского войска.

И все-таки движение армии не останавливалось. Усталость, боль, потери не слишком ослабляли тех, кто пронес знамена своих войск от холмов Хаамандура до самого ледника. Хотя металл остывал так, что при неосторожном к нему прикосновении сдиралась кожа, никто из рахидианских солдат не снимал ожерелья Мужественности, с которым никогда не расставались; его заворачивали в какую-нибудь тряпочку, а потом грубо шутили, что хорошо еще, что его носят на шее, а не на каком-нибудь другом месте. Когда быки начинали спотыкаться от усталости, крестьянская выносливость рахидианских пехотинцев позволяла им самим тащить фургоны, в то время, как животные отдыхали. После того, как кончились запасы топлива и никто не знал, где и как его раздобыть, солдаты съедали свой скудный рацион в сыром виде, неподогретым, делились друг с другом чаем, который каким-то образом ухитрялись приготовить, спали, сбившись в кучку, причем с внешней стороны — по очереди. Зачастую на таких грубых бивуа-

ках бароммианцы пускались в пляс, а рахидианцы начинали заунывным голосом петь свои песни.

Они дотянут, Сидир это знал. Скоро они доберутся до менее суровых мест, где смогут прийти в себя. Потом они снова овладеют Арваннетом, подвергнут справедливому возмездию предателей и еще до наступления лета устроят победный пир. И если они сначала встретятся с противником, каким бы многочисленным он ни был — орда против орды — и очистят землю от этих бродяг, что ж, на следующий год они будут обладать севером, как мужчина обладает женщиной.

Ему хотелось, чтобы эта мысль доставляла ему больше радости.

Перед рассветом Драконова дня, семнадцатого Ухаба, он понял, что сегодня состоится решающая битва. Накануне вечером он достиг верхнего рукава изгиба реки. Скача по земле между своим лагерем и вражеским, он внимательно исследовал местность от лесов до берега реки. Берег не казался особенно опасным для него и его охраны. Рогавикианцы знали о его прибытии, но кроме разведчиков никто не покидал их лагеря. Крошечные огоньки указывали, где они располагались — на целые мили вокруг острова вниз по реке. Он прикинул, что их численность примерно равняется количеству его солдат и что противник, видимо, лелеет дикую надежду использовать Рог Неза в качестве крепости, при необходимости подтягивая подкрепления с тыла.

— А пока,— насмешливо сказал полковник Девелькаи Сидиру, когда тот повернулся,— они очистили лед от снега. Теперь у нас очищенная дорога по западной стороне излучины.

Командующий нахмурился.

— М-м, они ведь не полные идиоты,— заметил он.— Из того немногого, что нам известно о падении Арваннета — чертовски немного! — ясно, что северяне не просто играли там вспомогательную роль — именно благодаря им и был взят город!

— Сэр, некто заранее все подготовил, кто-то сказал им, что надо делать, и дал им волю. Только и всего.

— Несомненно. Однако может быть так, что этот некто оставил город с тех пор. Нам нужно быть осторожными.

Спал Сидир беспокойно, что часто случалось с ним после того, как Донья покинула его. Просыпаясь ночью

несколько раз, он вдруг ловил себя на том, что тревожится за своих людей. Его мучили угрызения совести, что он лежит в теплой и сухой постели, в то время, как они — под застывшим на морозе Серебристым Путем. Но, конечно, так должно быть. Несколько лишних больших куполообразных палаток стали бы для них непреодолимой обузой — их бы пришлось тащить через торосы, высотой в гору, без какой-либо помощи. И если во время сражения у Главнокомандующего все будет плыть перед глазами, то это приведет к лишним смертям среди них. И все равно комфорт причинял ему боль.

Ординарец принес ему кофе и зажег фонарь. Есть перед сражением было неблагоразумно. Он оделся: нижнее белье, толстая рубашка, колет, брюки, сапоги, шпоры, доспехи, портупья, шлем, копье, меч, латные рукавицы. Выйдя на улицу, он вдруг понял, что бароммианская одежда плохо защищает от холода. Воздух обжигал, когда он тяжело втягивал его через ноздри и выдыхал пар. Воздух окутывал его лицо, словно густая жидкость. Под сапогами скрипел снег. Никаких других звуков он не слышал. Верхний лагерь лежал еще в тени, освещаемый лишь последними звездами на западе и бледным предрассветным сиянием на востоке. Деревья были похожи на скелеты. Сидир стоял на крутом обрыве и все смотрел вниз, на реку. Там неясной массой вырисовывались фургоны со снаряжением и припасами: ящики со снарядами, пушки, тягловые животные и солдаты, присматривающие за всем этим. Он слышал ржанье лошадей, далекое, как сон. Блестели стволы орудий. Сегодня им предстоит горячая работенка — бросать камни по телам живых людей. Почти на милю до противоположного берега тянулся сверкающий лед. А дальше простиралась покрытая инеем земля, сливаясь вдали с сумраком ночи.

На него нахлынули воспоминания. Высокогорные пастбища Хаамандура, Зангазенг у подножия священных вулканов, Анг, жена, с которой он жил в молодости, шестеро рожденных ею детей — их воскрешала в его памяти луна. Наис с его великолепными дворцами, жена Недаин, на которой он женился недавно, когда достиг своего нынешнего положения — да существовали ли они вообще?

Он укротил биение своего сердца и двинулся меж рядов солдат и офицеров, приветствуя их, он сыпал шутками, отдавал распоряжения, ободрял их. Постепенно рассве-

тало, и вот уже солнце показалось над горизонтом, и снег засверкал чистой мягкой голубизной, и лед заискрился, словно алмазные или хрустальные россыпи. Зазвенели рога, застучали барабаны, раздались резкие команды, которым ответил лязг металла — отряды выстроились, и армия двинулась вперед.

Сидир тоже уже готов был двинуться с места, когда один всадник, что-то сказав его охранникам, подъехал к нему и остановился.

— Сэр, кажется, они выслали парламентаров.

— Что? — Он был поражен: такого они никогда не делали.

— Их с полдюжины, сэр. Они покинули остров и взбираются по склону холма на лошадях, а в руках зеленый флаг, и они направляются прямо к нам. Никакой другой вражеской активности не замечено, и у них только ручное оружие.

— Переговорите с ними, — распорядился Сидир. — Если они действительно хотят переговоров, приведите их сюда.

Следующие полчаса ожидания он с трудом сохранял спокойствие, но кровь так и бурлила в нем, хотя он и пытался справиться со своим возбуждением и старался думать только о предстоящей битве. Его солдаты двинулись быстро, и, когда прибыли рогавикианцы, рядом с ним почти никого не осталось.

Он сел, скрестив ноги, на лавочку в своей палатке. Сквозь открытый полог с южной стороны он видел голые стволы деревьев, утрамбованный снег, двух караульных на конях; мелькнул наконечник копья, потом появился красный флажок, после чего, наконец, возникли и сами парламентары. Они ехали на лохматых пони, которые шли по снегу намного легче, чем лошади южан. Сами они были одеты просто: оленьи шкуры и накидки с капюшонами на выпрямленных плечах; хотя была четко видна их худоба, и лица их были тронуты морозом, солнцем и ветром, но они не утратили своей гордыни. Они даже не замедлили скорость, проезжая мимо охраны.

Их предводительница несла флаг. Ее капюшон съехал с волос, сверкавших на солнце как янтарь. Задолго до того, как он различил черты ее лица, ее имя вспыхнуло в сознание Сидира: Донья! Он уже и надеяться перестал, что увидит ее когда-нибудь еще. Хотя должен был! Он хотел было

уже броситься ей навстречу, но что-то остановило его. «Нет, не перед моими людьми. Или ее». Он не тронулся с места. Лишь в висках зазвенели литавры.

Она остановилась у палатки, воткнула флаг в снег и спешила. Мустанг фыркал, нетерпеливо бил копытами. Она улыбалась... улыбалась.

— Приветствую тебя, Сидир, старый боец! — громко произнесла она.

— Приветствую тебя, Донья из Хервара, — сказал он не своим голосом. — Если ты приехала с миром, это хорошо. Входи!

«Посадить тебя у моих ног, как собачонку? Не хотелось бы».

За ней в палатку вошли мужчины. Четверо из них были из ее племени возрастом от юношеского до средних лет. Кириан, Беодан, Орово, Йвен — ее мужа, сказала она. Пятый мужчина удивил Сидира. Сначала он подумал, что это рахидианец-перебежчик, но потом подумал, что, наверное, он с Фунвы, потом услышал, как его назвали Джоссереком Деррейном, и тут понял, что это киллимарейчанец. Да, он вспомнил это имя!

И различные слухи, которые приносили беженцы и шпионы сюда, на север... эти слухи доходили и до команд кораблей... На мгновение Сидир даже забыл о Донье.

— Садитесь, — резко сказал он. — Что вы намерены сообщить?

Сидя возле его правого колена, Донья посмотрела на него со смелостью, так хорошо знакомой ему, и ответила:

— Если вы сдадитесь, мы позволим вашим людям вернуться домой.

Он не сразу нашелся, что ответить:

— Донья, тебе не стоило бы дерзить.

— Нет, я говорю серьезно, — ответила она. Сегодня ее глаза казались изумрудными. — Конечно, мы не хотим, чтобы зря погибали наши люди. Но мы не держим на вас зла — даже сейчас, когда вы уходите из нашей страны. И жители Яира и Лено не станут вас преследовать, если увидят, что вы уходите. Уходите. Оставьте для верности свое оружие и уходите с миром. Не умирайте на чужой земле, не приносите скорбь своим людям. — Она положила мягкую, как мох, руку ему на бедро и оставила ее лежать там. Рука ее будто обжигала его огнем. — Мы некоторое

время были друзьями, Сидир. Мне бы хотелось, чтобы мы искренне пожелали друг другу благополучия.

Он сжал кулаки, собираясь с силами, и выдавил усмешку:

— Мне нечего предложить вам, кроме того, что вы уже слышали: заключите мир с Империей. Но поскольку вы не желаете принять это, я дам вам хороший совет. Убирайтесь с нашего пути. Мы выполняем волю Престола, и если кто пытается стать у нас на пути, мы просто переедем через него.

— Дикие животные бьются о скалы, потому что не способны думать,— спокойно принес ее муж Йвен.— Вы полагаете, что с помощью своих пушек, кавалерии и сабель вы сможете подчинить нас себе. Но что, если раньше мы сами нападём на вас? Для перезарядки ваших пушек требуется несколько минут. Кавалерия вдруг может оказаться в окружении воинов с кинжалами и мечами. Мы будем сражаться рука об руку, мужчина к мужчине или женщина к мужчине. Северянин обычно проворнее южанина. Наша манера атаковать действует вашим солдатам на нервы... Все это вам известно. Черви на всем протяжении долины знают это, когда пожирают их трупы.

«Да,— подумал Сидир.— Но вот о чем вы не подумали, так это о том, что и мы можем все это учесть. Например, на Лосином Лугу наши всадники окружили ваших, согнали их в кучу и перерезали их, как бычков на бойне, а ваши пешие болваны были наголову разбиты нашей пехотой. Наша тактика испытана и проверена. Либо вы сдаетесь и бежите, либо наша военная машина перемалывает вас в порошок! Но чего же я хочу,— с болью подумал он.— Я отлично понимаю, что если мы уничтожим вас, то заплатим за это слишком высокую цену. И даже если вам удастся скрыться в своих дебрях, то за десять лет мы уничтожим всех вас, как паразитов, потеряв при этом неизвестно сколько людей».

Рука Доньи по-прежнему лежала на руке Сидира.

Проникающий в комнату солнечный луч тронул тоненькие золотистые волосы на ее запястье.

Крупный смуглый мужчина, Джоссерек из Киллима-рейча, шевельнулся. Ему недоставало кошачьего спокойствия его спутников; неизвестно почему, но Сидиру показалось, что от него исходит горечь.

— Подумай вот о чем, Сидир,— сказал он.— Ты ведь собираешься вернуться в Арваннет. Допустим, ты проврешься через нас. Но чего это будет тебе стоить?

Бароммианец изобразил подобие улыбки. Эта злобная ухмылка принесла ему облегчение.

— Вы хотите, чтобы мы оставили вам наши пушки. Какой смысл будет нам тогда возвращаться в Арваннет? Джоссерек язвительно усмехнулся.

— У рогавикианцев, которые захватили этот город, вообще не было ни одного орудия. Да и сейчас нет.

— А у приморцев?

— Мы пришли сюда не обсуждать политику. Впрочем, я могу с удовольствием поговорить и о ней... после того, как вы сдадитесь.

«Может быть, удастся узнать, что же на самом деле произошло в Арваннете... Нет!»

— Если ты не погибнешь сегодня, Джоссерек, я сам допрошу тебя.— «Стоит мне только пошевелить пальцем, и охрана арестует их, а потом под пытками я все выведаю. Нет— пока среди них ты, Донья».

Ее голос потерял свою ровность.

— Я не понимаю.— Она едва не плакала! — Народы, которые могли бы дружить, уничтожают друг друга, вместо того, чтобы... воюют далеко за пределами своих границ... Кто же выигрывает в конечном счете, Сидир? Ваши люди, оставшиеся дома? Неужели мои соплеменники когда-либо угрожали вашему народу? Почему вы пришли сюда?

— Мы принесли с собой цивилизацию,— автоматически ответил он и услышал, как Джоссерек фыркнул. Остальные мужчины, да и сама Донья, казалось, пребывали в таком же замешательстве, но на лицах их не было такого, как у нее, страдальческого выражения.

Ему хотелось, забыв обо всем, погладить ее склоненную головку. Но это могут увидеть его солдаты. Призвав на помощь все свое самообладание, он некоторое время сидел молча, пока не выдавил из себя:

— Я бы возненавидел тебя, если бы ты пришла просто так. Что меня действительно удивляет, так это почему ты решила, что можешь говорить и решать за тысячи своих соплеменников, а ведь они, насколько мне известно, никому не подчиняются. Ты можешь объяснить мне это?

Донья судорожно вздохнула и сжала его руку.

Потом Сидир продолжил:

— Думаю, что нет. Что ж, скажи мне, что ты им должна? Зачем ты здесь? Весной я пообещал тебе: если Хервар поможет Империи, то он останется свободным, пока его люди сами не захотят войти в состав Империи. Теперь я снова делаю тебе это предложение.

Никто ничего не говорил. В палатку задувал холодный ветер.

— Что ж,— печально закончил Сидир,— по крайней мере, ты можешь принять безопасность от меня лично: оставайся здесь в моей палатке... Донья, с кем захочешь... Только не ввязывайся в сражение. Останься живой. Ты можешь уйти, когда только пожелаешь. Но я надеюсь, что найду тебя здесь, когда вернусь.

Потом она взглянула на него, и он увидел на ее лице едва заметный налет сожаления поверх привычной маски гордыни.

— И ты тоже останешься? — с вызовом бросила она.— Спасибо, но это не по мне.

И вслед за этим, словно радуга показалась из облака, добавила:

— Давай простимся друзьями.

Она махнула рукой. Ее мужчины кивнули, встали и вышли из палатки. Потом она тоже поднялась, но лишь для того, чтобы развязать дверной полог. Он мягко опустился, создавая в комнате полумрак. Затем Донья снова повернулась к нему.

Сколько длился их прощальный поцелуй? Наверное, всего лишь миг, но для него это мгновение показалось вечностью. Не помнил он и того, как долго смотрел вслед ей и ее спутникам, медленно исчезающим из виду.

К действительности его вернул ординарец, седовласый сержант-бароммианец.

— Подать Главнокомандующему его лошадь? Они скоро начнут наступать.

Сидир передернул плечами.

— Да!

Он вдруг понял, что кричит.

— Да, едем! Дьявольски холодно!

Пока он ждал, а потом мчался на коне, ему казалось, что он сражается сам с собой. Неужели он околдован? Нет, культурные люди не верят ни в заклятия, ни в колдовство. Любой мужчина, взрослый мужчина — до того, как он ста-

нет мужчиной — это... тупой и неудержимый самец, бычок... нет, все не так просто и не так безобидно: ведь бык никогда не допустит, чтобы одна самка превратилась для него в солнце, вокруг которого вращается планета с приходом весны... «Донья, прекрасная дьяволица, что же я позволил тебе сделать с собой? Будет лучше, если ты погибнешь сегодня. О Боги, пусть же кто-нибудь из нас погибнет, я ли, она ли, все равно, но пусть все закончится!»

Но пока он может держать в руке меч, у него есть долг.

Его отряд доехал до реки. Он на минуту остановился, чтобы оценить ситуацию, и это помогло ему вернуться к реальности.

Его войско располагалось неподалеку от того места, где река поворачивала на восток, поэтому сверху он видел и свои, и вражеские отряды. Обрывистый берег круто спускался вниз, красноватая почва и обледеневшие сучки резко выделялись на белом фоне. Половина его кавалерии заняла вершину между двумя берегами, лошади в тяжелом, тускло отсвечивающем металле выглядели мрачно на ярком фоне плащей и флагов. Совсем крошечными, похожими на жуков, рассыпались по равнине рогавикианские всадники.

Повсюду снег был истоптан и изрыт, кое-где на речном льду он подтаял, покрывшись серыми пятнами.

Справа от него появились имперские войска: слышался топот кавалерии, тяжелая поступь пехоты, громохание артиллерии и ровная барабанная дробь, разносимая ветром по всей равнине, задавала ритм всей армии, которая наступала организованным строем. Каждый полк дышал в спину соседнему. Над марширующими отрядами вздымались и опускались копыта и пики, словно волны огромного прилива. «Мои непобедимые сыны, — мелькнула у Сидира мысль, — и Империя — их мать!»

Еще дальше слева от него высоко вздымался остров Рог Неза, ледяной замок, ошестинившийся множеством копий, их наконечники сверкали под солнцем. Вдоль берегов небольшими кучками врага ждали северяне. В полумиле позади разместился основной отряд.

«Хотя нет, — подумал Сидир с презрением, — «основной отряд» не подходит к этой стае котов».

Очевидно, они были не настолько глупы, чтобы не понимать, что их всадники безнадежно слабы по сравнению с бароммианской кавалерией — он не видел лошадей.

Несколько сот воинов, расположившись вокруг острова, держали на привязи собак. Эти звери уже успели нанести его армии значительный урон. Отличавшиеся не меньшей свирепостью, что и их хозяева, они вызывали панический страх у цивилизованных людей. Беспокоили и длинные луки рогавикианцев. Но практически ничто больше тревоги у Сидира не вызывало. Кроме нескольких трофейных или украденных доспехов, на северянах была только кожаная и шерстяная одежда, которая не шла ни в какое сравнение с униформой имперских легионов.

Резервный отряд, если это действительно был резерв, казался еще менее организованным: он был разбит на маленькие группки, поближе к обоим берегам, и оставил пустое место на льду реки для возможного отхода основных сил.

Девелькаи, который остался рядом с Главнокомандующим, прокашлялся.

— Полагаю, я понял их план действий, сэр,— рискнул заметить он.— Когда мы приблизимся, их стрелки налетят на нас, выпустят стрелы, а потом рассыпятся по лесу и скроются в укрытиях, прежде чем мы успеем пустить в дело пушки. Боюсь, что выкурить их оттуда будет нелегко. Их пехота постарается либо расколоть наши силы, либо прижать к одному из берегов. В зависимости от хода сражения, их тылы, воспользовавшись тем, что мы заняты пехотой, перейдут в наступление.

Сидир кивнул:

— Дальше этого их тактика не идет,— сказал он.— Удивительно, что они вообще оказались способными на это.— «Чей это план, Доньи? И насколько к нему приложил свою руку киллимарейчанец?» — Мы могли бы просто прорваться, но это займет много времени и дорого нам обойдется.— Он повернул голову к адъютанту.— Двиньте наши войска вниз по течению и остановитесь за островом.

— Сэр? — на широком покрасневшем лице Девелькаи было заметно беспокойство.— Я полагал, что вы не прибегнете к таким чрезвычайным мерам.

Правая рукавица Сидира рассекла воздух.

— Мы разом покончим с этим. Пусть кавалерия окружит их авангард, и они окажутся в ловушке, когда мыотрежем его от основного отряда... а потом атакуем и разобьем по частям... Покончим с ними! — закричал он.

Девелькаи ничего не сказал в ответ, но по его лицу можно было прочесть его мысли: если не произойдет ничего неожиданного, то вся армия Империи окажется на реке, а это означает, что когда северяне станут отступать — нет, обратятся в паническое бегство — они взберутся на берега быстрее, чем всадники, и таким образом многие смогут спастись. Уланы не смогут преследовать их.

Сидир выбросил образ Доньи из головы и объяснил свой план:

— Я решил, что не стоит уничтожать их всех. Не сегодня, когда мы больше нужны в Арваннете. Ты знаешь, какими бешеными, как псы, становятся загнанные в угол рогавикианцы. Они прихватят с собой на тот свет и многих наших воинов. Мы вернемся сюда на следующий год и расправимся с ними, если это поражение, этот урок не заставит их быть умнее. — «Возможно, сам я не вернусь. Меня могут перевести в другое место. Нельзя ничего наперед загадывать». — А сейчас наша главная задача — прорваться сквозь них как можно быстрее и с меньшими потерями. — «Чтобы покончить с ними и уехать от Доньи».

— Да, сэр, — неохотно согласился Девелькаи. — Разрешит ли Главнокомандующий присоединиться мне к своему полку?

— Конечно. — А потом, повинаясь внезапному импульсу, Сидир добавил: — Пусть боги скачут рядом с тобой, друг из Рунга.

Они обнялись и разъехались.

На спуске пришлось спешиться и вести лошадей в поводу. Пришлось идти медленно, и Сидир вспотел. Пот тут же замерзал на его коже. Когда он наконец снова оказался в седле, Сидир увидел, что всадники на берегу уже получили его приказы и тоже спускались на лед, ведя лошадей за собой. За это время противник, наверное, уже успел начать свою атаку, хотя бароммианцы и занимали господствующие высоты, а сверху и снизу их прикрывали стрелки. Но северяне стояли, словно парализованные.

Сидир и его охрана галопом помчались по льду, который звенел под копытами лошадей. Сидира поджидал его знаменосец: золото сверкало на алом полотнище флага — Звезда Империи над родовым орлом клана Чалиф. Как хотелось ему, чтобы это знамя развевалось в авангарде! Когда-то это было — тогда сами бароммианцы были без-

жалостными варварами. Но, став цивилизованными, они поняли, что не стоит рисковать без надобности своим предводителем.

Цивилизованными... В этой обледеневшей пустоши Наис казался чем-то нереальным. Донья удивлялась, почему он сражается, и не понимала, что он имел в виду; для нее эти слова были лишены смысла: закон, государственность, благосостояние, безопасность, братство под покровительством Славного Престола? Когда однажды эти пустоши превратятся в возделанные поля, а в домах снова будет счастье, когда на Роге Неза расцветут сады — потому что гуманность возьмет верх над дикостью — обретет ли тогда ее душа покой?

«Покончить с ними!»

— Открыть перекрестный огонь!

Раздались сигналы рожков. Армия Сидира обрушилась на северян.

Они ждали в засаде у замерзшего леса. Кавалерия, зашедшая в тыл противнику, перегруппировавшись, была готова к атаке, окружив его стеной, за которой не были видны расположенные дальше резервные отряды северян. Атакующая спереди кавалерия перешла с рыси на легкий галоп.

Длинные луки напряглись, и зазвенела тетива. Посыпались стрелы. Но лучники северян целили в него. Раздавалось предсмертное ржанье лошадей, на лед падали всадники, пронзенные стрелами насквозь. И все же никто не бежал в панике. Прогудела труба. Вверх и вниз по реке, опустив свои копья, понеслись уланы. Позади Сидира его пехотинцы издали дикий боевой клич и двинулись вслед за конницей вправо и влево, оставляя место для пушек.

Его лошадь неслась такими прекрасными плавными прыжками, что он мог пользоваться биноклем. Люди, которых он увидел впереди среди деревьев, не были похожи на рогавикианцев. Не за рыбой же, черт побери, они бросились к лункам во льду, оставив свои позиции! Киллимарейчанец, трижды предатель цивилизации! Сидир сейчас все бы отдал, чтобы пронзить саблей Джоссерека.

Вперед, вперед! Враг уже не сопротивлялся. Они взобрались на остров и двинулись дальше, среди обледеневших стволов деревьев. На противника набросились собаки. В первых рядах, где рычали и щелкали зубами огромные

животные, должно быть, ощущалось смятение. Но мечи и пистолеты положат конец этому..: Два подразделения конницы одновременно атаковали остров. Вот подошла и пехота, с копьями и мечами, барабанами и ружьями, и спереди — знамена Империи.

Вокруг стоял страшный рев.

Сидир почувствовал, как что-то молотом ударило его по черепу. Белоснежный мир и голубое небо закружились в вихре, а потом все поглотила темнота.

Он очнулся в реке. Его лошадь билась в плавающих льдинах и испуганно ржала, но этот звук терялся в воплях тонущей армии. Вода неудержимо заливала ее, обжигала холодом, темнела на снегу.

«Главное — не потерять стремена, иначе стальные доспехи утащат под воду!» — Вокруг Сидира из потока бурлящей воды торчали головы животных. Тонущие люди бешено молотили руками по воде. Они хватались за льдины, но те переворачивались, потом шли на дно. Рядом с Сидиром на поверхности показалась чья-то рука, потом лицо, по которому струилась черно-зеленая вода; на лице застыло выражение ужаса, но Сидир видел, что лицо это было очень молодым, почти мальчишеским. Он наклонился вперед и попытался помочь, но полынья была слишком широка. Он лишь коснулся мальчика пальцами, а потом тот исчез в глубине.

«Это дело рук того киллимарейчанца, — пронеслось в сознании Сидира. — Его и таких же, как он. Они знали, что мы не умеем плавать. Они привезли со своих кораблей порох, заминировали лед, разместили своих дикарей так, чтобы они не сражались с нами, а просто дурачили и завлекали в эту ловушку... Неужели все мужчины и женщины северян знали об этом? Что ж, такое возможно. Даже самый последний рогавикианец способен хранить тайну так же глубоко, как ледники, в которых захоронены их предки».

Поверх обломков льдин он видел, как тысячи воинов резерва северян подъехали к краю воды и двинулись вдоль берега. Они безжалостно убивали тех южан, кто выбирался из воды.

«Почему я не догадался?

Неужели Донья, когда приезжала ко мне, знала, что может лишить меня разума? Наверное. Я для нее всего лишь враг, и она сказала, что для них враг — любой завое-

ватель, и уж для них не может быть никакой чести. В этой дикарке нет ничего человеческого».

Рог Неза возвышался перед ним, белоснежно-чистый, как зима, если не считать мест, где вокруг тел убитых солдат адела кровь. Он обнажил саблю и заставил свою лошадь плыть к острову. Рогавикианцы подобрались и ждали.

Глава 22

Весна всегда приходит в Хервар незаметно. Но в то утро, когда Донья в одиночестве выехала из Аулхонта, весна была уже в самом разгаре.

После проливного дождя, случившегося перед рассветом, длинные низкие кряжи и долины сверкали; но уже заметно потеплело, и над землей приподнимался туман, который вскоре стал редеть, пока не исчез. Скопившиеся в углублениях лужицы подергивались легкой рябью от порывов ветра. Трава все еще была короткой и нежной, ярко-зеленой, густо пересыпанной голубыми незабудками. Сосновые рощи не изменились, но ивы уже покачивали длинными серебристо-зелеными прядями, а на березах трепетала свежая листва. На безоблачном небе, заполненном множеством крылатых созданий и песнями, ярко сверкало солнце. Вдалеке мунрог присматривал за своими самками и телятами. Их шкуры были фантастического красного цвета. Рога их сверкали. Ближе резвились зайцы, из зарослей вспархивали фазаны, своими поисками занялись первые пчелы и стрекозы. Воздух клубился так, что иногда пах землей, иногда рекой.

Донья следовала по реке Сталльон на запад, пока ее сад не пропал из виду. Наконец она обнаружила то, что искала — большой плоский камень, частично выступающий над гладью реки. Она спешила, привязала лошадь, скинула с себя одежду и счастливо потянулась, когда свет упал на ее кожу. Она улеглась на камне, сверкающем под ее ногами, купаясь в лучах солнца. Некоторое время она наблюдала за пескарями, игравшими среди лежащих на дне камешков, а течение ласкало ее босые ступни. Потом она достала письмо, которое захватила с собой. Оно пришло

накануне с почтовым верховым, остановившемся в Фальде. Она не сказала о нем своим домочадцам и не была уверена, что ей этого хотелось.

Листки шуршали между пальцами. Написанное неуклюжими каракулями, с частыми ошибками, но тем не менее мысли излагались в нем на чистейшем рогавикианском.

«В Арваннете, в ночь после равноденствия, Джоссерек Деррейн приветствует Донью, леди Аулхонта из Хервара. Любимая,

когда это письмо дойдет до тебя, через два или три месяца, я уже покину Андалин. Ты никогда больше не увидишь меня. В тот день, когда мы попрощались с тобой, я думал, что, возможно, мне удастся вернуться, после того как я отвезу своих товарищей обратно и закончу все дела, которые еще у меня остались в Арваннете. Но я понял, насколько была ты права и добра, когда хотела, чтобы я оставил тебя ради своего же блага.

В вашем языке нет слов, которые бы я знал, чтобы выразить то, что мне хотелось бы сообщить тебе. Ты помнишь, каким уставшим я был тогда, и ты пыталась понять меня, но у нас обоих ничего не получилось. Возможно, чего-то ты не можешь чувствовать, а чего-то не дано мне... Ладно, об этом позднее.

Ты говорила, что любишь меня. Остановимся на этом, этого достаточно...»

Донья отложила письмо и долго сидела, глядя на горизонт. Наконец она снова принялась за чтение:

«...хотят знать, что случилось и чего следует ожидать.

Твой словарь, как и мой, ограничен. Мне приходится использовать слова арваннетианского языка, и я надеюсь, что благодаря им ты сможешь хотя бы что-то понять. Короче говоря, новости хорошие.

Уничтожение всей имперской армии было сокрушительным — это ты, конечно, можешь себе представить. Адмирал Роннах по моему совету сделал вид, что ему просто-напросто ничего об этом неизвестно. Разумеется, до Наиса дойдут слухи, что при этом сражении присутствовали какие-то «наблюдатели», но это произойдет не скоро, и

слухи будут туманными, да и невозможно будет провести какое-либо расследование. А следствием этого является то, что теперь вы, северяне, и впредь можете поступать так против любого агрессора, который рискнет напасть на вас.

Конечно, Империя не предпримет вторую попытку, по крайней мере, в течение ближайших нескольких лет. А я так думаю, что этого вообще никогда не случится. Среди сдерживающих факторов будет постоянное присутствие приморцев в заливе Дельфинов (для защиты своих интересов).

Понимаешь, при помощи наших переговорных устройств представитель Киллимарейча в дипломатической миссии в Рахиде может значительно влиять на обстановку. У Престола нет никакого иного выхода, кроме как укусить кислое яблоко и подписать договор, который в значительной степени отражает интересы Ичинга.

Арваннет признается независимым государством, и его независимость гарантируется обеими великими державами. Ни одна из них не будет вводить туда свои войска, а будут поддерживать с ним только торговые связи. Время покажет, кто станет истинными правителями города,— Империя, которая пытается охватить своей завоевательской политикой все северо-западное побережье залива, или же приморцы, развивающие свою торговлю и вовлекающие в нее и свои колонии в море Ураганов. А мне так кажется, что править не будут ни те, ни другие. В Арваннете снова установится собственное правительство. Фактически будет восстановлен прежний порядок. Порядок, который пережил многое на своем веку.

Что же касается вас, северян, то торговля будет немедленно возобновлена, и вас оставят в покое...»

Донья дважды перечитала этот отрывок, обдумывая каждую строчку, а потом продолжила:

«...скоро корабль доставит меня домой по Сверкающей Воде, а уж оттуда я отправлюсь дальше... только куда? В каком-то отношении это будет и твоя дорога. Будет больно, если это окажется не так. Даже сейчас внутри все жжет, словно свежая рана. Но все не так уж плохо, как кажется, а должно стать еще лучше.

Ты помнишь, как перед прощанием мы стояли, держась за руки, на берегу Джугулар и сквозь медленно падающий снег наблюдали, как природа вокруг Рога Неза покрывается исцеляющей коркой льда? Вот сейчас, когда я пишу эти строки, у меня такое же чувство. И я смею надеяться, что скоро наступит потепление, воды освободятся ото льда, и нам откроется мир чудес и приключений, еще дожидаящийся нас, когда мы наконец прозреем и увидим то, что, боюсь, мы никогда не понимали и не видели даже в своих самых причудливых снах...»

Донья нахмурилась, покачала головой, хотела было перечитать последнее предложение, потом пожала плечами и продолжила чтение:

«...потому что, как мне кажется, я понял наконец, кто вы — и потому начал сознать, а кто же я сам такой.

Помнишь ли ты и тот день, когда ты вернулась в Громовую Котловину с охоты, и мы вместе прогулялись по степи? Ты сказала, что у рогавикианки с чужеземцем никогда не выходило ничего путного из их совместной жизни, да и не могло быть. И вот внезапно я понял, что это — не суеверие, не традиция, не какой-либо искусственный барьер — а истинная правда.

С тех пор я жил этой мыслью, изучал ее, пытался отбросить ее прочь, твердя себе, что она ложная, потом широко раскрыл глаза и увидел, что доказательства ее истинности — повсюду вокруг меня, и тогда я, наконец, собрался с духом, обложил себя картами и начал разрабатывать ее, насколько это было возможно. Я не первым занялся исследованием этой не известной никому территории — едва ли это так, после стольких-то столетий! — и я многое почерпнул из книг и бесед с просвещенными людьми (не называя твоего имени!). Однако, возможно, случайно вышло так, что я стал первым, кто понял что-то в процессах эволюции и попытался посмотреть на жизнь с этой позиции.

Тебя как-то заинтересовала идея в одной из наших бесед, что, к примеру, киты и дельфины — двоюродные братья одного семейства животных, вернувшиеся в море, тогда как тюлени и моржи принадлежат к другому

семейству, а пингвины — и вовсе птицы, которые аналогичным образом возвратились к морю (хотя та рептилия, которая являлась предком птиц и млекопитающих, должна была вымереть много эпох назад)... Ты так заинтересовалась этим, что я не сомневаюсь, что хотя бы часть из нашего тогдашнего разговора осталась в твоей памяти...

Донья согласно закивала головой. Она скользнула взглядом по пескарям в речке, насекомым, лягушке, ящерице, малиновке, своей лошади, пробежала рукой по своему телу.

«...Человек — это тоже животное. Мы видим, что у него и у обезьян — общие предки. И мы видим, что он продолжает эволюционировать в самых различных районах нашей планеты. Иначе откуда взяться такому разнообразию цвета кожи и лиц?

Но все это — лишь поверхностные изменения, не глубже, чем у каких-нибудь различных пород собак. Подобно волку, койоту и собакам, мужчина и женщина разных рас могут зачать жинеспособное потомство и воспитать любого человеческого детеныша согласно любому человеческому образу жизни и мышления.

Человеческому образу. Люди разных рас используют одни и те же абсолюты, которые таким образом доказывают, что они, вероятно, столь же древние, как мозг или большой палец на руке.

Кроме вас, рогавикианцев.

Что же именно произошло на равнинах Андалина после наступления ледника — я не могу утверждать наверняка. Полагаю, что появилась новая порода, совершенно случайно, и она выжила, благодаря то ли удаче, то ли собственному упорству, тогда как остальные вымерли, и в конце концов образовалось новое человеческое племя.

Вы не понимаете, насколько вы уникальны: подобно нам, вы считаете, что так и должно быть, воспринимаете это, как само собой разумеющееся. И все же я сейчас думаю, что все ваши истории верны: от брака рогавикианки с чужестранцем редко бывают дети, а если такое и происходит, то дети, как правило, стерильны. Я понимаю теперь, что это вполне оправдывает убийство вами неже-

лательных детей — что действительно имеет место; вы просто точно так же, как и мы сами, скрываете истинные мотивы — и мне кажется, моя догадка верна.

Посуди сама.

Повсюду в других местах человек — существо стадное, коллективное, называй как хочешь. Обществ, подобных Киллимарейчу, дающих отдельному индивидууму полную свободу, очень мало; и как сама эта свобода, так и ее восприятие этим индивидуумом определяются обществом.

Я неизбежно вынужден употреблять неверные выражения. Для вас «общество» означает просто «класс чужеземцев». Ты-то знаешь, насколько этот класс разнороден, возьмем, к примеру, людей Рахида, Арваннета и Диких Лесов, либо же Тех, кто проживает к западу от Гор Лунного Замка; но вы молча допускаете, что отдельные личности сами выбирают, какой именно образ жизни им вести. «Свобода» для тебя заключается в том, что ты можешь дать излишки рыбы, пойманной в запруде, или еще что-нибудь в этом же роде. Если я скажу тебе, что это право, за которое люди сражались и умирали, ты просто уставишься на меня удивленным и непонимающим взглядом. Под словом «отдельная личность» я не имею в виду «особенную личность»... Я, кажется, начал выражаться совсем уж непонятными словечками, верно?

Позволь мне все же попытаться как-нибудь описать вас с моей точки зрения, точки зрения чужеземца. Рогавикианец, будь то мужчина или женщина, по природе — с самого рождения — эмоционально независим. Кроме отдельных случаев захвата нарушителей (обычно их убивают, поскольку не знают, что с ними делать), у вас нет необходимости принуждать других к чему-либо — ни силой, ни используя более тонкие средства, подобные тем, что использует человек, подчиняя себе прирученных животных; да нет у вас даже крошечного желания, сознательного или подсознательного, чтобы вами управляли. Если не считать домашних животных, я сомневаюсь, что вы способны сами командовать или подчиняться.

Рогавикианцев невозможно привязать к дому.

В любом другом месте нашей планеты людей можно приучить к дому. Вероятнее всего, человек эволюционировал, уже будучи, так сказать, одомашненным существом, знающим не только то, что ради выживания он должен работать совместно с другими людьми, объединяться в

группы и побеспокоиться о выборе руководителя, но и рожденным с этим. Тех, кто поступал иначе, наказывали, пока они не умнели, а те, кому урок не шел впрок, гибли, ибо того желала оставшаяся масса.

Вы, рогавикианцы, отлично сотрудничаете между собой, поскольку живете небольшими тесными группами. Но если кто-нибудь из вас отказывается выполнять свою долю обязанностей или же совершает какое-либо серьезное нарушение, либо же представляет для вас угрозу, то как реагируете вы на это? Вы просто поворачиваетесь к нему спиной. И вы, индивидуалисты, ничего не можете поделать с ним, таким же индивидуалистом (или, что чаще, ею. То, что агрессивностью ваши женщины не уступают вашим мужчинам — и даже превосходят — тоже любопытный феномен, хотя мужчины храбры). Когда не подчинившийся вашим правилам отвергается достаточным количеством людей, вы превращаете его в бродягу, изгоя, либо же, что более вероятно, его ждет жалкая смерть.

У вас нет законов, лишь здравый смысл и ограниченное число обычаев. Сильнее всего, я не сомневаюсь в этом, вас друг к другу притягивает желание доставить удовольствие тем людям, которых вы любите. У вас нет ни судебных разбирательств, ни суда; вы просто выносите свой приговор на основе взаимного согласия. У вас высокий уровень самодисциплины, и я полагаю, высок и средний показатель умственного развития, но все это — лишь результат естественного отбора: те, у кого нет таких качеств, просто погибают, не оставляя после себя потомства.

И вы очень нуждаетесь в свободном пространстве, и эта потребность еще сильнее вашего желания жить. А уж из этого, скорее всего, и вытекает все остальное: ваши браки, ваши умения, ваша любовь к земле, весь ваш общественный уклад... и ваша душа (вот, вновь мне пришлось употребить рогавикианское словечко, и я не уверен, что правильно).

Я не знаю, откуда взялась эта ваша потребность. Вряд ли здесь уместно использование слова «инстинкт», верно? У многих животных есть чувство территориальности. У моих соплеменников, похоже, есть зачаточная форма его. В вас же, кажется, оно становится доминирующим. И это мощная врожденная настоятельная потребность отличает вас от меня сильнее, чем отличие во внешнем облике или фигуре.

Мне кажется, ваше стремление охранять свои границы происходит в результате естественной реакции на необходимость сохранения незанятого пространства вокруг вас. Но откуда же оно взялось?

Феромоны? Сейчас я употребил киллимарейчанское слово. Так называются выделения у животных, с помощью которых они могут влиять на своих собратьев. Грубым примером может служить мускусный запах, который привлекает самцов к самкам в период размножения. Я прочитал, что натуралисты в моей стране в наши дни полагают, что муравьи и пчелы трудятся сообщая из-за феромонов... например, так они отмечают путь к пище. А вот как среди людей, кто знает?

Возможно, вы, рогавикианцы, выдыхаете какое-то вещество, которое в определенной концентрации заставляет вас нервничать. Понимаешь, вы не можете ощущать это вещество, и, быть может, в сочетании с запахом человека вы не переносите и сам этот запах; и когда все больше людей скапливается на вашей территории, вам это кажется ненормальным...»

Донья задумчиво покивала головой.

«...Как и почему это происходит, можно лишь строить догадки, пока мы не узнаем больше. Но вот мое мнение: когда только началось наступление ледника, всего не хватало, но потом природа приспособилась к измененным условиям, и вернулось прежнее изобилие. Тем временем те люди, которые не хотели жить огромными, тесными группами, имели больше шансов выжить на равнинах, чем те, кто жил там раньше.

Интересно, создаются ли эти мои гипотетические неуловимые флюиды в ходе химических реакций, происходящих внутри тела человека, которые имеют на него еще более странное воздействие, чем это? Не думаю, что ты, дорогая моя Донья, когда-либо задумывалась над этим, но ты — как и почти любая женщина твоего народа — настоящая девушка — мечта для любого мужчины-чужеземца, и ты превратила эту мечту в реальность: кто еще способен доставлять радость столь многим мужчинам и самой получать удовольствие от каждого из них, и не испытывать при

этом болезненного принуждения, а наоборот, быть деятельной во всех областях жизни? Скажу тебе, что такое удастся лишь очень немногим женщинам в моем мире, да и то у меня большие в этом сомнения.

Но одно лишь это не может служить оправданием вашему обращению с нашими мужчинами. Конечно, вам от них ничего не нужно. Несмотря на все это, на ваше высокомерие, часто даже бессердечие, ветреность, несмотря на все это, насколько же невинны вы, женщины Рогавики! И вы сами предупреждаете нас. Может, само это вещество, которое делает вас такими, какие вы есть, проникает в нас и оказывает подобное же воздействие, но в нас нет вашей врожденной способности сохранять душевное равновесие. И ведь вы не опасны для мужчин-рогавикианцев, верно?

Может быть, именно поэтому вы никогда не влюбляетесь в нас так, как мы — в вас... как, возможно, вы влюбляетесь в своих мужчин в своих семьях? Вот тут я использовал свой родной язык...»

Донья нежилась в лучах солнца рядом с ручьем. Ветер усилился и шевелил ее волосы. На отдели на мгновение промелькнула щука — речной хищник.

«...Ну вот, моя дорогая, я и подошел к концу. «Наконец-то», — вероятно, думаешь ты. Но, понимаешь, кроме этих предположений и вопросов, которые, возможно, когда-нибудь пригодятся тебе, мне нечего подарить тебе на память. Но сначала я должен объяснить тебе ход моих мыслей, а уж потом сообщить, к чему они меня привели, хотя это довольно просто. Может быть, я прав, может быть, я ошибаюсь, но вот мое предположение.

Повсюду на земле люди — домашние животные.

И только одни вы, рогавикианцы — дикие животные.

Я не говорю, хорошо это или плохо. Быть может, будущее принадлежит вам, а может, вы обречены погибнуть, или же оба наших вида будут сосуществовать вместе еще минимум миллион лет. Человек живет не для того, чтобы думать о своем конце.

Близится утро, я смертельно устал, но хочу отдать это письмо в руки человека, который сегодня отправляется на

север, хотя сезон для путешествий уже миновал. Но у меня нет ничего, что могло бы сделать тебя осторожнее. У меня есть лишь тягостное понимание того, что ты, Донья, и я не можем быть мужем и женой точно так же, как ястреб и морской лев. Ты говорила мне это в степи, а потом — среди снегов у реки. И теперь я попытался объяснить тебе причину этого.

Прощай, моя любимая соколица.

Твой Джоссерек».

Уже наступил полдень. Донья улыбнулась — такой мягкой улыбки Джоссерек никогда так и не увидел на ее лице. Она поднялась одним движением, разорвала его письмо на мелкие клочки и долго смотрела, как ветер уносит их прочь.

— Я донесу до своего народа твои мысли, — произнесла она вслух. — Судя по твоему письму, ты хочешь такой же свободы, как у нас.

Она оделась, вскочила на лошадь и поскакала назад, в родной Аулхонт.

РАССКАЗЫ

ГЕНИЙ

— Эксперимент продолжается уже почти пятнадцать столетий,— произнес Хейм,— и он именно сейчас начал претворяться в жизнь. Вы не можете теперь не продолжать его.

— Может, и будем,— ответил Горам,— если после изучения дел подтвердятся наши предположения. Как раз это я и собираюсь разузнать.

— Но... одна планета! Одна примитивная планета! И что чудовища, как по-вашему, там обитают? Говорю же вам: они люди, такие же, как и я... — Хейм сделал паузу. Он собирался добавить: «как и вы»,— но не смог, просто не смог заставить себя сделать это. Горам выглядел каким-то недочеловеком — атавистическое наследие минувших веков, обезьяна в униформе.— Как и я,— закончил Хейм.

Казалось, колебания оставили Горама. Маршал стоял, внимательно рассматривая маленькими черными глазками психолога, вытянув вперед выдававшуюся челюсть на широком с плоским носом лице. Свет флюороламп вспыхивал на его сияющем лысиной круглом черепе. Черная, украшенная золотистым галуном униформа с военной аккуратностью и тщательностью плотно облегла его, так что в некоторой степени являлась самой простой его характеристикой.

Горам произнес глухим басом:

— Таковы мятежники. Таковы варвары и пираты. Таковы слуги и рабы, преступники и сумасшедшие. Но необходимо всех их подавить. Если Семнадцатая Станция представляет угрозу, она должна быть уничтожена.

— Но какая может быть угроза... одна варварская планета... которая находится под постоянным наблюдением в

течение всего этого времени! Если уж она представляет угрозу империи, в которую входят сотни тысяч звездных систем, то мы не защищены ни от чего!

— Да. В течение трех тысяч лет нашей истории Империя находится в опасности. Вам придется смириться с этим, как и нам, полководцам, чтобы осознать, насколько неустойчивой на самом деле является самая непоколебимая власть в истории. О, мы можем уничтожить варваров с периферии. Мы можем держать под контролем таранианцев и коми с магелланцами.— Сморщенные от усталости глаза маршала презрительно обежали снизу доверху долговязую тощую фигуру психолога.— Вы мне не опасны. Я мог бы разорвать вас одними только голыми руками. Впрочем, достаточно дюжины вирусов антаресской чумы, чтобы после попадания в мое тело и размножения в нем, заставили бы мое тело содрогаться от боли, разрушили бы кости и плоть и, вероятно, уничтожили бы жизнь на этом корабле.

Кабинет дрожал едва заметно. Приглушенное дрожание огромных двигателей вызывало вибрацию стен корабля, пола и потолка, его огромного корпуса, орудий, которые могли бы испепелить континент, нервы и кости двух тысяч людей, населявших этот напоминавший планетоид объект. Корабль на дикой подпространственной квазискорости мчался сквозь темноту сводящего с ума пустынного пространства, отбрасывая назад свет. И дюжина случайно попавшихся протенновых молекул в состоянии была бы уничтожить его.

Хейм упрямо кивнул.

— Я знаю, что вы имеете в виду,— начал он.— В конце концов...— в его голосе намеренно появился язвительный снобизм,— именно благодаря применению психологии и держится Империя. Военная сила — только один из инструментов для... нас.

— Для вас. Но я-то не являюсь исследовательским инструментом, я принадлежу к практичным людям. Если я сообщу в отчете, что Семнадцатая Станция представляет опасность, мне прикажут уничтожить ее. Если я решу, что она уже сейчас представляет опасность, у меня достаточно власти, чтобы лично отдать приказ ее уничтожить.

Измощенное лицо Хейма по-прежнему ничего не выражало, но на мгновение он почувствовал физическую боль. Он оглядел кабинет, в котором не было почти ника-

кой мебели, и, увидев почти не скрываемое торжество на суровом лице, волна отвращения охватила его.

Хейм устало подумал: «Пятнадцать столетий... терпение, работа, беспокойство, сердечные приступы и встречи рассвета... поколение за поколением, следящие с небес, изучающие, отдающие всю свою жизнь могущественнейшему проекту... Слово я и не понимал этой опасности; страх, являющийся краеугольным камнем Империи... тут мы натолкнулись на первые проблески того, что могло бы вывести нас из ловушки, в которую завела нас история... и теперь все зависит от него! От бичующего решения двуногого животного, который в слепом страхе надумал уничтожить то, чего не понимает... или даже, понимая, уничтожить просто ради удовольствия наблюдать, как лучшие люди корчатся в мучениях».

Пришли спокойствие, твердость и ледяной расчет. В конце концов, подумал Хейм, он психолог, а Горам полководец. Ведь можно справиться с этим человеком, искусно убедить его в том, что и ему нужно то же самое, что и Хейму: он сам вроде бы до этого додумался и согласился с доводами ученого.

Но все же — не спешить, действовать спокойно, осторожно. Он, Сарс Хейм, ученый-исследователь, оставивший практику психотехник. Перестань бороться со слепой раздражительностью этого человека, не стоит затрачивать больше сил, чем это требуется физику для решения обычной инженерной задачи. Но сколько же зависит от этого результата... Потому что Семнадцатая Станция — ключ к следующей фазе истории — в этом Хейм не сомневался.

Он покачнулся, словно чтобы избавиться от нахлынувшего бремени, с усилием заставляя себя успокоиться.

— Я понимаю, конечно, ваше положение,— начал Хейм, — даже если и не согласен с вами. Я уверен, что, быстро просмотрев наши записи, вы убедитесь, что нет никакой опасности.

— Меня не интересуют записи,— ответил маршал.— Я мог бы изучить все эти данные и в Солнечной системе, если бы захотел этого. Но это — для отдела психологов. Я же хочу лично совершить инспекцию.

— Очень хорошо. Однако мы можем просто показать вам снимки, которые передают наши шпионские устройства из нашего штаба в Солнечную систему.

— Меня не интересуют и ваши телеэкранные изображения. Я хочу побывать на планете, собственными глазами посмотреть на этих людей, услышать их разговоры, понаблюдать, как они работают и играют. Необходимого при этом чувства движения можно достичь только с помощью непосредственного наблюдения.— Горам агрессивно вытянул вперед свое бульдожье лицо.— О, понимаю, в ваши воображаемые теории это не входит... вы просто наблюдаете издали и описываете все то, что видите внизу, математическими символами, которые никто не в состоянии прочесть, не имея соответствующей двадцатилетней подготовки. Но я практичный человек, я достаточно имел дел с варварами, чтобы инстинктивно чувствовать их.

«Суеверия! — горько подумал Хейм.— Типичная реакция примитивного мозга — превозносить свои собственные ни на что не годные догадки и импульсы, называя их «инстинктом». Несомненно, он также верит, что волосы становятся седыми от страха, а утопленников всегда находят лицом вниз. Вот уж действительно «практичный человек!»»

Было удивительно трудно лгать, когда ты всю свою жизнь честно работал ученым в монашеской общине наблюдателей на станции. Однако Хейму удалось с достаточным спокойствием заметить:

— Что ж, это очень интересно, маршал Горам. Мы часто отмечали любопытные таланты: предвидение, телепатия, телекинез и прочие штуки, проявляющиеся время от времени среди людей, которые в некоторой степени применяют эти свои способности ради собственного блага,— но нам никогда не удавалось обнаружить их. Они как бы некий феномен, негодный для обычных научных методов. Я понимаю вашу точку зрения.

«И тщу себя надеждой, что это хорошая лесть: не слишком заметная при споре, но все же намекающая на то, что он — нечто вроде супермена».

— Вы что, вообще никогда не приземлялись там? — поинтересовался Горам.

— О, нет, довольно часто — и, разумеется, всегда оставаясь невидимыми. Впрочем, вообще-то нам и так хватает того, что мы видим благодаря размещенным в стратегических точках записывающим телевизорам и другим шпионским устройствам.

— Планета весьма велика. С чего вы взяли, что они

ничего не замышляют в тех местах, где нет этих ваших устройств? — Хейм не смог удержаться и не показать скуку и отвращение в голосе.

— Потому что история — это сообщество, — ответил он.

— Целое может быть выведено из частного, поскольку частное принадлежит целому. Почему же вдруг единственный не имеющий армии народ в Галактике начал создавать оружие?

— О, мы не боимся их военной силы — пока, — ответил Горам. — Мне следовало бы предполагать, что вы, как психолог, знаете, какого рода опасность представляет собой Семнадцатая Станция — опасность, которая может уничтожить цивилизацию. Они превращаются в разрушительный фактор — самый губительный в истории.

— Прогресс — это разрушение.

— Возможно. Но Империя основывается на постоянстве. Именно прогресс принесен в жертву ради... выживания.

— Верно... но тут к нам попал ключ для управляемого прогресса — не представляющее опасности совершенствование. Даже постоянство не безопасно, как мы хорошо знаем. Это лишь временное средство для сохранения цивилизации, пока не случится что-нибудь еще. Ладно... мы обо всем узнаем на Семнадцатой Станции.

Горам снова хмыкнул, но ничего так и не сказал.

Звезда Валгор отстоит на добрую сотню парсеков от Солнечной системы, совсем рядом с границами Империи, однако в достаточной близости от охраняемых гарнизонов границ, чтобы надежно оберегаться от набегов варваров. Первые исследователи в поисках ненаселенных, похожих на Землю планет обнаружили неяркое G-типа солнце вдали от обычных космических линий; на короткое время здесь останавливалась древняя планетографическая экспедиция, сделала запись, что третья планета в практическом отношении является землеподобной, однако весь этот сектор Галактики был настолько изолирован от других частей и не представлял никакой пользы, что туда так и не отправили никаких других экспедиций, и старый отчет пролежал столетия в Имперских архивах, прежде чем Психотехническое Основание воскресило его. Пятнадцать сотен лет назад...

На обычной крейсерской скорости военный корабль всего за три дня достиг из Солнечной системы звезды Валгор. Большую часть этого времени Сарс Хейм провел с

Тамманом Горамом. Ему пришлось выслушивать нескончаемые дурацкие воспоминания о пограничных войнах и его безупречных личных способностях, благодаря которым он смог подняться от простого новобранца до маршала Империи, но можно было и потерпеть, если только это поможет спасти Семнадцатую Станцию.

— Всем наплевать на пограничные гарнизоны, пока их это не коснется,— объявил Горам,— но говорю вам, если бы не они, Империя не просуществовала бы и года. Варвары снесли бы ее, соперничающие империи с жадностью поглотили бы все, что смогли бы удержать, и пошли бы войной ради трофеев. Один Бог знает, что сделают магелланцы... и это будет совсем не приятно... и вся создавшаяся инфраструктура будет разрушена — три тысячи лет стабильности могут так никогда и не наступить!

Для неприкрытой лести можно было использовать самый официальный тон. Хейм не начинал никаких споров ровно настолько, чтобы выглядеть искренним, высказывая свое мнение по всем важнейшим пунктам.

— Мы не можем обойтись без пограничных патрулей,— сказал он,— впрочем, это напоминает любой организм, которому нужны все его органы для жизни; не можем мы отказываться и от внутренней политики, как и, конечно же, от психотехников, из которых состоит наше правительство.

— Чертовы бюрократы,— фыркнул Горам.— Теоретики... что они знают о настоящей жизни? Ладно, знаете, я побывал в трех звездных системах, которые погибли в результате набегов варваров, потому что у нас не было достаточно силы, чтобы противостоять им. Их была целая орда, дюжина солнц-союзников, а у нас были лишь три планеты с гарнизонами. Месяцами мы просили — писали на Антарес, Сириус и в саму Солнечную, умоляя прислать один обычный крейсер нового класса. Хотя бы один — и мы бы уничтожили их флот, и тогда война бы перенеслась к ним. Но нет же, приходили лишь ответы типа «находится под рассмотрением» или «крейсера требуются для более настоящего применения»... три солнца и сотни тысяч людей погибли, потому что отъевшие животы психотехники замылили папку с этим делом.

— Проверенные роботами папки не теряются,— тихо ответил Хейм.— У меня есть друзья в администрации, и я видел, как они плакали над некоторыми из решений, кото-

рые им приходилось принимать. Нелёгко бросить армию на произвол судьбы... и все же те подразделения, которые могли бы спасти их, понадобились где-то еще для отражения более мощного вторжения, либо для психического воздействия на таранианцев или же ради стратегической важности какого-нибудь звездного скопления. Империя много чего приносит в жертву чтобы просто уцелеть. Гуманность просто непозволительна для правительства.

— Но разве это происходит только в военной области? — продолжил Хейм. — В конце концов, вы знаете, что Империя не заинтересована в дальнейшей экспансии. Ей нужно, чтобы цивилизация сохранялась на планетах, где она уже есть, и удерживать негуманоидные цивилизации за ее пределами. Ведь со времен Основания наша военная доктрина была в основном оборонительной... потому что мы не в состоянии совладать с большим, чем уже есть у нас. Границы всегда находятся в состоянии войны или постоянного перемещения, но внутри самой Империи царит лишь мир.

— Да, и сколько же еще продержится Империя, даже предполагая, что за ее пределами нет враждебных ей сил, когда ее психотехнократическое правительство поменяет свою нынешнюю, самую суровую форму.

В Солнечной Империи проживает приблизительно три на десять в четырнадцатой степени людей. Негуманоидных аборигенов довольно осторожно ликвидировали, ассимилировали как рабов, либо же оставили безвредными, но все же еще сохранились люди с ужасными мутациями, буруемые противоречивыми желаниями, усиленными радикально отличными планетарными и социальными условиями. Можете ли вы вообразить ситуацию, когда три сотни триллионов людей начинают действовать сами по себе, подчиняясь своим конфликтующим требованиям, и у них есть атомная энергия, биотоксичное оружие и межзвездные корабли?

— Да, могу, — ответил Горам, — потому что в конце концов это и случилось — приблизительно за тысячу лет до Империи, когда наступила полнейшая анархия. И... — он наклонился вперед, и суровый блеск черных глаз пронизывал Хейма, — вот почему мы не можем воспользоваться шансом, который дает этот ваш эксперимент, или что-либо еще... что-либо вообще. Тогда, во время столетий анархии, когда населения было намного меньше, повсюду царил

ужас; и многие планеты были отброшены назад, к дикости, либо вообще уничтожены. Вы видели мертвые миры? Черный пепел, медленно дрейфующий в пространстве, некоторые из этих планет все еще радиоактивны — арены сражений древних войн. Люди-варвары, находящиеся за пределами границ Империи, — остатки той поры; у некоторых из них имеются космические корабли, даже технология, сравнимая с нашей, но они думают лишь о разрушении: даже если они прорвутся сквозь границы, они примутся взрывать, грабить и сражаться, пока ничего не останется. Не говоря уж о негуманоидных пограничных варварах, соперничающих империях, всегда высматривающих свой шанс, или же о магелланцах, совершающих набег каждое столетие, как и об оружии, которого нам и не вообразить никогда. Только дайте какому-нибудь разрушительному фактору потрясти силу и сообщество Империи, и посмотрим, сколько она еще продержится.

— Я понимаю это, — холодно ответил Хейм. — В конце концов, я психолог. И полностью понимаю всю отчаянную нужду в подобном устройстве Империи. Но я также знаю и то, что это ведет ее к гибели: ее цель в поддержании удовлетворяющего ее состояния статуса не может быть понята в динамично меняющемся космосе. На самом деле Имперский империализм — просто результат игнорирования Империей других, лучших путей. И мы в состоянии обнаружить этот лучший путь только в результате исследований, и этот проект на Семнадцатой Станции — самый многообещающий среди всех исследований Основания. Пока мы не обнаружили другого пути решения нашей дилеммы, Империя находится под угрозой — рано или поздно что-нибудь случится, и она рухнет.

Глаза Горама сузились.

— Это почти что государственная измена, — пробормотал он.

Хейм рассмеялся и посмотрел на маршала осторожным, «ну, мы-то с вами понимаем», взглядом, потом отошел от стены офицерской каюты и коснулся какой-то кнопки. Телеэкран загорелся. Бесчисленное количество звезд вспыхнуло в бесконечной темноте, с величественной надменностью взирая немигающим суровым взглядом драгоценностей, распростертых на безразличном лице вечности. Вот по небу протянулся Млечный Путь, туманности и звездные скопления вращались, совершая свой долгий путь по

небосклону, и другие галактики вспыхивали загадочными сигналами в световых годах и столетиях отсюда. Как всегда, психолог почувствовал себя карликом, испугался и замер, пораженный этим колоссальным воздействием.

— Это была великая мечта,— пробормотал он.— Не было более сильной мечты, чем завоевание вселенной человечеством... и все же, как это часто бывает, человечество перепрыгнуло само себя и разорвалось на части под ударами реальности — в этом случае нам поражение нанесла простая арифметика. Как согласовать и скоординировать сотни тысяч звезд, не применяя абсолютизм и намеренно сохраняемый статизм; как быть едиными с нашими собственными достижениями? Какой здесь может быть другой ответ?

Он обернулся к Гораму. Полководец сидел неподвижно, с твердокаменным лицом, словно примитивный идол.

— Мы ищем новый день,— сказал Хейм.— И нам кажется, что мы нашли его на Семнадцатой Станции. Это первая надежда за четыре тысячи лет.

Планета была почти что земной: огромный синий сфероид, величественно вертящийся под невероятно пространственным небом с мягко сияющей луной в качестве спутника. Полярные сияния простирались через заледеневшие полюсы, и облачные массы затуманивали зеленовато-коричневые континенты: ураганы, облака, снег, дождь и ветер ниспровергались из небес на широкие прекрасные поля и величественные горы; и глядя вниз из стерильного стального окружения корабля, вспоминая о городе-планете, охватившем всю Землю, и холодной суровой механизированной системе всей Имперской жизни, Хейму вдруг на короткое время показалось, что он постиг мудрость. И тут же он позавидовал своим экспериментаторским мышкам, что находились там, внизу, на этой молодой зеленой планете. Даже если они будут уничтожены, их судьба окажется более счастливой, чем у их хозяев.

Но их не уничтожат. Не должны.

— Где находится ваш пост наблюдения? — спросил Горам.

— На астероиде, довольно далеко отсюда, и он постоянно пребывает в невидимом состоянии.

— А почему не на спутнике? Это ведь намного ближе.

— Да, но расстояние для трансвизора не имеет никакого значения. И кроме того, если — и когда — колонисты прознают о средствах для совершения межпланетных путешествий, нам придется покинуть луну, в то время как мы остаемся совершенно скрытыми на невидимом планетоиде.

— Я бы сказал скорее «если», чем «когда», — хмуро поправил Горам. — Ведь именно вы сообщили, что местные жители экспериментируют с ракетами, которые беспокоили правителей Империи в такой степени, что мне было приказано отправиться сюда и посмотреть, а не лучше ли просто стерилизовать планету.

— Я уже говорил вам раньше, нет никаких причин для тревог, — возразил Хейм. — Что с того, что у этих людей имеется несколько ракетных кораблей? У них нет никаких оснований для большего, чем просто посещение других миров этой системы, которая ненаселена... и, разумеется, нет никаких поводов для начала колонизации: их планета по-прежнему практически ненаселена. Нынешнее поколение насчитывает только восемьсот миллионов.

— Тем не менее, как только они смогут заселить всю систему, они станут представлять опасность. Больше невозможно станет скрывать важность того, что они могут сделать. И этот успех стимулирует их к развитию межзвездных путешествий; тут уж даже вы согласитесь, что этого нельзя допустить. Межзвездный привод можно создать без нашего участия, на какой-нибудь отдаленной планете этой системы; и тут же некоторые из этих людей затеются среди звезд, и мы не будем больше иметь над ними контроля — а результаты этого могут оказаться просто катастрофическими! Представьте себе поколение гениев в союзе с варварами!

— Говорю вам, они не воинственные. За всю их историю не было ни одной войны.

— Ладно, значит они попытаются сделать улучшения в Империи, которые окажутся неудачными, если не хуже. Разумеется, их не удовлетворит существующее положение — хотя оно-то и означает выживание для нас.

— С ними можно будет сотрудничать. Бог мой, ведь сегодня у нас столько гениев в Галактике! Мы не можем обойтись без них. Они — те, кто двигают Империю вперед. Именно благодаря прогрессу, осуществляемому лучшими умами человечества, мы проводим эту гигантскую работу по поддержанию общественного порядка.

— Конечно... каждый строго воспитывается, чтобы принять рамки Империи и осознать, что ее выживание означает и его собственное выживание. Мы покорили, подчинили себе множество гениев. Но эти же — дикари — целая планета неприрученных гениев! Если их нельзя будет покорить, их нужно убить.

— Их можно будет покорить, — продолжал настаивать Хейм. — Вернее, они могут стать нашими вождями и без особых катаклизмов вывести нас из положения статус-кво, — если не прямо, то косвенно, с помощью знаний, приобретаемых в результате наблюдения за ними. Возьмем администрирование — мы усовершенствовали свое — в течение последних пятисот лет: наблюдая за работой свободного интеллекта, мы смогли вывести более точные психоматематические выражения для логических действий в качестве фактора, воздействующего на наше общество.

— Я уже все это слышал раньше, — утомленно произнес Горам. — А теперь я хочу спуститься вниз и посмотреть.

— Очень хорошо. Конечно, я отправлюсь с вами. Вы желаете, чтобы был еще кто-нибудь?

— А нужно ли?

— Нет, там совершенно безопасно.

— Значит, не нужно. Через полчаса встречаемся на борту Сороковой шлюпки.

Горам, тяжело громыхая, ушел, чтобы отдать нужные приказания.

Хейм некоторое время постоял в дыму, глядя через иллюминатор на молчаливую вращающуюся внизу планету. Похожий на зловещую луну военный корабль вращался на орбите за пределами атмосферы. Несмотря на свою массу, достигавшую веса Титана, он был незначителен перед этой громадой простиравшейся внизу планеты. Невзирая на пушки и бомбы, смертоносные туманы и гравитационные лучи, дезинтеграторы и торпеды, распыляемую радиацию и коллоидно-резонирующие генераторы, все те тысячи адских штук, которые создал человек за все свое мучительное существование, сейчас собранных здесь, способных снести все живое с поверхности и покрыть содрогнувшиеся континенты дымом и пламенем и оставить

почерневшую планету одной огромной гробницей под различным взором звезд.

Нет-нет, это было неверно. Такой силы не было на корабле, это был просто инертный металл с электронным интеллектом без свободы воли, космическая искорка, которая без человека вращалась бы во тьме вечности. Воля и следовательно власть уничтожать принадлежала людям... только одному человеку. Одной горилле в униформе. Одному пещерному человеку с маршалским жезлом.

2

Защищенная экраном невидимого поля, шлюпка по спирали устремилась вниз к поверхности планеты. Горам позволил работу-пилоту управлять кораблем и большую часть времени пристально всматривался в визиоскоп.

— Не слишком много признаков населенности,— заметил он.

— Да, я ведь говорил вам, что население все еще небольшое,— ответил Хейм.— В конце конов, сюда первоначально за первые несколько столетий доставили всего лишь несколько тысяч человек, которые, как и все дикари, упорно сражались за то, чтобы выжить. Только впоследствии население действительно начало расти.

— А вы говорили, что у них теперь есть города... машины... цивилизация? В это трудно поверить.

— Да. В целом результат — триумфальное подтверждение психотехнической теории истории, но тем не менее четко наблюдаемый характер этого успеха пугает нас. Естественно думать о расе, которая прошла путь от обнаженных дикарей до механизированной цивилизации за пятнадцать сотен лет, как о демонической. И все-таки они люди, такие же люди, как и любой другой народ в Галактике, происходящий из одного и того же места,— древней Земли, как и все люди. Им просто нравится преимущество свободы над глупостью.

— Сколько всего станций?

— Около ста; это планетарные колонии, с колони-

стами, не обращающими внимания на свое происхождение, где поддерживаются различные, характерные лишь для данной станции условия. Другая среда, к примеру, особые банки с человеческой спермой. На всех них лежит отпечаток исторического прогресса, втайне от них, разумеется, и таким образом мы узнаем данные о психологических процессах среди масс. Но Семнадцатая превзошла все самые смелые ожидания.

Горам нахмурил свой низкий лоб. «Как же он напоминает типичного военного,— подумал Хейм,— со свойственной для них жестокостью тянувших назад человечество в течение всей его истории — кроме одной планеты в системе звезды Валгор!»

— Я все еще не могу понять этого,— признался маршал.— Зачем тратить время и деньги на создание искусственных условий, которые так никогда и не встретятся в реальной жизни?

— Таковы научные методы,— ответил Хейм, спросив себя, на каком элементарном уровне ему нужно будет начать свои объяснения. Как можно быть таким глупым и занимать положение маршала? — Чтобы определить причинные связи, ученый должен последовательно осуществлять эксперименты, в которых он изменяет один лишь фактор, следит за результатами... и, конечно, одновременно проводит контрольные эксперименты. Исходя из этих данных, он выстраивает сходные отношения в реальном мире. С помощью теоретических анализов наблюдаемых фактов он может предвидеть новые явления, и если эти явления подтверждаются в ходе дальнейших наблюдений, теория, по всей видимости,— хотя никогда нельзя быть уверенным — оказывается верной, ее можно применить для понимания и контролирования событий уже и реального мира.— Поневоле Хейм разошелся вовсю. В конце концов, этому он посвятил всю свою жизнь.

— Гм-м! — Горам посмотрел в визиоскоп. Шлюпка проносилась над широкой равниной, желтой от созревающего зерна. По этому огромному пространству были разбросаны несколько примитивных деревень, домики, построенные из кирпича, камня и дерева, остатки расцвета цивилизации.

— Планета кажется вполне отсталой,— проворчал Горам с сомнением.

— Да,— горячо откликнулся Хейм.— Уверяю вас, так оно и есть.

— Что ж — это утверждаете вы...— Горам, похоже, совсем не был уверен в том, что говорил Хейм.— Вернемся к нашему делу.

— Первые исследователи культуры были поражены сходством развития различных цивилизаций: человечество как бы проходит по одному и тому же неизбежному пути. В некоторой степени это правильно: одно ведет к другому. Растет количество столкновений культур, еще более жестоких войн, усиливаются древние страхи и опасения, экономические катастрофы увеличивают разруху. Наконец, и обычно это происходит, не подчиняясь законам здравого смысла и без особой охоты, одна нация подчиняет все остальные для собственной защиты и основания «универсального государства», что останавливает в какой-то степени опустошение, но постепенно оно приходит в упадок и рушится от собственной слабости или под влиянием захватчиков извне. Именно это в целом и случилось с человечеством, когда оно распространилось по Галактике,— только тогда еще более ужасающие ресурсы войны были целиком направлены на разрушение цивилизации. Затем власть в свои руки взяла Солнечная Империя, и она существует неизмеримо дольше, чем большинство предыдущих универсальных государств, потому что ее правители знают в достаточной степени психологию масс, чтобы осуществлять необходимый контроль над своими сотнями тысяч планетарных систем.

Океан покачивался под шлюпкой, серо-зеленый, и на бесконечном горизонте виднелась белая полоса.

— Поверните на северо-восток,— попросил Хейм.— Самый большой город этой планеты находится в той стороне, на огромном острове.

— Хорошо. Город — хорошее место для наблюдения за людьми. Мы можем проникнуть в него инкогнито?

— Разумеется. Я вполне достаточно знаю язык, чтобы сойти за путешественника из какой-нибудь другой части этого мира. Между континентами существует множество связей. Жители городов — вполне коспомолитичны.

— Что ж... продолжим. Вы все еще не объяснили, зачем нужна вся эта секретность.

— Я уже подхожу к подоплеке этого,— произнес Хейм, не в силах сдержать всю охватившую его скуку в своем

голосе. «Могу ли я по-настоящему поговорить с этим идиотом? И может ли кто-нибудь вообще? Объяснять обезьяне...» — На самом деле все очень просто. Наша военная мощь сдерживает варваров и захватчиков из Магеллан, и у нас остается еще достаточно сил для поддержания порядка среди трехсот триллионов граждан.

— И все-таки психотехнология — это примитив. При таких огромных масштабах она может справляться только с самыми простейшими возникаемыми ситуациями. И мы можем только и всего, что поддерживать устойчивость Империи. У нас хватает проблем с поддержанием промышленности и коммерции на одном постоянном уровне. Если мы разрешим свободное изобретательство и прогресс, то каждый год нас будут ждать промышленные революции. Наша тщательно разработанная техника управления станет устаревшей; настанет экономическая анархия, разразятся конфликты, страдания, отдельные индивидуумы поднимутся на борьбу с существующим общественным устройством, угрожая координирующей работе властей и отбрасывая назад обе стороны, а наши враги будут лишь следить за этим мгновением нестабильности.

Это только один пример. И его можно применить для любой области. Наука, философия — мы можем контролировать известные религии, воздействуя в безопасных направлениях, — но новая религия содержит в себе неизвестные элементы — и вот уже миллиарды фанатиков ринулись воевать... Нет! Нам придется поддерживать статус-кво, как мы его понимаем, слишком уж великой может оказаться цена неконтролируемого прогресса неизвестности.

— Империя на самом деле существует, чтобы упростить психотехнические проблемы координаторской деятельности. Поддержание постоянного населения... хорошо еще, что нам не нужно беспокоиться в отношении контроля триллионов рождающихся детей — нет новых земель. Стабильная промышленность, консервативная физическая наука, государственная религия, тоталитарный контроль, осуществляемый в течение всей жизни... хорошо еще, что мы точно знаем, с чем мы имеем дело, и нашим решениям подчиняются... представьте себе ситуацию, когда в Галактике триста триллионов людей вольны делать все, что им вздумается! — Хейм пожал плечами. — Стоит ли продолжать? Вы знаете так же хорошо, как и я, что Импе-

рия — единственный ответ на проблему выживания... не идеальный ответ, но это самое лучшее, что у нас есть.

— Ха! — Выражение лица Горам было торжествующим.

— И вы хотите сделать этот мир непредсказуемых гениев свободным!

— Если бы хоть на мгновение думал, что существует хотя бы какая-нибудь угроза превращения этих людей в разрушающий фактор, я первым предложил бы стерилизацию, — ответил Хейм. — В конце концов, я тоже хочу жить. Но нет оснований для страхов. Вместо этого — надежда.

— Какая еще надежда? — фыркнула Горам. — Лично я, между прочим, не могу понять, чего вы хотите. В течение трех тысяч лет мы сохраняем в людях удовлетворение. И кому нужно изменять это?

Хейм погасил свой гнев.

— Если не считать того, что удовлетворение подобно смерти, — произнес он, — история показывает, что универсальные государства не сохраняются вечно. Рано или поздно, но мы столкнемся лицом к лицу с чем-нибудь, что переборет нас. Если только мы сами не эволюционируем. Но безопасная эволюция возможна лишь тогда, когда мы в достаточной мере познали психотехническую науку, чтобы поддерживать процессы в мире и порядке, когда наша наука в самом деле качественна. Станции, особенно Семнадцатая, дают нам информацию, которая нужна нам для развития подобной науки.

3

Остров находился в нескольких километрах к северу от огромного северного континента. Теплое течение океана смягчало климат, так что эта земля зеленела среди верой громады моря, но полярный воздух приносил на юг туманы, дожди и снега, над горизонтами проносились ураганы, а солнце бросало яркие лучи вниз сквозь почти непроглядное небо неподвижных облаков и мечущихся ветров. Хейм подумал, что такие погодные условия во многом способствовали лидерству островитян в цивилизации пла-

неты, как и благоприятное расположение на перекрестке северных торговых путей.

Среди полей, равнин и с краю леса простиралось множество деревень, но был всего один город, в устье, недалеко от северного побережья. С воздуха это не слишком впечатляло того, кто привык к виду городов-планет Солнечной системы, Сириуса и Антареса: распростертое собрание примитивных, часто с соломенными крышами построек, узких, мощенных булыжником улочек, заполненных пешеходами и повозками, запряженными животными, гавань, где среди парусников совсем затерялись корабли, движимые паром или при помощи нефти, почти доисторический аэропорт; но у этого места был едва заметный, но безошибочный облик города, общины, знающей больше и воздействующей на события, происходящие далеко за собственными границами.

— Мы можем приземлиться так, чтобы нас не заметили? — поинтересовался Горам.

Хейм рассмеялся.

— Станный вопрос для военного. Эта шлюпка вполне надежно экранирована, как и все самые лучшие устройства Империи! Даже Флоту было бы непросто определить наше местонахождение. О, да, еще мы, наблюдатели, совершаем время от времени посадки за время существования станции.

— Должен заметить, это место в достаточной степени кажется отсталым, — сказал Горам с сомнением. — Существование городов, разумеется, доказывает...

— Ну... — Хейм заставил себя продолжить спор. — Не обязательно. Город, то есть общность людей с множеством целей, — один из критериев того, цивилизованное ли это общество или просто варварское в техническом антропоморфическом смысле. Верно, города как определенные центры исчезли на Земле после Атомной Революции, но это случилось просто-напросто потому, что такие замкнутые в пространстве строения больше не были нужны. И в этом смысле для поддержания близких отношений с остальным человечеством и для координации действий у людей Земли сохраняется право иметь города. И сегодня самые старые планеты Империи становятся настолько заселенными, что вновь появляются скопления строений — фактически, весь мир превращается в один огромный город. Но я соглашусь с тем, что эта своеобразная стадия

городской эволюции, что существует здесь, на Семнадцатой, примитивна.

Горам посадил шлюпку на свободном поле за пределами города.

— Что теперь? — спросил он.

— Ну, я думаю, вам захочется просто провести время, прогуливаясь по этому месту.— Хейм полез в сумку.— Я взял с собой соответствующее оборудование, одежду и местные деньги этой планеты, естественно, поскольку универсальная платежная система была установлена в то же время, когда и общий язык адаптировался для межнационального использования, и никого не беспокоит, какая на вас одежда.— Он развернул короткие летние одеяния, шорты и сандалии, тунику из выцветшей волокнистой ткани.— Как странно,— пробормотал Хейм,— что человек всегда ищет во всем необходимость. Земли, которым угрожает вторжение извне, начинают восхвалять милитаризм и войну. Люди, которым приходилось упорно работать, считали праздность позорной. Те, кто жил в холодном климате, кому приходилось носить одежду, сделали обнаженность аморальной. Но наши колонисты свободны здесь от необходимости подобного рода компенсаций и оправданий. Можно работать, думать, жениться, есть, одеваться, делать все, что угодно, чего только захотите, но пока вы не наступите на чью-нибудь ногу, никого это не беспокоит. Это показывает, что нетерпимость — характерная черта глупости, в то время как настоящий интеллектual естественно склонен жить и позволять жить другим.

Горам неуклюже сражался, не скрывая отвращения, с архаичными одеждами.

— А как насчет оружия? — спросил он.

— В этом нет необходимости. Оно никому здесь не нужно; лишь дикие животные могут представлять опасность. Фактически, вооружение — почти единственное, чем колонисты не занимаются в своем изобретательстве. Они никогда не шли дальше лука и стрел. Кроме нескольких дуэлей на ранней стадии их истории, теперь забытых, они никогда не сражались друг с другом.

— Невозможно! Человек — это сражающееся животное.

Хейм попытался найти ответ, который не слишком откровенно бил бы по всей военной профессии.

— Во всех наших других колониях были войны,— мед-

ленно начал он,— и, конечно, так было в течение всей человеческой истории... и все-таки нет никаких действительных, логических причин для этого. Честно говоря, на стадии доисторического человека, в позднем неолите, война, похоже, была неизвестна — по крайней мере среди захоронений людей того времени не было найдено никакого оружия. А ведь ваша профессиональная цель сегодня — поддержание мира во всей Империи, не так ли?

— Чтобы устроить стычку, достаточно желания всего одного, даже если у остальных не хватит духу сопротивляться... а люди, вроде этих, очевидно его имеют: пятнадцать сотен лет они исследуют всю свою планету. Впрочем, пусть ни одна из сторон не желает драться. Когда бы два племени не встречались, за время существования Семнадцатой Станции, они оказывались слишком интеллигентными, чтобы драться. Поэтому они и не дрались. Это же так просто.

Горам фыркнул, то ли в презрении, то ли в неверии, Хейм не понял.

— Пойдемте,— сказал он. Они вышли из шлюпки за пределы невидимого экрана на поле. Высокая колыхаемая ветром трава щекотала их обнаженные ноги, а ветер приносил тяжелый запах растущей зеленой жизни, заполнявшей многие километры полей и лесов; совершенно невероятно было видеть эту пульсирующую жизнь после запертой в металл стерильности корабля и Империи. И вверх, в голубом, заполненном облаками небе напевала птичка, поднимаясь все выше и выше к солнцу, опьяненная ветром и светом.

Два человека пошли пешком по полю к дороге, которая вела в сторону города. Это была узкая разрушенная коричневая земляная тропа, и Горам снова фыркнул. Они пошли по ней. На холме справа от них располагалась ферма, твердое, материальное, радующее глаз скопление низких, покрытых черепицей каменных строений и открытых полей, а впереди у самого горизонта находилась смутно видимая черта города. Они были одни.

— Все ли ваши колонии-планеты дикие? — спросил Горам.

— Почти,— ответил Хейм,— однако окружающая среда часто совершенно иная: начиная с миров, где жить можно только лишь в пустыне, и кончая теми, где одни лишь джунгли и болота. Таким образом, мы можем изоли-

ровать воздействия среды. У нас даже есть одна планета, где имеются комплексы городов, населенных роботами, где мы изучаем, как будут реагировать необученные люди. Есть три контрольных станции, землеподобные планеты, где были оставлены люди обычного человеческого типа, и оттуда мы получаем ценную информацию о пути, который выбирает земная история. Затем имеется целый ряд планет, где размещены разные народы — разные расы, с разным уровнем интеллекта, и так далее — для изоляции воздействий наследственности и чтобы посмотреть, имеются ли какие-нибудь корреляционные связи между цивилизацией и, скажем, физиологией. Но только тут, на Семнадцатой, населенной исключительно гениями, прогресс проходил быстро. На всех остальных планетах-колониях цивилизация все еще пребывает на уровне каменного века или еще ниже.

— Ага, вы имеете в виду, что просто оставили на всех этих планетах все течь своим чередом?

— По правде говоря, да. Например, перед колонизацией Семнадцатой мы, то есть, Основание, в течение жизни нескольких поколений производили отбор и выращивание гениев. Подчиняясь приказам Империи, были выращены лучшие умы Галактики, применялся генетический контроль и отбор, пока не был отобран запас спермы, наследующей гениальность только в интеллекте. То ли в результате ограниченной мутации или же случайно, без разницы, но люди здесь и их дети могут быть только гениями. Потом несколько тысяч взрослых людей, которым, разумеется, не сообщили, кто они такие, были схвачены и подвергнуты стиранию памяти, после которого они способны были лишь ходить, принимать пищу и еще кое-какие простейшие действия. Затем группами по двести человек их разместили в различных климатических районах неподалеку от расположенных в стратегически важных местах невидимых шпионских устройств, и наблюдатели с астероида следили, что же будет происходить. Это случилось пятнадцать сотен лет назад, и вот уже около сорока лет я слежу за изменениями, которые тут весьма заметны.

Горам нахмурился.

— Поэтому, если экстраполировать в будущее их совершенствование, можно ожидать, что разработка ими межпланетных путешествий,— вопрос лишь нескольких лет,— заметил он.— А еще через несколько поколений они

познают принципы межзвездного привода и почти тут же изобретут сверхсветовой двигатель. Нст... Они вовсе не безвредны!

Странно было прогуливаться по узким мощным булыжником улочкам, среди высоких архаических фасадов зданий города, который, казалось, принадлежал почти забытому прошлому. Для Горамы, который, наверное, посетил множество нецивилизованных планет, это могло казаться не настолько уж странным, как Хейму, и кроме того, у военного ума должно было быть слишком мало воображения, чтобы по достоинству оценить эту ситуацию. Но, хотя Хейм провел лучшие годы своей жизни, наблюдая за этой культурой, в нем никогда не пробуждалось смутное чувство сноподобной нереальности.

Всего лишь одна живописность мало чего стоила, однако это место было в достаточной степени красочным. По мощным булыжником дорогам шли люди этого мира. Тут были фантастически выглядевшие звери, с измененными в процессе генетического отбора рогами и копытами, и другие еще более экзотические одомашненные существа, на которых ездили и перевозили поклажу; между ними осторожно двигались грузовики и машины с пассажирами, с четко прослеживающейся линией конструкторского решения, все с подчеркнутой присущей машинам красотой, с которой могла сравниться только лишь Империя. Но самыми замечательными были люди.

Не стоит и говорить об их явном отличии. Тут были люди самых различных физических типов, начиная от длинноволосых островитян и кончая приземистыми жителями Арктики или обгоревшими на солнце южанами; костюмы их отличались соответственно, однако даже чужеземцы старались носить что-нибудь из местной легкой летней одежды. Если тенденция к более высоким лбам и более четким чертам лица, по сравнению с обычной в Галактике, и не поражала, то уклон к этому был здесь более заметен, чем где-либо в ином месте. Длинные волосы как у мужчин, так и у женщин, густые бороды, носимые многими мужчинами, показывали интеллектуальность внешнего вида за покрытой волосками вуалью, которая была присуща варварам на периферии. Нет... отличие от любого другого мира в Галактике было настоящим и безошибочным, но не физическим. Оно было в чистом воздухе города, где ни из одного дымохода не струился дым, в чистых улицах, про-

думанности уличного движения, в спокойных передвижениях, когда не возникали столкновения и неразбериха. В чистых телах и мягких голосах этих людей, в равенстве полов, на что уже не обращалось особого внимания даже на этом примитивном уровне технологии. В негативном плане — в отсутствии трущоб и тюрем, в позитивном — в наличии парков, школ и больниц. Не было видно никакого оружия или униформы, но у многих на улицах были книги либо же одеты они были в рабочие халаты в пятнах от химических веществ. Не было страстно взывающих ораторов, и лишь огромная группа людей сидела на траве в одном парке и слушала лекцию по орнитологии. Смех был приглушенным, но его было больше, чем когда-либо Хейм слышал где-нибудь в Империи.

Горам однажды пробормотал:

— Кажется, я тут услышал несколько совершенно новых языков.

— О, да,— ответил Хейм.— В каждом регионе, само собой, развился свой собственный язык и вообще-то люди привязались к нему скорее по сентиментальным причинам, а также потому, что мысли людей лучше выражаются в разговоре на языке, который они сами и развивают. Но как только контакт между различными местностями стал обычным делом, был разработан межнациональный язык, и его знают все, кому приходится им пользоваться. По правде говоря, только около пятидесяти лет назад прижился этот совершенно новый всепланетный язык, единственно правильный в соответствии с вновь определенными правилами семантики. Это больше, чем было сделано в Империи. Мы можем говорить на земном языке практически без всякой опасности, он сойдет за какой-нибудь местный диалект, да и я могу говорить с местными жителями за нас обоих.

— И все-таки,— нахмурился Горам,— мне не нравится это. У каждого человека здесь коэффициент интеллекта выше моего; так не должно быть в этом сборище варваров. Я чувствую себя так, словно все следят за мной.

— Да, большая часть этих людей обращает на нас внимание, гении по своей природе наблюдательны,— заметил Хейм.— Но мы ни в коей мере не вызываем подозрение. Наши агенты часто лично посещают эту планету, не привлекая внимания.

— А вы ведь не говорили, что открыто посещали планету?

— Верно, но лишь несколько раз, несколько столетий назад, мы совершили захватывающие дух посадки на планету, опускаясь по воздуху на гравилучах в светящейся одежде и совершая чудеса. Понимаете, даже эти примитивные племена не выказали никаких признаков организованной религии, шедшей дальше обычных магических обрядов, возникших в дальнейшем. Мы хотели посмотреть, нельзя ли вызвать поклонение божеству.— Хейм криво улыбнулся.— Но через поколение, которое действительно видело нас, не осталось никаких следов этой нашей деятельности. Я думаю, молодые с их независимыми разумами просто отказались верить в безумные рассказы стариков. Не то чтобы у этих людей совсем нет религиозного чувства. Довольно высок процент неверующих, впрочем, здесь также имеется огромное количество философской и даже религиозной литературы. Но нет никаких философских школ, и каждый скорее самостоятельно приходит к своим собственным выводам.

— Я не понимаю, как же возможен тогда прогресс.

«И не должен понимать»,— презрительно подумал Хейм, но лишь усмехнулся, а вслух же произнес:

— Но, очевидно, он есть.

Самолет промчался низко над их головами, и водитель фургона принялся сражаться со своими вдруг запаниковавшими животными. Горам произнес:

— Самый большой парадокс здесь состоит в анахронизмах. Парусные корабли и те, что работают на нефти, соседствуют в доках друг с другом; сила животных, которых используют в качестве тягловой силы на улицах вместе с химическими двигателями; каменные и деревянные дома с мощными дымоулавливателями — как вам это?

— Частично это результат чрезвычайно быстрого прогресса,— объявил Хейм.— Новые изобретения появились до того, как экономика приспособилась к ним. Не будет много машин, пока не будут созданы фабрики, обеспечивающие массовый выпуск продукции, и следует подождать развития знаний по механике, чтобы усовершенствовать фабрики до почти полной автоматизации, чтобы лишь несколько из этих гениев могли работать, стоя за сборочной линией весь день. Тем временем этот народ без особой торопливости развивает свой стандарт жизни. У них уже достаточно пищи, одежды, других необходимых вещей, так

же как и множество свободного времени... так зачем напрягаться и идти дальше?

Горам на мгновение замолк, затем пробурчал последнее возражение:

— Но они создают ракеты!

— О да... но существует отличие между эксплуатацией и исследованиями. Социальная система, существующая здесь, уникальна, и сама не ведет к империализму. Империи не нужно бояться Семнадцатой Станции.

— Я уже говорил вам раньше, что меня не беспокоит военная мощь,— огрызнулся Горам.

Хейм замолк, потому что вдруг почувствовал леденящий страх, что этот маршал мог, либо имея на то свои соображения, либо будучи спровоцированным, решить уничтожить эту колонию. С растущим отчаянием он глядел на этих людей: счастливых детей, игравших под открытым небом, спокойных, урбанизированных и сильных своей непобедимой силой интеллекта. Это воистину был гомо сапиенс, человек разумный,— человек, который добывал огонь из чрева вулканов в давно минувшие столетия ледяной эпохи, когда он начал долгое путешествие во тьме. И с тех пор он далеко ушел, но оказался в тупике. И только здесь, в этом одном ничем не примечательном мире из бесчисленных миллионов, заполонивших звезды, только здесь былой поиск был продолжен, по пути надежды, которым когда-то шел человек.

Психолог произнес с отчаянием, явственно слышимом в его голосе:

— Горам... Маршал Горам... конечно же, вы понимаете, что этот эксперимент не представляет угрозы. Даже более того, это самое лучшее, что когда-либо случилось во всей истории человечества. Одно только отсутствие войн доказывает это. Я могу продолжить список этих доказательств. Местная социальная система чудесным образом соединила прогресс и стабильность. Только дайте Основанию шанс узнать от этих людей... или даже, если они и в самом деле разработают межзвездный привод, дайте им возможность самим научить нас. Это самая рассудительная раса во вселенной, и они будут на стороне цивилизации, и, со временем изучив ее, они смогут сохранить ее лучше, чем мы сами.

— Позволить этому сборищу варваров захватить святой трон? — пробормотал Горам.

Хейм закрыл рот, и его изможденное лицо сжалось от внезапной решимости. Он оглядывал этот животрепещущий город, и огромная нежность и жалость охватила его... «Бедные вы гении, бедные беспомощные немудрые супермены...» И он пришел к неумолимому решению.

Слишком много было поставлено на карту, чтобы его личная судьба имела какое-нибудь значение. Разумеется, этому безрассудному всеуничтожающему атависту нельзя позволить заблокировать ход истории. Он попытается, он сделает все от него зависящее, чтобы переубедить Горам, потому что иначе Станция подвергнется фантастическому риску, невзирая на всю ее подготовку и принципы... включая элементарное чувство самосохранения.

Но если ему это не удастся, если Горам останется таким же упрямым, тогда ему придется воспользоваться теми же самыми примитивными методами, что и этот полководец. Гораму придется умереть.

4

На западе появились облака вместе с заходящим солнцем, грозой в небесах и холодным мокрым ветром, дующим с моря. Горам и Хейм покончили с простой, но удовлетворительной пищей в маленьком ресторане, и психолог сказал:

— Нам лучше поискать место, где бы остаться на ночь.

— Вы будете в этом городе завтра?

— Не знаю,— коротко ответил Горам. Он был молчалив и раздражен во время всего этого путешествия по метрополии.— Мне нужно поразмыслить надо всем тем, что я увидел сегодня. Тут достаточно фактов для принятия решения, хотя я, возможно, захочу посмотреть и другие части планеты.

— Я оплачу счет,— предложил Хейм. Он изо всех сил пытался, чтобы голос и лицо не выдали его.— Я спрошу у официанта насчет какой-нибудь таверны.

Хейм пошел за этим человеком на кухню.

— Пожалуйста,— начал он на международном языке,— я хочу заплатить по счету.

— Очень хорошо,— ответил туземец, высокий молодой парень со слабыми, утомленными глазами школяра, вероятно, студент, зарабатывающий здесь возможность учиться. Хейм небрежно взял несколько монеток.

— И... есть тут где-нибудь место, где можно было бы переночевать?

— Прямо вниз по улице. Чужестранец, я не ошибся?

— Да. Из Караллы по делам. О... и еще одно.— Понадобились невероятные усилия, чтобы выдержать этот неподвижный взгляд. Хейм, понимая собственную неуклюжесть, пробормотал просьбу:

— Я... э-э... я потерял свой нож, а мне он нужен, чтобы сделать завтра несколько искусных образцов для дисплея. А сейчас все магазины уже закрыты. Интересно, может, у вас найдется один лишний, и я бы купил его.

— Ну...— Туземец замолк на несколько секунд. На мгновение Хейму подумалось, что туземец собирается задать вопрос, и он напрягся, словно на него что-то физически воздействовало. Но в мире, где преступление было совершенно неизвестно, вне пределов обычной политической жизни, даже такая грубая выдумка сойдет.— Да, думаю, у нас найдется,— ответил официант.— Вот там я найду для вас один.

— Нет... Я лучше пойду сам... не буду доставлять вам хлопот... выберу один для себя, если... э-э... если у вас есть несколько лишних.— Хейм следовал вплотную за официантом.

Кухня была чистой, без единого пятнышка, однако казалось невероятным, что пища готовится по-прежнему на огне. Хейм выбрал небольшой острый нож, завернул его в тряпочку и сунул в карман. Официант и шеф-повар отказались от денег.

— У нас и так их множество... рады были помочь посетителю.

— Чем это вы там занимались? — поинтересовался Горам.

Хейм облизнул застывшие губы.

— Этот официант — новичок в этом заведении и ходил узнавать у повара насчет отелей.

Когда они вместе вышли на улицу, начали падать первые капельки дождя. Яркими вспышками молний озарялось небо над их головами. Горам вздрогнул, когда почувствовал пробирающий холодок.

— Проклятое место,— пробормотал он.— Нет ни управления погодой, ни даже крыши над городом... нецивилизованным.

Хейм ничего не ответил, хотя и порывался это сделать. Казалось, что лезвие в его кармане обладало дополнительным весом.

5

Он посмотрел вниз с пружинящей высоты своего роста на приземистую массивную фигуру полковника. «Я никогда не убивал,— тупо подумал он.— Я никогда даже не дрался, ни физически, ни умственно. И я не справлюсь с ним. Мне придется подкрасться к нему сзади и нанести удар».

Они вошли в отель. Клерк читал журнал, страницы которого, похоже, были испещрены одними только математическими символами. Вероятно, это был какой-то ученый на своей основной работе. К счастью для Горамы, здесь не было видно ни одной книги посетителей — и клерк лишь небрежно кивнул им в сторону их комнаты.

— Никакой системы,— пробормотал Горам.— Как они могут проследить за кем-нибудь, если нет никакой регистрации?

— Они не делают этого,— ответил Хейм.— Им этого не нужно.

Комната была огромной и хорошо меблированной.

— Я спал и в худших местах,— ворча, заметил полководец. Он плюхнулся в кресло.— Но это первое место, где я вижу, как нанятая прислуга читает технические журналы.

— Это вполне легко объяснить. Даже несмотря на высокую степень развития разума нужно заниматься и мириадами обычных задач, необходимых для поддержания существования цивилизации, начиная от уборки мусора и кончая правительством, и кто-то должен заниматься этой работой. Нынешнее устройство — компромисс, когда каждый небольшую часть времени отдает подобным работам. Можно выполнять ручную работу, преподавать, работать

на предприятиях общественного сервиса, вроде фермы и ресторана, где только твоя душа пожелает, а затем всю оставшуюся жизнь ни о чем больше не беспокоиться, либо проводить на этой работе несколько часов в день, по два-три, но более долгий период времени. В результате как нужды, так и общественные излишки доступны всем, также как образование, здравоохранение и любое другое, что считается желаемым. Эта планета, по правде говоря, может обходиться без денег, но более удобно платить наличными, чем заполнять кредитные карточки.

В данном случае это, вероятно, одна из причин того, что тут не проявляют особого интереса к производству большего количества материальных товаров для всех — это означало бы, что каждому придется проводить больше времени в шахтах, на фабриках, и меньше — на выбранной работе. И, по всей видимости, такую цену эти гении не хотят платить. Я не думаю, что здесь будет какой-нибудь прогресс в прикладной науке, если только исследовательские проекты, начатые некоторое время назад, не завершились созданием роботов, предназначенных для этой цели.

— Э-э... — пробормотал Горам. — Вот-вот, позволить им распространиться по Галактике, чтобы они узнали, что у нас есть подобные роботы, брошенные в нерабочем состоянии, поскольку население Империи должно быть занято работой. И они могут просто-напросто разрушить всю эту систему благодаря изобретению и распространению этих роботов.

— Вы что, никак не можете поверить, что они вполне понимают основания для поддержания статус-кво? — спросил Хейм. — Они также, как и мы, не хотят, чтобы у них на шее висели варвары. Они помогут нам сохранять Империю, пока не найдут безопасного способа для изменения условий.

— Возможно. — Горам сжал губы. — И все же они будут поддерживать равновесие сил, что есть как раз то, чего нельзя позволять ни одной группе людей, кроме как Империиума. Бог мой! С чего вы вообще взяли, что они на нашей стороне? Они могут решить, что им больше подойдет быть с нашими соперниками. Либо их может рассердить то, что все эти столетия мы используем их так бесцеремонно.

— Они не держат обид,— сказал Хейм.— Гении не держат.

— С чего вы это взяли? — Горам выпрыгнул из кресла и начал шагать по комнате. Он почти что кричал.— Вы все время повторяете, что гении по природе миролюбивы и терпимы, неэгоистичны, имеют прочие добродетели. Хотя ваша собственная история противоречит вам во всем этом. Каждый великий военачальник был гением. Но это были гении-садисты, гении-фанатики и гении-преступники. Да, безумные гении! Да, любой из сотни миллиардов высокопоставленных людей в Имперском Правительстве — это гений; на нашей стороне и у более, чем половина вождей варваров, как известно, был интеллект гения.— Он повернул свое покрасневшее и перекошенное лицо к психологу.— С чего вы взяли, что это — планета святых? Ответьте мне на этот вопрос!

Хейм дрожащими руками взял сигаретную пачку. Он протянул ее Гораму, который покачал своей огромной круглой головой в гневном отказе. Несколько секунд психолог потратил, чтобы сунуть один из цилиндров себе в рот и зажечь его. Он глубоко втянул дым в легкие, изо всех сил стараясь успокоиться.

Это был его последний настоящий шанс убедить Гораму. Если не удастся, тогда ему придется просто попытаться убить полководца.

Хейм медленно произнес:

— Для объяснения теории исторического прогресса мне придется прочитать вам довольно долгую лекцию.

Горам снова развалился в своем кресле, грубый, сильный и надменный. Его маленькие черные глазки сверлили испытующе психолога.

— Я слушаю,— резко произнес он.

— Ну что ж...— Хейм шагнул враз-вперед, сложив руки за спиной.— Очевидно, если изучить только историю, весь прогресс обязан своим существованием индивидуальностям с талантом или другим каким-нибудь даром. И всегда, в каждой области жизни, этот счастливчик с талантом был впереди и вел за собой слепую массу толп. Республика — это единственная форма государства, которая делает вид, что предлагает самоуправление, и как только население достигает надлежащей величины, народом вновь начинают вертеть как хотят, его правители сражаются за власть с помощью денег и таких средств массо-

вого гипноза, как служба новостей и прочее. И все республики превращаются в диктаторские государства, по правде говоря, за самое большее, несколько столетий. И это еще более ясно в таких областях творчества как искусство, наука и религия.

Обыкновенный человек — это просто скромный дурак. Возможно, при соответствующей подготовке сознания он и поднялся бы над собой, но он никогда не пытался. А тем временем он остается чрезвычайно консервативным, и только случающиеся время от времени взрывы безрассудной истерии в результате воздействия какой-нибудь особой группы людей, выводят его из этой рутины.

И все же общество как целое существует. История — это процесс действия масс. Индивидуумы с талантом начинают его, но совершает этот процесс в действительности огромная масса обыкновенных людей. Новые изобретения, новые земли для колонизации или же другие нововведения не будут иметь никакого значения, если только они постепенно не адаптируются, не начнут эксплуатироваться или давать еще какую-нибудь пользу. Общество как целое — консервативно, или, я бы даже сказал, предохранительно. Цивилизация на девяносто девять процентов состоит из привычек использования открытий прошлого либо влияния события минувшего. На фоне огромной массовой человеческой толпы в сравнении с огромным накоплением достижений прошлого, достижение одного гения или небольшой группы кажутся почти незначительными. Неудивительно, что прогресс медлителен и стремится к застою либо резкому спаду. Удивительно на самом деле то, что вообще могут происходить какие-нибудь замечательные события.

Хейм на несколько секунд остановился. Горам нетерпеливо шевельнулся.

— К чему вы ведете? — пробормотал он.

— Просто вот к чему. — Рука Хейма опустилась в карман и обхватила гладкую твердую рукоять ножа. Горам сидел, развалившись в кресле, склонив голову, хмуро уставившись в пол. Если лезвие направить сейчас прямо в эту толстую шею в парализующем ударе, а затем быстро резануть по яремной вене...

Сила ненависти, захлестнувшая Хейма, шокировала его. Он должен быть выше грубости своего врага.

«Спокойнее... спокойнее... Этот шаг отчаяния необходим!»

— Два фактора управляют отдельными индивидуумами в обществе,— продолжил Хейм, и бесстрастное спокойствие голоса слегка удивило его.

— Вот первая простая причина общественного давления. Все мы хотим, чтобы нас одобряли наши товарищи, по крайней мере в разумных пределах. Нужен по-настоящему храбрый — и в некотором роде психопат — индивидуум, чтобы отличаться в каком-нибудь значительном отношении. Многие заплатили своими жизнями за претворение в жизнь нововведений. Поэтому гению будут мешать в начале его деятельности.

И, конечно, обычно это общественное давление заставляет подчиняться даже нежелающих того индивидуумов. К примеру, ученый может быть по природе и миролюбив, но едва ли он откажется от участия в военных исследовательских работах, если ему будет указано делать это.

— Вторая причина, менее заметная, но более эффективная. Это установки в сознании, накладываемые по мере взросления индивидуума обществом, где приняты определенные условия жизни и правила мышления. «Прирожденный» пацифист, вырастая в милитаристской культуре, в целом принимает войну как часть естественного порядка вещей. Человек, который мог бы оказаться абсолютным скептиком в обществе, основанном на науке, почти всегда принимает богов и теократию, если он воспитывается в вере в них. Он может даже стать священником и направить свои логические таланты на разработку принятой теологии... и помогать в ликвидации неверующих. И так далее. Мне не нужно входить в детали. Сила социального воспитания невероятна, а в сочетании с общественным давлением становится почти непреодолимой. И, что весьма важно, правила и образ мыслей принимаются и навязываются в обществе массами — этим всепобеждающим большинством, недалеким, консервативным, ненавидящим и боящимся всего, что является новым и странным, желающим пребывать лишь в том первоначальном состоянии, которое известно ему с рождения. Гения принуждают подстраиваться под уровень посредственности. И то, что он вообще оказывается в состоянии преодолеть эти преграды и выйти за пределы своего заточения — дань высшей силе его интеллекта.

Хейм посмотрел на пустынную улицу снаружи. Дождь дико ударял по ее темнеющей поверхности.

— Солнечная Империя — не что иное, как торжество глупости над разумом. Если бы каждый человек мог думать самостоятельно, мы не нуждались бы в Империи.

— Следите за собой, — пробормотал Горам. — У правящего класса есть своя определенная широта взглядов, но не преступайте ее. — И более громко: — И что же это дает в случае Семнадцатой Станции?

— Ну, это триумфаторское подтверждение теории истории, как я только что объяснил, — ответил Хейм. — Мы изолировали чистокровных гениев от посредственностей и предоставили им полную свободу творить свою собственную судьбу. Результат превзошел все наши ожидания.

— Несомненно, здесь рождаются агрессивные, консервативные и эгоистичные люди. Но в этом мире сила социального воспитания и общественного давления — в стороне от этих тенденций, у них нет возможности развиваться.

— Создается впечатление, — Хейм повысил голос, — что гений показывает качественные отличия благодаря количественным отличиям от простого человеческого разума. Гений — это совершенно другой тип, так же как идиот на другом конце шкалы. И здесь — на Семнадцатой — этот новый тип развивался, не ограниченный никакими рамками.

Он отвернулся от окна. Горам сидел неподвижно, уставясь в пол, и как же медленно тянулись эти несколько следующих секунд, пока он, наконец, не начал говорить.

— Я не знаю... — пробормотал он и запнулся.

В горле Хейма застряли поражение, отчаяние и сдерживающая ненависть. «Ты не знаешь! — прокричал его мозг эту мысль, и казалось невероятным, что Горам сидит, развалившись, здесь, не двигаясь и не слыша ничего. — Да, ты не знаешь. Такие, как ты, никогда не знают ничего, кроме собственного эгоистичного оправдания побуждений, которым следовало бы умереть века назад! Ты уничтожишь Семнадцатую, каковы бы ни были причины, просто из извращенности... и будешь утверждать, что сделал это во имя Империи!»

Нож, казалось, сам прыгнул в его руку. Он сделал выпад, прежде чем осознал это. Хейм увидел блеск лезвия клинка в опускаемой им вниз руке, и ему показалось,

словно другой человек владеет им..Удар отдался у него в мышцах, и на мгновение его сознание помутилось, все казалось нереальным... «Что же это я делаю?»

Нельзя было терять времени. Горам крутанулся на своем сиденье, пронзительно закричал и схватил Хейма. Нож глубоко засел у него в шею. Хейм дернул за него: вытащить его, приставить к горлу, убить...

Что-то ударило его сзади. В голове у него замелькали звездочки, он рухнул на пол и перевернулся. Сквозь туман головокружительной боли он увидел людей, согнувшихся над Горамом — людей этой планеты, спасателей чудовища, которое уничтожит их.

6

Служащий отеля спутанно бормотал слова, встревоженный и пораженный:

— Вам не больно? Вы... Не двигайтесь, лежите неподвижно, сейчас придет доктор...

Из-за боли Горам оторвал губы от зубов, но пробормотал ответ:

— Нет... Со мной все в порядке... Я ранен...

Доктор согнулся над его залитой кровью фигурой.

— Глубокая,— произнес он,— но не затронуты важнейшие вены. Ну-ка, я просто-напросто вытащу нож...

— Давайте,— прошептал Горам.— Впрочем, со мной бывало и хуже... Вот уж никогда не предполагал, что такое может случиться и здесь. Хейм лежал на полу, пока обрабатывали рану полководца. Его звенящая кружащаяся голова постепенно успокаивалась, и, медленно наполняя его ужасом, но не вызывая эмоционального шока, входило в его сознание понимание.

Горам ответил туземцам... на их собственном языке.

Над психологом согнулся человек.

— С вами все в порядке? — спросил он.— Простите, что пришлось ударить вас так сильно... Вот выпейте это...

Хейм заставил себя проглотить эту жидкость. Она неистово устремила по его венам, и он уселся с помощью

поддерживающих на уровне груди рук, удерживая голову руками.

Заговорил кто-то другой, и казалось, его голос доносится из бездны:

— Он услышал?

— Боюсь, что да,— ответил со стоном от боли Горам, его шея была уже перевязана бинтом.— Я слишком возбужден, чтобы хранить молчание. И это вызывает... неудобства.

Люди этой планеты помогли Хейму усесться в кресле. Он начал приходить в себя и сквозь туманную дымку посмотрел на человека, которого пытался убить. Остальные стояли около кресел, высокие бородатые мужчины в варварской одежде, следящие за ним с тревогой и странной жалостью.

— Да,— очень тихо произнес Тамман Горам,— помощник Верховного Маршала Солнечной Империи — уроженец Семнадцатой Станции.

— Кто еще? — прошептал Хейм.— Как и почему? Я пытался убить вас, потому что думал, что вы собираетесь отдать приказ стерилизовать эту планету.

— Это была игра,— сказал Горам.— Я намеревался в конце концов сообщить, что эта Станция не представляет угрозы и может быть в безопасности оставлена для наблюдателей Основания. Исходящее из того, кто столь очевидно проявлял свое сильное стремление к противоположному мнению, это заявление было бы вдвойне убедительным для имперских официальных лиц. Именно могущественный и охваченный подозрительностью министр приказал провести расследование, и меня отправили, чтобы рассеять его опасения. Его преемником станет один из наших людей, который заявит, что Семнадцатая Станция не представляет никакой угрозы, не известна никому, перестает иметь какую-либо важность и вообще это неудачный эксперимент, проводимый несколькими безвредными идиотами.

— Но... разве вы... вы не были...

— О да! История моей жизни полностью настоящая. Много лет назад я стал неприметным рекрутом в пограничном гарнизоне, и с тех пор началось мое стремительное продвижение в соответствии с принципами Империи. Все наши люди в Империи выдерживают такие самые тщательные проверки. Иногда они происходят из семей, которые

прожили уже несколько поколений на имперских планетах. Наша программа замены руководящего персонала нашими людьми была задумана еще столетия назад и успешно осуществляется, что доказывается хотя бы тем, что в среднем, через долгие промежутки времени, эти люди становятся намного более способными, чем кто-либо другой.

— Сколько же времени?..

— Около пятисот лет. Вы недооценили способности ваших экспериментальных «мышей». — Горам на мгновение остановился, а затем спросил: — Если человеческий разум так качественно отличается от животного, как гений — от обыкновенного... тогда скажите мне, что может являться эквивалентом гениев в мире, где средний человек — гений по обычным стандартам?

— В процессе эволюции сохраняются только наследственные черты гениальности, и в действительности этот процесс происходит более быстро, чем это можно было бы объяснить, основываясь на чем-нибудь другом, а не на существовании ортогенетического фактора в эволюции. Супергений — дадим ему имя и назовем его Превосходящим, поскольку это совсем другое качество, — имеет способности, с которыми обыкновенный разум сравним не более, чем простой инстинкт — с логикой.

— Ваши театральные божественные откровения не были забыты, их осторожно осмысливали. Позже, когда была развита теория эволюции, показалось странным, что человек, хотя и являлся по существу животным, не имел видимого филогенезиса. Истории о «богах», теории эволюции и астрономия — мы начали подозревать правду. И с этим подозрением для Превосходящего не представляло сложностей обнаружить ваших замаскированных психологов. Похищения, допросы с использованием лекарственных средств, усовершенствованных с помощью психиатрии, и освобождение пленников, у которых стирали память об этом, сообщили нам остальное. Позднее, под обликом других пленников, вместе с их знаниями и их собственным разумом, один Превосходящий за другим были переправлены на наблюдательный астероид, а после этого и по всей Галактике, и хватило обычного шпионажа, чтобы открыть принципы межзвездного привода и другие механизмы Империи.

— Вся эта планета... лишь прикрыtie? — пробормотал Хейм.

— Да,— прохихикал Горам.— Скорее, развлечение для всех, кого это касается. Вы были бы удивлены теми устройствами, что у нас есть за пределами достижимости ваших шпионских приборов. И как только они устаревают в достаточной мере, нашим детям говорят правду. Все это вносит совсем немного отличий в нашу жизнь, если забыть о тех нескольких миллионах, что находятся в Галактике, завоевывая ее.

— Завоевывая... ее? — Казалось, сознание Хейма медленно переворачивалось, бесконечно медленно и утомленно.

— Конечно.— Странное сочетание суровости и симпатии появилось на резких чертах Горама.— Ясно, что одна планета не может сражаться с Галактикой, да мы и не хотим этого. Хотя мы не можем допустить и того, чтобы она представляла для нас угрозу. И единственный ответ — присоединение.

— А... затем?

— Прошу прощения,— медленно и неумолимо донесся голос Горама,— но боюсь, вы превысили добрые намерения эксперимента с эволюцией породы чистокровных гениев. В конце концов, от Гомо Интеллидженса нельзя ожидать, что он будет служить гомо сапиенсу так же, как древний человек — обезьянам.

— Мы завоевываем варваров и Империю похожим образом. После этого Галактика будет делать то, что мы пожелаем. О, мы не будем суровыми властелинами. Возможно, человечество так никогда и не узнает, что им правят извне и для него настанет период мира и довольства, такой, какого он даже не мог и вообразить себе. А что касается вас...— Хейм со слабым потрясением осознал, что его даже не интересует и не заботит, что же случится лично с ним.— Вы нам симпатичны, но вы льяны по отношению к Империи. Вы думали о нас только в связи с нашей полезностью Империи. Возможно, мы могли бы поверить, что вы сохраните в тайне наш секрет, а, может быть, и нет. Мы не можем пойти на такой риск. Вы можете даже неосознанно выдать правду. Не можем мы и стереть вашу память об этом — остались бы следы, которые опытный психиатр мог бы заметить, а все высокопоставленные официальные лица регулярно подвергаются психоаналитическим проверкам. Так что мне просто придется сообщить, что вы в результате несчастного случая погибли на пла-

нете.— Горам улыбнулся.— Не думаю, что эта пожизненная ссылка в этом мире, за пределами обзора ваших наблюдателей, покажется вам неприятной. И мы также попытаемся сделать вашим преемником одного из наших людей. Для этого готово почти все.

Он добавил задумчиво:

— По правде говоря, Галактика подготовлена для нового Императора Солнечной Империи.

ЛУНА ОХОТНИКА

«Мы не воспринимаем реальность, мы постигаем ее. Думать по-другому — значит навлечь на себя катастрофические неожиданности. Трагический характер истории в большой степени происходит от этой бесконечно повторяемой ошибки».

Оскар Хазмл

Оба солнца в данный момент садились. На западе горы превратились в волну темноты, неподвижную, как будто холод Запределья коснулся и заморозил ее, достигнув самой вершины, первый морской барьер на воздушном пути к Обещанию; но небо становилось фиолетовым, и на нем уже зажглись первые звезды и две маленькие луны, золотистый цвет которых переходил у краев в серебряные полумесяцы, как и само Обещание. На востоке небо оставалось голубым. Там, почти над океаном, Руии был полностью освещен, что перекрывало его розовое сияние. Под просветом, который он отбрасывал, вздрагивали воды и заметно крепчал ветер.

А'и'ач тоже чувствовал ветер, холодный и бормочущий, каждой тончайшей волосинкой на своем теле. Ему необходим был всего лишь крохотный толчок, чтобы придерживаться курса, и этого вполне было достаточно, чтобы ощущать собственные силы и неразрывную связь в путешествии к цели назначения, связь со своим Роем. Их шары, бледно-радужные, почти скрытые от него землей, над которой они пролетали, окружали его, и он находился среди самых высоко поднявшихся. Их жизнезапахи заглушали все остальные, сладострастные, суровые, они пели вместе, сотни голосов единого хора, так что их души могли смешаться и стать единой Душой, предвкушением того, что ждало их на далеком западе. Сегодня ночью, когда П'а пересечет Руии, возвратится Сияющая пора. И они заранее радовались этому.

Один только А'и'ач не пел и лишь слегка погружался в фрезы о пиршестве и любви. Он слишком хорошо сознавал, что он несет. Вещь, которую навязал ему человек, весила совсем немного, но на душе становилось тяжело и неприятно. Разумеется, весь Рой сознавал опасность атаки и у многих имелось оружие — камни для бросания

или же остроконечные ветки, оброненные деревьями на усяках, которые развевались под их шарами. У А'и'ача был нож из стали, цена услуги человеку. Хотя Народу вовсе не пристало бояться того, что могло нахлынуть из будущего. А'а'ач был непонятным образом изменен тем, что проникло внутрь него.

Пришло знание, он не понимал, каким образом, но оно проявлялось с такой медлительностью, что он не был удивлен этому. Тем временем он перестал хмуриться. Где-то среди этих холмов бежит Зверь, и у него точно такая же штука, что и у него, поддерживающая точно такую же призрачную связь Роя с человеком. Он не мог понять, что же это могло предвещать, оставив эту проблему для Народа. Совсем не мудро было бы спрашивать об этом. Поэтому он принял решение, которое, как он понимал, было чуждым его расе: он покончит с этой угрозой.

Поскольку глаза его располагались внизу тела, он не мог видеть ни предмета, прикрепленного сверху, ни света, струившегося от него. Однако его спутник мог, и А'и'ачу продемонстрировали это прежде, чем он согласился понести. Луч был слабенький, видимый только ночью, и то лишь на фоне темноты. Ему следовало бы поискать мерцание света среди теней на земле. Рано или поздно он подойдет к этому. Сейчас шанс был не так уж плох, в эту Сияющую пору, когда Звери рыщут в поисках Народа, чтобы убивать, зная, что он собирается вместе в огромном количестве на веселое празднество.

А'и'ач взял нож, чтобы при возможности применить его. Он намеревался хранить его на суку дерева, а когда будет настроение, поэкспериментировать с ним. Один из Народа однажды в течение некоторого времени пользовался случайно найденным предметом — острым камешком — ради каких-то сиюминутных целей, вроде разрезания стручков растений, чтобы добраться до их вкусненьких семечек. Возможно, ножом он сможет придать дереву форму инструментов, и тогда у него всегда наготове будет целый склад их.

Пришло новое понимание, и А'и'ач увидел, для чего же в действительности нужен нож. Он мог бы наносить удары сверху, пока Зверь не будет мертв... нет, пока не будет мертв тот Зверь.

А'и'ач вышел на охоту.

За несколько часов до захода солнца Хью Броккет и его жена Янника Резек готовились к своей ночной работе, когда запоздало прибыла Кризоула Грипарис. Сперва шторм вынудил самолет приземлиться в Энрике, а затем, упрямо дуя на запад, заставил ее совершить длинный окольный путь до Хансонии. Она даже не видела Кольцевой океан, пока не пересекла добрую тысячу километров материка, где должна была повернуть на юг и преодолеть еще столько же, чтобы достичь большого острова.

— Как же замечательно с воздуха выглядит Порт Като,— заметила она. Ее английский, с акцентом, принятый в качестве основного на этой особой станции, был беглым: одна из причин того, что она прибыла сюда для выяснения возможности работы здесь.

— Так оно и есть,— ответила Янника, тоже с акцентом, но другим.— Дюжина ученых, в два раза больше лаборантов и еще обслуживающий персонал. Вас будут очень тепло приветствовать.

— Вы что, чувствуете себя изолированными? — удивилась Кризоула.— Вы ведь можете позвонить куда-нибудь на Ближний, где есть голосвязь, разве не так?

— Да, либо слетать в город по делам или же взять отпуск или еще что-нибудь такое,— сказал Хью.— Но все равно, является ли стереофоническим изображение или звук — это всего лишь изображение. С ним нельзя отправиться перехватить стаканчик после того, как закончится конференция, не так ли? А что касается настоящего визита, ну, вы вскоре вернетесь сюда, к этим приевшимся лицам. В социальном плане дальние поселения несколько замкнулись на себе. Вы узнаете это, если останетесь.— А затем поспешно добавил: — Не то, чтобы я старался разочаровать вас. Ян права, мы станем более счастливыми, если кто-нибудь присоединится к нам.

У его собственного акцента была своя история. Английский был языком его матери, но он был из третьего поколения медеан, что означало, что его бабушка и дедушка оставили Северную Америку так давно, что речь уже изменилась, как и все остальное. Сказать по правде, и сама Кризоула не была настолько уж современной, потому что лазеру требуется почти пятьдесят лет на преодоление рас-

стояния от Солнца до Колчиса, а корабль, на котором она путешествовала, находясь в бессознательном и безболезненном состоянии, был значительно медленнее...

— Да, с Земли! — пылко воскликнула Янника.

Кризоула мигнула.

— На Земле отнюдь не царила радость, когда я улетала. Может, дела и улучшились после этого. Пожалуйста, поговорим об этом попозже, а сейчас мне не терпится самой все увидеть.

Хью похлопал ее по плечу. «Она была довольно хорошенькой, — подумал он, — не того же класса, что Ян, о, таких женщин нужно поискать!» Но все же ему бы доставило удовольствие, продолжи они знакомство в постели. Это внесло бы разнообразие в его пресную жизнь с женой.

— У тебя в самом деле сегодня был неудачный день, разве не так? — пробормотал он. — Пришлось задержаться, пока Роберто... э-э ... доктор Веноста находился за станцией... и пока в Центр не вернулся доктор Фенг с группой образцов... — Он ссылался на главного биолога и главного химика. Специализацией Кризоулы была биохимия: предполагалось, что она как только что прибывшая на редко прилетающих звездолетах внесет важный вклад для понимания жизни на Медее.

Кризоула улыбнулась.

— Что ж, значит, я начну знакомиться сперва с остальными, начиная с вас двоих, таких замечательных людей. Янника покачала головой.

— Прошу прощения, — начала она. — Мы очень заняты, скоро отправляться, и, возможно, возвратимся только после восхода солнца.

— О... так долго? Около тридцати шести часов? Да. Не слишком ли это долго для нахождения в... как вы скажали?.. этой жуткой среде?

Хью рассмеялся.

— Это дело ксенологов, которыми мы оба и являемся, — ответил он. — М-м-м, я думаю, по крайней мере, могу уделить немного времени и показать вам окрестности, представить вас, чтобы вы почувствовали себя совсем как дома. — Кризоула прибыла в тот момент цикла наблюдения, когда большинство все еще спали, и ее направили в комнату Хью и Янники. Они вставали рано, подготавливаясь к своей экспедиции.

Янника холодно поглядела на него. Она увидела боль-

шого человека, которому на вид можно было дать сорок один терранский год: коренастый, слегка неуклюжий в движениях, с начавшим слегка раздаваться брюшком, с обветренными чертами лица и песочными волосами, голубоглазый, коротко подстриженный, чисто выбритый, неряшливо одетый в тунику, брюки и ботинки, наподобие рудокопов, среди которых он и вырос.— У меня нет времени,— объявила она.

Хью сделал широкий жест.

— Конечно, ты просто продолжай, дорогая.— Он взял Кризоулу под локоть.— Пойдем побродим.

Сбитая с толку, она вместе с ним вышла из лачуги, где царил беспорядок. Возле изгороди вокруг жилья она остановилась и начала внимательно осматриваться, словно в первый раз смотрела на вид Медеи.

Порт Като в действительности оказался крохотным. Чтобы не нарушить экологию действиями, подобным облучению ультрафиолетовыми лампами над полями с урожаем, все необходимое доставлялось из более старых и больших по размерам поселений на Ближнем континенте. Более того, находясь близко к восточной окраине Хансонии, он занимал несколько километров острова, на возвышении, что было сделано в качестве предосторожности против приливов Кольцевого океана, которые могли достичь чудовищных размеров. Поэтому природа была огорожена стенами, крышей, подавленная сумятицей строений, и куда бы она ни смотрела... прислушивалась, касалась, пробовала на вкус, вдыхала запах, двигала. С силой тяжести, чуть меньше земной, она могла перемещаться прыжками. Избыток кислорода словно придавал ей дополнительную энергию, однако ее слизистая оболочка еще испытывала некоторую боль. Несмотря на расположение в тропиках, воздух был целебным и не слишком влажным, поскольку остров находился достаточно близко к Дальнему, чтобы ощущать прохладу. Здесь было полно едких веществ, но только несколько из них в отдаленной степени напоминали ей запах мускуса или йода. Также чуждыми были и звуки, шелестения, трели, постанывания, бормотания, которые из-за густой атмосферы гулко отдавались в ушах.

Сама станция имела вид необычного поселения. Строения были из местных материалов, спроектированные здесь, на месте; даже излучающий энергетический конвертер

ничем не напоминал о доме. У двойных теней был свой особенный оттенок; фактически каждый цвет изменялся в этом красноватом свете. У деревьев, которые находились позади над крышей, были странные очертания, с листвой оранжевого, желтого и коричневого цветов. Небольшие существа проносились между ними. Случайно встречающиеся сверкающие кучи, наметенные ветром, пылью не казались.

Небо было в глубоких тонах. Несколько облаков слегка окрашивались в розовый и золотистый цвета. Двойное солнце — Колчиса — Кастор Цэ вдруг показалось ей слишком уж сухим названием — клонилось к западу, и оба они едва были различимы, так что она могла без вреда пристально смотреть на них в течение короткого времени, на Фрикс в его почти максимальном угловом удалении от Хелле.

Напротив них небеса занимал Арго, как всегда обращенный своей поверхностью-полусферой к Медее. Здесь планета системы низко нависала над горизонтом; верхушки деревьев скрывали часть ее огромного плоского диска. Дневной свет смягчал красноту ее жара, которая станет пылающей после наступления темноты. Тем не менее она была гигантской, и на глаз казалась размером в пятнадцать-шестнадцать земных лун. Едва заметные хроматические ленточки и пятнышки на ее поверхности, постоянно меняющиеся, являлись облаками, более огромными, чем континенты, и ураганными вихрями, которые могли целиком проглотить эту луну, над которой она пребывала.

Кризоула вздрогнула.

— ... это... поражает меня,— прошептала она,— больше, чем что-либо в окрестностях Энрике или... или приближение из космоса... Я прибыла в какое-то другое место во вселенной.

Хью обхватил ее талию. Не будучи речистым, он просто сказал:

— Ну, о н о и есть другое. Вот почему, как вы знаете, Порт Като и существует. Чтобы изучать глубину района, который находится в некоторой изоляции; мне сказали, что перешеек между Хансонией и материком исчез пятнадцать тысяч лет назад. Местные дромиды, по крайней мере, до нашего прибытия никогда не слышали о людях. Среди ауранидов действительно ходили слухи, которые, возможно, и повлияли слегка на них, но, конечно, не сильно.

— Дромиды... аураниды... ох! — Будучи гречанкой, она сразу же ухватила смысл. — Аэростаты, правильно?

Хью нахмурился.

— Пожалуй. Это довольно дешевые шутки, не так ли? Думаю, множество их вы слышали в городе, но мне кажется, обе расы заслуживают от нас более величественных имен. Они разумные, не забывайте.

— Прошу прощения.

Он слегка повысил голос:

— Ничего, Крис. Вы новенькая. Со столетним пробелом информации, пока вы летели сюда...

— Да. Я удивлялась тому, если на самом деле стоит об этом упоминать, что основанные за пределами Солнечной системы колонии так медленно отправляют назад научные данные.

— У вас более свежая информация насчет этого, чем у меня.

— Ну... планетология, биология, химия, они все еще дают нам новые знания, когда я улетаю, и с наукой там все в полном порядке, начиная с медицины и кончая контролем над вулканами. — Женщина выпрямилась. — Возможно, новый шаг будет сделан в вашей области, ксенологии? Если мы сможем подойти к пониманию нечеловеческого разума — нет, двух в этом мире — возможно, трех, если здесь существуют на самом деле два совершенно непохожих вида ауранидов, как я слышала среди теорий... — У нее перехватило дыхание. — Что ж, тогда мы могли бы иметь возможность понять и самих себя. — Хью подумал, что она действительно заинтересована, а не просто старается угодить ему, когда Кризоула продолжила: — Что вы и ваша жена делаете? Мне сообщили в Энрике, это совершенно особая работа.

— Во всяком случае, экспериментальная. — Чтобы не заходить слишком далеко, он отпустил ее. — Долгая история. А не лучше ли совершить экскурсию по нашей метрополии?

— Попозже смогу и сама, если вам придется возвращаться и уйти работать. Но я восхищена услышанным о вашем проекте. Читать разумы чужаков!

— Ну, это вряд ли. — Видя удобный случай, он указал на скамейку у гаража. — Если вы действительно хотите послушать, присаживайтесь.

Когда они сели, Пит Мараис, ботаник, появился из кабины.

К вящему облегчению Хью он просто поприветствовал их, после чего торопливо удалился. Некоторые хансонианские растения в это время дня производят странные вещи. Все по-прежнему находилось за стенами станции, повара готовили завтрак, остальные умывались и одевались для своей последующей деятельности.

— Предвижу ваше удивление,— выдавил из себя Хью.— Электронная нейроаналитическая техника находилась в зачаточном состоянии на Земле, когда улетал ваш корабль. Но вскоре началось ускоренное ее развитие, и, конечно, эта информация достигла нас раньше вашего прибытия сюда. Применялась она тут на низших животных, также как и на людях, так что нам было не слишком сложно... создать двух гениев в Центре... чтобы адаптировать это оборудование как для дромидов, так и для ауранидов. В конце концов у обоих видов есть нервная система и сигналы электрической природы. В действительности труднее было усовершенствовать программное обеспечение, программы, а не оборудование. Янника работает со мной над этим, собирая эмпирические данные для психологов и семантиков и программистов.

— М-м-м, не поймите меня превратно, пожалуйста. Для нас это явилось почти необходимостью. Сканирование сознания — не лучшее слово, но похоже, мы завязли на нем — сканирование сознания постепенно станет важнейшим инструментом в нашей повседневной работе, которая состоит в изучении жизни местных туземцев, их мыслей и чувств. Однако и в настоящее время это просто еще совсем неопробованный метод, весьма ограниченный и крайне непредсказуемый.

Кризоула вздернула свой подбородок.

— Позвольте мне сказать вам, о чем, мне представляется, я знаю,— предложила она,— а затем вы скажете, где я ошибаюсь.

— Конечно.

Она педантично начала:

— Можно идентифицировать образцы синапсов и записать те, что ответственны за двигательные функции, передачу ощущений — и наконец теоретически самих мыслей. Но это изучение — результат мучительно собираемых данных, их интерпретации и корреляции этих интерпретаций

со словесными ответами. Каковы бы ни были полученные результаты, их можно записать в компьютерной программе как n -мерный объект, который можно считать. Следующие считывания можно получить путем интерполяции.

— Ого-го! — воскликнул мужчина. — Продолжайте.

— Я настолько права? Вот уж не ожидала.

— Что ж, естественно, вы пытаетесь обрисовать несколькими словами то, что требует тома математики и символьную логику для описания должным образом полпути. И все-таки вы делаете это лучше меня.

— Я продолжу. А теперь после этого создаются системы, которые могут устанавливать связи между различными объектами. Они могут трансформировать системы, которые создают мысль в одном сознании и перемещают ее в мыслесистему другой. Также возможна прямая передача между нервными системами. Подобную систему можно определить, перевести в компьютер для трансляции и электромагнитным способом ввести в принимающий мозг. Разве это не телепатия?

Хью начал было мотать головой, но затем успокоился:

— М-м-м, чрезвычайно грубо. Даже два человека, которые думают на одном и том же языке и претотлично знают друг друга, даже они получают только частичную информацию — простые послания со множеством искажений, низким уровнем шумовых сигналов и медленной передачей. И насколько же хуже, когда вы пытаетесь осуществить это с другой формой жизни! Одни только различия в речи, не говоря уж о неврологической структуре химии...

— И все-таки вы предпринимали попытки с некоторым успехом, я слышала.

— Ну да, мы достигли некоторого прогресса на материки как с дромидами, так и с ауранидами. Но поверьте уж мне, «определенные успехи» — это слишком громко сказано.

— А затем вы попытались сделать это на Хансонии, гд? культуры должны быть совершенно чуждыми вам. Фактически виды ауранидов... Ну? Не стоит и говорить, что это добавило вам сложностей?

— Да, то есть у нас действительно добавилось бесчисленное множество проблем, но они не бесполезные. Понимаете, большинство сотрудничающих с нами туземцев всю свою жизнь проводят среди людей. Многие из них представляют профессиональный предмет для изучения: дро-

миды для материальной платы, аураниды для психологического удовлетворения, развлечений, как мне кажется, вы бы выразились. Их искореняют; часто они сами не имеют ни малейшего представления, почему их «дикие» родственники чем-то занимаются. Мы хотели разузнать, можно ли усовершенствовать сканер сознания в устройство для изучения чего-то большего, чем неврология. Для этого нам нужны были существа, которые не были бы заражены. Бог знает, на Ближнем полно девственных мест. Но этот район, Порт Като, уже начал интенсивно изучаться, являясь как изолированным, так и резко ограниченным. Я и я решили, что мы можем также включить сканирование сознания в нашу исследовательскую программу.

Взгляд Хью медленно перемещался по огромной громаде Арго и остановился.

— Насколько это нас касается,— медленно начал он,— эта неожиданность — еще один способ попытаться разузнать, почему дромиды и аураниды находятся здесь в состоянии войны.

— Но ведь они убивают друг друга где-то и в других местах, разве не так?

— Да, и различными способами, из-за еще большего разнообразия причин, как непосредственно мы могли определить... Позвольте заметить для записи, что сам я лично не придерживаюсь теории, что информацию на этой планете можно получить, сожрав того, кто ею обладает. Ибо, во-первых, могу показать вам больше те районы, где, похоже, дромиды и аураниды сосуществуют совершенно мирно, чем где этого нет.— Хью махнул рукой.— На Земле нации никогда не были идентичными. Почему же нам следует ожидать, что на Медее повсюду будет то же самое?

— Однако на Хансонии... вы говорите — война?

— Это лучшее слово, которое я подобрал. О да, ни одна из групп не имеет правительства для выпуска официальных заявлений. Но тот факт, что все больше и больше за последние двадцать лет — по наблюдениям людей, если не раньше — дромиды на этом острове с дьявольским упорством убивают ауранидов. Уничтожают их! Аураниды — пацифисты, но они действительно защищают себя, иногда предпринимая активные действия, вроде засад.— Хью скорчил гримасу.— Я следил за несколькими схватками и исследовал результаты еще большего числа. Мало приятного! Если бы мы в Порт Като могли стать по-

средниками, принесшими мир, что ж, я бы подумал, что одно только это могло бы оправдать присутствие человека на Медее.

Пока он старался воздействовать на нее своей добротой, он не становился лицемерным. Прагматик Хью тем не менее время от времени спрашивал себя, а имеют ли люди право находиться здесь. Разностороннее научное изучение было невозможно без самообеспечивающейся колонии, где был бы минимум людей, большинство из которых не являлись бы учеными. Он, к примеру, был сыном рудокопа и провел большую часть своего детства в глубинке. Верно, предполагалось, что поселения не будут увеличиваться дальше их нынешнего уровня, и самая большая из этих лун была в достаточной степени враждебной, чтобы дальнейший рост поселений казался невозможным. Но... хотя бы просто одним своим присутствием, если ничем другим, земляне уже совершили необратимые воздействия на обе туземные расы.

— Вы не можете спросить у них, почему они сражаются? — удивилась Кризоула.

Хью криво ухмыльнулся.

— О, конечно же, мы можем. Но лишь тогда, когда овладеем местным наречием для повседневного использования. Если не считать того, продвинется ли наше понимание настолько глубоко.

— Послушайте, я специалист по дромидам, она же специалист по ауранидам, и мы оба упорно работаем, стараясь добиться дружеских отношений с отдельными индивидуумами. Это хуже для меня, потому что дромиды не приходят в Порт Като, как аураниды, которые могут появляться в любое время. Они признаются, что обязаны попытаться убить ауранидов... и также сожрать их, кстати, это главный символический акт. Дромиды согласны, что это является оскорблением нашей гостеприимности. Поэтому мне приходится отправляться в их лагерь и хибарки на встречи с ними. Несмотря на эти трудности, она не чувствует, что добилась большего, чем я, прогресса. Мы в равной степени сбиты с толку.

— Что говорят автохроны?

— Ну, оба вида признают, что некогда они жили вместе в дружеских отношениях... немного либо прямо, либо косвенно контактируя, но испытывая значительный интерес друг к другу. Затем, двадцать или тридцать лет

назад, все большему и большему числу дромидов не удавались попытки воспроизводства. Все чаще и чаще отвергнутые сегменты не приходят к соглашению — и умирают. Вожди решили, что аураниды — результат ошибки и должны быть уничтожены.

— Почему?

— Символ веры. Нет оснований полагать, что мне удастся в этом разобраться, однако я предположил мотивацию, вроде желания иметь козлов отпущения. У нас есть патологи, исследующие действительные причины, но, представьте себе, сколь же долго это может занять времени. А тем временем нападения и убийства продолжаются.

Кризоула исследовала пыльную землю.

— Изменились ли в некоторой степени аураниды? Дромиды могли бы затем прийти к заключению *post hoc, propter hoc*.

— Гм-м! — Когда она пояснила, Хью рассмеялся.

— Боюсь, что я не такой уж культурный человек, — начал он. — Скалистые крысы и кустарниковые рейнджеры, среди которых я рос, уважают учебу — мы не выживем на Медее без этого, — но они не требуют, чтобы мы слишком уж наваливались на нее. Я интересовался ксенологией, потому что мальчишкой у меня был друг дромид, и я провел с ним полный цикл, от женского до мужского состояния и до постсексуального. Это захватило мое воображение — жизнь, являющаяся такой экзотической.

Его попытка повернуть разговор на личные каналы не достигла успеха.

— Что сделали аураниды? — потребовала ответа Кризоула.

— О... У них возникла новая... нет, не новая религия. Это подразумевает особую форму жизни. Назовите это новым Путем, новым Дао. Он включает постепенное перемещение на восток вдоль океана, чтобы принять смерть на холодном Дальнем континенте. Каким-то образом это трансцендентально. Пожалуйста, не спрашивайте меня, как и почему. Ни я... ни Ян... не можем понять... почему дромиды полагают столь ужасной вещь то, что делают аураниды. У меня есть несколько догадок, но это просто догадки. Она шутит, что они все — фанатики.

Кризоула кивнула.

— Культурная пропасть. Пусть у современного мате-

риалиста, слегка умеющего сопереживать, оказалась машина времени, и, отправясь он в прошлое в Средние Века на Землю, чтобы попытаться разузнать, что вызвало Крестовый Поход или Джихад, ему бы это показалось бессмысленным. Несомненно, он пришел бы к выводу, что всякий, с кем он общался, псих, и единственный возможный способ достижения мира — полная победа одной из сторон. Что неправильно, как мы знаем сегодня.

Мужчина понял, что эта женщина думает так же, как и его жена. Кризоула продолжила:

— Может быть, именно влияние человечества привело к этим изменениям, возможно, косвенным образом?

— Быть может,— признался он.— Конечно, аураниды распространяются широким фронтом, так что те истории на Хансонии, которые мы смогли перехватить, из вторых-третьих рук, относительно Рая, ведут свое происхождение от людей. Я считаю естественным полагать, что Рай располагается в направлении захода солнца. Никто никогда и не пытался обратить туземцев в нашу веру. Но туземцы время от времени интересуются нашими мыслями. А аураниды — заядливые создатели мифов и могут ухватить суть любой концепции. Они также могут пребывать в состоянии экстаза. Даже перед лицом смерти.

— Между тем дромиды вдруг стали развивать новые воинствующие религии, как я слышал. И тогда здесь, на этом острове, вышло так, что эта новая религия обернулась против ауранидов, не так ли? Трагический поворот... хотя, как мне кажется, и не похожий на гонения на Земле.

— В любом случае нам нельзя помогать, пока у нас не станет побольше информации. Вот этим-то мы с Ян и занимаемся. В основном мы делаем обычные процедуры, полевые исследования, наблюдения, изучения, беседы и так далее. Мы также экспериментируем и со сканером сознания. Сегодня ночью на нем будет опробован наш самый сложный тест.

Кризоула, сидевшая прямо, напряглась:

— Что вы сделаете?

— Вероятно, мы отправим бланк. Вы ведь сами ученыя и знаете, насколько редко бывают настоящие прорывы. Мы только лишь медленно продвигаемся вперед.

Поскольку она ничего не ответила, Хью набрал воздуха в легкие и продолжил:

— Если быть точным, Ян окультуривает «диких» аура-

нидов, а я — «диких» дромидов. Мы убедили их носить миниатюрные передающие сканеры сознания и работаем с ними для развития нашей собственной способности. Не очень-то много мы можем принять и интерпретировать. Наши глаза и уши дают нам намного больше информации. И все же это особенная информация. Дополнительная.

— Настоящий комплект? О, наши туземцы носят устройства размером с кнопку, наклеенные на голову, если можно так сказать в отношении ауранидов. Ячейки сортуго дают энергию. Это устройство передает на радиоволнах сигнал опознания на радиостанцию — микроваттный, но вполне достаточный. Естественно, передатчик данных требует широкой частоты волны, так что он использует ультрафиолетовый луч.

— Что? — Кризоула вздрогнула. — Разве это не опасно для дромидов? Мне говорили, что они, как и большинство животных, должны искать укрытие, когда начинает ярко пылать солнце.

— Этот луч в достаточной степени слаб, также как и в силу энергетических ограничений, — ответил Хью. — Понятно, что у него ограниченный кругозор в несколько километров. Туземцы обоих видов рассказывают нам, что они могут напустить светящийся газ на дорогу. Они даже не описывали это в таких терминах!

— Поэтому я и Ян улетаем на нашем отдельном самолете. Мы парим слишком высоко, чтобы нас заметили, включаем передатчики с помощью сигнала и «настраиваем» на наших индивидуальных субъектов при помощи усилителей и компьютеров. Как я уже говорил, к сегодняшнему дню мы добились крайне слабых результатов — это просто совсем слабый род телепатии. На эту ночь у нас запланирована серьезная попытка, потому что произойдет важная вещь.

Однако се сразу не заинтересовало, что же это такое, вместо этого она спросила:

— А вы пытались посылать сигналы туземцам, вместо того чтобы принимать их?

— Что? Нет, никто. Из-за одной причины: мы не хотим, чтобы они знали, что их сканируют. Весьма вероятно, что это знание повлияло бы на их поведение. И во-вторых, у медеанцев нет ничего похожего на научно-техническую культуру. И сомневаюсь, что они бы смогли понять эту идею.

— В самом деле? Учитывая их высокую скорость метаболизма, я предположу, что они думают быстрее нас.

— Похоже на то, однако мы не можем измерить это, пока не усовершенствуем сканер сознания, когда сможем декодировать устную мысль. Все, что мы до сих пор имеем,— чувствительные впечатления. Возвращайтесь к нам сюда через сто лет, и, возможно, кто-то и сможет поговорить с вами.

Разговор принял такой академический тон, что Хью определенно был обрадован возможности изменить тему, когда появился ауранид. Он узнал этого ауранида, несмотря на то, что она была больше среднего, и шар ее, наполненный водородом, сжался до полных четырех метров в диаметре, отчего сквозь ее мех стала просвечиваться перламутровая кожа. Она казалась такой красивой, когда проплывала над верхушками деревьев, а затем, несомая ветром к ним, опускалась. Цепкие усики, спускавшиеся вниз в самых разных переплетениях, помогали пилоту, плывущему в воздухе, справляться с управлением с помощью струй. Едва ли она заслуживала имя «летающая медуза»... хотя он раньше на Земле, в Португалии, видел снимки военных, и они показались ему красивыми. Он мог симпатизировать привязанности Янники к этой расе.

Он встал.

— Познакомьтесь с местной формой жизни,— сказал он Кризоуле.— Она немного понимает по-английски. Однако не думайте, что сразу же разберетесь в ее произношении. Вероятно, она прибыла к нам, чтобы заключить быструю сделку, а затем присоединиться к своей группе для свершения великих дел сегодняшней ночью.

Женщина встала.

— Сделку? Обмен?

— Ага. Ниаллах отвечает на вопросы, рассказывает легенды, поет песни, демонстрирует воздушную акробатику, все, что мы попросим. А после этого нам приходится расплачиваться с нею музыкой людей. Обычно это Шенберг. Она балдеет от Шенберга.

...Передвигаясь скачками, Эракоум ясно видела Сархауз на фоне Мардудека. Луна убывала, достигая размеров солнца, когда пересекала этот тлеющий свет. Его диск казался карликом рядом с огромным телом позади себя, на

самом же деле, будучи для глаза меньше пятнышка света, который также попадал в поле зрения, его холодный свет до этого был едва заметен, когда он перемещался над одним из поясов, окружавших переливчатой гирляндой Мардудек. В темноте они становились яркими, эти пояса; мыслители вроде йазари подумали бы, что они отбрасывают свет солнц.

На одно мгновение Эракоум была пленена этой картиной, сферами, путешествующими сквозь безграничные пространства, бесконечно кружащимися круг за кругом. Она сама надеялась стать мыслителем. Но этому не случиться в скором времени. Ей еще предстоят вторые роды, второй ее сегмент должен отделиться и нужно будет охранять его, юного, чтобы затем он отправился вперед, и помочь оставшимся позади; а затем она станет женщиной, отцом себя самое... прежде чем таким образом исчезнет нужда и настанет время для успокоения.

Она припомнила удар боли, каким сопровождалась первые роды. Некоторое время сегмент от слабости спотыкался, пока не свалился вниз и не умер, как это случалось со многими. Летуны принесли это проклятие. Им пришлось это сделать, как и предсказывало Пророчество Иллдаменов. Их новый путь лежал на запад, когда они состаривались, и никто никогда не возвращался; вместо захоронения и разложения в земле, как призывал Мардудек, конечно же, раздражая Рыжего Смотрителя. На народ легла задача отплатить за этот грех против естественного порядка вещей. Доказательство состояло в том, что женщины, которые убивали и поедали Летунов после этого, перед родами всегда отбрасывали сегменты, которые приносили выживавшее затем потомство.

Эракоум поклялась, что сегодня вечером она станет такой женщиной.

Она остановилась, чтобы выдохнуть воздух и осмотреть местность. Фьорд окамляли обрывы, и воды в нем были более спокойные, чем в море, сверкающие от лучей солнца с востока. Темный участок земли указывал на массу летящей сорной травы. Могут ли это быть растения того вида, от которого отпочковались Летуны в их отвратительном детстве? Эракоум не могла сказать это на таком расстоянии. Иногда доблестные члены ее расы рисковали отправиться на бревнах в попытке достичь этих мест, чтобы уничтожить их; но они заканчивались неудачно, и часто тонули в этих громадных волнах.

Запад вставал неровной полосой усеянных лесами холмов в тех местах, где воцарялась тьма. На фоне их теней на земле танцевали, вспыхивая, искорки золота, тысячами... миллионами. Это были крохотные клещи-огневки. Через более чем сто дней и ночей появятся первые яйца, затем черви, и они глубоко закопаются в лесную почву. Сейчас Сархауз проходил мимо Мардудека тем путем, который загадочным образом зывал к ним. Они выбирались на поверхность, распрямляли крылья, которые вырастали у них, а затем взлетали ввысь, сверкая, чтобы дать потомство.

Когда-то это значило для Народа не более, чем просто приятное зрелище. Затем возникла нужда — убивать Летунов... и Летуны собирались ордами, чтобы накормить другие рои. Низко зависнув в безмятежности, они становились еще более уязвимыми к различного рода неожиданностям, чем обычно. Эракоум подняла копьё с обсидиановым наконечником. Еще пять было у нее за спиной. Несколько из их числа осталось на весь день устраивать гнезда и западни, но она полагала это непрактичным; схватка с Летунами не походила на обычную с крылатыми созданиями. Как бы то ни было, она хотела метнуть копьё, сбить вниз жертву, самой погрузить когти в ее тонкую плоть!

Вокруг шептала ночь. Ее опьяняли запахи почвы, цветения, гнили, нектара, крови, борьбы. Тепло от Мардудека струилось сквозь холодный бриз, омывая ее кожу. Частично промелькнувшие быстро перемещающиеся фигуры, частично слышимые по звукам шуршания кустарника, были ее товарищами. Они не собирались в одну компанию, а следовали курсом, который каждый считал для себя подходящим, но находясь в более-менее достаточной близости, чтобы расслышать сигнал свиста, который подал бы тот, кто первым заметит либо убьет Летуна.

Эракоум дальше всех отделилась от ближайшего товарища.

Остальные опасались, что луч света, устремлявшийся вверх от небольшой пластины на ее голове, отпугнет их. Она же считала это невероятным — таким слабым был этот голубоватый свет. Человек по имени Хью хорошо заплатил ей торговыми вещами, чтобы она несла на себе этот талисман, когда он ей скажет, а затем обсуждать с ним ее ощущения. С ее же стороны она чувствовала смутное нервное возбуждение в такие моменты, ни на что в мире не похожее, и к ней приходили знания как бы во сне, но более реальные. Эти

приобретения стоили легкого затруднения в моменты охоты... даже в сегодняшней.

Более того — было нечто, о чем она не рассказывала Хью, потому что он не говорил с ней раньше. Как раз о том, что она узнала от этой сверкающей пластинки. У одного Летуна была такая же, и он также находился в таинственном контакте с человеком.

Эти большие гротескные существа были по-честному нейтральны в борьбе Народа и Летунов. Эракоум не обвиняла их за это. Здесь не было их дома, и нельзя было предполагать, что их заботит, станет или нет местность тут обитаемой и безлюдной. И все же она практически сделала заключение, что они попытаются сохранить в своем убежище равные тесные отношения с членами обоих племен.

Если Хью так жаждет, чтобы она всей душой была связана с ним этой ночью, несомненно, второй человек желает того же самого и с Летуном. С каким наслаждением она прикончила бы этого Летуна. Кроме того, ее могли заметить, когда она путешествовала в бледном свете среди огневок и звезд, и таким образом привести к себе целую группу врагов. Отдохнув, она потрусила вперед в глубь острова.

Эракоум охотилась...

Янника Резек испытывала постоянную ностальгию к Земле, где она никогда не жила.

Ее родители были политическими противниками правительства Данубианской Федерации. Оно проинформировало их, что им нет нужды менять свои взгляды, если они желают представлять свою страну в составе людей, отправляющихся следующим рейсом на Медею. Едва ли у них был выбор. Тем не менее отец сказал ей впоследствии, что его последней мыслью перед погружением в бесчувственное состояние была ирония, что, когда он пробудится, никого из его судей не будет в живых и никто не вспомнит, каковы были его суждения, никого это не будет заботить. Как бы то ни было, он понимал, что больше его целью жизни не будет борьба с Данубианской Федерацией.

Это правило оставалось в силе: никто, за исключением экипажей кораблей, не отправлялся в обратном направлении. Путешествие было слишком дорогим, чтобы доставить пассажира на Землю, где бы он стал бесполезным, никому не нужным отверженным из давно минувшей исто-

рии. Муж и жена стали заниматься тем, чем они могли принести максимальную пользу в своей ссылке. Поскольку они оба были физиками, их с радостью приняли в Армстронге и его сельской глубинке. По самым скромным стандартам Медеи они преуспевали, добившись в конце концов редкой привилегии. Уровень населения людей был установлен законом. Больше количество населения переполнило бы ограниченные районы, подходящие для устройства поселений, так же, как привело бы к опустошению среды, ради изучения которой и существовала колония. Для уравнивания неудач в воспроизводстве рода нескольким парам в поколении разрешалось иметь трех детей. И семья Янники была в их числе.

Таким образом каждый, включая волей-неволей и ее самое, считал, что у нее было счастливое детство. Также как и высокоцивилизованное. На молекулярных катушках, хранимых в Центре, была записана основная часть всей культуры человечества. Наконец промышленность в достаточной мере развилась, так что преуспевающие семьи могли иметь устройства, которые воспроизводили по желанию мельчайшие голографические и стереографические детали. Ее родители воспользовались этим преимуществом, чтобы успокоить чувство ностальгии, никогда не задумываясь, что оно могло сделать с более молодыми сердцами. Янника выросла среди живописных привидений, старые башни Праги, весна в Бёхмервальде, Рождество в деревне, которой едва лишь коснулись века, концертный зал, в котором гремела блистательная музыка, восхищающая празднично разодетую публику, численность которой превышала население жителей в Армстронге, повтор событий, потрясших Землю, песни, поэмы, книги, легенды, сказки... Иногда она спрашивала себя, а не потому ли она стала ксенологом, что аураниды были изящными, сообразительными волшебными существами из сказок.

Сегодня, когда Хью ушел с Кризоулой наружу, она некоторое время постояла, глядя им вслед. Внезапно комната словно сдавила ее в попытке задушить. Она сделала, что было в ее силах, чтобы хоть в некоторой степени украсить комнату гардинами, картинами, памятными подарками. Сейчас однако в ней были разбросаны полевые принадлежности — а она ненавидела беспорядок. Его же не беспокоило ничто.

И вновь возник вопрос: а вообще, беспокоит ли это его,

хотя бы немного? Конечно, они были влюблены, когда поженились, но даже тогда она понимала, что в большей степени эта женитьба — по расчету. Оба они получили назначение на пограничную станцию, где были наибольшие возможности проводить настоящие, действительно представляющие ценность исследования. Женатым парам отдавалось предпочтение, следуя теории, что они будут меньше отврываться от своей работы, чем холостяки. Когда у них появились первые дети, их, как было принято, перевели в город.

Относительно этого она и Хью устраивали стычки. Общественное давление — оценки, намеки, вызывавшее замешательство уклонение от обсуждения вопросов секса — действовало на них. Из-за ограничений в уровне населения было желательно поддерживать резерв генов как можно большим. Она недавно вошла в возраст материнства. Он был более, чем усердным. Но считал сам собой разумеющимся, что ОН продолжит полевые исследования...

Она не должна была бранить его, когда он вернулся со свидания с женщиной. Янника слишком часто выходила из себя в эти дни, став совсем невыносимой, и он либо выбегал из их лачуги, либо хватался за виски и начинал пьянствовать. Он не был таким уж плохим — в сущности своей, это был добрый человек, нерассудительный во многих отношениях, но здравомыслящий. В жизни ей, наверно, не упадет ничего лучшего.

Хотя... Она почувствовала жар на своих щеках, сделала жест, словно чтобы очистить память, но ей этого не удалось. Это случилось два дня назад.

Узнав от А'и'ачаа насчет Сияющей Поры, она захотела собрать образцы личинок светлячков. До этого люди только и знали, что взрослые насекомые, взлетая вверх, собирались одним роем приблизительно раз в год. Если это было так важно для жителей Хансонии, ей следовало бы узнать побольше. Самой наблюдать, воспользоваться помощью биологов, экологов, химиков... Она спросила у Пита Мараиса, куда пойти, и тот предложил отправиться вместе с ним.

— Такая мысль должна была прийти мне в голову раньше, — сказал он. — Живя в гумусе, черви должны влиять на рост растений.

Нужна была более влажная почва, чем та, что была в

районе Порта Като. Они отправились за несколько километров к озеру. Идти было легко по глубокой листве, опавшей с произрастающего тут кустарника. Мягко звучали приглушаемые шаги, деревья образовывали гнефы с высокими арками, двойные лучи, проникая сквозь сумрак, падали пятнышками на землю, на короткий миг показывались крылья и слышались звуки, как от лиры.

— Как восхитительно! — воскликнул Пит через некоторое время.

Он глядел на нее, а не вперед. Она вдруг осознала, как же красив этот блондин. И он юн, напомнила она себе: младше ее почти на десять лет, однако уже зрелый, рассудительный, получивший образование, полностью сформировавшийся мужчина.

— Да,— пробормотала она.— Жаль, что я раньше этого не оценила.

— Это не Земля,— подчеркнул он.

Она поняла, что ее ответ был менее уклончив, чем она хотела.

— Я не желела себя,— быстро произнесла На.— Пожалуйста, не думай так. Я действительно вижу красоту здесь, и восхищение, свободу, о да, мы счастливы на Медее.— Она попыталась рассмеяться: — Ну, на Земле, что бы я сделала для ауранидов?

— Ты любишь их, разве не так? — печально спросил он. Она кивнула. Пит положил руку на ее голое плечо.— Ты очень сильно привязалась к ним, Янника.

Она предприняла несмелую попытку посмотреть на себя его глазами. Средних размеров, с фигурой, как она знала, ошеломляющей; темные волосы достигают плеч, с проблесками седины, и она желала, чтобы Хью считал бы их преждевременными; высокие скулы, нос с горбинкой, острый подбородок, огромные карие глаза, спортивная комплекция. И все-таки, несмотря на то, что Пит был холостяком, кое-кому, кто имел привлекательную внешность, не стоило впадать в отчаяние, он мог встречаться с девушками в городе и поддерживать это знакомство, используя голоком. Он не должен был в этом отношении заглядываться на нее. А она не должна была отвечать. Правда, несколько раз она встречалась с другими мужчинами, до замужества и после него. Но никогда в Порт Като — слишком велика вероятность осложнений, да и сама она приходила в ярость, когда Хью заигрывал с мест-

ными девушками. И что еще хуже, она подозревала, что Пит видит в ней больше, чем просто партнера в потехах. И это могло привести к разрыву.

— Посмотри,— произнесла она со вздохом и, вырвавшись из его объятий, указала на группу семенных пирамид. Между тем ее мозг занимался поисками спасения: — Я совсем забыла, я же хотела сообщить тебе, что сегодня мне позвонил профессор Аль-Га-зи. Мы думаем, что обнаружили, что приводит к метаморфозе светлячков и их роению.

— Да? — произнес он, еще не понимая. — Я не думал, что кто-нибудь занимается этой проблемой.

— Ну, эта идея возникла в моей голове после того, как мой ауранид поведал мне про них. Он, то есть А'и'ач, сказал мне, что эта пора наступает не точно по сезонам — в этом нет необходимости, здесь, в тропиках,— но из-за Язона-луны,— добавила она, потому что это имя, которое люди дали самому ближайшему из огромных спутников, напоминало слово, адаптированное людьми, которое дали дромиды в районе Энрике аналогу ветра сирокко на Земле.

— Он утверждает, что метаморфозы происходят во время особенного перемещения Язона мимо Арго,— продолжила Янника.— По грубым подсчетам, каждые четыреста дней. Если быть точнее, эта цифра составляет сто двадцать семь медеанских дней, плюс-минус один-два. Местные туземцы гораздо лучше разбираются в небесных телах, чем жители где-либо в других местах. Аураниды устраивают празднества, собираясь огромной толпой; они обнаружили, что светлячки — просто деликатес, ну и это натолкнуло меня на мысль, и я позвонила в Центр, затребовав астрономические расчеты. Похоже, что я оказалась права.

— Сигналы из космоса, влияющие на подземных червей! — воскликнул Мараис.

— Ну, ты, несомненно, помнишь, что Язон возбуждает электрическую активность в атмосфере Арго, наподобие того, как Ио с Юпитером... — «В Солнечной системе, где на Земле находится ее Родина!» — В этом случае возникает эффект излучения на одной из радиочастот, нечто вроде естественного мазера. Поэтому эти волны способны достигать Медеи, только когда эти две луны находятся на одной линии точек пересечения орбит. И это именно тот

период, который и описал мой приятель. И та же самая фаза.

— Но могут ли черви замечать такой слабый сигнал?

— Думаю, что это очевидно. Каким образом — я не могу ответить без помощи специалистов. Однако не забывай, что Фрикс и Хелл создают небольшую интерференцию. Организмы могут быть фантастически чувствительны. Ты ведь знал, что для активации зрительного нерва в твоём глазу достаточно всего лишь пяти фотонов? Я предполагаю, что волны от Арго пронизывают почву на несколько километров в глубину, и от этого затем начинается цепь биохимических реакций. Несомненно, это эволюционное наследие с тех времен, когда орбиты Язона и Медеи точно соответствовали сезонным изменениям. Ты же знаешь, что пертурбации продолжают изменять движения этих лун.

Он на некоторое время замолк, прежде чем произнес:

— Я действительно знаю, ты — самая необычная личность, Янника.

У нее хватило умения контролировать течение их беседы, пока они не достигли озера. Там на мгновение она вновь ощутила себя взволнованной.

Заросли камыша закрывали озеро, пока они не прошли сквозь них, и не остановились на пляже, покрытом похожим на мох янтарного цвета торфом. Нетронутые человеком в своей лесной чаще воды пенились, пузырились, обдавая их запахами. Вид мягких цветов и запахи живых существ не были неприятными — обычные для Медеи — совсем как чистая и серебристо-синяя Ньюсидлеровская Епархия, блеставшая красотой на Данубии. Сквозь ее зубы с шипением вырвался воздух.

— Что-то случилось? — Пит последовал за ее взглядом. — Дромиды?

Невдалеке показалась группа дромидов, направлявшаяся пить воды. Янника пристально рассматривала их, словно никогда прежде не видела эту расу.

Самая ближайшая была молодой, вероятно, девственницей, поскольку у нее было шесть ног. От изящного, с длинным хвостом тела вздымался торс с двумя руками, со странной лисьей головой, достигая уровня груди Янники. Кожа ее блестела иссиня-черным цветом под лучами солнца — Арго скрылся за деревьями.

Четырехногая тройка матерей следила за восемью дете-

нышами, шедшими между ними. Судя по размерам одной из групп молодых, у их родительницы вскоре снова будет овуляция, произойдет зачатие в результате спаривания, вскоре после этого отделится ее второй сегмент, и нужно будет ухаживать за ним, пока не произойдут роды. Другой член этой группы был на той стадии, когда передвигаются уже на двух ногах, больше не являясь функционально женщиной, но уже с мужскими половыми признаками, правда, еще недоразвитыми.

Тут не было ни одного мужчины зрелого возраста. Эти создания были слишком гонимыми, похотливыми, нетерпеливыми и жестокими, чтобы жить в обществе. Здесь было три постсексуальных существа, уже покрытых сединой, но сильных, способных себя защитить, двигавшихся быстро на двух ногах по стандартам людей, однако едва ли сравнимых с легкой подвижностью их попутчиков.

Все взрослые были вооружены копьями эпохи каменного века, топориками и кинжалами и в дополнение имели плотоядные зубы в челюстях.

Едва только Янника увидела их, как они ушли, но не из-за страха, а потому что они были медеанскими животными, чья химия и рефлексy были более быстрыми, чем у нее.

— Дромида, — выкрикнула она.

Пит внимательно изучал ее некоторое время, прежде чем тихо произнес:

— Они преследуют твоих милых ауранидов. Ты говоришь мне, что сегодня ночью будет еще хуже, чем всегда, когда станут подниматься вверх светлячки. Но ты не должна ненавидеть их. Это их трагедия.

— Да, проблема стерильности, конечно. Почему они должны скидывать вниз ауранидов? — Она ударила кулаком по ладони. — Давай-ка начнем работать и соберем образцы, затем отправимся домой, пожалуйста.

Он полностью понимал ее.

Она выбросила все из памяти и снова погрузилась в приготовление к сегодняшней ночи.

Хью Броккет и его жена расстались через некоторое время после захода солнца. Их флиттеры тихо взлетели и набрали среднюю высоту, с минуту покружились, пока пилоты определяли курс и обменивались прощальными

приветствиями. Для наблюдателя снизу в последних лучах заходящего Колчиса они бы показались двумя слезинками.

— Доброй охоты, Ян!

— Гм-м! Не говори этого.

— Прости,— холодно извинился он и выключил передатчик.

Конечно, это было нетактично с его стороны, но почему же она должна быть такой недотрогой?!

Ничего. Ему предстоит еще много работы. Эракоум обещала, что в этот час она будет находиться на Утесах Разбитых Кораблей, потому что ее группа собиралась держать путь на север вдоль побережья из их лагеря прежде, чем повернуть внутрь континента. Вскоре он должен будет попасть в зону действия ее передатчика. Самолет Янники уменьшался в поле его зрения, направляясь на ее собственные поиски, Хью установил инерциального автопилота и откинулся на ремни безопасности, занявшись еще одной проверкой приборов. Делал это он механически, поскольку знал совершенно точно, что все было в порядке.

Небесный свод давал огромную перспективу. Внизу находились холмы среди колоссальных пятен теней, то тут, то там пересекаемых серебристой нитью, которой была река либо же вздымавшиеся вверх пропасти и крутые откосы. Полусфера — Кольцевой океан — заливал восточный горизонт серебристым светом. На западе в небесах еще были видны следы двойного солнца. А над головой — фиолетовая темнота, и все больше появлялось звезд — с каждым ударом сердца. Он увидел две луны, достаточно близко, чтобы видеть их освещенные ржаво-белые диски с двух сторон, он узнавал и другие, которые для глаза были просто яркими точками — по их положению, когда начинался их дозорный путь среди созвездий. Ниже над морем тлел Арго... нет, сиял, потому что его облака заливал дневной свет, и полосы сияния разбрасывались над темно-красным. Язон нависал совсем близко, с угловым диаметром, превосходившим двадцать угловых минут, и тем не менее у Хью возникли затруднения в обнаружении его среди этого сияния.

В поле зрения возник берег. Он активировал детектор и начал планировать. Индикаторная лампа вспыхнула зеленым — есть контакт. Он поднял самолет повыше, до трех километров. Частично это было вызвано тем, что он должен был сконцентрироваться на мозговом контакте и ему

нужно было достаточно пространства, чтобы не совершить ошибки при пилотировании; частично — для того чтобы держаться вне пределов видимости и слышимости для туземцев, чтобы его присутствие не влияло на их действия. Установив контакт, он приладил себе на голову приемный шлем — он весил не слишком много — и включил его. Передающий, усиливающий, трансформирующий, смешивающий события жизни Эракоума с его собственными, как и нервную систему.

Никоим образом он не запрашивал сознание дромида. Передача и трансляция были отнюдь не примитивными. Вся свою сознательную жизнь он проводил в попытках добиться возникновения удовлетворительного чувства товарищества с существами иных видов, после долгого терпеливого общения с отдельными индивидуумами обоих видов он едва только начал интерпретировать информацию, которую собирал. Скорость мыслительных процессов туземцев не столько помогала — из-за повторов — сколько была дополнительной помехой. Используя грубую аналогию, представьте себе, что пытаетесь уследить за быстрым и почти неслышимым разговором, пропуская множество слов, на языке, которым вы не вполне владеете. В самом деле, ничто из того, что воспринимал Хью, являлось не словесным, а зрительным, звуковым комплексом чувств, включая внутренние, вроде чувства равновесия и голода, и смутные намеки на чувства, которыми, как думал Хью, он не обладал.

Он видел проносящуюся под ним землю, кустарники, склоны, звезды и луны поверх острых горных краёв; он ощущал их разнящиеся контуры и строение, как стопы при ходьбе; он слышал их многочисленные глухие шумы; чуял их богатство; впечатлений было множество, большей частью слабые и мимолетные, но отдельные, самые сильные и могучие, отрывали его от себя, бросая вниз на землю к одиночеству находящегося там, внизу, существа.

Самой ясной эмоцией, поскольку его glands таким образом стимулировались, была решимость. Эракоум там, снаружи, охотилась на Летуна.

Будет долгая ночь, вполне возможно, мучительная. Хью подумал, что ему нужно хоть чуть-чуть поспать. Люди никогда не отходили от древних ритмов Земли. Дромиды спали немного; аураниды становились же... грезящими наяву?... созерцающими?

Как это часто бывало раньше, мельком спросил он себя, на что же похожа связь Ян с ее туземкой. Они никогда не были в состоянии описать их разделение друг от друга.

* * *

Поднявшись на холмы, Рой А'и'ача обнаружил замечательный урожай звезднокрылых. На этих высотах менее густо росли леса, чем в низинах, что было хорошо, поскольку эта полная оптимизма добыча никогда не взлетает далеко ввысь, а внизу, в лесной кроне, Народ был уязвим перед атакой Зверей. Тут было вполне достаточно открытой местности, покрытой торфом вместе с разбросанными валунами среди темнеющего леса. Узкий овраг пересекал самую большую из этих прогалин, прореха на границе тьмы.

Напоминая бесконечный поток искр, звезднокрылые танцевали, стремительно носились, петляли и невозможно было их подсчитать, что означало, что никто не спасется в экстазе их спаривания, когда Народ начнет поедать их. Несмотря на слабость, А'и'ач мог сопротивляться, как и любой другой. Но он все же удержался от поспешного выпуска газа для спуска вниз, как поступали многие. Это замедлило бы подъем. Вместо этого он сжал свой шар и начал опускаться, позволяя ему слегка наполняться, как того требовала изменяющаяся плотность воздуха. Для передвижения он не выпускал газ. Он в ритм ветру ритмично качал воздух через свой сифон, делая развороты на низкой скорости. А'и'ач увидел, как копье пронзило шар, соседний с ним. Хлынула кровь, зашипел газ, вырываясь наружу, и, как оторванный листочек, съездившийся шар рухнул вниз. Усики еще корчились, когда Зверь набросился на него, разрывая когтями пополам.

В этой давке и хаосе он не мог знать, сколько еще погибло. Намного больше бежало, поднявшись выше пределов достижимости метательных средств. Те, у кого было оружие, начали бросать свои камни и ю-суки. Хотя вряд ли, чтобы кто-то убил даже одного Зверя.

А'и'ач расслабил мышцы в своем шаре и тут же стрелой вознесся вверх. В безопасности он мог присоединиться к остальному Рою и отправиться на поиски другого места

для возобновления празднества. Но ярость и печаль были слишком сильны. Отдаленная часть его удивилась этому — Народ не сильно беспокоила смерть отдельной Личности. Та штукавина, что была на нем, каким-то образом шептала загадки...

И у него был нож!

Безрассудно выпустив газ, он развернулся и ринулся вниз.

Большая часть Зверей скрылась в лесу. Но несколько осталось, пожирая убитых. Он начал кружить над высокой почти на границе благоразумия, выискивая свой шанс. Поскольку он не мог падать как скала, он должен был сделать вид, что атакует одного, а затем быстро наброситься на другого, нанести удар, взмыть вверх и вновь наброситься.

В его сторону ударил тусклый луч света. Он исходил с головы Зверя, появившегося из тени, приостановившегося и взиравшего вверх.

Его воля была направлена прямо на А'и'ача. Это было чудовище, находившееся в такой же, как и он, связи с людьми. Если ввиду этого у него уже был нож, что же могло тогда быть у этого существа, что же оно могло получить, чтобы причинить ему больший вред? Если ничего более, то убийство его должно шокировать его спутников и заставить задуматься относительно их убийственной жестокости.

А'и'ач бросился сражаться. А над ним счастливо танцевали и спаривались звезднокрылые.

* * *

Яннике пришлось с час провести в поисках, прежде чем она установила контакт. Ауранид не могла гарантировать, что будет на том же месте в нужное время. Когда она укрепляла передатчик на нем, просто пришло сообщение что его группа в данное время находится в окрестностях горы Мак-Дональд. Она полетела туда и бросилась в сгущающуюся темноту, пока ее индикатор не зажегся зеленым светом. Установив связь, она поднялась на высоту трех километров и установила автопилот на совершение медленных кружений. Время от времени, пока предмет ее

исследования продвигался на северо-восток, она перемещалась к центру своего пути.

Сама же она занималась попытками связи с ауранидом. Конечно, стать им полностью невозможно, но при этом она училась тому, что никогда бы не пришло к ней, используя она только слова языка. Ответы на такие вопросы, задать которые она сама никогда не додумалась бы. Родственники, вера, музыка, поэзия, воздушный балет — она не смогла бы узнать, для чего они нужны, наблюдая за этим со стороны. Дальше, в глубине самой себя, чувства более смутные, но и более мощные... ни о чем подобном она не смогла бы написать в своих научных отчетах; чувство восхищения, желания, ветра, сияния, запахов, облаков, дождя, огромных расстояний, чувство того, что должны были ощущать жители Рая. Не совершенных, нет — несколько таинственных проблесков, которые трудно впоследствии припомнить; и все же забирающих ее вне себя в новый мир, озаренный чудом.

Нервное возбуждение удвоило сегодняшней ночью волнение А'и'ача.

Никогда еще выражение того, что она испытывала, не были столь сильны и резки. Она плыла в воздушных потоках, запахи жизни и песни овладели ею, она была каплей в океане Под Руии всемогущего, и нет дома, в котором царствует скука безнадёги, потому что повсюду был дом.

Рой наконец появился в облаке светлячков, и космос Янники обезумел.

На мгновение, в полужужасе, она начала было отключать свой шлем. Но затем ею овладело благоразумие. То, что случилось, было просто продлением того, в чем она уже принимала участие. Аураниды обычно редко съедали столько много пищи — когда они так делали, наступал опьяняющий эффект. Она также ощущала их сексуальность, мужественность А'и'ача была слишком неземной, чтобы беспокоить ее, как и женственность его дромиды беспокоила Хью, когда она спаривалась, и позже, когда отделился ее зад. Сегодня ночью аураниды замечательно повеселились.

Она поддалась на это, крещендо за крещендо, охая, если бы только у нее был тут мужчина, но нет, было бы по-другому, это запятнало бы священную красоту, Обещание, Обещание!

А затем появились Звери. Нахлынул ужас. Где-то странный голос пронзительно зывал отомстить за ее разрушенное блаженство.

...Передвигаясь трусцой по лишенному растительности гребню горы, Эракоум показалось — и ее сердце екнуло — она увидела вдалеке слабый голубой луч света в воздухе. Она не могла быть уверена в этом сияющем свете Мардудека, но в надежде она изменила направление движения. Пока она долгое время карабкалась среди камней и шипов, это сияние исчезло. Должно быть, это была причуда ночи, возможно, сияние луны в поднимающемся тумане. Этот вывод все равно не успокоил ее гнева. Все вокруг этих Летунов было несчастливим!

Из-за этого она и отстала от остальных членов ее группы.

И о начале стычки она узнала по их пронзительным воплям. «Эге-гей! Эге-гей! Эге-гей!» — раздавалось повсюду эхо, и она зарычала в замешательстве. Конечно, она прибудет слишком поздно, чтобы убивать. Тем не менее она запрыгала в том направлении. Если Летунов не подхватит добрый ветер, она сможет догнать их и следовать за ними от одного укрытия до другого, невидимая. Возможно, они не пойдут дальше возможностей ее сил, наткнувшись раньше на новый рой огневок, и спустятся снова вниз.

В ее глотку хлынул воздух, а по стопам незримыми скалами ударил склон холма, но страстное желание не покидало ее, пока она не достигла того места.

Это была прогалина, ярко освещенная, однако пересекавшаяся тенями, наполовину разрезанная небольшим оврагом. Огневки кружились вокруг на фоне лесного сумрака, похожие на сияющее облако пыли. Несколько женских существ ползли по торфу и разрывали остатки их добычи. Остальные ушли, чтобы выследить сбежавших Летунов, как и задумывала Эракоум.

Она остановилась на краю прогалины, чтобы отдышаться, затем посмотрела вверх и застыла. Летуны одной огромной массой медленно и хаотически устремлялись на запад, но несколько задержались и бросали вниз свое жалкое оружие. С верхушки одного из них вверх устремлялся смутный свет. Она нашла то, что искала.

— Эге-гей! — пронзительно закричала она и прыгнула

вперед, размахивая копьем.— Ну же, носитель зла, приди и погибни! Клянусь твоей кровью, ты послужишь для следующего зачатия во мне жизни, которую отнял ты у меня в первый раз!

Удивления не было, лишь предопределение, когда жуткая фигура спикировала по спирали, приближаясь к ней. Этой ночью будет уничтожено больше половины их численности. Она, Эракоум, охваченная Силой, стала инструментом в руках Провидения.

Согнувшись, она бросила копьё. Эта попытка отдалась волной по ее мышцам. Она увидела, как оно полетело прямо, словно несомое дьяволом... но ее враг изогнулся, и оно пролетело мимо него на расстоянии с палец, а затем, почти тут же, он оказался прямо перед ней.

Они никогда так не поступали! Что это такое блесит в его волосатой лапе?

Эракоум схватилась за новое копьё за ее спиной. Предполагалось, что каждый узелок в ее веревках поддастся от толчка, но в этот раз случилась зацепка, и ей пришлось еще раз дернуть, а тем временем ее враг принимал еще более угрожающие размеры. Она узнала то, что он держал, этот сделанный людьми нож, острый, как только что выкованный обсидиановый клинок, но более тонкий и сильный. Она вновь дернула. Теперь ее копьё освободилось. Но не было уже возможности размахнуться для броска. Она сделала выпад.

С безумным ликованием она следила за наносимым ударом в голову. Летун метнулся в сторону, прежде чем копьё смогло пронзить его, но кровь, смешанная с газом, пеной заструилась в смутном свете из дыры в его бледной оболочке.

Он устремился вперед, проникнув внутрь ее защиты. Нож ударял и ударял. Эракоум чувствовала эти колющие удары, но боли еще не было. Она обронила копьё, принявшись бить руками, и резко свела скулы вместе. Зубы погрузились в плоть. Через ее рот и дальше вниз по горлу струился поток силы.

Внезапно земля исчезла из-под ее ног. Она перевернулась, прижимаясь щиколотками и руками, чтобы удержаться, но ей это не удалось, и она опрокинулась. Ударившись о склон оврага, покатила вниз по жестким корягам. На мгновение над ней промелькнуло небо, звезды, и огневки, Мардук, освещавший Летуна, неторопливо

парившего и кровоточащего. Затем она провалилась в небытие.

Люди в Порт Като интересовались, что заставило Яннику Резек и Хью вернуться так рано, такими потрясенными. Они избегали отвечать на вопросы и поспешили к себе. Захлопнулась дверь. А минуту спустя позакрывали и окна.

Некоторое время они пристально разглядывали друг друга. В знакомой комнате больше не ощущалось комфорта. Освещение, предназначенное для человеческих глаз, было резким, воздух, не смешанный с лесным, казался безжизненным, слабые шумы из поселка снаружи заглушались тишиной внутри.

Наконец Хью машинально покачал головой и отвернулся от нее.

— Эракоум ушла,— пролепетал он.— Как мне это теперь понимать?

— Ты уверен? — прошептала Янника.

— Я... я почувствовал, что ее разум закрылся... чертовски рядом, словно это был удар по моему собственному черепу... но ты так суежилась со своим драгоценным ауранидом...

— А'и'ач был РАНЕН. Его народу ничего не известно о лекарствах. Если бы ты не бесновался, пока я решала, должна ли я поговорить с тобой по пути домой, до того как ты разбил свой флиттер...

Янника внезапно замолкла, с трудом проглотила комок в горле, разжала кулаки и лишь тогда смогла снова продолжить:

— Ладно, сделанного не воротишь. Так что давай попытаемся обсудить случившееся разумно и понять, что же произошло и как остановить подобный ужас, случись он вновь?

— Да, конечно.— Он подошел к бару.— Хочешь выпить? — предложил он.

Она раздумывала несколько секунд.

— Вина.

Он принес стакан. В правой руке у него был зажат другой стакан с неразбавленным виски, и он тут же принялся за него.

— Я чувствовал, что Эракоум умирает,— сказал он.

Янника взяла стул.

— Да, и я чувствовала, что А'и'ач получил раны, которые могут оказаться смертельными. Присаживайся, пожалуйста.

Хью так и сделал, тяжело присев напротив нее. Янника пила небольшими глотками, он же выпил все одним залпом. Новоприбывшие на Медею всегда предпочитали вино и очищенный спирт, заметно отличавшиеся по вкусу от пищи. Поэт сделал этот факт отправной точкой для пробирающей дрожь поэмы об изоляции. Ее отправили на Землю вместе с другими сообщениями, и через столетие пришел ответ, когда никто уже не мог и представить себе, что же такого колонисты видели в этом.

Хью пожал плечами.

— Ладно,— произнес он хмуро.— Нам следует сравнить записи, прежде чем они станут забываться, а завтра можно повторить, когда у нас будет возможность поразмыслить.— Он потянулся к записывающему устройству и щелчком включил его. Когда Хью произносил контрольную идентификационную фразу, тон его оставался хмурым.

— Это лучше всего для нас обоих,— напомнила Янника ему.— Работа, логические размышления, то, что удерживает от кошмаров.

— И это было совершенно... хорошо! — чуть решительнее произнес он.— Давай попытаемся реконструировать случившееся.

— Аураниды отправились вслед за светлячками, а дромиды — вслед за ауранидами. Ты со мной оказался свидетелем столкновения. Конечно, мы надеялись, что не окажемся... полагаю, ты молился на это, а?... Однако мы знали, что здесь во многих местах царит гостеприимство. И шок, от которого нам повышибало мозги, случился из-за того, что наши личные туземцы сошлись в схватке, будучи на связи с нами.

Янника прикусила губу.

— И, что еще хуже,— продолжила она,— они искали ее, оба. Это было вовсе не случайное столкновение, это была дуэль.— Она подняла глаза.— Ты никогда не говорил Эракоум, либо другому дромиду, что мы также связаны с ауранидом, не так ли?

— Да, конечно, не говорил. Как и ты ничего не говорила своему аураниду насчет моей связи. Мы оба хорошо

понимаем, что бы означало оглашение подобного для нашей программы исследований.

— И у остальной части персонала станции слишком ограниченный объем словарного запаса, на обоих языках. Очень хорошо. Но я могу рассказать тебе, что знал А'и'ач. Я не осознавала, что он делает, пока не началась драка. А затем он проник в переднюю часть своего мозга, заорал на меня, не словесно, но в этом нельзя было ошибиться.

— Давай признаемся, чего же мы не хотим, мой дорогой. Мы являлись не просто приемниками от наших туземцев. Мы были и передатчиками с обратной связью.

Он поднял бесполезный кулак.

— Что, черт побери, могло передавать обратное сообщение?

— Радиолучи, с их помощью мы связывались с нашими объектами наблюдения. Индуцированная модуляция. Мы знаем о подобном из примера с личинками светлячков... и, несомненно, есть и другие примеры, о которых мы никогда и не слышали... как можем мы знать все о целом мире? Мы знаем, что медеанские организмы могут быть чрезвычайно чувствительны к радио...

— М-м-м, да, ужасающая скорость медеанских животных, основные молекулы, которые более неустойчивы, чем аналогичные соединения в нас... Эй, подожди-ка! И Эракоум, и А'и'ач лишь поверхностно понимают английский. И, разумеется, ни слова на чешском, на котором, как я понял, ты думаешь. Кроме того, припомни все попытки, которые мы предпринимали, чтобы склонить их к сотрудничеству, несмотря на все, что мы узнали на материке. У них не было причин делать то же самое, ибо у них нет представлений о научной методике. Конечно, они полагали, что это только причуда или же какая-то магия либо что-то иное, что заставляло нас хотеть, чтобы они носили с собой эти предметы.

Янника пожала плечами.

— Возможно, когда мы находились с ними на связи, то мыслили в основном на их языках, даже не задумываясь над этим. И оба вида медеан думают быстрее людей, более наблюдательны, сообразительнее. Во всяком случае, я не утверждаю, что их контакт с нами был так же успешен, как наш контакт с ними. Радио, если уж на то пошло, имеет намного меньший диапазон частот. Я думаю,

вероятно, они это воспринимали от нас на подсознательном уровне.

— Полагаю, ты прав,— со вздохом произнес Хью.— Так что нам теперь придется для решения этой проблемы призвать на помощь электронщиков и неврологов, но я, конечно, не могу придумать объяснения лучше твоего.

Он наклонился вперед. Энергия, которая вибрировала в его голосе, теперь обдавала холодом:

— Но давай попытаемся посмотреть на все это в контексте, так чтобы мы смогли заметить хотя бы намек на тот вид информации, который туземцы принимали от нас. Давай еще раз разберем, почему хансонианские дромиды погибают и аураниды находятся в состоянии войны. По существу, дромиды погибают, и виновны в этом аураниды. Может быть, мы, Порт Като, ошибаемся?

— Ну, это вряд ли,— произнесла Янника с удивлением.— Ты ведь знаешь, какие предосторожности мы принимаем.

Хью улыбнулся невесело.

— Я думаю о психологическом осквернении.

— Что? Не может быть! Нигде еще на Медее...

— Пожалуйста, успокойся! — закричал он.— Я пытаюсь вернуть в памяти сведения, полученные от моего друга, которого убил твой дружок.

Она привстала с побелевшим лицом, затем вновь села и стала ждать. Стакан с вином дрожал в ее пальцах.

— Ты бесконечно бубнила, какие же хорошие и нежные и эстетические эти аураниды,— сказал он ей.— Ты едва не падала в обморок от этой их прекрасной новой веры — полеты на Дальний, смерть в величии, Нирвана, забыл, что там еще. К черту этих грязных дромидов. Они ничего не делают, не считая инструментов и разжигания огня, охоты, заботы о молодых, живут в общинах, занимаются искусством и философствуют, совсем как люди. Что интересного ты нашла в этом?

— Ну что ж, позволь мне сообщить тебе то, что я уже много раз говорила тебе раньше: дромиды тоже верующие. Если бы мы могли сравнить, я бы получила значительное преимущество: их вера сильнее и имеет более глубокий смысл, чем у ауранидов. Они пытаются осмыслить мир. Неужели ты даже на самую малость не симпатизируешь им?

— Ну, хорошо, они обращают ужасно много внимания на устройство вещей. Когда что-то приходит в серьезный беспорядок — совершенно серьезное преступление, грех либо им стыдно — страдает весь мир. Если этот беспорядок не исправляется должным образом, становится еще хуже. Вот во что верят на Хансонии, и я не знаю, что же они понимают под истиной.

— Аураниды-властители никогда не обращали много внимания на находящихся на земле дромидов, но это не было взаимно. Аураниды также заметны, как Арго, Колчис, любая частица природы. В глазах дромидов они также имели свое предопределенное место и цикл.

— И тут в один миг аураниды изменились. Они не возвращают свой прах земле после смерти, что следовало бы предположить — нет, они идут на запад, через океан, в направлении того неизвестного места, где солнца садятся каждый вечер. Разве ты не понимаешь, насколько неестественным это должно казаться? Словно дерево, которое принялось ходить, или труп, который ожил. И это не отдельный случай — нет, год за годом, год за годом...

— Психосоматическая неудача? Что могу я сказать? Лишь то, что дромиды шокированы до глубины души действиями ауранидов. Не имеет значения, насколько это нелепо, оно приносит им страдания!

Она вскочила на ноги. Стакан ударился об пол.

— Нелепо? — вскричала она. — Это Дао, это видение? Нет, нелепо то, во что твои... дромиды верят... если не считать того, что из-за этого они атакуют невинных существ и... и поедают их... я не могу спокойно ожидать, пока эти существа вымрут!

Он также вскочил.

— Ты ведь не беспокоишься об умирающих детях, нет, конечно же, нет, — ответил он. — О дьявол, неужели в тебе пробудились материнские чувства? Почти что любовь к этим воздушным шарам, которые свободно носятся по воздуху, разбрасывают семена и забывают о них, а те будут прорасти и созреть, а затем Рой примет их, и это не значит ничего, кроме твоего удовольствия.

— Так ты, что... жалеешь, что не можешь стать матерью? — съязвила она.

Свободной рукой он ударил ее. Она едва смогла уклониться от этого удара. В ужасе они застыли на том месте, где стояли.

Он попытался что-то сказать, но не смог и сделал глоток виски. Через долгую минуту она произнесла совсем тихо:

— Хью, наши туземцы получали информацию от нас. Не в словесной форме. Бессознательно. Может, из-за этого...— она проглотила комок в горле,— мы с тобой и пытаемся убить друг друга?

Он пристально разглядывал ее, пока, одним простым неловким движением, не поставил свой стакан вниз и не протянул руки к ней.

— О нет, о нет,— пробормотал он, запинаясь. Она подошла к нему.

Затем они отправились в постель. А потом он не мог ничего с собой поделать. В шкафу с лекарствами хранились медицинские препараты для подобного случая, но то, что затем последует, могло бы произойти и между двумя машинами. Наконец она затихла, негромко заплакав, а он вышел, чтобы еще выпить.

Яннику разбудил ветер. Некоторое время она лежала, прислушиваясь к его завываниям у стен. Сон освежил ее. Она открыла глаза и посмотрела на часы. Светящийся циферблат показывал, что прошло три часа. Можно уже и вставать. Возможно, ей удастся сделать так, что Хью почувствует себя лучше.

В гостиной все еще горел свет. Сам же Хью спал, скорчившись в кресле, а рядом стояла бутылка. Как же резки черты его лица!

И как же громок ветер. Вероятно, фронт шторма, о котором предупреждала служба погоды, быстро и неожиданно переместился сюда на побережье. Медеанская метеорология еще не стала точной наукой. Бедные аураниды, их празднество прервано, а сами они подверглись нападению и разбросаны, по-прежнему оставаясь еще в опасности. Обычно они без труда ускользают от беснующегося ветра, но некоторые могли угодить в беду, попасть под удар молнии или же быть брошенными на скалу, либо же безнадежно запутаться в ветвях дерева. Уставшие и раненые будут страдать больше всего.

А'и'ач. Янника плотно сжала губы и попыталась припомнить, насколько серьезными были его раны. Но все было слишком запутанным и ужасным; а Хью отвлек ее

внимание — и она намного раньше вылетела за пределы радиуса действия передатчика. Кроме того, А'и'ач сам едва мог определить свое состояние за один миг. Может, он уже умер. А может, и нет. Может быть, именно сейчас он умирает, или же умрет, если не получит помощи.

На ней лежала ответственность — возможно, в этом нет ее вины, в моральном отношении, но ответственность была.

Она приняла решение. Если погода не помешает, она отправится на его поиски.

Одна? Да. Хью будет протестовать, возможно, даже попытается силой остановить ее. Она записала для него на пленку несколько слов, спросила себя, не слишком ли уж они безличностные, но решила, что так будет лучше всего. Да, она хотела примирения и думала, что этого же хочет и он, но не стоит рисковать. Она надела полевую одежду, накинула жакет, засунула в карманы несколько пакетиков с едой и вышла.

Холодный ветер набросился на нее с завываниями, мучительно было дышать. Низкие и густые, нависали облака, окрашиваясь красным цветом в тех местах, где между ними просвечивал Арго. Казалось, что гигантская планета летела среди разорванных вуалей. В дополнение ко всему еще и кружилась пыль, царапая ее кожу. В дверях никого больше не было.

В ангаре она прослушала последнюю сводку погоды. Плохая, но и не ужасающая, подумала она (и если она действительно разобьется, будет ли это настолько огромной потерей, для нее или кого-нибудь еще?).

— Я возвращаюсь в свой район исследований, — сообщила она механику. Когда он попытался разубедить ее это делать, она воспользовалась своим высоким положением. Ей никогда не нравилось это делать, но у данубианских привидений она научилась этому. — Приказы не обсуждаются. Отойди в сторону и освободи мне путь, а, если понадобится, поможешь мне. Это приказ.

Маленький самолет вздрогнул и застучал по земле. Взлет был проведен искусно — хотя был момент, когда порывом ветра он едва не был опрокинут — но затем самолет начал ровно подниматься ввысь. Пролетая над облаками, она глядела на облачный покров, волновавшийся словно море, а дальше — на Арго, горой выглядывающий из-за него, на звезды и спутники-компаньоны, мерцающие

над головой. На севере еще больше сгустилась темнота. И в самом деле погода будет такой неуютной в ближайшие несколько часов. Если она вскоре не вернется, ей лучше остаться там, где она совершит посадку, пока не прояснится.

Янника быстро долетела до места сражения. Когда инерциальный пилот доставил ее туда, она сделала круг, надела шлем и активировала систему связи. Кровь пульсировала в венах, а рот пересох.

— А'и'ач,— выдохнула она,— не умирай, прошу тебя, не умирай!

Вспыхнул зеленый огонек. По крайней мере его передатчик работает. Он? Она должна сама лично связаться с ним.

Слабость, боль, путаница опавших листьев, брошенные сучья...

— А'и'ач, держись, я спускаюсь!

Порыв радости. Да, он действительно ощущал ее.

Приземление было и в самом деле рискованным делом. Самолет мог садиться вертикально, имел превосходный радар и сонар, компьютер и системы, которые выполняли большую часть этой работы. Однако свободное пространство снизу было ограниченным, оно надвое было пересечено расщелиной, и пока окружающий лесок оставался слабой преградой на пути ветра, будут ужасные порывы ветра и водовороты.

— Боже, себя вручаю я в руки Твои,— произнесла она и спросила себя, как и много раз до этого, каким же это образом Хью держится за свой атеизм.

Тем не менее, если она продолжит ждать, она потеряет остатки мужества. Вниз!

Ее спуск был еще более диким, чем она предполагала. Сначала облака поймали ее в свой водоворот, затем, уже миновав их, она увидела верхушки деревьев, внезапно попытавшихся ухватить ее. Самолет вращался, поднимался, отклонялся от курса. Не поступает ли она как полная идиотка? Она действительно не хотела бросать эту жизнь... Но Янника справилась с этим, и через несколько минут без сил откинулась на спинку кресла. Шевельнулась и почувствовала, как все тело ее испытывает боль от напряжения. Но с нею, внутри нее, была и боль А'и'ача. И призванная этой необходимостью, она освободилась от ремней и двинулась дальше.

В темном палисаде шум деревьев вокруг нее достиг огромной величины, ветви стонали, а кроны пенились, но ниже, на земле, воздух, хотя и беспокойный, становился тише, почти что теплым. Невидимый Арго освещал красным светом облака, давая достаточно света, чтобы ей не нужно было пользоваться фонариком. Она не обнаружила и следа мертвых ауранидов. Что ж, у них нет костей — дромиды, должно быть, доели каждый кусочек их плоти. Какое ужасное суеверие... Где же А'и'ач?

Вскоре она обнаружила его. Он лежал за колючим кустарником, к которому крепился с помощью своих переплетавшихся усиков. Тело его сократилось до минимума, став пустым мешком, но глаза его блеснули и он мог говорить на пронзительном языке своего народа, который, как она уже знала, был мелодичным.

— Пусть моя радость передастся тебе! Я и не надеялся уж, что ты вернешься. Здесь так одиноко. — При последнем слове он вздрогнул. Аураниды не могли долго выдерживать одиночества, находясь вне Роя. Несколько ксенологов полагали, что сознание у них было скорее коллективным, чем индивидуальным. Янника отбросила эту мысль, считая, что ее можно применить по отношению к другим видам, обнаруженным в некоторых районах Дальнего. У А'и'ача была своя собственная душа!

Она опустила на одно колено.

— Как ты? — Она не могла передавать звуки его языка лучше, чем он сам английскую речь, но научился ее интерпретировать.

— Мне не так плохо, особенно сейчас, когда ты рядом. Я потерял кровь и газ, но раны затянулись. Ослабев, я устроился на дереве, пока не ушли Звери. Тем временем поднялся ветер. Я подумал, оценив свое состояние, что лучше никуда не трогаться. И все же я не мог оставаться на дереве, меня могло унести ветром прочь. Поэтому я выпустил остатки газа и опустился в это убежище.

За этим простым объяснением скрывалось намного больше.

Точный смысл был передан лаконично и стоически, но отнюдь не то, что скрывалось за ним. А'и'ачу требовался по крайней мере день, чтобы регенерировать достаточное количество водорода для подъема: сколько точно — это зависело от того, сколько пищи сможет он достать, будучи в этом своем бедственном состоянии... если только прежде

его не обнаружат плотоядные, что было весьма вероятно. Янника представила себе, какие же мучения, страх и храбрость должны были нахлынуть на нее, надень она на себя свой шлем.

Она понесла в своих руках это дряблое создание. Весил он совсем ничего. На ощупь А'и'ач казался теплым и шелковистым. Он помогал ей насколько мог. Но при этом часть его волочилась по земле, что должно было доставлять ему боль.

Затаскивая его в самолет, ей пришлось, с еще большей грубостью обращаясь с ним, волочить его за складки кожи. Свободного пространства вполне хватало, и он практически разместился сзади. После его стога, ничего особенного не произнося, скорее как бы извиняясь, она запела ему. Он не знал древних земных слов, но ему понравилась мелодия, и он понял, что она имеет в виду.

Самолет был оборудован основными медицинскими средствами для оказания помощи туземцам, и она использовала их. Раны А'и'ача оказались неглубокими, поскольку своими размерами едва ли он был больше сумки; однако же эта сумка была разорвана в нескольких местах и, хотя проводилось самолечение, в полете раны могли открыться, если только он не получит подкрепление. Применяя местные анестезические средства и антибиотики — ей многое было известно о медеанской биохимии, — она зашила открытые раны.

— Ну вот, теперь ты можешь отдохнуть, — произнесла она, уставшая, вспотевшая и шатающаяся, закончив с этой работой. — Позже я сделаю инъекцию газа, и ты сможешь тут же подняться вверх и улететь, если пожелаешь. Однако, мне кажется, для нас обоих было бы более мудрым подождать окончания этого урагана.

«Мы в трудном положении здесь», — простонал бы человек.

— Да, я понимаю, что ты имеешь в виду, но... А'и'ач, позволь, я надену свой шлем. — Она указала на него. — Он соединит наши души, как это бывало и раньше. И, возможно, уберет из твоего разума безутешность. А на таком коротком расстоянии, давая нам новую информацию... — Ее пронзила дрожь. — Что же мы могли не заметить?

— Хорошо, — согласился он. — Нам, может быть, понравится этот уникальный опыт. — Концепция открытия

нового, когда его самого спасают, была незнакома ему... но его поиски удовольствий были далеко от гедонизма.

С горячим желанием, несмотря на слабость, она передвинулась на свое сиденье и протянула руку к приборам. И именно в этот момент загудел радиотелефон, всегда настроенный на стандартную рабочую волну, чтобы напомнить о себе.

На востоке, рядом с близким, озаряемой молниями стеной шторма на севере, сиял Арго. А ниже нависали облака, уже сейчас замутненные краснотой и сумраком. Завывал ветер. Самолет Хью кренился и подпрыгивал. Несмотря на обогреватель, холод проникал сквозь небосклон, словно приносимый светом звезд и лун.

— Ян, ты здесь? — позвал он. — С тобой все в порядке?

— Хью, это ты, дорогой? — В ее голосе чувствовалось облегчение.

— Да, конечно же, а кто, черт побери, ты думала, это может быть? Я проснулся, прослушал твое послание и... С тобой все в порядке?

— Совершенно. Но я не осмеливаюсь взлететь в такую погоду. И ты не должен предпринимать попыток садиться, сейчас это слишком опасно. Но ты также не должен и оставаться. Дорогой, *gostomily*, уходи!

— Мольба Иуды, милая, как я могу! Скажи мне, что случилось?

Она объяснила. В конце он кивнул головой, которая все еще слегка трещала после выпивки, несмотря на принятые болеутоляющие таблетки.

— Превосходно, — сказал он. — Ты дождешься, пока воздух не успокоится, накачаешь воздухом своего друга и отправишься домой. — Мысль, что с ним обходятся, как с ребенком, уязвила его. — М-м-м, вот что интересно. Ты не думаешь, что можно спуститься вниз в это ущелье и найти связанное устройство Эракоум? Ты ведь знаешь, как мало этих приборов. — Он сделал паузу. — Я думаю, будет уж слишком просить его забросать ее землей.

В голосе Янники чувствовалась жалость.

— Я могла бы сделать это.

— Нет. Я получил от Эракоум ясное послание, когда она падала, до того как треснул ее череп, или что там с нею случилось. Никому не удастся спуститься вниз, не

имея веревки, закрепленной сверху. Нет возможности возвратиться. И даже с веревкой будет безумно опасно. Ее товарищи и не попытаются, не так ли?

Неохотно прозвучал ответ:

— Я попрошу его. Возможно, придется очень даже его попросить. Устройство связи функционирует?

— М-м-м, да, но лучше я сначала проверю его. Сообщу через несколько минут. Люблю тебя!

Он действительно любил, он знал это, независимо от того, как часто она выводила его из себя. Та мысль, где-то в глубинах его существа, что он желает смерти Янники, не должна была родиться. Он последовал бы за ней в еще более сильную бурю, только бы избавиться от этой мысли.

Что ж, он может вернуться домой с удовлетворенным сознанием и дожидаться ее возвращения, после чего... что? Неопределенность наполнила его пустотой.

Приборы горели зеленым светом. Все в порядке, передающая кнопка Эракоум еще работает, еще находится в рабочем состоянии, и стоит приложить усилия для ее спасения. Если только она сама...

Он напрягся. Воздух зарокотал в его легких. Действительно ли он знал, что она погибла?

Хью надвинул шлем на виски. Руки тряслись, отчего возникли проблемы с установлением связи. Он нажал на переключатель. Он хотел воспринимать...

Боль извивалась, словно раскаленные провода, сила кружилась и кружилась в водоворотах, мягкие волны небытия наплывали еще чаще, но все-таки Эракоум не сдавалась. Полоска неба, которую она могла видеть с того места, где лежала, неспособная ползти дальше, наполнилась ветром... она испытала шок от полного осознания. Снова почувствовала она присутствие Хью.

Сломанные кости, похоже на то. Большая потеря крови. Она умрет через несколько часов. Если ты только, Ян, не окажешь ей первую помощь. Значит, она должна будет остаться, пока мы не сможем отправить ее в Порт Като для полного обследования.

— О да, я же могу зашивать раны и накладывать повязки и шины, что может быть, придется делать. И ведь есть болеутоляющие и стимулирующие лекарства для дро-мидов, не так ли? Да просто несколько глотков воды могут

сделать очень многое; она вероятно обезвожена. Но каким образом ты доберешься до нее?

— Твой ауранид мог бы поднять ее вверх, после того как ты его надуешь.

— Ты шутишь! А'и'ач ранен, начал выздоравливать... а ведь Эракоум пыталась убить его!

— Но это же было взаимно, верно?

— Ну...

— Ян, я не брошу ее. Она там, внизу, в этой яме, в которую угодила, пытаясь спастись, и эта связь со мной дает ей больше, чем я даже могу представить себе. Я остаюсь здесь до тех пор, пока она не будет спасена, либо пока не умрет.

— Нет, Хью, ты не должен. Этот шторм...

— Я не пытаюсь тебя шантажировать, дорогая. Фактически, я не буду сильно винить твоего ауранида, если он откажется. Но я не могу оставить Эракоум. Просто не могу.

— Я... Я кое-чему научилась у тебя... Я попытаюсь.

* * *

А'и'ач не понимал своей Янники. Просто невероятно, что оказание помощи Зверю может помочь в установлении мира. Это существо было тем, кем оно и являлось, убийцей-мясником. И все-таки, когда-то не было никаких проблем с этими Зверями, когда-то они были животными, которые весьма интересовали и развлекали Народ. Он сам припомнил несколько песен об их мимолетности и кострах. В те давно ушедшие дни их называли Огненными Танцорами.

Он и сам в глубине своей души не понимал, что же заставило его уступить просьбе Янники. Наверно, потому что она спасла ему жизнь, рискуя своей собственной, и эта мысль, переполнявшая его, была новой для него. Он очень желал поддерживать свою связь с ней, что обогащало его мир, и поэтому колебался дать отрицательный ответ на просьбу, которая, похоже, так взволновала ее. С помощью этого устройства связи, когда она надевала шлем, ему казалось, он чувствует, что она делает, и когда она просила его, вода струилась из ее очей:

— Я хочу исправить то, что совершила...— И это чувство было необыкновенным, вроде Сияющей поры, и именно из-за него он наконец решился.

Она помогала ему из штуковины, которая-принесла-ее, вынесла трубу. Из нее он напился газа, и потоки ветра возродили в нем жизнь. Когда шар раздулся, раны испытали приступ боли, но он смог не обращать на это внимания.

Чтобы добраться до земли, ему понадобился ее вес в качестве якоря. Пальцы и усики переплелись, но тем не менее его чуть не утащило прочь. Если бы он позволил себе раздуться до полных размеров, он смог бы поднять ее. Воздух неистово гудел, держа его, пытаясь бросить на шипы... насколько же ужасно будет там, внизу на земле!

Насколько же хуже будет спуск вниз. Он задрожал от этого ощущения, которое едва ли признал. Будь она на связи с ним, она бы могла сказать ему, что название этому было «ужас». Человек или дромид, которые чувствовали это в такой степени, испытывали бы ужас от этого спуска. А'и'ач же сделал это, используя силу ветра, несшего его вперед, потому что это слишком выводило его из себя.

У края Янника обхватила его руками, прижалась ртом к его коже и произнесла:

— Желаю тебе удачи, дорогой мой А'и'ач, дорогой храбрый А'и'ач, удачи, и да хранит тебя Господь! — Таковы были звуки на ее языке, которые она произнесла. Он не понял и этого ее жеста.

Цилиндр, который она дала ему, выбрасывал мощный луч света. Он видел неровный склон, тянувшийся вниз, и подумал, что если уж он ввязался в это дело, он осуществит его. Затем его душа совершит внушающее страх путешествие, и не будет тела в качестве укрытия, прежде чем оно достигнет Запредельного... если только сделает это, если сперва оно не будет разрезано и разбросано. Быстро, прежде чем обжигаящий воздух смог наполнить его, он устремился за край. Сжался. Осел.

Очутившись в этих запертых стенах и сумраке, он испугался как никогда раньше. С помощью фонаря он обнаружил Зверя, распростертого на резко спускавшемся склоне, тяжело дышавшего и пристально рассматривавшего его. Он использовал сопла и сифон, чтобы подлететь к нему вне пределов его достижимости, и произнес на исковерканном английском:

— Я быдь дво'им дру'гом, говорю тебе.

...Из глубин губительного места Эракоум взглянула вверх на Летуна. Она едва смогла увидеть его, огромную бледную луну позади блестящего света. От удивления дремота слетела с нее. Ее враг, он что, преследует ее и здесь, внизу, в своем безумствующем желании?

Хорошо! Она погибнет, сражаясь, не в муках, которые разрывали ее.

— Подходи же и сражайся,— хрипло позвала она. Если ей удастся погрузить зубы в него, вкусить последний глоток его крови...— Память о ее вкусе — вроде милой молнии. А после этого, в течение некоторого времени, которое и не думало кончаться, ей казалось, что она умерла бы, если бы не проглотила этих капелек крови.

Их чудодействие прошло. Она шевельнулась, принимая защитную позицию. По ней пробежалась агония, следуя за ночью.

Когда она встала, Летун все еще ждал. В ее ушах снова и снова раздавался рев:

— Я будь двоим другом, говорю тебе.

Язык людей? Это же то самое существо, которое пользовалось благосклонностью людей, как и она сама. Должно быть, хотя луч с его головы был не замечен из-за другого луча, струившегося из его усиков. «А не мог ли Хью все это время быть связан с нами обоими?»

Эракоум пыталась воспроизвести звуки, которые никогда не предназначались для ее рта и горла.

— Э-что ты э-хотетть? Идди, не будь тутта, идди.

Летун ответил. Она смогла понять лишь то, что он, похоже, отправился за ней. Он, должно быть, спустился вниз, чтобы убедиться, что она здесь, либо просто, чтобы насмехаться над ней, пока она не умрет. Эракоум в слабости потянулась за копьем. Она не могла его бросить, но...

Из неизвестности, где находилась душа Хью, она вдруг поняла: он хочет спасти ее.

Невозможно. Но... вот он тут, этот Летун. В полуогрячке Эракоум еще могла припомнить, что редко когда Летуны бывали терпеливыми.

Чего она могла еще ждать, кроме смерти? Ничего. Она лежала на спине на земляной куче. Пусть уж этот Летун

принесет ей гибель, либо станет ее Мардудеком. Она почувствовала, что мужество оставляет ее.

Шар поплыл. Волосы ее ощущали слабые дуновения ветерка, и ей смутно подумалось, что здесь нелегко и ему. Пронзительная речь. Он пытался что-то объяснить, но она слишком страдала от боли и устала, чтобы прислушиваться. Она обвила руками свое лицо. Оценит ли он этот жест?

Может быть. Колеблясь, он приближался. Она оставалась неподвижной. Даже когда усики обхватили ее, она оставалась неподвижной.

Они скользнули по ее телу, нашли точку опоры, напряглись.

В тумане боли она увидела, как он начал разбухать. Он собирался поднять ее... вверх, к Хью?

Когда он сделал это, ее ножевые раны открылись, и она пронзительно закричала, прежде чем впала в обморочное состояние.

Следующим, что она осознала, было то, что лежит на торфе под стремительным краснеющим небом. Над ней склонился человек, что-то говоривший в маленькую коробку, которая отвечала голосом Хью. А дальше лежал съездившийся Летун, обхватив кустарник. Шторм бушевал. Начали падать первые капли дождя.

Затаенным чувством охотника она знала, что умирает. Этот человек мог бы остановить кровотечение из ее ран и порезов, но не мог вернуть того, что было утеряно.

Воспоминание о том, что она слышала раньше, и теперь, когда сама попробовала на вкус — явилось к ней:

— Кровь Летуна. Она спасет меня. Кровь Летуна, если он только даст ее мне.— Она не была уверена, что произнесла это, что это ей не снится. Она вновь провалилась в темноту.

Когда вновь пришла в себя, Летун был рядом с ней, заслоняя от ветра. Человек осторожно водил ножом по усикам. Летун просунул усик между когтей Эракоум. Когда вновь неистово зарядил дождь, она начала жадно пить...

Двойной восход солнц был всегда так мил.

Янника задержалась, чтобы поведать Хью о своих новостях. Она хотела удивить его после того, как его тревога о своем дромиде прошла. Ну, ладно, Эракоум госпитализируют на несколько дней в Порт Като, и это будет

представлять большой интерес для всех заинтересованных лиц, но ей станет лучше. А'и'ач уже присоединился к своему Рою.

Когда Хью проснулся после изнурительного дежурства, Янника предложила пикник на заре и была поражена, как быстро он согласился. Они направились на флиттере на то место, где над морем нависают скалы, разложили еду и сели наблюдать.

Сначала Арго, звезды и две луны казались только огоньками. Медленно небеса становились более живописными, океан блестел серебром в голубых водах, Фрикс и Хелле кружись рядом с огромной планетой. Дикие песни трелью раздавались в воздухе, пропитанном запахами цветков, напоминавшими фиалки.

— Я получила сообщение из Центра,— объявила Янника, схватив руку Хью.— Это точно определено. Вскоре химия будет разгадана, что даст нам дополнительный ключ к тому, что уже у нас есть, к этому исцеляющему эффекту крови.

Он обернулся.

— Что?

— Дефицит марганца,— пояснила она.— Его совсем мало в медеанской биологии, но он жизненно важен, особенно для дромидов и их воспроизводства... и, очевидно, как-то еще и для ауранидов, поскольку его концентрация у них весьма высока. Оказывается, Хансония очень бедна этим элементом. Аураниды, отправляясь на запад умирать, перемещали значительное количество марганца из этой экологической системы. И ответ прост. Нам не нужно пытаться менять веру ауранидов. В скором времени у нас будут склады с марганцем, и мы предложим его дромидам. А затем мы сможем добывать руду, где его большое количество, и разбрасывать его как пыль по острову. Твои друзья будут жить, Хью.

На некоторое время он замолчал. А затем (он способен был удивлять ее, этот сын рудокопа) он произнес:

— Это ужасно. Инженерное решение. Но злоба не уйдет вместе с этой ночью. Мы не увидим скорый счастливый конец. Возможно, ни ты, ни я так и не дождемся его.— Он обхватил ее руками.— Ну, да ладно, черт возьми, мы попытаемся!

Содержание

Странник	5
Зима Мира	137
Рассказы	
Гений	360
Луна охотника	397

**Пол Андерсон
СТРАННИК**

Литературно-художественное издание

**Ответственный за выпуск
Ильгар Гусейнов**

ЛР № 061867 от 03.12.92.

Сдано в набор 24.03.95. Подписано в печать 28.04.95. Формат
84х108/32. Бумага типографская. Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 23,52.

Тираж 20 000 экз. Зак. № 3087.

Издательство «Сигма-пресс».

107140, Москва, Б. Краснопрудный туп., 8/12.

ЛР № 070335 от 28.01.92.

«Амбер, Лтд». 665830, Ангарск, квартал 76,9.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская
книга» Роскомпечати. 127018, Москва, Сушчевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

**В межиздательской серии
«Англо-американская фантастика
XX века»**

*вышли в свет следующие книги
Пола Андерсона:*

- Вып. 1. Сломанный меч**
- Вып. 2. Война Крылатых людей**
- Вып. 3. Мир Сатаны**
- Вып. 4. Круги Ада**
- Вып. 7. Танцовщица из Атлантиды**
- Вып. 8. Патрульный времени**
- Вып. 12. Нелимитированная орбита**
- Вып. 13. Звездный лис**

Готовятся к печати:

- Вып. 9. Щит времен**
- Вып. 14. Время Огня**
- Вып. 15. Урожай звезд**
- Вып. 16. Дети водяного,**

а также другие произведения Пола Андерсона

